

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

АКАДЕМИК
Е.А. КОСМИНСКИЙ

П

ПРОБЛЕМЫ
АНГЛИЙСКОГО
ФЕОДАЛИЗМА
и
ИСТОРИОГРАФИИ
СРЕДНИХ ВЕКОВ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

Академик Е. А. КОСМИНСКИЙ

ПРОБЛЕМЫ
АНГЛИЙСКОГО
ФЕОДАЛИЗМА
И ИСТОРИОГРАФИИ
СРЕДНИХ ВЕКОВ

Сборник статей

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
Москва 1963

ОТ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Настоящий сборник избранных статей известного советского историка, академика Е. А. Косминского включает 15 его работ, опубликованных в разное время и ставших ныне в значительной степени библиографической редкостью.

Отбирая эти статьи из обширного научного наследства Е. А. Косминского, редколлегия руководствовалась двойным стремлением. С одной стороны, она хотела предоставить советскому читателю широкую возможность пользоваться ценными и глубокими работами одного из крупнейших марксистских исследователей в области средневековья, с другой — дать читателю представление о творческом облике видного советского ученого, о широте и разносторонности его научных интересов, о методике его исследования различных исторических проблем.

Хронологически сборник охватывает более чем 30-летний период научной деятельности Е. А. Косминского, начиная со статьи, появившейся в 1926 г. («Исследования А. Н. Савина по истории Англии»), и кончая последней статьей, вышедшей в 1959 г. и посвященной уничтожающей критике взглядов современного реакционного английского историка Тойнби («Реакционная историософия Арнольда Тойнби»). Тематически сборник посвящен проблемам аграрной и социальной истории средневековой Англии, которая была предметом специальных исследований Е. А. Косминского в течение всей его жизни, а также проблемам историографии, которая всегда привлекала его пристальное внимание.

С конца 20-х годов Е. А. Косминский как ученый прошел вместе со всей советской исторической наукой большой путь развития. Неустанно шлифуя свое мастерство и

будучи чуждым всякому догматизму, он неизменно стремился ко все более глубокому пониманию исторических явлений, ко все более точным характеристикам и исторических лиц, и представителей историографии. Без колебаний отбрасывал Е. А. Косминский те положения своих ранних работ, которые не соответствовали новому уровню, достигнутому советской медиевистикой.

Естественно, что редколлегия считала невозможным ограничиться включением в сборник лишь более поздних исследований ученого, точно так же как и вносить существенные изменения в статьи за исключением лишь некоторых мест¹. Работы даются в том виде, в каком были опубликованы при жизни автора, наглядно показывая большой и интересный творческий путь одного из зачинателей советской медиевистики.

Научно-вспомогательная и организационная работа по сборнику проведена Т. С. Синовой.

¹ Редколлегией были исключены в отдельных статьях лишь некоторые абзацы и формулировки, утратившие в настоящее время научное значение.

НАУЧНЫЕ ТРУДЫ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Е. А. КОСМИНСКОГО

Евгений Алексеевич Косминский родился 2 ноября 1886 г. в Варшаве. Окончив гимназию в 1904 г., он поступил на историко-филологический факультет Варшавского университета, а в 1905 г. перевелся в Московский государственный университет. Учителями его в университете были такие крупные ученые, как Д. М. Петрушевский, А. Н. Савин, Р. Ю. Виппер, у которых он прошел прекрасную исследовательскую школу и под чьим влиянием у него возник особый интерес к средневежеству.

По окончании Московского университета в 1910 г. Е. А. Косминский был оставлен при университете для подготовки к профессорскому званию. С 1912 г. началась его преподавательская деятельность на историко-филологическом факультете Варшавских женских курсов, а затем с 1915 г. в Московском университете, где он работал с небольшими перерывами до 1952 г. С 1919 по 1932 г. он был профессором факультета общественных наук МГУ, затем этнологического факультета, после закрытия которого в 1932 г. стал профессором Московского института философии, литературы и истории (МИФЛИ).

Как только в 1934 г. в МГУ был восстановлен исторический факультет, Е. А. Косминский возглавил там кафедру истории средних веков, которой он руководил с небольшим перерывом в 1941—1943 гг. вплоть до 1949 г.

Одновременно он вел работу и в научно-исследовательских учреждениях: в 1922 г. он был действительным членом Института истории РАНИОН, руководил работой кабинета по истории Англии в Институте Маркса — Энгельса — Ленина (1924—1926), преподавал в Институте красной профессуры (1926—1934), работал в Институте

истории Комкадемии, действительным членом которой он был избран в 1929 г.

После создания Института истории в системе Академии наук СССР Е. А. Косминский с 1936 г. до самой смерти в 1959 г. активно участвовал в работе этого института в качестве старшего научного сотрудника сектора истории средних веков, в течение ряда лет (1947—1952) заведовал этим сектором, а в последние годы жизни — сектором византиноведения. С начала издания органа советских медиевистов (1942 г.) — сборника «Средние века» — Е. А. Косминский был его бессменным ответственным редактором, с 1952 г. — также главным редактором журнала «News» («Новости»), издававшегося в Москве на английском языке.

Плодотворно работая в области советской медиевистики, Е. А. Косминский в 1936 г. получил ученую степень доктора исторических наук, в 1939 г. был избран членом-корреспондентом, в 1946 г. — действительным членом АН СССР. В 1945 г. он был также избран действительным членом Академии педагогических наук. В 1947 г. ему было присвоено звание заслуженного деятеля науки.

Деятельность Е. А. Косминского была разнообразна и плодотворна и имела большое значение для советской медиевистики. Выдающийся ученый, пользовавшийся всемирной известностью, прекрасный педагог, талантливый организатор науки, Е. А. Косминский сыграл весьма значительную роль в деле создания и дальнейшего развития марксистской медиевистики в СССР и принимал активное участие во всех важнейших начинаниях в этой области исторической науки.

Главные научные интересы Е. А. Косминского были сосредоточены на аграрной истории Англии XIII в. Он оставался верен этой теме всю жизнь и посвятил ей много исследовательских статей¹ и две монографии. Первая из них «Английская деревня в XIII веке» вышла в 1935 г.; вторая — «Исследования по аграрной истории Англии XIII в.», опубликованная в Москве в 1947 г., была с некоторыми изменениями и дополнениями издана в английском переводе в Оксфорде в 1956 г.²

¹ См. полную библиографию трудов Е. А. Косминского, помещенную в данном сборнике.

² E. A. Kosminski. *Studies in the Agrarian History of England in the Thirteenth Century*. Oxford, 1956.

Трудно переоценить вклад Е. А. Косминского в изучение аграрной истории средневековой Англии. Несмотря на то, что в русской историографии этого вопроса он имел таких крупных предшественников, как М. М. Ковалевский, П. Г. Виноградов, Д. М. Петрушевский, А. Н. Савин, невзирая на наличие обширной английской литературы по этой теме, Е. А. Косминский сумел подойти к ней совершенно по-новому. Это оказалось возможным не только потому, что он использовал в своих работах новые исследовательские методы и не только в силу его личного таланта, но прежде всего потому, что он опирался на прочную научную основу марксистско-ленинской методологии.

Рассматривая феодализм как социально-экономическую формацию, Е. А. Косминский уже в ранней своей монографии впервые подошел к марксистскому пониманию феодальной вотчины и, в частности, английского манора, определив ее как «организацию зависимого крестьянства с целью извлечения из него феодальной ренты»³. Это определение, противостоящее пониманию манора в буржуазной историографии, было затем еще более уточнено Е. А. Косминским в его второй монографии, где он указывает, что вотчина, или манор, «является лишь обычной организационной формой присвоения феодальной ренты, формой, которая может выступать в весьма разнообразных проявлениях в зависимости от господствующей формы ренты, от местных экономических, исторических и географических условий»⁴. В настоящее время это определение прочно вошло в советскую медиевистику.

Полностью преодолев односторонность подхода к вопросу о маноре представителей разных течений буржуазной историографии, Е. А. Косминский вскрыл ошибки сторонников классической манориальной теории (П. Г. Виноградова, Ф. Ф. Сибомы, Д. М. Петрушевского и др.), которые связывали манориальный строй в Англии с определенной, раз навсегда установленной структурой феодальной собственности, с так называемым типическим манором, с неизменным распределением в нем земли между домоном и вилланскими и свободными держаниями, с преобладанием отработочной формы ренты. В то же время

³ Е. А. Косминский. Английская деревня в XIII веке. М.—Л., 1935, стр. 83.

⁴ Е. А. Косминский. Исследования по аграрной истории Англии XIII в. М.—Л., 1947, стр. 41.

Е. А. Косминский доказал полную несостоятельность и буржуазных критиков манориальной теории (в частности, Ф. Мэтланда), которые, правильно подметив пестроту манориальной структуры, вообще отрицали на этом основании реальность самого понятия «манор» как определенной хозяйственной и социальной организации.

В центре своих исследований Е. А. Косминский поставил не «типический манор», а всю английскую деревню XIII в. в целом, все комплексы земельной феодальной собственности, в каком бы виде она ни выступала.

Такая широкая постановка проблемы заставила Е. А. Косминского обратиться к совершенно новым источникам. До него все исследования по аграрной истории Англии основывались на изучении почти исключительно манориальных документов — описей маноров, манориальных приказничьих отчетов, протоколов манориальных курий, т. е. таких источников, которые в основном рисовали экономическую жизнь только крупных и преимущественно церковных «типических маноров», оставляя в тени другие стороны жизни английской деревни.

Е. А. Косминский впервые подверг серьезному изучению источники, не использованные его предшественниками, — Сотенные свитки 1279 г. и Посмертные расследования. Эти источники позволяли шире и разнообразнее показать аграрную жизнь средневековой Англии.

Обратив на них внимание еще в 1916 г., он начал работать сначала над изданными частями Сотенных свитков, а затем во время своей научной командировки в Англию в 1925—1926 гг. тщательно изучил неопубликованные разделы этого источника, а также Посмертные расследования. Оба эти источника, которые в отличие от манориальных документов содержат массовый цифровой материал, позволили Е. А. Косминскому широко использовать статистический метод в форме сплошных подсчетов, до него не применявшихся в исследованиях по аграрной истории Англии XIII в.

Уже в первой своей монографии «Английская деревня в XIII в.» Е. А. Косминский пришел к выводу о том, что структура феодальной собственности в средневековой Англии отнюдь не исчерпывалась «типическими крупными манорами» и что наряду с ними существовали многочисленные мелкие и средние вотчины, отличавшиеся большой пестротой структуры. Он установил также, что для англий-

ской деревни XIII в. характерно довольно значительное развитие товарно-денежных отношений и, в частности, преобладание денежной ренты в общей рентной массе при сохранении, однако, перевеса отработочной ренты на виллажских держаниях в крупных, особенно церковных, вотчинах.

Отрицая, таким образом, в противоположность сторонникам буржуазной манориальной теории, абсолютно замкнутый натурально-хозяйственный характер феодальной экономики, Е. А. Косминский в то же время решительно противопоставил свои выводы тем многочисленным буржуазным исследователям, которые в многообразии манориальной структуры, в ранней коммутации ренты, расслоении крестьянства и особенно в зарождении наемного труда готовы видеть начало капиталистической эры. Е. А. Косминский показал, что коммутация ренты и начавшееся в связи с ней личное освобождение крестьян в XIII в. происходили одновременно с ростом отработочных повинностей, закрепощением отдельных групп крестьянства и общим ухудшением положения крестьянских масс. В противовес буржуазной вотчинной теории, согласно которой манор являлся органом «социальной гармонии», Е. А. Косминский показал английское феодальное поместье XII—XIII вв. как средоточие антагонистических противоречий феодального строя.

Видя в маноре прежде всего организацию для эксплуатации крестьянства и выявляя ухудшение в положении основной массы крестьянства в XIII в. под влиянием развития товарно-денежных отношений в стране, Е. А. Косминский в «Английской деревне XIII века» показал всю несостоятельность утверждений многих буржуазных историков о классовом мире, якобы царившем в английской деревне XIII в. Заслуга Е. А. Косминского состоит в том, что в главе «Борьба за ренту» своей монографии он впервые обратил внимание на наличие в английской деревне этой эпохи ожесточенной классовой борьбы за ренту, за общинные угодья, за освобождение крестьян от личной зависимости и собрал значительный фактический материал показывающий эту борьбу.

Во второй монографии Е. А. Косминского «Исследования по аграрной истории Англии XIII в.» все эти новые и ценные выводы были значительно углублены и аргументированы свежим фактическим материалом. Кроме

того, в ней автор подвел итог своим новым исследованиям (в 1935—1947 гг.) по ряду важных и до него вовсе не изучавшихся проблем аграрной истории Англии.

Особое внимание Е. А. Косминский уделил здесь проблеме расслоения крестьянства. На материале массовых подсчетов он показал значительное расслоение английского крестьянства уже в XIII в., в частности, наличие в его среде большого количества малоземельных крестьян, которые иногда использовались в качестве «наемных рабочих» в некоторых, особенно в мелких и средних вотчинах⁵. В то же время он выяснил, что и положение среднего по обеспеченности земель крестьянства в результате тяжелой и часто усиливавшейся в XIII в. феодальной эксплуатации было далеко не таким блестящим, как это изображали некоторые буржуазные исследователи — Т. Роджерс, И. Гранат, Н. Грас⁶.

В специальной главе Е. А. Косминский поставил вопрос о рабочей силе в английской феодальной вотчине XIII в., который до него специально не рассматривался в литературе⁷. В этой главе он убедительно доказал, что наряду с барщинным трудом крепостных-вилланов, в английских феодальных вотчинах, особенно средних и мелких, уже в XIII в. довольно широко применялся «наемный труд» малоземельных крестьян, коттеров, отчасти сезонных батраков. В то же время внимательно проанализировав характер найма и заработной платы в Англии этой эпохи, Е. А. Косминский пришел к аргументированному выводу о том, что «наемный труд» и «наемные рабочие» XIII в. ни в коем случае не должны отождествляться с аналогичными понятиями капиталистической эпохи, и подчеркнул их феодальную природу. Он обнаружил, что при использовании наемных рабочих в хозяйстве феодалов, эксплуатация наемного труда переплеталась с разными формами внеэкономического принуждения, что наемный рабочий этого периода обычно одновременно оставался крестьянином, нередко еще крепостным и что, следовательно, применение наемного труда в английской деревне XIII в. нельзя рассматривать как форму капиталистической эксплуатации.

⁵ Е. А. Косминский. Исследования по аграрной истории Англии XIII в., гл. V.

⁶ Там же, стр. 288—299.

⁷ Там же, гл. VII.

Наконец, в своей второй монографии Е. А. Косминский впервые поставил важнейший не только для аграрной, но и для всей социально-политической истории средневековой Англии вопрос о существенных различиях в хозяйственной организации и структуре крупных вотчин, с одной стороны, и мелких и средних — с другой⁸.

На обширном свежем материале он установил, что мелкие вотчины имели гораздо более тесные связи с рынком, чем крупные, и отличались более низким процентом вилланской земли, преобладанием домена и свободных держаний, более регулярным применением наемного труда, значительно большим расслоением крестьянства, господством денежной ренты. Тем самым Е. А. Косминский наметил правильный путь к пониманию тех различий в экономических, социальных и политических позициях английского баронства и рыцарства, которые давно отмечались всеми исследователями истории Англии, но ранее не находили удовлетворительного объяснения. Объяснение этих различий помогает также понять социальные основы политического союза между рыцарством и городами, сыгравшего столь важную роль в политическом развитии Англии в XIII—XV вв.

Особое внимание в своих «Исследованиях по аграрной истории Англии XIII в.» Е. А. Косминский обратил на своеобразный социальный слой средневековой Англии — свободное крестьянство, указав впервые на его социальную неоднородность. После появления его работ едва ли можно сомневаться в том, что существовали резкие различия между фригольдерской верхушкой, тяготевшей к нижним слоям феодалов, и широкими массами свободной крестьянской бедноты, по своему положению в обществе стоявшими близко к вилланам.

Выше уже говорилось, что все новые явления в экономике Англии XIII в., подмеченные им, Е. А. Косминский в своих «Исследованиях» оценивал в правильной исторической перспективе — не как проявления начавшегося в Англии капиталистического развития (а именно так их трактуют многие современные буржуазные исследователи), но как проявление новой стадии развития феодального общества. Эта стадия, по его мнению, характеризовалась развитием товарно-денежных отношений и, как

⁸ Там же, гл. VI.

следствие этого, значительным усложнением экономической и социальной структуры английского феодального общества.

При этом Е. А. Косминский в «Исследованиях по аграрной истории Англии XIII в.» глубоко вскрыл диалектику изучаемых им процессов, недоступную в большинстве случаев буржуазным историкам. Констатируя процесс коммутации ренты, личного освобождения части крестьянства, выделения зажиточной крестьянской верхушки в Англии XIII в. в связи с развитием товарно-денежных отношений, он показал, что в то же время и под воздействием этой же общей причины в деревне происходил противоположный процесс усиления барщины, личного закрепощения отдельных групп крестьянства, общий рост размеров феодальной ренты, и в результате — общее усиление эксплуатации крестьянства и ухудшение положения основной его массы.

Таким образом, в «Исследованиях» Косминского была поставлена и в значительной степени решена на конкретном английском материале важная общая проблема медиевистики — проблема воздействия развития товарно-денежных отношений на аграрный строй феодальной деревни. Е. А. Косминский убедительно показал, что эту проблему невозможно решать прямолинейно и односторонне, что в зависимости от конкретных исторических условий товарно-денежные отношения могут не только разлагать, но и, напротив, консервировать феодальные отношения, и что в Англии XIII в. одновременно наблюдались обе эти тенденции.

Исследования Е. А. Косминского, особенно его последняя монография, затрагивают не только основные вопросы аграрного развития Англии в XIII в. и дают им новое истолкование, но устанавливают связь между аграрной и социальной, а отчасти и политической историей Англии XIII в. Это тем более ценно, что до него в работах по истории Англии существовал резкий разрыв между изучением экономической и политической истории. Работы Е. А. Косминского наметили путь к преодолению этого разрыва, оказавшийся весьма плодотворным для советской медиевистики. Он не занимался специально изучением политической истории Англии, но глубокий социальный анализ, характерный для всех его работ по аграрной истории, позволил наметить новые линии исследования и в

области политической истории этой страны. Е. А. Косминский впервые обратил внимание на враждебность английского феодального государства к крепостному крестьянству, на то, что усиление этого государства в XII—XIII вв. сопровождалось значительным ухудшением правового положения вилланов, он подчеркнул важное значение юридической теории вилланства XII—XIII вв. для усиления эксплуатации крестьянства.

Работы Е. А. Косминского по аграрной истории Англии в XIII в., получившие высокую оценку в советской прессе⁹, являются важным достижением марксистской медиэвистики. Без их учета в настоящее время невозможно дальнейшее изучение истории средневековой Англии. Но они имеют и более широкое значение, так как по-новому освещают многие общие вопросы аграрной истории средневековой Европы и служат образцом тонкого и точного исследования для советских медиэвистов-аграрников.

Обе книги Е. А. Косминского широко известны за рубежом и прежде всего в Англии. Они получили высокую оценку многих известных английских и других историков. После выхода в свет английского перевода монографии Е. А. Косминского «Исследования по аграрной истории Англии XIII в.» в иностранных журналах самого различного направления появилось 17 рецензий (девять в Англии, три в США, три в Японии, одна в Австралии, одна в Западной Германии¹⁰). Выражая несогласие с

⁹ См. рецензии на книгу «Английская деревня в XIII веке» В. Дитякина в журнале «Книга и пролетарская революция», 1936, № 7; В. Ф. Семенова в журнале «Борьба классов», 1936, № 6 и «Историк-марксист», 1937, № 3; на книгу «Исследования по аграрной истории Англии XIII в.» — В. Ф. Семенова в журнале «Вопросы истории», 1948, № 2.

¹⁰ «Economist», London, 1956, № 5901, «Past and Present» November 1956, № 10; «New Statesman and Nation», London, 1956, vol. 51, № 1316; «Anglo-Soviet Journal», London, 1957, vol. 13, № 1; «History», Cambridge, 1957, vol. 42, № 144; «Agricultural History Review», London, 1957, vol. 5, pt. 2; «Economic History Review», London, 1957, vol. 9, № 3; «Annual Bulletin of Historical Literature», Historical Association, London, 1957, № XVII; «Journal of Economic History», New York, 1957, vol. 17, № 3; Х. Фудзавара, «Сигаку даасси», Токио, 1957, январь, т. 66, № 1; Е. Тагакэ, «Рэкисигаку кэнкё» («Journal Historical Sciences»), Токио, 1957, август, № 10, Е. Мидэси, «Рэкисигаку кэнкё», Токио, 1957, № 206 (на япон. яз.); «Australian Journal of Politics and History», Brisbane, 1957, vol. 2, № 2; «Historische Zeitschrift», München, 1957,

марксистской методологией Е. А. Косминского, все его рецензенты из буржуазного мира вынуждены были, однако, признать высокую научную ценность этой работы, неоспоримость ее основных выводов, большой вклад советского историка в изучение истории Англии и значительное влияние, оказанное им на современную английскую медиевистику. Так, один из его рецензентов, Э. Миллер, писал: «Исследования профессора Косминского в области английской аграрной истории за последние 20 лет и более внесли в изучение этого предмета огромный вклад, сравнимый по его реальному значению только с вкладом, сделанным в героические годы Сибоба, Мэтланда и Виноградова. Ведь с 1935 г. все, кто работал в этой области, в известном смысле были учениками Косминского. И он побудил нас пересмотреть ряд основных положений, с которыми мы приступали к изучению этого предмета»¹¹. Признанный глава современных буржуазных английских медиевистов-аграрников М. Постап, суммируя мнения английских рецензентов о книге Е. А. Косминского и резко критикуя его за «приверженность» к диалектическому материализму, тем не менее также вынужден признать, что «эта книга, по общему мнению, считается и является в действительности, наиболее всеобъемлющим и квалифицированным исследованием по истории английской деревни в средние века со времени выхода в свет «Вилланства в Англии» Виноградова. Несомненно, ни в одной другой работе после книги Виноградова основные проблемы средневекового общества не рассматривались с таким глубоким знанием и пониманием вопроса»¹².

В последние годы своей жизни Е. А. Косминский приступил к исследованию социально-экономических отношений в Англии более позднего времени — XIV—XV вв., написав по этому вопросу три больших статьи: «Вопросы аграрной истории Англии в XV веке»¹³, «Эволюция форм феодальной ренты в Англии в XI—XV вв.»¹⁴, «Были ли

Bd. 184, Hf. 2; «American Historical Review», Richmond, 1958, vol. 63, № 2; «English Historical Review», London, October 1958, vol. 73, № 289.

¹¹ «Economic History Review», 2 ser., vol. 9, № 3, April 1957, p. 501.

¹² «English Historical Review», vol. 73, № 289, October 1958, p. 683.

¹³ «Вопросы истории», 1948, № 1.

¹⁴ «Вопросы истории», 1955, № 2.

XIV и XV века временем упадка европейской экономики?»¹⁵. Во всех этих статьях основные вопросы социально-экономической и аграрной истории Англии того периода Е. А. Косминский рассматривает в связи с более общей проблемой — были ли XIV—XV вв. эпохой кризиса в западноевропейской и, в частности, английской экономике — проблемой, которая является в настоящее время предметом острой дискуссии в современной зарубежной медиевистике¹⁶.

Все три статьи имеют принципиальное значение для разработки поставленных в них вопросов в советской историографии. К их решению Е. А. Косминский подходит как историк-марксист с позиций, противоположных воззрениям буржуазных историков. Там, где эти последние, ссылаясь на сокращение обрабатываемой земельной площади, сельского населения, сельскохозяйственной продукции и на падение доходов крупного феодального землевладения, наблюдавшиеся в Англии конца XIV—XV вв., отмечают лишь признаки общего экономического упадка, хотя и объясняют его по-разному, Е. А. Косминский видит и приметы общего прогрессивного развития английской экономики: личное освобождение вилланства, рост крестьянской аренды, укрепление мелкого индивидуального крестьянского хозяйства как основы общественного производства, усиление экономического влияния мелких и средних феодалов, тесно связанных с рынком и применяющих в своем хозяйстве более прогрессивные методы производства, в частности, наемный труд. С точки зрения Е. А. Косминского, в Англии XIV—XV вв. приходило в упадок старое, отживающее барщинное крепостническое хозяйство, росло и крепло новое: доменальное хозяйство, основанное на наемном труде, и мелкое хозяйство лично свободных крестьян.

Это была переломная эпоха в развитии феодального строя, которая предшествовала началу его разложения, но отнюдь не означала полного и безнадежного экономическо-

¹⁵ Сб. «Средние века», вып. X, 1957.

¹⁶ Сущность и характер этой дискуссии на разных ее этапах более подробно освещены в советской медиевистике в статьях Ю. А. Корхова «Дискуссия о переходе от феодализма к капитализму» (сб. «Средние века», вып. XV, 1959) и М. А. Барга «О так называемом кризисе феодализма в XIV—XV веках». — «Вопросы истории», 1960, № 8.

го упадка, поскольку отменившие старые отношения сменились новыми — более прогрессивными.

Е. А. Косминский интересовался не только аграрной историей средневековой Англии, но и другими аспектами истории этой страны. Помимо того, что и в своих обеих книгах и в вышеупомянутых статьях он уделяет значительное место узловым вопросам социального и политического развития Англии в XIII, XIV, XV вв., его перу принадлежит ряд статей, посвященных специально этим более общим вопросам. В статье «К вопросу об образовании английской нации»¹⁷ рассматриваются экономические и этнические предпосылки возникновения английской нации и основные этапы ее формирования.

Большой интерес представляет посмертно опубликованная в 1960 г. статья «О некоторых характерных чертах английского феодализма»¹⁸, в основу которой положено выступление Е. А. Косминского на англо-советской конференции историков в Лондоне в 1958 г. по докладу английского историка Элен Кэм.

Будучи медиевистом, Е. А. Косминский, однако, немало занимался и историей Англии более позднего периода. В начале своей научной и педагогической деятельности он читал в Московском университете специальный курс по истории Англии XIV—XVIII вв., впоследствии доведенный до XX в. Ему принадлежит ряд статей по новой истории Англии: «Английский рабочий в эпоху промышленного переворота. Обзор новой литературы»¹⁹, «Об источниках «Положения рабочего класса в Англии»²⁰, «Энгельс и Бюре»²¹.

Особенно много внимания уделял в течение всей своей жизни Е. А. Косминский проблемам Английской буржуазной революции XVII в. Это важнейшее событие, которое служит рубежом между феодальной и буржуазной эпохами в Англии и вообще в Западной Европе, всегда привлекало его пристальное внимание. Итогом его многолетних занятий в этой области явились главы, написанные

¹⁷ «Вопросы истории», 1951, № 9.

¹⁸ Сб. «Средние века», вып. XVII, 1960.

¹⁹ «Архив Маркса и Энгельса», 1927, кн. 3, стр. 421—439.

²⁰ Опубликована в качестве вступительной статьи к книге Ф. Энгельса «Положение рабочего класса в Англии в 1844 г.». М.—Л., 1928.

²¹ «Архив Маркса и Энгельса», 1929, кн. 4, стр. 424—431.

им для коллективного двухтомного труда «Английская буржуазная революция XVII века», подготовленного Институтом истории АН СССР, под редакцией Е. А. Косминского и Я. А. Левицкого. Первая из этих глав «Английская буржуазная революция XVII в. и ее место во всемирной истории», ставит общие проблемы Английской революции с позиций марксистской методологии истории, намечает основные линии их исследования и дает общую оценку этого крупнейшего исторического события.

Другая глава двухтомника, также написанная Е. А. Косминским, посвящена историографии исследуемого вопроса и дает сжатую характеристику основных направлений этой историографии с XVII в. и до наших дней²².

Историк широкого диапазона и исключительной эрудиции во всех вопросах истории западного средневековья, Е. А. Косминский не ограничивался изучением истории Англии. Он был инициатором разработки в советской историографии ряда проблем, ранее находившихся в забвении. В частности, он много занимался вопросами источниковедения средних веков. Еще в 1915/16 г. он читал в Московском университете курс лекций «Введение в источниковедение», посвященный источникам средневековой и новой истории. Курс лекций по источниковедению средних веков он вел в МГУ и в МИФЛИ в 1940/41 г. Е. А. Косминский был одним из немногих у нас специалистов по средневековой латинской палеографии, и на протяжении ряда лет читал сложный курс латинской палеографии в Московском университете и МИФЛИ.

Но особенно большое внимание на протяжении всей своей научной деятельности он уделял вопросам историографии средних веков. Е. А. Косминский выступил одним из инициаторов исследовательской работы в этой области и очень много сделал для выработки марксистской концепции историографии средних веков. В 1938—1940 гг. им был впервые прочитан на историческом факультете Московского университета систематический курс лекций по историографии средних веков, который расширялся и дополнялся вплоть до 1947 г., пока Е. А. Косминский

²² См. «Английская буржуазная революция XVII века». М., 1954, т. I. Введение, т. II, гл. 25.

продолжал его чтение. Этот курс, охватывающий длительный период с начала V до середины XIX в., полностью сохранился в стенографической записи²³. Лекции Е. А. Косминского носят характер оригинального углубленного исследования, отличаются широкой постановкой историографических проблем в связи с историей философии и политической мысли, намечают научную периодизацию истории средневековья и общую методологию и методику ее изучения с марксистско-ленинских позиций. Они послужат ценным пособием по историографии средних веков.

Вопросам русской и зарубежной историографии Е. А. Косминский посвятил много исследовательских статей, большая часть которых публикуется в данном сборнике. В этих статьях он анализирует творчество отдельных историков или целых школ и направлений второй половины XIX и начала XX в., а также современных советских и зарубежных историков.

В своих лекциях и статьях, посвященных вопросам историографии, Е. А. Косминский неизменно выступал как глубокий самостоятельный исследователь, оценивающий историографическое наследие прошлого с исторической точки зрения. Он избегал вульгаризации и модернизации, выявлял ценное в творчестве каждого историка и вместе с тем наглядно обнаруживал перед читателем историческую и классовую ограниченность той или иной концепции. Противник общих фраз, Е. А. Косминский делал выводы на основании четкого и тонкого анализа конкретного материала, показывая не только схему взглядов того или иного историка, но его живой облик во всем его своеобразии. Обращает внимание чрезвычайно широкий круг историографических интересов Е. А. Косминского. Вольтер и Анри Пиренн, историография Английской революции с XVII в. до наших дней и фашистская фальсификация истории средних веков, современный буржуазный социолог Хоменс и реакционные построения Арнольда Тойнби, с одной стороны, современные прогрессивные английские историки — с другой, — все эти вопросы интересовали Е. А. Косминского и являлись предметом его исследова-

²³ В настоящее время этот лекционный курс опубликован издательством МГУ: Е. А. Косминский. Историография средних веков (V — середина XIX в.). Лекции. М., 1963.

ний²⁴. Следует, однако, заметить, что основное внимание Е. А. Косминского в области зарубежной историографии средних веков было сосредоточено на проблемах, тесно связанных с современностью. В этом особенно наглядно проявилось свойственное Е. А. Косминскому сознание актуальности средневековья в наши дни, стремление показать неразрывную связь самых отдаленных периодов истории с современными событиями и, прежде всего, с той ожесточенной идеологической борьбой между буржуазной и марксистской идеологией, свидетелем и участником которой он был. Он никогда не уклонялся от этой борьбы и решительно и упорно вел ее во всеоружии марксистско-ленинского мировоззрения. Анализируя творчество отца буржуазной средневековщины Вольтера или одного из крупнейших зарубежных историков XX в. А. Пиренна, Е. А. Косминский критиковал лишь их буржуазную ограниченность, но объективно оценивал их большой вклад в науку, в статьях же против фашистских средневековистов или против А. Тойнби ощущается страстный пафос разоблачения бредовых реакционных теорий современных прислужников реакции и мракобесия и убийственная прощанья по их адресу.

Большой познавательный интерес представляют работы Е. А. Косминского в области истории отечественной средневековщины. Многочисленные статьи, написанные им по этому вопросу в различные периоды его деятельности, пронизаны общей идеей и представляют собой нечто единое и целое²⁵. Вот почему эти статьи можно

²⁴ Е. А. Косминский, Анри Пиренн — историк Бельгии. — В кн.: А. Пиренн. Нидерландская революция. М., 1937; его же. Средние века в изображении германских расистов. — Сб. «Против фашистской фальсификации истории». М. — Л., 1939; его же. Вольтер и историческая наука. — «Известия АН СССР», серия истории и философии, т. 2, № 1, 1945; его же. Основные направления в историографии Английской буржуазной революции. — «Английская буржуазная революция XVII в.», т. II; его же. Реакционная историкософия Арнольда Тойнби. — Сб. «Против фальсификации истории». М., 1959, и др.

²⁵ Е. А. Косминский, Исследования А. Н. Савина по истории Англии. — В кн.: «Памяти А. Н. Савина. 1873—1923». Сб. статей. — «Труды Института истории Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук (РАНИОН)», вып. I. М., 1926; его же. Аграрная история Англии и русская историческая школа. — «Известия АН СССР», серия истории и философии, 1945, т. 2, № 3; его же. Изучение истории западного средневековья [работы русских дореволюционных и советских историков]. — «Вестник АН СССР», 1945, № 10, 11; его же. Памяти

рассматривать как важный этап в изучении истории русской медиевистики с середины XIX в., а их автора как одного из пионеров в разработке этого вопроса в советской историографии.

Великая Октябрьская социалистическая революция положила начало новой эпохе в области исторической науки в СССР. Советским медиевистам пришлось пересмотреть многое из того, что было сделано предшествующими историками, поставить ряд новых проблем и расширить круг своих исследований. Е. А. Косминский уделял большое внимание достижениям советской медиевистики. С огромной гордостью за советских ученых писал он о новых работах, прочно вошедших в фонд советской историографии и оказывающих большое влияние на развитие медиевистики не только в странах народной демократии, но и в капиталистических странах. В историографических статьях и в выступлениях на Международных конгрессах историков Е. А. Косминский высоко держал знамя советской исторической науки. Итоговым выступлением Е. А. Косминского явился его доклад на X Всемирном конгрессе историков в Риме в 1955 г., который он посвятил основным проблемам западноевропейского феодализма в советской исторической науке²⁶.

В этом докладе, к содержанию которого мы еще вернемся, Е. А. Косминский подчеркнул, что при всех заслугах русской дореволюционной историографии не ее традиции определяют развитие советской медиевистики. Решающим моментом в ее успешном развитии являются труды К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина и победа марксизма в области исторической науки в СССР.

За годы Советской власти советскими историками была проделана огромная работа по изучению основных проблем западного средневековья, относящихся к периодизации эпохи феодализма, к его генезису, развитию и гибели.

Марксистское понимание эпохи средневековья позволило советским медиевистам, указывал Е. А. Косминский, пересмотреть многие выводы, сделанные буржуазными

Т. Н. Грановского. — «Вестник Московского университета», серия общественных наук, 1956, № 4, и др.

²⁶ Е. А. Косминский. Основные проблемы западноевропейского феодализма в советской исторической науке. — В кн.: «Доклады советской делегации на X Международном конгрессе историков в Риме». М., 1956.

историками, и отвергнуть их ошибочные взгляды. Советские ученые выдвинули и разрешили также ряд важнейших проблем, которые не смогла разрешить буржуазная историография: проблемы феодальной собственности, средневекового города и развития товарно-денежных отношений, классовой борьбы в деревне и в городе, разложения феодализма и генезиса капиталистических отношений, ранних буржуазных революций, роли народных масс как основной движущей силы исторического процесса, проблемы феодального государства, культуры, политических и социальных идей, религии и философии феодального общества.

Сам Е. А. Косминский внес весьма существенный вклад в исследование этих проблем и помог историкам определить пути их решения. При этом Е. А. Косминский не стремился уйти от острых вопросов и сохранить мнимое беспристрастие в научных спорах. Особенно ярко эта черта Е. А. Косминского как воинствующего историка-марксиста проявилась во время обсуждения советскими методистами проблемы классовой борьбы в эпоху феодализма. Критикуя тех советских историков, которые неправомерно ставили рост производительных сил в полную зависимость от развития классовой борьбы и сводили к ней все многообразие жизни феодального общества, Е. А. Косминский в своих выступлениях и статьях дал правильное марксистское освещение этого вопроса²⁷. Утверждая, что борьба классов есть движущая сила всех антагонистических обществ, в том числе и феодального, и что она оказывает большое влияние на базис общества, Е. А. Косминский предостерегал советских историков от того, чтобы видеть в крестьянских движениях против феодалов объяснение всех закономерностей феодального развития без анализа производительных сил и производственных отношений.

Он решительно выступал против искусственно расширяемого понятия классовой борьбы, под которой некоторые историки пытались понимать не только крестьянские восстания и другие формы крестьянского сопротивления, но и любое действие крестьянина, приводившее к уменьшению формы эксплуатации и к хотя бы временному

²⁷ См., например, Е. А. Косминский, О проблеме классовой борьбы в эпоху феодализма.— «Известия АН СССР», серия истории и философии. М., 1951, т. 8, № 3, и др.

улучшению его экономического положения. В основе такого понимания, вполне справедливо указывал Е. А. Косминский, лежит искусственная логическая операция, не имеющая ничего общего с логикой действительности. Подмена экономических отношений феодального общества классовой борьбой лишает ее исторической основы, превращает во внеисторическую категорию и таким образом искажает действительный ход развития человечества.

Значительное место в творческой работе Е. А. Косминского занимало участие в коллективных трудах. Он был одним из авторов первого тома «Истории дипломатии», вышедшего первым изданием в 1941 г.; участвовал в сборнике «Против фашистской фальсификации истории», опубликованном в 1939 г. В этом сборнике ему принадлежит статья «Средние века в изображении германских расистов». О его участии в коллективном труде по истории Английской буржуазной революции мы уже говорили в другой связи.

Глубокое убеждение Е. А. Косминского в актуальности изучения средних веков в наши дни отразилось на его практической деятельности. Об этом свидетельствуют прежде всего его неустанная педагогическая деятельность и работа над учебниками по истории средних веков для средней школы и высших учебных заведений. Всю свою жизнь он делал большое и полезное дело, приобщая миллионы советских школьников и студентов к единственно правильному и научному марксистско-ленинскому историческому мировоззрению.

Несмотря на большую загруженность исследовательской работой, Е. А. Косминский уделял много времени и сил работе над общими курсами, учебными и методическими пособиями по истории средних веков. Интерес к этой работе определялся у него стремлением связать преподавание средних веков в вузе и средней школе с современностью, популяризировать в широких кругах учащихся и учителей марксистско-ленинскую концепцию истории средних веков. Е. А. Косминский был одним из создателей первого советского общего курса лекций по истории средних веков в высшем учебном заведении. Впервые после постановления партии и правительства о преподавании гражданской истории в школе и вузах (1934 г.) Е. А. Косминский прочитал такой курс в 1935—1936 гг. на историческом факультете Московского университета. Он сыграл

большую роль в оформлении марксистско-ленинской концепции истории средних веков, которая нашла свое законченное выражение в первом издании учебника для вузов по этому предмету (1938 г.). Е. А. Косминский был одним из редакторов и ведущих авторов этого учебника, а затем также второго издания I тома, вышедшего в 1940 г., и третьего, значительно переработанного издания I тома, опубликованного в 1952 г.²⁸

Много времени и труда уделял Е. А. Косминский в течение последних двадцати лет своей жизни работе над учебниками истории средних веков для средней школы. Возглавив в качестве редактора подготовку первого издания этого учебника в 1940 г.²⁹, Е. А. Косминский в связи с изменением программы в 1949 г. написал новый учебник для VI—VII классов, который он вплоть до последних месяцев жизни постоянно совершенствовал, стремясь сделать его все более доступным для детей и в то же время обогатить его новым содержанием³⁰.

Учебники, написанные Е. А. Косминским или изданные при его активном участии, дали многим поколениям советских студентов и школьников научное по содержанию и популярное по форме марксистско-ленинское изложение истории средних веков. Они переведены на многие иностранные языки, изданы в странах народной демократии и в некоторых капиталистических странах. Показывая историю средних веков как историю феодальной социально-экономической формации во всех ее конкретных проявлениях, эти учебники своим содержанием противостоят буржуазным концепциям средневековой истории, прививая советским детям и молодежи правильные научные взгляды на ход всемирной истории.

Много внимания уделял Е. А. Косминский публикации источников для самостоятельной работы студентов. Он принимал участие в издании сборника документов

²⁸ «История средних веков», т. I. Учебник для вузов, под ред. А. Д. Удальцова, Е. А. Косминского и О. Л. Вайнштейна. М., 1938; «История средних веков», т. I, под ред. Е. А. Косминского и С. Д. Сказкина. М., 1952.

²⁹ «История средних веков». Учебник для VI—VII классов средней школы под ред. Е. А. Косминского. М., 1940 (выдержал шесть изданий).

³⁰ Е. А. Косминский. История средних веков. Учебник для VI—VII классов средней школы. М., 1949 (выдержал восемь изданий).

«Социальная история средневековья» (1927 г.), являясь вместе с А. Д. Удадьцовым его редактором. Для второго тома этого издания он составил раздел, посвященный аграрным отношениям в Англии XIII в. В «Хрестоматии по социально-экономической истории нового и новейшего времени», вышедшей в 1929 г. под редакцией В. П. Волгина, Е. А. Косминский опубликовал документы по аграрной и торгово-промышленной истории Англии XVI в. В 1935 г. был издан тематический сборник документов «Английская деревня XIII—XIV вв. и восстание Уота Тайлера», подготовленный Е. А. Косминским вместе с Д. М. Петрушевским. Вводная статья к этому сборнику была написана Е. А. Косминским. Перу Е. А. Косминского принадлежит значительное число полезных методических статей и пособий по вопросам преподавания истории средних веков в средней школе, которые оказали большую помощь советским учителям истории в их повседневной работе³¹.

Много сделал Е. А. Косминский и для популяризации научного наследия К. Маркса в области изучения истории средних веков. В 1938—1946 гг. при его непосредственном участии были расшифрованы, переведены и подготовлены к печати хранившиеся в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС рукописи конспектов К. Маркса по всеобщей истории — «Хронологические выписки» и конспект работы английского историка Грина «История английского народа»³², — теперь широко используемые советскими методиками в их научной и преподавательской работе.

Углубленная исследовательская работа никогда не мешала Е. А. Косминскому с увлечением заниматься педагогической деятельностью, которую он считал долгом и важным условием творческого роста каждого советского ученого. В этом проявилось постоянное стремление Е. А. Косминского связать науку с жизнью и превратить историю в орудие политического и идейного воспитания масс в борьбе за социализм и коммунизм. Велики заслуги

³¹ Например, статьи Е. А. Косминского в сб. «Преподавание истории в условиях Великой Отечественной войны», вып. 2. Ташкент, 1942; его же. Идейно-политическое воспитание на уроках истории средних веков. — «Советская педагогика», 1947, № 5; его же. Задачи изучения истории средних веков в школе. — «Пособие по истории средних веков для учителей VI—VII классов», под ред. Е. А. Косминского. М., 1956; и др.

³² См. «Архив Маркса и Энгельса», т. V, 1938; т. VI, 1939; т. VII, 1940; т. VIII, 1946.

Е. А. Косминского в деле подготовки кадров историков-марксистов. Его многочисленные ученики по Московскому государственному университету, Московскому институту философии, литературы и истории (МИФЛИ), а также по Институту красной профессуры трудятся в разных областях советской исторической науки. Он подготовил и выпустил в жизнь большую группу историков-медиевистов и, в частности, специалистов по истории Англии.

Лекции Е. А. Косминского (как общие, так и специальные курсы) отличались богатством фактического материала, глубиной содержания и оригинальностью мысли. Его семинары были прекрасной школой исследовательского мастерства, в которой закладывался фундамент будущей научной работы его учеников. Сочетание строгой взыскательности с глубоким вниманием к работе каждого участника семинара позволяло Е. А. Косминскому, начиная с младших курсов, воспитывать навыки самостоятельной работы у студентов, с которыми он щедро делился своими огромными знаниями и интересными мыслями.

Возглавляя в течение многих лет кафедру истории средних веков МГУ, Е. А. Косминский уделял большое внимание организации и методике семинарских занятий. Он и его коллеги по кафедре выработали методику семинарских занятий по истории средних веков, рассчитанную на постепенное вовлечение студентов в работу над источниками, на все большее углубление их работы от курса к курсу. Эти методические приемы, которые в настоящее время успешно применяются на историческом факультете МГУ и в ряде других вузов нашей страны, популяризировались Е. А. Косминским в его статьях по методическим вопросам, оказавших большую помощь преподавателям московских и периферийных вузов³³.

Трудно назвать такую область медиевистики, в которой Е. А. Косминский не работал бы или развитию которой он не помогал. И чему бы ни были посвящены его труды, они всегда свидетельствовали о его глубокой эрудиции, исключительной научной добросовестности, о большом творческом напряжении. Можно не сомневаться в том, что

³³ Е. А. Косминский. Задачи кафедры средневековой истории.— «Пролетарские кадры», М., 1939, № 31; его же. Методика исторического семинара для начинающих.— «Доклады и сообщения Исторического факультета МГУ», вып. 3, 1945; его же. Методика исторического семинара для студентов младших курсов.— «Вестник высшей школы», 1946, № 1.

труды Е. А. Косминского, которые неизменно будят мысль читателя и расширяют круг его знаний, выдержат самое длительное испытание временем.

* * *

Публикуемые в данном сборнике статьи Е. А. Косминского тематически распадаются на две группы: 1) работы, посвященные истории средневековой Англии, среди которых преобладают темы по аграрной и социальной истории, 2) статьи, посвященные разным историографическим проблемам.

К первой группе относится прежде всего статья «Вопросы аграрной истории Англии в XV в.» (1948 г.), в которой впервые в советской литературе был поставлен вопрос об одном из самых неясных и малоизученных периодов аграрной эволюции Англии. Он рассматривается здесь в связи с проблемой так называемого «экономического упадка» Англии в XIV—XV вв., и к этой проблеме Е. А. Косминский впервые привлек внимание советских медиевистов. Статья полемически заострена против концепций ряда английских историков (Постана, Солтмарша и др.), в противовес которым Е. А. Косминский выдвигает свою концепцию по этому спорному вопросу. Он решительно отвергает наличие общего экономического упадка в Англии XIV—XV вв. и считает, что для этого периода характерен лишь упадок феодального доменального хозяйства, основанного на барщине, которое отнюдь не исчерпывало всех экономических возможностей страны. Одновременно с упадком доменального хозяйства феодалов успешно развивалось самостоятельное мелкокрестьянское хозяйство, подготовившее в дальнейшем переход к капитализму, т. е. открывшее путь к дальнейшему прогрессивному развитию страны³⁴. Е. А. Косминский ставит под сомнение факт убыли населения в Англии XIV—XV вв., в котором Постан, Солтмарш и другие видят определяющий фактор экономического упадка Англии. По мнению Е. А. Косминского, эта убыль не была ни столь большой, ни столь длительной, как это иногда изображают³⁵. Как справедливо указывает автор, «экономический упадок» в Англии XV в.

³⁴ «Вопросы истории», 1948, № 1, стр. 65.

³⁵ Там же.

видят лишь те историки, которые рассматривают ее сквозь призму доменального барщинного хозяйства, и что поскольку в конечном итоге «упадок» был вызван прогрессивным развитием производительных сил, здесь нельзя говорить об общем экономическом упадке страны. Е. А. Косминский высказывает далее весьма плодотворную и безусловно правильную мысль о том, что наряду с общими экономическими причинами, обусловившими рост товарности крестьянского хозяйства и упадок барщинного домена, большую роль в крушении последнего сыграла классовая борьба крестьянства и прежде всего восстание 1381 г. Далее в статье рассматривается важный для истории XV и XVI вв. вопрос о возникновении «нового дворянства», о его взаимоотношениях с крупными феодалами, о влиянии Столетней войны на внутреннюю историю Англии XV в., о значении восстания Кэда в социально-политической жизни страны, наконец, дается интересная трактовка социальной и политической подоплеку войны «Алой и Белой розы». Таким образом, в статье если не полностью решены, то во всяком случае поставлены все важнейшие проблемы английской истории XV в. и намечены пути их дальнейшего исследования. Хотя со времени выхода в свет этой статьи и в английской и в советской литературе было опубликовано много работ по этим вопросам, тем не менее она до настоящего времени сохраняет свой живой интерес и актуальность.

По тематике к ней отчасти примыкает статья «Эволюция форм феодальной ренты в Англии в XI—XV веках» (1955 г.). Статья эта дает интересную периодизацию развития феодальной ренты в Англии в связи с общим развитием феодального строя. На протяжении всей статьи Е. А. Косминский полемизирует с современными английскими историками-аграрниками (Постапом, Бевериджем), которые, видя в маноре «квазикапиталистическое» предприятие, связывают смену форм ренты с «конъюнктурой» на «хлебном рынке», чередованием «депрессии» и «бума», главным образом вследствие роста или убыли населения на данном отрезке времени. Отвергая это поверхностное объяснение смены форм ренты в период с XI по XV в., Е. А. Косминский ищет его в более глубоких изменениях самого феодального способа производства. Он намечает в статье следующие этапы развития феодальной ренты: 1) XI в. — период господства отработочной ренты в силу

слабого развития товарного хозяйства и небольшой емкости рынка; 2) XII—XIV вв. — период общего резкого возрастания массы феодальной ренты, постепенного роста денежной ренты, но наряду с этим Е. А. Косминский отмечает, что с начала XIII в. в определенной части феодальных владений происходило усиление отработочных рент. Эти явления — и общее повышение норм эксплуатации вилланов, и развитие коммутации ренты, и рост барщины — Е. А. Косминский объясняет ростом товарного производства и внутреннего рынка на почве общего подъема производительных сил; 3) конец XIV—XV вв. — время окончательной ликвидации барщины и полного господства денежной ренты в результате упадка доменального и расцвета мелкого самостоятельного крестьянского хозяйства. По мнению Е. А. Косминского, эти новые изменения в рентных отношениях были следствием как экономической невыгодности барщинного хозяйства в условиях развитых товарно-денежных отношений, так и упорной классовой борьбы крестьянства в XIII—XV вв. В статье подробно рассматривается вопрос о том, можно ли считать неоспоримой «убыль» населения в XIV—XV вв., которой придают столь большое значение буржуазные исследователи, и снова затрагивается проблема «экономического упадка» Англии XIV—XV вв., разрешаемая так же, как в предыдущей работе.

Этот последний вопрос находится в центре статьи Е. А. Косминского «Были ли XIV—XV века временем упадка европейской экономики?», опубликованной два года спустя (1957). Поводом к ее написанию послужил коллективный доклад ряда буржуазных историков (Постан, Сапори, Верлинден, Йогансен, Молла), сделанный на X Международном конгрессе историков в Риме в 1955 г. на тему: «Европейская экономика в течение двух последних столетий средневековья».

Е. А. Косминский подчеркивает в этой работе, что для авторов доклада, как и для многих других современных буржуазных историков, проблема эта имеет большое принципиальное значение. Им кажется, что если удастся доказать наличие упадка европейской экономики в XIV—XV вв., тем самым будет доказана несостоятельность теорий исторического прогресса, созданных либерально-позитивистской историографией XIX в., а попутно и материалистического понимания истории.

В статье показана слабость позиций доклада, его во многих случаях недостаточная аргументированность, а главное, поверхностность тех объяснений, которые его авторы дают подмеченным ими явлениям экономического упадка, в частности, когда объясняют его исключительно демографическим фактором — убылью населения. Далее Е. А. Косминский высказывает ряд своих соображений по поводу основных тенденций развития английской экономики в XIV—XV вв., которые развивают основные положения, выдвинутые им в рассмотренных выше статьях.

Последняя в первой группе статья «О некоторых характерных чертах английского феодализма», которая стала и вообще последней работой Е. А. Косминского (ее опубликовали уже после его смерти, в 1960 г.). Она направлена против господствующего в современной английской историографии понимания феодализма как чисто политической системы — военно-ленной организации общества. Из такого узкого, а поэтому неправильного понимания феодализма исходила в своей оценке особенностей английского феодализма Э. Кэм, в ответ на доклад которой на англо-советской конференции историков в Лондоне в 1958 г. и была написана данная работа Е. А. Косминского. Он подвергает острой критике такое понимание феодализма и его особенностей в Англии и противопоставляет ему свое гораздо более глубокое понимание этих проблем. Основываясь на своих исследованиях и на работах своих учеников, рассматривавших конкретные вопросы истории англосаксонской Англии, английских городов, а также английского феодального государства, Е. А. Косминский указал на то, что феодализм является единой социально-экономической системой, которая не исчерпывается военно-ленными отношениями, но прежде всего опирается на феодальную собственность и эксплуатацию зависимого крестьянства: что феодальное государство, в том числе и английское государство средних веков, было органом классового господства феодалов, а отнюдь не «нефеодальной монархией», как его трактуют Э. Кэм и другие английские историки. Поэтому относительная политическая централизация Англии, которая действительно отмечает английский феодализм, должна, по справедливому утверждению Е. А. Косминского, рассматриваться не как проявление «нефеодальных элементов» в английском феодализме, но как результат усиления феодальной экс-

плуатации и роста классового сопротивления крестьянства в XI—XIV вв., которые требовали создания в интересах господствующего класса новых, более централизованных средств принуждения. Эта централизация в Англии оказалась сильнее, чем в других странах Европы, в силу особенностей ее экономического развития: раннего складывания внутреннего рынка, союза, существовавшего между рыцарством и городами, наличия в стране свободного крестьянства. Известную роль в этом сыграли и другие условия: небольшая территория Англии, облегчавшая объединение страны под властью единого короля, а также фактор нормандского завоевания, вынуждавший на первых порах даже баронов спланиваться вокруг короля для обеспечения своего господства над завоеванным населением. Таким образом, основные особенности английского феодализма Е. А. Косминский находит не в сфере чисто политических, но экономических и социальных отношений.

Остальные статьи относятся ко второй группе. Самая ранняя из этих статей — «Исследования А. Н. Савина по истории Англии» — была опубликована в 1926 г. в сборнике, посвященном памяти этого крупного русского ученого, что в значительной мере определило и характер статьи, в которой живо ощущается глубокое уважение и любовь Е. А. Косминского к своему учителю и стремление воздать должное его трудам в области медиевистики. Е. А. Косминскому удалось здесь запечатлеть живой облик талантливого русского историка во всей его индивидуальности и показать тот большой вклад, который он внес в изучение аграрной истории Англии XVI в. Савин показан в этой статье, как один из представителей той большой школы русских исследователей аграрной истории Англии (Виноградова, Ковалевского, Петрушевского), интерес которых к такой тематике был постоянно и неразрывно связан с вопросами русской действительности конца XIX — начала XX в. Следует, однако, заметить, что в этой статье Е. А. Косминский воздерживается от каких-либо критических замечаний относительно концепции А. Н. Савина, в частности той трактовки, которую последний дает вопросу об экспроприации крестьянства в Англии XVI в., как мирному эволюционному процессу, и которая, как известно, расходится с теорией первоначального накопления К. Маркса. При этом в статье заметно преувеличивается объективность А. Н. Савина как исследователя.

Следующие четыре работы: «Роль русских историков в разработке истории Англии» (1941 г.), «Изучение истории западного средневековья» (1945 г.), «Аграрная история Англии и русская историческая школа» (1945 г.), «Изучение истории крестьянства и аграрных отношений в Англии» (1947 г.) тематически тесно связаны между собой, так как освещают различные аспекты развития русской буржуазной медиевистики конца XIX—начала XX в. и, в частности, ее вклад в разработку аграрной истории Англии. В этих статьях анализируются и работы советских историков по различным проблемам медиевистики.

Во всех этих статьях Е. А. Косминский, давая яркие индивидуальные характеристики крупнейших русских историков-медиевистов — Т. Н. Грановского, М. М. Ковалевского, И. В. Лучицкого, П. Г. Виноградова, А. Н. Савина, Д. М. Петрушевского и некоторых других, показывает этих ученых на общем фоне развития исторической мысли в России и подчеркивает тесную связь их творчества с общим социально-политическим развитием страны.

Возникновение русской медиевистики в первой половине XIX в. и ее блестящий расцвет во второй половине этого столетия Е. А. Косминский связывает с общим стремлением русской прогрессивной интеллигенции той эпохи определить место России в истории человечества, ее исторические судьбы, их сходство и различие с историей стран Западной Европы. Все упомянутые вопросы, важные для дальнейшего развития России, не могли быть решены, как подчеркивает Е. А. Косминский, без серьезного изучения истории западного средневековья, что было одной из главных причин непреходящего интереса к средневековым сюжетам, который со времен Т. Н. Грановского был характерен для многих представителей русской буржуазной исторической науки.

Е. А. Косминский убедительно показывает, что научные интересы таких историков, как И. В. Лучицкий, М. М. Ковалевский, Н. И. Кареев, П. Г. Виноградов, Д. М. Петрушевский, А. Н. Савин, всегда тесно переплетались с самыми жгучими проблемами русской общественной жизни. В аграрной истории средневекового Запада русские медиевисты видели ключ к пониманию будущих судеб русской пореформенной деревни. Вот почему основными вопросами, занимавшими их, являлись проблемы западноевропейского крестьянства в эпоху феодализма,

феодалной собственности на землю, вопросы, связанные с борьбой крестьян против феодального гнета. Е. А. Косминский подчеркнул, что анализируемые им работы этих русских историков имели большое научное значение и оказали серьезное влияние на зарубежную буржуазную историографию, и что именно русские историки были пионерами в разработке важнейших вопросов экономической и социальной истории средневековья.

Е. А. Косминский отнюдь не идеализировал дореволюционных русских историков, он признавал ошибочность и буржуазную ограниченность их методологических взглядов, многочисленные противоречия и недостатки конкретных исторических исследований, неоднократно отмечал, что советские историки-марксисты не могут согласиться со многими выводами этих ученых. Но вместе с тем он всегда старался подчеркнуть положительный вклад русских буржуазных историков в науку и их большой и плодотворный труд в области средневековья, заслуживающий уважения советских исследователей.

Самое ценное достижение крупнейших русских средневековедов прошлого, по мнению Е. А. Косминского, заключалось в том, что они придавали огромное значение социально-экономическому фактору в историческом развитии человечества и уделяли ему основное внимание в своих исследованиях, а также то, что они следовали строгой научной методике, основывали свои труды на богатейшем материале западноевропейских архивов, вводили в научный оборот новые источники и обогащали историческую науку конкретными исследованиями.

Ко второй же группе работ примыкает по теме и статья «Памяти Грановского», в основу которой положен доклад, прочитанный Е. А. Косминским 22 октября 1955 г. на торжественном заседании в МГУ по поводу столетия со дня смерти Т. Н. Грановского. Эта статья-доклад с такой любовью и теплотой, рисует благородный облик Т. Н. Грановского как ученого, просветителя, педагога, человека, что теплое чувство к нему передается каждому читателю. Е. А. Косминский особенно подчеркивает большие заслуги Т. Н. Грановского в пропаганде гуманных идей и борьбы с феодально-крепостническим режимом в России, которую он вел и как общественный деятель и как ученый и педагог, используя для этого, в частности, и свой курс истории западного средневековья.

Большую ценность представляет доклад «Основные проблемы западноевропейского феодализма в советской исторической науке» (1955 г.), в котором Е. А. Косминский дал сжатый обзор развития советской медиевистики с 1917 г. по 1955 г., и подчеркнул, что она по всем основным вопросам средневековой истории резко противостоит буржуазной историографии прошлого и настоящего. Эту работу Е. А. Косминского можно рассматривать как первый набросок истории советской медиевистики, которая до сих пор остается ненаписанной и еще ждет своего исследователя.

Из историографических трудов Е. А. Косминского о западноевропейской медиевистике в настоящем сборнике помещены четыре статьи очень различного содержания. Первая из них — «Классовая борьба в английской деревне XIII—XIV веков» (очерки новейшей историографии) (1951 г.) содержит критику работ трех историков — американского консервативного историка Хоменса, английского прогрессивного историка М. Добба и английского же историка Р. Хилтона, который во время написания этой статьи был членом английской компартии (впоследствии он вышел из нее) и рассматривался в те годы Е. А. Косминским как историк-марксист. Статья интересна тем, что в ней анализируется отношение этих трех историков к вопросу о роли классовой борьбы в английской деревне XIII—XIV вв. Резко критикуя Хоменса за полное отрицание самого факта классовой борьбы в Англии до конца XIII в., Е. А. Косминский в некоторых вопросах соглашается с М. Доббом и Р. Хилтоном, но по некоторым вопросам polemизирует и с ними. В частности, он считает недоказанным положение М. Добба о резком уменьшении населения в Англии XIV—XV вв., а также о значительном истощении почвы в Англии к XIV в.; он упрекает Добба в недооценке роли сопротивления английского крестьянства в процессе разложения феодального строя. Отмечая большую заслугу Хилтона в деле изучения классовой борьбы в английской деревне XIII—XV вв., Е. А. Косминский не соглашается с ним в вопросе об отсутствии сколько-нибудь значительного сопротивления крестьян в более ранний период, и высказывает мнение, что это сопротивление было довольно значительным еще и в XII в., хотя, может быть, и не нашло достаточного отражения в источниках.

Совсем другой характер носит статья «Вольтер и историческая наука», в основу которой положен доклад Е. А. Косминского, прочитанный 27 ноября 1944 г. в связи с 250-летием Вольтера на объединенном заседании Отделений истории и философии, литературы и языка АН СССР. По стилю эта статья несколько сходна со статьей о Грановском. Она дает живой и яркий образ Вольтера как историка и просветителя на широком фоне «Просвещения XVIII в.». Не затупевывая слабых сторон взглядов великого буржуазного мыслителя, в частности в области истории, Е. А. Косминский с большим блеском и глубиной обнаруживает перед читателями огромный вклад, который внес в свое время в развитие исторической науки Вольтер, разрушая теологическую концепцию истории, утверждая необходимость критического подхода к источникам и привлекая внимание историков к вопросам не только политической, но также культурной, а отчасти и социальной истории средневековья.

Такой же живой облик крупного историка, на этот раз современного, рисует Е. А. Косминский в статье «Апри Пирени — историк Бельгии» (1937 г.). Показывая большие заслуги и талантливость Пиренна как исследователя, Е. А. Косминский дает в то же время острую и аргументированную критику основных концепций Пиренна и по истории средневековых городов, и по вопросу о генезисе феодализма в Западной Европе, и по Нидерландской революции, и по проблеме зарождения «капитализма» в Европе.

Наконец, в сборнике помещена и последняя историографическая работа Е. А. Косминского — «Реакционная историософия Арнольда Тойнби» (1939 г.), посвященная критике одного из наиболее последовательных представителей реакционного направления в современной буржуазной историографии. В своей обстоятельной статье Е. А. Косминский с исключительной логичностью и четкостью шаг за шагом вскрывает реакционную основу «социологических» и историко-философских построений Тойнби, скрывающихся порой под либеральной или мистической фразеологией. Вместе с тем автором мастерски показана тривиальность философии истории Тойнби, заимствованной по кусочкам из самых разных источников и призванной служить апологии капиталистического строя и «свободного» западного мира. В этой статье с особым

блеском раскрывается критическое дарование Е. А. Косминского.

В целом работы, представленные в настоящем сборнике, содержат большой и разнообразный по тематике материал, имеющий большую познавательную ценность не только для специалистов по истории средних веков, но и для широкого круга историков вообще. В то же время этот сборник, включающий большинство наиболее важных статей, написанных Е. А. Косминским, хорошо отражает особенности научного творчества одного из крупнейших советских медиевистов, сыгравшего большую роль в разработке марксистско-ленинской концепции истории средних веков. Сборник показывает широту его научных интересов, умение даже при постановке частных вопросов увязывать их с проблемами общего исторического значения, исключительную добросовестность в полемике со своими научными противниками, серьезную аргументированность всех выдвигаемых положений, глубину и четкость мысли и ясность стиля.

Е. В. Гутнова

Н. А. Сидорова

ИССЛЕДОВАНИЯ А. Н. САВИНА ПО ИСТОРИИ АНГЛИИ *

Каждая работа, за которую брался Савин, была ли это лекция, популярная статья или рецензия на студенческое сочинение, выполнялась им как исследование, основанное на исчерпывающем знании литературы и на глубоком и зорком проникновении в источники. Я чувствую, что суживаю свою задачу, останавливаясь только на диссертациях Савина и на его специальных статьях по английской истории; его лекции по истории Английской революции, его популярные статьи об английском абсолютизме и английской реформации вполне могут быть названы исследованиями. Но мне кажется удобным сосредоточиться на тех трудах Савина, где особенно ярко сказался его исследовательский талант и где особенно ярко выступают его исследовательские приемы, прикрытые и сглаженные в работах, предназначенных для широкой публики.

Среди разнообразных научных интересов Савина особенно сильно и постоянно выступает интерес к аграрной истории Англии. Двумя шедеврами — «Английская деревня в эпоху Тюдоров»¹ и «Английская секуляризация»² — молодой ученый выдвинулся в первые ряды работников науки; смерть застала его в Лондоне за собиранием материалов для новой работы, два фрагмента которой остались нам в его статьях «История одного восточного манора»³

* Опубликовано: «Памяти Александра Николаевича Савина. 1873—1923». Об. статей. «Труды Института истории РАНИОН», вып. I. М., 1926.

¹ А. Н. Савин. Английская деревня в эпоху Тюдоров. М., 1903.

² Е. го ж.с. Английская секуляризация. М., 1906.

³ Е. го ж.с. История одного восточного манора. Сборник статей в честь М. К. Любавского. Пг., 1917.

и «История двух маноров»⁴. Мне не раз случалось встречать людей, недоумевавших, что заставило русского ученого посвятить лучший цвет своего таланта такой, казалось бы, далекой от русской жизни специальной теме. Но, избрав предметом своей исследовательской работы аграрную историю Англии, Савин не был пионером или новатором. Он примкнул к школе, уже давшей науке крупные завоевания. Родоначальником и главой этой школы был П. Г. Виноградов, под прямым или косвенным влиянием которого воспиталось два поколения русских историков. Философско-исторические взгляды П. Г. Виноградова довольно неопределенны. Едва ли он признал бы себя материалистом. Но его незабвенная заслуга перед русской наукой заключается в том, что он сосредоточился главным образом на изучении социально-экономических факторов общественного развития и привлек к ним внимание ряда других исследователей. Эта живая струя идет отчасти с Запада, но больше всего от того великого водораздела, который представляют в истории России 60-е годы XIX в. С того же водораздела берут начало и другие большие реки, связанные с именами В. Ю. Ключевского и М. М. Ковалевского. Виноградов определенно заявлял сам, что направление его научных интересов определилось в обстановке, создавшейся в России после крестьянской реформы. В историческом прошлом западноевропейских народов русские ученые искали ответа на актуальные вопросы русского настоящего. Самую лучшую характеристику научных интересов этой эпохи дал сам А. Н. Савин в своей статье о М. М. Ковалевском. «Как ни велика научная важность вопроса о разнообразных формах коллективного землевладения и землепользования, как ни значительно было влияние западных историков деревенской общины — Маурера и Фюстеля, Мэна и Сибоба, — нельзя понять этой постоянной тяги к одной и той же задаче, если не принять во внимание, что Ковалевский начинал свою учено-литературную деятельность среди живых, порою страстных, московских и всероссийских ученых и не ученых споров и гаданий о прошлом и будущем русского деревенского уклада. Специальный вопрос о жизнеспособности великорусской перedelной общины после крестьянской эмансипации

⁴ Его же. История двух маноров. — «Журнал мин-ва нар. просвещ.», 1916, апрель.

трудно понятным для последующих поколений образом воплощал умы, пламенил сердца, наполнял слезами умиленные глаза, оплетался с жгучими вопросами об особенностях русской судьбы, о русской, особенно русской крестьянской душе, об обходе злой страды капиталистического своекорыстия и насилия, о кратчайших стесях к царству социальной справедливости... В настроениях русской и московской среды 70-х и 80-х годов приходится видеть важный источник этой прочной ученой привязанности, может быть, даже источник склонности в трудных и спорных случаях становиться на сторону ученых приверженцев общинного начала»⁵. В той же среде складывались и ученые склонности Виноградова, хотя, может быть, эти настроения отложились в нем не так красочно, как в Ковалевском: Виноградов уступает Ковалевскому в литературном даре и превосходит его как ученый. Но во всяком случае и у Виноградова всего ярче выступает интерес к общинному строю, окрашенный в пароднические цвета. Глубокий интерес к судьбам крестьянства передал Виноградов и своей школе. Но тем временем изменилась историческая обстановка. В 90-х годах стало ясно, что и русской деревне придется пройти через «злую страду капиталистического своекорыстия и насилия» и что «стеся к царству социальной справедливости» не так проста и ведет именно через эту страду. Соответственно этому видоизменяется и направление научных интересов. Проникновение капиталистических отношений в деревню, разложение общины, классовое расслоение в среде крестьянства — вот те вопросы, которые русскими учеными начинают ставиться западноевропейскому прошлому; и в связи с этим им приходится все более и более продвигаться вперед по столетиям. Виноградов не заходит в своих исследованиях далее конца XIII в. «Восстание Уота Тайлера» Д. М. Петрушевского посвящено уже разложению старинного строя английской деревни под влиянием развития денежного хозяйства и охватывает преимущественно XIV в. Диссертации Савина изучают дальнейшие стадии того же процесса и рассматривают отчасти XV, а преимущественно XVI в. Гранат в своей книге «К вопросу об обезземелении крестьян в Англии» ставит своей прямой задачей проверку некоторых

⁵ А. Н. Савин, М. М. Ковалевский как историк. — «Исторические известия», М., 1916, № 1, стр. 175—176.

положений из XXIV главы I тома «Капитала» и заканчивает свое изложение XVI в. В своих последних статьях, посвященных истории отдельных маноров, Савин интересуется преимущественно «темным XVII в.» Утеникам своим Савин завещал работу над эпохой крушения деревенской общины и обезземеления английского крестьянина — над XVIII и XIX вв.⁶ Таким образом, Виноградов и его школа последовательно отразили крупные перемены в русском общественном строе и русской общественной мысли; несомненно, виноградовской школе в высокой степени присуще «бродило актуальности», и это освобождает ее от всяких упреков в ледантизме и удалении от родной действительности.

Очень удачным оказался выбор именно английской деревни. Англия вложила в себе русскую либеральную интеллигенцию, как контраст политическому строю царского самодержавия; но она притягивала к себе также исследователей разных лагерей, как тип раннего, чистого и законченного капиталистического развития. Хорошая сохранность английских источников, концентрация и доступность архивов, сравнительная простота и однообразие совершавшихся на почве Англии экономических процессов давали возможность ставить широкие и общие вопросы и разрешать их на почве широкого и достоверного материала. Едва ли на какой-нибудь другой почве, кроме английской, эти два основных момента в исследовательской работе — возможность постановки широких проблем и точного метода в их разрешении — встречаются в такой счастливой комбинации. В современной исторической литературе, посвященной изучению истории средневекового права, общества и хозяйства, английская историография является едва ли не наиболее живой и интересной. Конечно, в очень большой части это объясняется свойствами сохранявшегося в Англии исторического материала, его сравнительным богатством и существованием ряда переписей, в значительной мере допускающих даже применение статистического метода. В то время, как медиевисты Франции и Германии поневоле должны класть в основу своих работ источники юридического характера, их английские това-

⁶ См. в этом выпуске статью В. М. Лавровского. (Имелась в виду статья «Проблема исчезновения крестьянства в Англии», опубликованная в сб. «Памяти Александра Николасовича Савина». — Труды Института истории РАНИОН. — Прим. ред.)

рищи имеют возможность изучать не одни правовые нормы, но и наличные, повседневные отношения, при том не раз подвергавшиеся довольно точному подсчету на обширной территории и с одной точки зрения. Нельзя сказать, чтобы это уменьшало трудность исследования: новейшие работы часто не в состоянии даже приблизиться к полному решению спорных вопросов. Но зато самые вопросы можно ставить широко и всесторонне и наметить более или менее правильный путь, на котором возможно их разъяснение»⁷.

Примыкая к определенной школе, продолжая начатое другими делом, Савин работал, однако, в таких областях, где у него не было крупных предшественников, на достижения которых он мог бы опереться или от ошибок которых он мог бы отвращаться. Виноградов зависит от Сибма и Мэтланда и тогда, когда он следует за ними, и тогда, когда он с ними расходится. Петрушевскому дорога была расчищена Роджерсом, Виноградовым, Мэтландом. Савин в своих работах над XV, XVI и особенно над XVII в. столкнулся с почти полной неразработанностью вопроса; ему пришлось самостоятельно поднимать почти нетронутую целину. Нельзя сказать, чтобы об этих вопросах не писали — о них писали довольно много, и Савин, приступая к своей исследовательской работе, дал блестящий очерк тогдашней литературы по социальной истории XV—XVI в.⁸ Но по самым основным вопросам аграрного развития эта литература давала или очень беглые и поверхностные обзоры, или короткие и специальные монографии; большинство вопросов было совсем не разработано; в вопросах основного значения шли «споры между представителями голословных предположений (Эшли) и фантастических построений (Лидема)»⁹. Огромный цифровой материал был совсем почти не изучен; те немногие цифры, которыми оперировала историческая литература, восходили по большей части к беглым и пристрастным подсчетам антиквариев XVI—XVII вв., без критики повторявшимся

⁷ А. Н. Савин. Английский юрист в роли историка (отзыв о кн.: F. Maitland. Domesday Book and Beyond. Cambridge, 1897). — «Журнал мин-ва нар. просвещ.», 1900, ноябрь, стр. 210.

⁸ А. Н. Савин. Социальная история Англии XV и XVI века в новой историографии. — «Журнал мин-ва нар. просвещ.», 1901, июнь.

⁹ П. Г. Виноградов. Александр Савин. Английская деревня в эпоху Тюдоров. М., 1903 — «Журнал мин-ва нар. просвещ.», 1904, сентябрь, стр. 227.

позднейшими поколениями историков. Перед Савиным лежала колоссальная работа, совершенно непосильная для одного человека. Не удивительно, что ему не удалось создать для XVI в. цельного и всеобъемлющего труда вроде знаменитого «Villainage in England» Виноградова. И это не только потому, что у Савина почти не было предшественников, что аграрный строй XVI в. сложнее и пестрее, чем строй «феодальной» эпохи¹⁰, что источники здесь труднее, дробнее и многочисленнее. Савин сам поставил себе несравненно более трудную задачу, чем та, которая стояла перед Виноградовым: он не хотел ограничиться общим обзором аграрного строя XVI в.; он хотел в новой и необозримой области работать возможно более точным методом и добиваться возможно более точных результатов. В статистическом методе Савин видел единственный способ подняться над личными, индивидуальными впечатлениями и добиться объективных выводов. Он не переоценивал точности тех результатов, которые можно получить этим путем, но считал этот путь единственно правильным. «...И занимающиеся скучным счетом тоже стремятся только к вероятным, приблизительным выводам, к раскрытию господствующей тенденции, но не видят к этому более короткого и надежного пути, чем утомительные исчисления»¹¹. Едва ли есть более трудный и благодарный труд, чем статистическая обработка старинных источников. Это труд, требующий большой траты времени, терпения и осмотрительности — неудачный или односторонний подбор источников может легко повести к ложным выводам, прикрытым маской точности¹². Савину не удалось выполнить этого труда целиком; он дал лишь ряд фрагментов, ряд подготовительных работ. Но все же можно сказать без преувеличений, что если мы что-нибудь знаем по английской аграрной истории XVI в., то знаем главным образом благодаря Савину. Блестящие статьи Гая, поставившие на новую почву острый вопрос об огораживаниях XVI в., остались блестящим обещанием — возвещенная ими большая работа, насколько мне известно, так и не появилась в свет.

¹⁰ А. Н. Савин относил XVI в. к новому времени и, следовательно, рассматривал его вне рамок «феодальной эпохи». — *Прим. ред.*

¹¹ А. Н. Савин. М. М. Ковалевский как историк, стр. 181.

¹² Например, статистические выкладки Паджа (см. T. W. Page. The End of Villainage in England. New York, 1900. — *Прим. ред.*).

Большая работа Тоуни, посвященная английской деревне XVI в., представляет лишь обстоятельную популяризацию.

Еще одна причина помешала Савину создать цельный и полный обзор аграрной истории XVI в. Савину чужд «конструктивизм» Виноградова, его стремление по возможности, порой, данным, воссоздавать цельные и законченные картины. Но своим психологическим особенностям Савин ближе к зоркому скептику и аналитику Мэтланду. Пожалуй, он еще более скептик, чем Мэтланд; во всяком случае он осторожнее Мэтланда. Савин долго и тщательно подготавливает свое исследование, производит длинные и точные вычисления, собирает огромную массу доказательств — и только тогда решается сделать очень осторожный, даже нерешительный вывод. Читателю, привыкшему к легкости, с которой большинство историков строит ответственные выводы, смешивая доказанное с гипотетическим, читателю иногда становится досадно на эту чрезмерную осторожность, ему хочется дополнить, подчеркнуть выводы Савина, придать им более резкую и законченную, менее робкую форму. И лишь постепенно он приучается ценить эту редкую научную добросовестность, не позволяющую исследователю сказать больше, чем говорят факты. При тех необычно высоких требованиях, которые ставил себе Савин, трудно быстро подвигаться вперед. Каждому шагу, сделанному Савиным, предшествовала колоссальная работа. Зато нам почти никогда не приходится проверять Савина, зато мы можем вполне положиться на его выводы, можем спокойно их повторять. О многих ли исследователях мы можем сказать то же самое?

В связи с этим надо отметить еще одну особенность в работах Савина. Хотя Савин очень хороший, порой изысканный стилист, хотя его лекции и популярные статьи читаются и усваиваются очень легко, едва ли многие прочли и прочтут его диссертации и специальные статьи. И это не потому, что в России мало серьезных читателей. Кто не читал тяжело написанных диссертаций Виноградова? Диссертация Петрушевского скоро выйдет третьим изданием. Но диссертации Савина читали лишь немногие специалисты, и даже профессора-историки жалуются, что их трудно читать. Многие книги трудно читаются, потому что они плохо написаны. Савин своим ясным, метким и остроумным стилем («насмешливым», как он сказал про Мэтланда) очень скрашивает читателю преодоление своих дей-

ствительно трудных книг; они трудны, потому что они очень техничны. Историческая техника предъявляет к исследователям все большие и большие требования. К сожалению, не совсем прошло время, когда в историческом исследовании искали более или менее занимательного рассказа. Но все же «учебные историки стали в гораздо большей степени узкими специалистами, стали много усерднее прежнего предаваться критике источников и скучному счету»¹³. Точный метод требует сложной и выработанной аргументации там, где еще недавно ограничивались несколькими иллюстрациями. Читателю специального труда приходится глубоко погружаться в источники, входить в детали хозяйственной, судебной, административной практики изучаемой эпохи, следить за длинными столбцами цифр, за сложными таблицами. Специальные исследования по истории так же далеко уходят от легкого чтения, как специальные труды по химии или по высшей математике. Савин был редким мастером исторической техники. В анализе запутанных деталей держания по обычаю, в разборе сложного судебного дела, в делопроизводстве курии прибылей он — как дома. Ему близок пафос этой исследовательской техники, он «живо чувствует романтизм архива, притягательность пыльной и старой тайны»¹⁴. Не раз называет он подсчеты «скучными» или «утомительными», но мне кажется, что здесь он делает уступку вульгарным представлениям. На самом деле Савин любит эту «скучную» работу. Характерными словами заканчивает он «Историю одного восточного манора»: «С сожалением расстаешься с землями и людьми, с которыми после долгих подсчетов свыкаешься, точно добросовестный приказчик. Впрочем, утешение легко найти в других манорах, которые своими описями манят к себе терпеливого счетчика».

Савин любит свою работу, любит свой Уиндам, он свывается с его жителями, он близко знаком с цитируемыми им давно забытыми писателями XVII в.; одной мастерской черточкой он заставляет их оживать, и из старой книжки выглядывает живое человеческое лицо, благодушный остряк и англиканский клирик Фуллер, талантливый и много-сторонний пар-авантюрист Герберт, задорный священник-роялист Гелин... Я перелистывал тетради Савина, в которые он собирал материалы для своих диссертаций. Эти

¹³ А. П. Савин и М. М. Ковалевский как историк, стр. 182.

¹⁴ Там же, стр. 179—180.

тетради носят название «дневников», daybooks. В этих дневниках его сжатый почерк, переполняющий страницы буквами, как они переполнены содержанием, чередуется с почерком его неизменной помощницы — жены. Даты дневников сливаются с датами событий его личной жизни. У Савина не чувствуется этого обычного разделения на научную работу и личную жизнь — видно, как он живет в своей исследовательской работе.

Мастер исследовательской техники, Савин никогда не позволяет себе играть ею, не позволяет себе того ученого цегольства или фатовства, на которое падки порой и серьезные ученые. Никогда не найдем мы у него мудреного неологизма, модного словечка, ненужного пассажа, рассчитанного на то, чтобы показать свою ученость и начитанность. Глубокое уважение внушает его уверенный, свободный и спокойный стиль, стиль мастера, вполне владеющего своим предметом. Работая любовно, серьезно и пристально, Савин не считает нужным упростить, вульгаризовать свой предмет; он не считает нужным спускаться до читателя — пусть читатель поднимается до него. Да, книги Савина трудны. Но было бы очень жаль, если бы они были легче.

В своих диссертациях Савин дал пять или шесть тесно взаимосвязанных друг к другу, но самостоятельных исследований не одинаковой величины и не совсем одинакового достоинства. Два из них — «Юридическая теория обычного держания» и «Монастырское хозяйство накануне диссолюции» — являются едва ли не лучшими в современной литературе образцами точного исследования.

Когда Савин приступал к работе над аграрной историей XVI в., ему представлялись те вопросы, которые обычно связывались в литературе с этой эпохой — вопросы об огораживаниях, о секуляризации, о фермерском хозяйстве, о проникновении в деревню городского капитала. Но при ближайшем знакомстве с источниками он убедился, что путь к этим вопросам лежит через другие, еще более темные и невыясненные. На какой почве развивались все эти новые явления? Каковы были земельные права крестьянина? Как велось помещичье хозяйство? В каком положении находилась деревенская община? Раньше, чем смотреть вперед, пришлось пристально посмотреть назад. При этом выступила тесная связь явлений XVI в. с глубокой старинной, заставившая в первую очередь поставить вопрос о

живучести этой старины, о «силе исторической инерции». Для положения крестьянства в XVI в. очень характерна наличность в его среде крепостных, вилланов или «бондменов», как говорили в эту эпоху: последние известия о них относятся к началу XVII в. Савин сделал попытку подсчитать число вилланов эпохи Тюдоров по судебным протоколам, описям и отпускам. Ему удалось обнаружить их в 26 графствах и в более чем 80 манорах; всего оказалось возможным насчитать около 500 семейств. Конечно, это лишь часть крепостного населения тюдоровской эпохи, но по этой части можно судить и о целом. Савин склонен думать, что даже в начале тюдоровской эпохи вилланы не составляли более 1% всего населения. «Это не много, но это больше, чем многие думают, и это указывает на большую живучесть манориальной системы. Еще важнее то, что следы средневекового крепостного права остались в жизни других классов сельского населения, гораздо более многочисленных и важных. Крепостные XVI в. важны не только сами по себе. Их история бросает значительный свет на судьбу обычных держателей». Вилланское право некогда не было отменено в Англии, и содержание его в XVI в. мало изменилось со времен Брактона. Личная крепость не является в XVI в. простой юридической фикцией — она выражается в различных платежах, из которых главным был платеж за отпуск на волю. Эти платежи в XVI в. были очень высоки. Елизаветинские придворные порой получали в виде милости комиссию отпустить на волю известное число вилланских земель на коронных манорах, т. е. привести в порядок свои расстроенные дела поборами за отпуск¹⁵.

«Сила исторической инерции» во многом определяет судьбу и самого многочисленного и важного класса сельского населения в тюдоровскую эпоху — класса копигольдеров. Разработке темной юридической теории копигольда посвящена вторая глава «Английской деревни» Савина. Вопрос о происхождении копигольда не вышел до Савина из хаоса противоречивых гипотез; между средневековым крестьянством и крестьянством нового времени лежала полосу непроницаемого мрака. Савин с полной очевидностью установил, что копигольд вышел непосредственно из низ-

¹⁵ А. Н. Савин. Английская деревня в эпоху Тюдоров (гл. 1. Конец вилланства).

кого вилланского держания и что предками или предшественниками большинства копигольдеров XVI в. были люди лично зависимые, вилланы феодального периода. Те же пестрые манориальные обычаи, которые определяли земельные права вилланов, определяли и права копигольдеров; и эти обычаи, сложившиеся на почве крепостного права, были нередко очень невыгодны для держателей. Манориальный обычай далеко не в такой мере охранял интересы вилланов, как это казалось многим исследователям средневековой деревни. В очень многих манорах, может быть, в половине всех маноров, копигольд не был наследственным и отдавался на одну или несколько жизней без права возобновления. Ренты копигольдеров (барщина в XVI в. не играет видной роли) были обычно фиксированы, но зато в большинстве случаев плата за допуск была произвольна и определялась усмотрением лорда. Таким образом, неизменный и незаламятый манориальный обычай предоставлял лорду широкую возможность обезземелить крестьянина.

Юридическая теория требовала от манориального обычая определенности и неизменности; но на деле он нередко бывал неопределенным и изменчивым. И когда случалось так, то юридическая теория оказывала держателям плохую услугу, так как сильно мешала фиксации неопределенного обычая. Там, где не успели сложиться несомненные и неподвижные нормы, она предоставляла широкий простор произволу лорда. Если платы за допуск в разное время бывали различны, то юрист заключал, что они зависят от воли лорда. Если в очень давнюю пору вилланская земля передавалась посторонним помимо наследников, то копигольдерам становится трудно отстоять наследственный характер своего держания, и суд легко мог признать его пожизненным. Теория говорила, что нельзя создать нового копигольда, так как копигольд покоится на незапамятном обычае. Это была фикция, допускавшая на практике много исключений: и в XV, и в XVI в. лорды сплошь и рядом сдают по копии землю общего права. Но юридическая теория отказывалась признавать законность такого владения и предоставляла лорду широкое право обезземелить таких крестьян. Но иногда и старинный копигольд мог остаться без юридической защиты; для того, чтобы был копигольд, надо, чтобы был манориальный обычай, чтобы был манор, чтобы была курия. Но юридическая

теория XVI в. требовала, чтобы в манориальной курии было не менее двух фригольдеров. Если почему либо в маноре этих двух фригольдеров не оказывалось, курия переставала существовать, и вместе с ней падали все права конигольдеров. Все это показывает, что обезземеление крестьян не было непременно делом грубого нарушения закона. Еще более ошибочно полагать, что оно было результатом мирного и прогрессивного хозяйственного развития. Насильственное обезземеление могло протекать в рамках законности, так как обычное право сложилось для многих крестьян неблагоприятно и плохо их обеспечивало. Общественная организация и классовая борьба в течение долгого времени характеризовались приближением большинства и создавали выгодное для меньшинства право. Манориальный обычай вышел невыгоден для держателей, потому что он сложился в пору преобладания воюющего и правящего меньшинства, которое долго было в силах налагать свою волю на плохо организовавшее и рабочее меньшинство. Судьба обычных держателей в новое время есть в значительной мере результат социальных отношений феодальной эпохи. Исчезновение английских крестьян было мыслимо только в материальной обстановке нового времени; юридическая почва для него была создана общественными отношениями XII и XIII вв.

Местные обычаи английских деревень сложились в тесной связи с хозяйственными распоряжками феодальной эпохи. Пока продолжала существовать простота условий экономической жизни, в расчете лорда было не разрушать, а поддерживать обычные порядки, чтобы обеспечить себе правильное поступление жизненных продуктов и легче проверять своих приказчиков. Но с разложением той экономической основы, которая породила и укрепила манориальный обычай, расчеты лорда должны были измениться. Усиление спроса на продукты земледелия и скотоводства создало или повысило земельную ренту. Земельные цены поднялись, и сложился земельный рынок. «Специальные условия XVI в. — секуляризация, опалы, казни, быстрая смена придворных партий и фаворитов, переход от старого общинного трехполья к иным формам землепользования и полеводства — должны были увеличить бойкость и быстроту оборотов с землею, усилить и спрос и предложение на домен, пустошь и крестьянские держания. Когда создавалась возможность получать значительную предпринима-

тельскую прибыль от крупного скотоводства или зернового хозяйства, капиталисты мелкие, средние и крупные потянулись в деревню на разведки. Если у лорда не хватало оборотного капитала, чтобы повести большое дело на собственный страх, к нему являлся денежный человек и говорил о своем желании снять на года большой участок земли и хорошо заплатить за аренду. И с самого копигольдера можно было взять за землю гораздо больше, если заставить его держать на общем праве. Все клонилось к тому, чтобы сделать обычного держателя ненужным, неприятным и невыгодным для лорда, фермера-спекулянта и фермера-агронома». Особенно невыгодна для лорда при общем росте рент была неподвижность рент копигольда; интерес лорда состоял в том, чтобы избавиться от копигольда и заменить его срочною арендой. «Лорд чувствовал себя особенно свободным в тех частных случаях, когда обычай бывал неясен; на самые грубые насилия можно было набросить маску законности под предлогом своеобразного понимания местного права. Социально-экономические отношения складывались в деревне так, что нарушения мапориального обычая, споры, насилия и волнения при различном его толковании должны были стать очень частыми». Поэтому вопрос о судебной охране держателей приобретает в эпоху Тюдоров особенную важность. В феодальную эпоху держание по обычаю вообще не пользовалось охраной королевских судов. В XV в. охрана держания по обычаю входит первоначально лишь в компетенцию канцлерского суда справедливости, но не судов общего права. В XVI в. совершается самое важное явление в истории обычных держателей — рецепция мапориальных обычаев королевскими судами, в том числе и судами общего права. Суды начинают охранять права крестьянина, поскольку эти права защищены мапориальным обычаем. Но, как было указано, мапориальный обычай плохо защищал эти права, и рецепция его судами вовсе не исключала возможности правомерного обезземеления крестьян. Для крестьян далеко не всегда было выгодно, что порядки и формы, многими сторонами своими восходившие к феодальным учреждениям и барщинному хозяйству, были искусственно закреплены и объявлены неподвижными. Правда, юристы не ограничивались фиксацией обычая, они и видоизменяли его во имя требований «разума», но изменения эти не были глубокими и не внесли в положение крестьян существенных

перемен; самым важным из них было установление разумного размера для допускных плат.

«При Тюдорах происходит быстрый рост государственных задач и учреждений. Сфера правительственного вмешательства раздвигается и на время оттесняет назад общественную самодеятельность, Англия совершает значительный пробег в направлении к полицейскому государству». Расширяется деятельность старых правительственных учреждений и появляются новые. «Канцелярия, казначейство, тайный совет, государственные секретари вырастают в своем значении. Для окрестности создается специальное управление с широкими полномочиями; конфискации церковных земель ведет к образованию очень сложной администрации в центре и провинциях: переход церковного управления в руки государства вызвал появление «высокой комиссии», в тесной связи с тайным советом появляются два новых трибунала, звездная палата и палата прошений». Эти перемены в судебно-административном строе отразились и на положении держателей по обычаю. Особенно важна в этом отношении деятельность тайного совета, звездной палаты и палаты прошений. Этим учреждениям, как и вообще тюдоровской социальной политике, приписывают демократические тенденции. Правда, стремление охранять крестьян как основу военной и финансовой мощи страны занимает известное место в правительственной политике XVI в., но едва ли можно говорить о последовательном демократизме палат и совета в делах о копигольде. Судьи не были здесь связаны требованиями общего права; они могли руководствоваться желаниями правительства, и судебное разбирательство принимает порой черты административного вмешательства. Но в делах копигольдеров члены палат и совета ставят себе те же задачи, что и судьи общего права: они охраняют манорпальный обычай, и отношение их к держателям несколько не более благоприятно, чем в судах общего права. К XVI в. относится очень много копигольдерских процессов, но они не говорят о том, что права копигольдера хорошо охранялись. Интересно, что копигольдеры в большинстве случаев принуждены защищаться не от представителей новых течений в деревне — не от фермеров-капиталистов и скотоводов, а от своих лордов, родовитых джентльменов, старающихся использовать манорпальный обычай в своих интересах. И охрана манорпального обычая далеко не все-

гда является охраной крестьян. Сплошь и рядом она представляет неуклонную защиту сеньориальных привилегий «В общем обилие судебной охраны обычных держателей в XVI в. не устраняет их частой юридической беспомощности».

Еще менее благоприятна для крестьян была судьба обычного держания на северной и западной окраине. На севере оборона шотландской границы создала военнотрудовое обычное держание. В XVI в. потребность в военной обороне значительно ослабела, а ко времени унии и совсем исчезла. Северные поземельные отношения переводятся на отношения общего права. Королевские суды плохо охраняли местный обычай, и военнотрудовое обычное держание переходит в срочную аренду общего права с весьма непрочным правом возобновления. В Уэльсе местный обычай также вытесняется общим правом в связи с правительственной политикой англификации; и здесь держатели превратились в срочных арендаторов общего права.

На основании тщательного изучения документального материала Савин дал ясную картину юридического положения самой важной части английского крестьянства в XVI в. Крепостное право никогда не было отменено в Англии, и через манориальный обычай оно продолжает отбрасывать тень на последующие века. Права значительной части крестьянства на землю зависели от доброй воли лорда, и «охрана» этих прав в судах привела лишь к фиксации выгодного для помещиков и невыгодного для крестьян обычая. В сущности это не устраняет представления о насильственной экспроприации крестьянства. Но во всяком случае это насилие могло протекать в границах права и даже «справедливости», и во всяком случае в границах традиции, обычая. Любопытно, что первая брешь в доктрине о неподсудности дел об обычных держаниях общим судам была пробита не крестьянами, а лордами, искавшими в судах помощи для обезземеления своих крестьян. Вполне понятно, почему эволюция земельных прав копигольдера приняла именно такой оборот. И в XVI в., как и в феодальную эпоху, сила, а стало быть, и «право» находились не в руках крестьянина.

В очерке о «Разложении манориального хозяйства»¹⁶ Савин пытается дать обзор аграрной эволюции эпохи

¹⁶ А. П. Савин. Английская деревня в эпоху Тюдоров (гл. III. Разложение манориального хозяйства).

Тюдоров, но огромность и сложность предмета заставляет его сильно сузить свою задачу, отказавшись от изучения огораживаний, секуляризации, крестьянских движений, аграрной политики правительства. Он останавливается на двух характерных для XVI в. процессах — росте домена и разложения общинного строя. С распадом барщинного хозяйства домен манора обособился от держаний и стал опираться на наемный труд. Манор потерял прежнее экономическое единство и стал распадаться на ряд соперничающих хозяйств. Всего труднее процесс обособления развивался на пастбищах и пустошах, где каждая сторона старалась захватить побольше земли, а неясность прав приводила к резким столкновениям. Процесс обособления принимал различные направления; но в общем баланс перемен в распределении поземельной собственности складывался в XVI в. в пользу манориальных лордов и в ущерб держателям. При Елизавете площадь манориальных доменов, вероятно, немного уступала площади держаний. Но рост домена не обозначал роста сеньориального хозяйства. В конце XVI в. лорды редко ведут свое собственное хозяйство. Сеньориальное хозяйство исчезает очень медленно — и здесь сказывается все та же сила исторической инерции. Остатки барщины и других манориальных повинностей уцелели во многих манорах до позднего времени.

Савин относит важное место в жизни крестьянских хозяйств XVI в. разложению сельской общины, хотя и отказывается определить размеры этого процесса. Разложение общины ведет к постепенному исчезновению типичных наделов феодальной эпохи и к росту, с одной стороны, малоземелья, с другой — многоземелья. Одновременно с этим многие крестьяне стараются выделиться из общинной чересполосицы и огородить свои участки. Встречаются случаи полного передела всех общинных земель; иногда это бывает по инициативе лорда, иногда по инициативе зажиточных держателей. При таких переделах возникает социальная борьба — она невыгодна для беднейшего крестьянства, которое нередко заявляет протест. Савин отмечает большую пестроту в деревенском укладе XVI в. Наряду с архаическими явлениями встречаются деревни, близкие по своей структуре к современной Англии. Савин назвал свою главу о манориальном хозяйстве «общим» очерком. Во всяком случае этот очерк основан на очень широком и новом материале и дает, может быть, несколько

разрозненные, но очень конкретные картины английской деревни XVI в.

Другая диссертация Савина, «Английская секуляризация», также распадается на два или три отдельных исследования. Первое из них посвящено монастырскому хозяйству накануне диссольюции по «Церковной оценке» 1535 г. По-моему, это лучшее из всего, что было написано Савиным, и одно из лучших известных мне исторических исследований. Здесь Савин дает обширную монографию, основанную на изучении большого источника, охватывающего монастырские владения всей Англии. Характер этого источника позволяет ему широко развернуть сильные стороны своего исследовательского таланта — свою пристальность, точность, умение ставить источнику вопросы и пытаться у него точные ответы. Савину ставили в упрек, что он сузил свою задачу и затруднил ее, ограничив себя монографической разработкой одного, хотя бы и очень важного источника; выйдя за пределы этого источника он мог бы нередко получить более ясные и точные ответы на поставленные им вопросы¹⁷. Как ни справедливо такое замечание, но есть же пределы сплани индивидуального исследователя, входящего в новую и неизведанную область. Своей колоссальной работой над «Церковной оценкой» Савин заложил прочный и обширный фундамент для нового здания там, где не было ничего, кроме пустыря и бурьяна. Для того, чтобы провести работу в савинском масштабе над более широким материалом, нужен координированный труд многих трудолюбивых исследователей.

С секуляризацией связывается много вопросов. Подходя к своей работе, Савин больше всего думал о ранней истории капиталистического фермерства. Но прежде всего надо было выяснить размеры произведенной тюдоровским правительством «революции сверху». Единственным путем к этому было изучение пяти фолиантов «Церковной оценки», анализ длинных описей, полных имен и цифр. Надо было обладать большим ученым мужеством, чтобы за нее взяться, и исключительным запасом научного аскетизма, чтобы ее выполнить. Прежде всего Савину пришлось разрешить трудный вопрос — можно ли полагаться на «Церковную оценку», добросовестность которой не раз опорожни-

¹⁷ П. Г. Виноградов. Рец. на книгу А. Н. Савина «Английская секуляризация». М., 1906.— «Журнал мин-ва нар. просвещ.», 1907, декабрь, стр. 430.

валась. Савин подробно проследил работу королевских комиссаров, производивших «оценку». Его наблюденияшний раз показали большую точность и выработанность английской административной техники. Местные органы работали под бдительным надзором сверху и очень старались угодить начальству. Число монастырей, пропущенных в «Оценке», очень незначительно. Не много пропущено, по-видимому, и отдельных бенефициев.

И оценка церковных доходов произведена была комиссарами очень добросовестно, как это можно видеть из сравнения с другими описями такого же характера. Савин произвел детальную и придирчивую проверку своего источника и убедился, что на него можно положиться.

В своих попытках определить размеры монастырских владений Савину пришлось решительно отвергнуть распространенные вульгарные приемы, отводящие монастырскому землевладению $\frac{1}{6}$, $\frac{1}{5}$ или иную долю английской территории, или выражающие ее в том или ином числе миллионов акров. В самом деле, на те земли, которые считались «принадлежащими» монастырям, у них были очень разнообразные права. «Тут были и рыцарское держание, и свободная милостыня, и *socage* и *burgage*, и *copyhold*, и аренда разных длительностей, и держание на воле лорда, по отношению к большой площади земель монастырю принадлежало лишь право на десятину... на землю, вошедшую в монастырские описи «Церковной оценки», могли иметь права и другие лица, и права других лиц могли быть даже шире монастырских прав». Можно лишь определить общую сумму монастырского дохода, да и то без попытки определить, какую часть национального дохода она представляла. В общем у изученных Савиным 553 монастырей общий валовой доход составлял около 160 тыс. фунтов. Главная масса этого дохода падала на аграрный доход. Городской доход давал лишь около 14 тыс. Совсем ничтожен был доход от неземледельческих промыслов (около 3 тыс.). В деревенском земельном доходе монастырей главную массу (около $\frac{9}{10}$) составляли платежи держателей. Доход с собственного хозяйства монахов давал лишь около $\frac{1}{10}$. При этом пашня составляет большую часть домена *in man*; это говорит о том, что аграрные перемены мало коснулись, по крайней мере, монастырской земли. Неоднократно высказывавшееся в литературе мнение о большой задолженности и хозяйственном упадке монастырей перед

секуляризацией не находит подтверждения в «Церковной оценке». Савину пришлось резко выступить против обычных в литературе преувеличений благотворительной роли монастырей. Благотворительные расходы, по описи 1535 г., составляли меньше 2½ % валового дохода. При этом благотворительность носила случайный и беспорядочный характер: случайное и одновременное кормление бедняков преобладало над заботами о бедняках, постоянно проживавших в монастыре. Незначительно и число лиц, занятых в монастырском хозяйстве и так или иначе кормившихся около монастырей. «Среди монастырского административного персонала было много пэров, сановников, деревенских джентльменов; в монастырских школах часто учились дворянские дети. И по численности, ни по социальному составу населения, кормившегося за монастырской стеной, монастыри XVI в. не могли иметь большого значения в жизни английского общества». Савину приходится сорвать личину с апологетической католической историографии наших дней, которая охотно рядится в демократический костюм, особенно там, где католики находятся в меньшинстве и где католическое население не принадлежит к командующим классам населения. Монастыри не были демократическими учреждениями и не могли ими быть; они отражали соотношение сил в тогдашнем обществе и в массе своей тяготели к высшим и средним классам. «Монашеское хлебосольство не страдало демократической исключительностью, и перед богатым рыцарем дверь монастырской трапезной открывалась шире, чем перед дряхлым калекой».

Вполне объективная, основанная на тщательнейшем анализе цифровых данных работа Савина дает совершенно определенную картину монастырской жизни перед секуляризацией. Монастыри — ленивые хозяева, ведущие свое хозяйство в незначительных размерах и живущие главным образом получением рент. Они тяготеют преимущественно к высшим и средним классам общества и играют незначительную роль, как учреждения социального обеспечения¹⁸.

¹⁸ Конечно, эти выводы Савина не остались без ответа, и любезно, что упрек в «разгоряченной враждебности против католических идеалов и политики вообще» брошен Савину его учителем Виноградовым. — П. Г. Виноградов. Рец. на книгу

Рассмотрев монастырское хозяйство перед диссолюцией, Савин переходит к самой диссолюции. Сначала он дал «Юридическую историю диссолюции», т. е. анализ актов, установивших порядок диссолюции, и описание учреждений, которым было поручено управление секуляризованным имуществом (курии ириблэй и похожие на нее курии генеральных *surveyors*, десятины, спрот и передач). Савин отмечает чисто фискальный дух, которым проникнута вся диссолюционная политика. Статуты с большим вниманием устанавливают условия перехода монастырей в казну, бережно охраняют добросовестные интересы прежних лиц, но больше всего заботятся о казенном интересе.

Для управления новым казенным имуществом немедленно создается сложный бюрократический механизм с точными формами делопроизводства и отчетности. Тюдоры тяготелись старым, бюрократическим механизмом с его рутиной и стремились изъять новые поступления из ведения казначейства, чтобы иметь под руками свободный источник дохода. Доход короны противопоставляется, таким образом, доходу государства. Прецедентом для новых финансовых курий послужили удельные порядки герцогства Ланкастерского; доход с герцогства считался личным доходом короля-герцога, и бюджет его был выделен из общегосударственного бюджета. Эти порядки привлекали к себе организаторов королевской диктатуры. Юридическая история диссолюции говорит о сильном и самоуверенном правительстве, умело организующем свои финансы. «Законодательный материал позволяет предположить, что королева сумела обеспечить себе добрую долю при разделе диссолюционной добычи, что в истории отчуждения монастырских земель должны быть видны щупальцы левшафа-на». Анализ истории отчуждения монастырских земель посвящена V глава «Английской секуляризации». Савин дал лишь начало этой истории, рассмотрев только отчуждения времени Генриха VIII, притом только первые отчуждения и только отчуждения в наследственное владение.

Большой прилив частных ходатайств о пожаловании секуляризованных земель свидетельствует о напряженном спросе на землю и о готовности платить за нее полную цену. В пестрой толпе соискателей не видно, однако,

низших классов, не видно крестьян. Для отчуждения секуляризованных земель был установлен точный порядок. Всякому отчуждению предшествовала оценка, причем оценочные цифры отличались большой точностью. Савин определил, что всего при Генрихе VIII было отчуждено более половины всей монастырской недвижимости. Среди этих отчуждений очень значительную роль играют подарки. Среди лиц, приобретавших секуляризованную землю, демократические элементы ничтожны. Почти вся отчужденная земля перешла к средним и высшим, преимущественно к высшим, классам населения. Большие всего получили пэры, придворные чиновники новых финансовых курий и чиновники других центральных учреждений. Савину пришлось отметить весьма значительную мощь государственных начал в истории диссолюции. «Работа, задуманная прежде всего как страница из истории Тюдоревского общества, невольно оказалась в значительной мере страницей из истории Тюдоревского правительства». Самой сильной общественной группой, больше всего поживившейся от диссолюции, оказались по преимуществу руководители центрального государственного механизма. Все это свидетельствует о том, что в Англии XVI в. имелась своего рода гипертрофия государства.

Я дал лишь самое краткое изложение основных выводов двух диссертаций А. Н. Савина. Я надеюсь, что это изложение показало, как широко и в то же время осторожно Савин ставил свои исследования, как он далек был от узости и малочности, как он умел подходить к самым коренным вопросам в изучавшихся им областях. К сожалению, на немногих отведенных мне страницах я не могу показать силы и убедительности его аргументации, не могу показать той огромной и тщательной работы, которая лежит за каждым из его выводов.

В последние годы своей жизни Савин подарил нам три мастерски, любовно, тщательно сделанных небольших монографий об отдельных манорах¹⁹. Мэтланд давно уже высказал мысль, что обобщающая работа об английском маноре станет возможна лишь на почве монографической

¹⁹ «История одного восточного манора» была написана еще в 1913 г., но появилась в печати совсем недавно (в «Сборнике статей в честь М. К. Любавского». Пг., 1917, стр. 251—279. — *Прим. ред.*). «История двух маноров» напечатана в «Журнале мин-ва нар. просвещения», 1916, апрель.

разработки истории отдельных маноров. Мэтланд и сам дал прекрасный образец такой разработки истории манора Уилбертона²⁰. Ряд других монографий в таком же роде обогатил с тех пор английскую историографию. Но исследователи интересовались преимущественно средневековым манором. История более близких к нам столетий оставалась «окутанной непроницаемым туманом».

Вопрос о судьбах английского крестьянства в новое время, вопрос, имеющий такое огромное социологическое значение, во многих своих частях и до настоящего времени остается очень смутным. Савин сосредоточил свое внимание преимущественно на темном XVII в. И тщательное, микрометрическое изучение конкретных примеров не только наполнило плотью и кровью прежние отвлеченные схемы, но и выдвинуло новые вопросы и новые точки зрения.

Савин изучил два норфокских манора — Wymondham (Уиндом) и East Dereham от «Книги Страшного суда» до конца XVII в. Беркширский манор East Hendred изучен им для XVI и XVII в. Уже внимательное чтение средневековых источников показывает большую нестроту и неслаженность материальной структуры, мало похожую на симметричные схемы Сибома. К концу средневекового периода земля дробится, распадается, связь человека с землей делается подчас мимолетной, «кинематографической». Обычное деление земли манора на домен, землю помещика, и держательскую землю, крестьянскую общину, оказывается чрезмерным упрощением сложной действительности. Держательский мир не является по своему составу чисто крестьянским. В его среду все более и более проникают аристократические элементы.

«Все множатся держатели, которые называются джентльменами, эсквайрами, баронетами, изредка даже пэрами... У недавнего виллана появляются новые, лестные, но опасные товарищи. В круг фригольдеров и колигольдеров проникают люди, которые не умеют и не хотят пахать, бело-ручки, которые живут не на свои труды, а на свои доходы, люди, которые нередко где-нибудь поблизости являются уже не держателями, а лордами манора». Если исчезновение барщины, революция цен и фиксация обычая пошли на пользу держателям-крестьянам, если распадение мано-

²⁰ F. W. Maitland. The History of a Cambridgeshire Manor.— «English Historical Review», vol. IX, № 35, July 1894.

риального строя нанесло сильный удар манориальным лордам, то все же «деревенские джептльмены, породистые и повоявленные, могли выиграть в качестве держателей часть того или даже все то или даже больше того, что они теряли в качестве лендлордов. И для того, чтобы оценить силу аристократов, их земельный вес, необходимо к земельной площади, уцелевшей в руках манориальных лордов, присоединить обширные владения, собравшиеся в руках благородных держателей. Тогда нам станет понятнее конечное торжество аристократии, даже в наши дни так медленно сдающей свои позиции новым силам. Земельный магнат наших дней может быть правопреемником очень скромных кошгольдеров». «Возможно, что к концу XVII в. позиция благородных, господ, была в наших манорах даже сильнее, чем в классическую пору вилланства и барщины, в XII и XIII вв. Только манориальную аристократию нужно теперь искать не на домене, а на держаниях». Этим в значительной мере объясняется торжество аристократии в XVIII в., несколько неожиданное для тех, «кто считает XVI и XVII вв. порою крестьянского благополучия и крестьянских торжеств».

Необычайно плодотворным оказался этот метод исторической разведки. Обширная и темная область экономической истории теперь едва лишь открывается исследователям. Большие обобщающие работы, берущие материал из разнообразных и во времени и месту источников, аргументирующие примерами и иллюстрациями, слишком преломляют действительность через призму индивидуальных или классовых вкусов исследователя, слишком часто сводятся к подбору аргументов для взятого заранее тезиса. В монографии, дающей историю одной небольшой ячейки на протяжении столетий, исследователь пробывает вертикальную шахту в глубь вековых напластований; он связан своими источниками; он не может отбросить то, что ему кажется лишним, нетипическим, разрушающим предвзятую картину; он не может уйти в сторону от своей вертикали, что бы его ни встретило.

Монографии Савина поражают необычайной тщательностью и любовью к отделке. Как счетчик, он проявляет здесь поистине чудеса настойчивости и терпения, преодолевая неуклюжую сложность средневековых вычислений и их педантическую мелочность. «Мы встречаемся в описи с указанием, что держатель платит за свой акр пенни да

полнеши да четверть цениш да четверть шестнадцатой да восьмую шестнадцатой. Сколько потратишь времени, прежде чем придешь к заключению, что держатель платит $1^{107/128}$ ($1\frac{1}{2} + \frac{1}{4} + \frac{1}{16} + \frac{1}{64} + \frac{1}{128}$), сколько при нетерпеливом счете рискуешь наделать ошибок!»

Савин был не только мастер чтения источников; он обладал и другим даром, ценным в исследователе и далеко не часто встречающимся, — он был мастер читать книги. Едва ли много есть людей, которые бы так много и пристально читали, как Савин, и которые бы так умели читать, так умели взять у каждого автора все, что он может дать, так зорко отметить его сильные и слабые стороны. Обзоры литературы у Савина принадлежат к самым сильным и интересным частям его работ (см. особенно главу III «Английской секуляризации», «Социальная история Англии XV и XVI вв. в новой историографии». — «Журнал мин-ва нар. просвещ.», 1901 г. — Введение к его курсу по истории Англии XVII века). Его критические статьи — образец пристальности и зоркости, умение схватить индивидуальные черты каждого писательского облика (см. его статью о М. Ковалевском в «Исторических известиях», 1916 г., о Мэтланде в «Журнале мин-ва нар. просвещ.», 1900 г.). Я никогда не встречал человека, который бы так внимательно следил за всем, совершающимся в исторической науке, и так ясно представлял себе ее намечающиеся пути и очередные задачи. Но всему своему складу Савин был исследователем-аналитиком. Синтезом он занимается с какой-то чрезмерной осторожностью, как будто бы неохотно, лишь тогда когда произведенный им анализ его сам к этому поуждает. Обобщающие страницы немногочисленны в его произведениях. Он никогда не идет на примашку блестящей гипотезы, смелого обобщения, рискованной попытки через головы фактов заглянуть в неизвестное.

«Скептик» — так он сам себя не раз характеризовал. Очень трудно поэтому говорить об историческом мировоззрении Савина, о его «социологии». Мне хочется процитировать одно место из статьи Савина о Ковалевском, где он, по-видимому, говорит и о самом себе. «Последующие поколения ушли от М. М. Ковалевского в своих ученых и философских устремлениях. Одними завладел несчастный монизм, передко в особо неприемлемой для М. М. форме мистических исканий. Другие скрылись в чаще гносеологических сомнений, и прежде, чем строить

социологию, стали много упорнее прежнего задумываться над вопросом, возможна ли и как возможна социология. Ученые историки стали в гораздо большей степени узкими специалистами, стали много усерднее прежнего предаваться критике источников и скучному счету, ставить вопросительные знаки там, где раньше все казалось ясным».

Савин, по-видимому, не считал социологию возможной при современном состоянии исторической науки, которая пока что всюду расставила вопросительные знаки и медленно и с трудом накапливает материал для ответов. Социологические взгляды Савина приходится угадывать по отдельным, брошенным им намекам. Так, он считал наиболее важной для историка задачей выяснение фактов социально-экономической истории («Введение к курсу по истории Англии XVII в.») и полагал, что эти факты в гораздо большей степени определяют политическое развитие, чем определяются им («Английская секуляризация»). Упорное устремление его исследовательской работы именно на эти факты также является важным показателем того значения, которое он им придавал.

Очень плодотворной считает он попытку объяснить историю, как борьбу классов («Введение к курсу истории Англии XVII в.»). Если в этом курсе он сосредоточивается преимущественно на истории политической и религиозной и отвергает конструкции Бернштейна, то лишь потому, что экономическая история Англии в XVII в. почти неизвестна, а Бернштейн лишь комбинирует скудные факты, известные ему из вторых рук. Я не решаюсь назвать Савина материалистом. Скорее его можно называть историком-реалистом скептического и аналитического склада, с уклоном интересов в сторону социально-экономической истории.

История не была для Савина башней, на которую он удалялся от действительности. Прошлое и настоящее сливалось у него в живое единство; к настоящему он подходил с острым аналитическим взглядом историка; в прошлом он отмечал живые корни настоящего. В его ученой и преподавательской работе центр тяжести постепенно перемещался от средних веков к новому и новейшему времени. Но, зорко глядя в жизнь, он не был захвачен ее водоворотом. Он оставался все тем же скептиком и аналитиком, исследователем и ученым. Наука и жизнь неразлучны. Наме время лихорадочно кует новую жизнь. Хорошо было бы, если бы горячая сталь закалялась в холодных и светлых струях объективной науки, одним из редчайших представителей которой был Савин.

РОЛЬ РУССКИХ ИСТОРИКОВ В РАЗРАБОТКЕ ИСТОРИИ АНГЛИИ *

Политические учреждения Англии, ее экономический строй, ее культура, ее прошлое издавна привлекали внимание русского общества. Увлечение французской образованностью характерно для русского дворянства второй половины XVIII и начала XIX в., но уже и тогда многие увлекались Англией, и это увлечение порой принимало характер настоящей «англомании». Через англоманию прошло не только русское общество; в той или иной степени она характерна для всех европейских стран в период вступления их на путь капиталистического развития. У старейшей капиталистической страны мира они искали указаний как в области сельскохозяйственной и промышленной техники, так и в области политических учреждений и экономических теорий. Увлечение Англией характерно в XVIII в. и для Франции и для Пруссии. Английскими порядками увлекались и помещики, стремившиеся перейти к рациональному хозяйству, и нарождавшаяся промышленная буржуазия, и политические мыслители той эпохи, когда абсолютная монархия перестает соответствовать требованиям, предъявляемым новыми производственными отношениями.

В России усиленный интерес к Англии можно констатировать со времен Екатерины II. Этот интерес проявлялся и у самой императрицы. Ее «Наказ» представляет в значительной своей части плагиат у Монтескье, политические идеи которого сложились под влиянием своеобразно переработанных впечатлений от английской конституции. Впоследствии Екатерина II отказалась от либеральных

* Опубликовано: «Исторический журнал», 1941, № 10-11.

идей, так безответственно провозглашенных в ее «Наказе». Но в своем «Учреждении о губерниях», отражавшем более позднюю стадию развития ее политического мировоззрения, Екатерина II находилась под еще более непосредственным влиянием английских политических и юридических идей. Ее авторитетом были теперь Блэкстон и его «Комментарии к законам Англии». Отражая взгляды дворянских кругов, Екатерина II видит образец в превосходном Блэкстоном местном управлении Англии, которое в XVIII в. всецело находилось в руках дворянства¹.

В 1770 г. был открыт Английский клуб в Петербурге, а несколько позднее — в Москве. Правда, он был закрыт при Павле, но при Александре снова восстановлен (1802). В нем можно было не только беззаботно проводить время, но и поговорить на политические темы. Пушкин был его членом, в «палате Английского клуба» ораторствовал П. Я. Чаадаев. Охлаждение отношений с Францией в наполеоновскую эпоху содействовало усилению английского влияния среди русского общества. «Дней александровых прекрасное начало» ознаменовано сильным интересом к двум крупнейшим представителям английской буржуазной мысли: Адаму Смиту и Бентаму. Бентам, который особенно пользовался влиянием в ближайшем окружении императора, привлекал внимание и широких кругов читающей публики. В 1803 г. приехавший в Россию последователь и популяризатор Бентама Дюмон писал, что в Петербурге продано столько же экземпляров сочинений Бентама, сколько и в Лондоне. Сочинения Бентама были изданы по «высочайшему повелению». Еще раньше появился русский перевод «Богатство народов» Адама Смита, сделанный Н. Политковским по приказанию министерства финансов. Доктрина Адама Смита, на словах по крайней мере, сделалась официально признанным в России экономическим учением. Шторх, преподававший политическую экономию Николаю I в дни его юности, считался последователем Адама Смита.

Английская литература, хотя обычно и во французских переводах, находила многочисленных читателей и почитателей в тогдашней России. Могучий гений Байрона подчинил своему влиянию крупнейшие таланты России, не

¹ В 1780—1782 гг. вышел русский перевод Блэкстона, сделанный С. Е. Десницким, — «Истолкование английских законов и Блэкстона».

говоря о множестве более мелких подражателей как в литературе, так и в жизни. Рядом с ним выступает еще одно влияние, которому суждено было стать и более сильным и более постоянным, — влияние Шекспира...

Оппозиционная политическая мысль в России 30-х и 40-х годов обращалась в своих поисках не столько к Англии, сколько к немецкой идеалистической философии и к французскому утопическому социализму. Но в 50-х годах, когда на очередь стали реформы общественного строя побитой за свою отсталость России, интерес к английским учреждениям принял более практический характер. Вопросы освобождения крестьян, о реформе судебных учреждений, о самоуправлении, настоятельно выдвигавшиеся жизнью, заставляли обращаться к тем странам, где эти вопросы уже раньше нашли то или иное разрешение. И либеральные деятели, сторонники таких реформ, которые давали бы народу лишь минимум, охотно обращаются к английским учреждениям. Идеи английского самоуправления делаются особенно популярными среди известной части русского дворянства, которая знакомилась с ними главным образом в реакционной интерпретации Гейста и Токвиля, крайне преувеличивавших положительную роль английской землевладельческой аристократии.

«Русский вестник» в конце 50-х годов делается центром англомании такого рода. Катков изучает Блэкстона и Гейста, едет в Англию, чтобы на месте ознакомиться с английскими порядками, не устает возвозносить английскую landed gentry, институт мировых судей, фактически отдававший сельское население во власть помещиков. Selfgovernment, децентрализация, цитаты из «Токвиля» и «Стюарта» (Джон Стюарт Милль) делаются излюбленной темой как в бюрократических салонах Петербурга, так и среди «дичих» помещиков, гениально осмеянных Щедриным. Восторги помещиков по поводу английской landed gentry были вызваны как раз тем, что в Англии уже давно встретило резкие нападки со стороны передовой части общества, на что ополчались все прогрессивные силы страны.

Но из Англии же шли и свежие веяния, помогавшие русской разночинной интеллигенции бороться с застоявшимися предрассудками и создавать новое мировоззрение. Идеи буржуазного позитивизма проникали в Россию главным образом в их английской форме. Не Конт, а Бокль,

Милль, Спенсер оказывали наибольшее влияние на умы русской радикальной интеллигенции 60-х и 70-х годов. Свое социалистическое мировоззрение, окрашенное до этого времени преимущественно в цвета французского утопизма, она начинает перестраивать на материалистической основе, и с этим связан у нее повышенный интерес к Англии, давшей, как известно, Марксу и Энгельсу такой богатый материал для открытия законов развития и разложения капиталистического строя. В «Современнике» за 1860—1861 гг. Чернышевским был напечатан перевод «Оснований политической экономии» Милля с примечаниями, в которых он, по отзыву Маркса, мастерски выяснил банкротство буржуазной политической экономии. «Положение рабочего класса в Англии» Энгельса в изложении Шелгунова появляется в «Современнике» в 1861 г. Статья Шелгунова читалась и оживленно комментировалась во всех революционных кружках 60-х и 70-х годов.

Россия вступила на путь капиталистического развития. Изучение того, что было достигнуто странами, ранее вступившими на этот путь, стало настоящей практической задачей для русского общества. Из пестрой и противоречивой действительности Запада приходилось выбирать то, что подходило к русской действительности и к классовым интересам отдельной группировки. Это требовало критического и в конце концов исторического подхода к изучаемым явлениям. Но довольствуясь изучением английских историков², русские ученые начинают самостоятельную исследовательскую работу над историей Англии. Они едут в Лондон, работают в Британском музее и в архивах. Они создают ряд крупных исследований, обогативших европейскую науку. В этой работе ведущая роль принадлежала Московскому университету.

Первые самостоятельные исследования русских ученых по истории Англии вышли из-под пера не специалистов-историков, не профессоров историко-филологического фа-

² Из английских историков особым успехом у русской интеллигенции 60-х годов пользовался Т. Маколей. Русский перевод сочинений Маколей был издан в 1860—1865 гг.; см. также Д. И. Каченовский. Воспоминание о Маколее. — «Русское слово», 1860, № 6; Г. Вяземский. Лорд Маколей, его жизнь и сочинения. СПб., 1860; профессор Московского университета Г. Вяземский посвятил истории Англии также свои живо и интересно составленные лекции — «Англия в XVIII столетии», ч. 1—2. СПб. — М., 1860—1861.

культета, а «юрнстов», занимавшихся экономическими вопросами. Уже с середины 70-х годов появляется ряд крупных исследований по истории Англии, охвативших очень широкий круг вопросов. Здесь надо прежде всего назвать И. И. Янжула и М. М. Ковалевского, выступивших на научном поприще почти одновременно. Их исторические исследования были вызваны к жизни настоятельными запросами современности.

Магистерская диссертация *Янжула* была посвящена истории косвенных налогов в Англии³. Проблема косвенных налогов, после реформ 60-х годов легших тяжелым бременем на потребление и задержавших развитие русской промышленности, была резко выдвинута в России самой жизнью. В своей книге, основанной на внимательном изучении первоисточников, Янжул выяснил классовый характер косвенного обложения в Англии. Косвенные налоги господствуют в Англии в XVII—XVIII вв. потому, что они выгодны для землевладельцев, обладавших в это время политической властью. Но с ростом промышленной буржуазии связана отмена таможенных пошлин, а выступление на историческую сцену рабочего класса влечет за собой развитие подоходного обложения и дальнейшую отмену косвенных налогов⁴.

Докторская диссертация Янжула носит название «Английская свободная торговля»⁵ и по теме своей тесно примыкает к вопросам, затронутым в его магистерской диссертации. Здесь поставлен не только вопрос о том, что выгоднее для государства: покровительственная система или свобода торговли, — но и более общий вопрос — о границах государственного вмешательства в экономическую жизнь

³ И. И. Янжул. Опыт исследования английских косвенных налогов. М., 1874.

⁴ Той же теме истории налогов в Англии были посвящены в дальнейшем еще две работы московских ученых: И. Х. Озеров. Подоходный налог в Англии. М., 1898; П. П. Гензель. Налог с наследства в Англии. Исследование по истории английских финансов. М., 1907. Оба автора, стоявшие тогда на буржуазно-радикальных позициях, развивают далее тезис, выставленный Янжулом, о классовом характере обложения и о неизбежности перехода от косвенных налогов к прямым по мере роста политического влияния рабочего класса.

⁵ И. И. Янжул. Английская свободная торговля. Исторический очерк развития идей свободной конкуренции и начал государственного вмешательства, вып. 1. Период меркантильный. М., 1876; вып. 2. Период свободной торговли. М., 1882.

страны и, в частности, в отношения между предпринимателями и рабочими. Для России, уже вполне вступившей на путь капиталистического развития, это был насущнейший вопрос. Фабричное законодательство делало здесь свои первые шаги. Янжул сам был фабричным инспектором Московского округа в течение пяти лет (1882—1887), но принужден был отказаться от этой должности, так как убедился, что администрация последовательно парализовала все мероприятия, направленные на защиту рабочих, и всячески мирволила предпринимателям.

Свою книгу Янжул начинает с идеализированной характеристики государственной власти в Англии в XIV—XVI вв. Государственная власть в это время представляла, по его мнению, интересы всех классов, «относилась ко всему народу одинаково», защищала трудящихся от насилий имущих. Это особенно относится к тюдоровскому правительству и к его аграрной политике. Янжул утверждал, что своим благосостоянием в это время «рабочие классы» были в значительной мере обязаны заботам попечительного государства. Но как только государство ослабило свой надзор и начало относиться пассивно к собственным «регуляциям», «рабочие классы» были предоставлены всем случайностям рынка и тотчас же пали в неравной борьбе с капиталом. Янжул был недостаточно знаком с эпохой Тюдоров, мало знал источники и основывался главным образом на подкрашенном изображении этого времени у Фруда. Но позднейший период — со второй половины XVII в. — он изучил по первоисточникам, и здесь суждения его были более зрелыми. Поэтому время с XVII и особенно XVIII в. он изображал как период, когда государственная власть представляла «исключительно интересы землевладельческого класса», а XIX в. — как период, когда она представляла интересы «одного среднего сословия» (буржуазии). Политика меркантилизма соответствовала в основном интересам помещичьего землевладения. Прогрессивно растущая промышленная буржуазия выдвигает идеи свободной торговли и свободной конкуренции, в которой Янжул видит сущность классической политической экономии. Переломным моментом в борьбе между меркантилизмом и свободной торговлей Янжул считает петицию лондонского Сити о свободной торговле, поданную в парламент в 1820 г.

Во втором томе своего труда Янжул стремится проследить, какими причинами вызван был кризис, который пе-

реживает классическая политическая экономия, чем вызван рост недоверия к ее положениям, казавшимся ранее непоколебимыми, и по какому пути шло здесь развитие экономических идей. Основной темой здесь является борьба идей государственного вмешательства и невмешательства. Янжул выясняет, почему в Англии восторжествовали идеи свободной торговли, и приходит к выводу, что «реформа свободной торговли» в Великобритании была выполнена лишь настолько, насколько это соответствовало интересам господствовавших классов, представленных в парламенте. Эта «реформа» не устранила бедствий рабочего класса, не зависящих, по его мнению, ни от протекционизма, ни от свободной торговли, а являющихся результатом всего капиталистического строя в целом. Янжул высказывается за широкое вмешательство государства в отношения между предпринимателем и рабочим. Но он думает, что существенное улучшение положения рабочих возможно лишь в связи с существенным изменением всего общественного строя. Никаких определенных выводов из этого верного наблюдения Янжул, однако, не делает, отмечая как отрицательные, так и положительные стороны капиталистического строя.

Труд Янжула представляет собой историческое исследование, основанное на тщательном изучении первоисточников. Во многих отношениях труд этот устарел, но еще и теперь можно обращаться к нему за справками. Конечно, он далек от полноты. Достаточно сказать, что, излагая идеи английских социалистов, Янжул не считает нужным рассказать об Оуэне. Другие работы Янжула, посвященные Англии, обращены не столько к ее прошлому, сколько к настоящему (о Ливерпульской ассоциации финансовых реформ, об University extension, Армии спасения и пр.).

Первые труды *Максима Ковалевского* были посвящены весьма актуальному в его время вопросу о местном самоуправлении и непосредственно связаны с вопросом о социальном характере земства. Эти проблемы ставятся на материале истории средневековой Англии⁶. Автор рассмат-

⁶ См. М. М. Ковалевский. Полиция рабочих в Англии в XIV веке и мировые судьи как судебные разбиратели споров между предпринимателями и рабочими. Лондон, 1876; его же. История полицейской администрации и полицейского суда в английских графствах с древнейших времен до смерти Эдуарда III. Прага, 1877 (магистерская диссертация); его же. Общественный строй Англии в конце средних веков. М., 1880 (докторская диссертация).

ривает Англию, как страну наиболее раннего развития политической администрации, и стремится проследить, как эта администрация постепенно сосредоточивалась в руках землевладельческой аристократии, которая использовала ее в своих классовых интересах.

Докторская диссертация Ковалевского имеет целью показать «зависимость политического строя средневековой Англии от общественного». Сословие, в руках которого находится социальное могущество — большая часть земли, — получает власть и в центральных политических учреждениях и в местном самоуправлении и использует эту власть в целях укрепления своего сословного господства. Социологические взгляды Ковалевского достаточно хорошо известны, и вряд ли необходимо здесь подвергать их критике. Наряду с правильными положениями у него попадает немало наивностей; влияние идей марксизма на его взгляды было довольно поверхностно. Ковалевский работал в архивах, изучил огромную массу печатного и рукописного материала. У него был силен «апафос пыльной архивной тайны», но у него не хватало времени на тщательное разыскание и сопоставление архивных данных. Он часто просматривал архивы так, как пробегают газеты. Не мудрено, что для его трудов характерен «импрессионизм», как удачно выразился Д. М. Петрушевский, что его положения часто не доказываются, а лишь бегло иллюстрируются, что он нередко повторяется и противоречит себе. Но мысль его всегда свежа и интересна, даже тогда, когда она не додумана до конца, даже тогда, когда с ней невозможно согласиться.

В своей многообразной работе М. Ковалевский не однажды возвращался к истории Англии. Его «Английская пугачевщина»⁷ является первым специальным исследованием, посвященным восстанию 1381 г. Автором была прочитана масса изданного и архивного материала. Кроме обычно привлекавшегося материала хроник, автор привлек документальные материалы, протоколы судебных комиссий и т. д. Правда, здесь сказываются и обычные недостатки трудов Ковалевского. Впрочем, вряд ли что можно прибавить к той блестящей характеристике, которую дал этой работе Д. М. Петрушевский в первом издании своего «Восстания Уота Тайлера». В своей работе «Экономический

⁷ См. «Русская мысль», 1895, кн. V, VII, IX-X.

рост Европы до возникновения капиталистического хозяйства» Ковалевский уделяет большое внимание развитию английского манориального строя. Ряд статей он посвятил вопросам истории английской реформации и революции, из них особенно нужно отметить «Секуляризацию монастырской собственности в Англии и ее ближайшие последствия»⁸. В его книге «От прямого народовластия к представительному и от патриархальной монархии к парламентаризму» содержится живой и оригинальный очерк истории политической мысли в Англии XIV—XVII вв., особенно же эпохи английской революции.

М. Ковалевский сравнительно недолго работал в Московском университете, откуда был вскоре удален за «отрицательное отношение к русскому государственному строю». Значительную часть жизни он провел за границей, работая и читая лекции в разных местах, потом неудачно увлекся политической деятельностью и в конце концов не создал школы, не оставил преемников, хотя его влияние сказалось на развитии русской исторической мысли.

Гораздо значительнее и длительнее было влияние его младшего товарища *П. Г. Виноградова*, который не только дал ряд замечательных трудов по истории Англии, составивших новый этап в развитии европейской историографии, но и был основателем школы, оказавшейся чрезвычайно жизнеспособной.

Виноградову и его школе по праву должно принадлежать одно из почетнейших мест при перечислении русских историков, занимавшихся историей Англии. Сам Виноградов совершенно определенно связывал свою научную работу с теми политическими интересами, которые были вызваны у него и его поколения крестьянской реформой и ее последствиями. Проблема крепостной и свободной общины, живучести и жизнеспособности общинных порядков, проблема, горячо обсуждавшаяся в ученых и политических кружках Москвы и всей России в 60-х и 70-х годах, надолго определила направление научных интересов Виноградова. Изучить общинный и крепостной строй, установить их соотношение и взаимодействие, проследить судьбы того и другого было легче на примере страны, где тот и другой проделали уже весь круг своего развития. В этом отношении Англия могла быть классическим образцом:

⁸ См. «Русская мысль», 1888, кн. I-II.

в ней и крестьянская община и феодальное поместье выступали с исключительной четкостью, и в ней они завершили свое развитие, уступив место совершенно новым общественным формам. В то же время необычайное богатство английских архивов сулило исследователю более обильную жатву, чем в других странах. Таким образом, ни постановка проблемы у Виноградова, ни выбор материала для ее разрешения не были случайными: они были продиктованы жизнью. Аграрная история средневековой Англии и особенно проблема свободной общины и крепостного поместья были излюбленными темами Виноградова; работая над ними, он добился заслуженной славы одного из первых, если не первого медиевиста своего времени.

Толчком к первой большой работе Виноградова, посвященной аграрной истории средневековой Англии, послужила известная книга Сибом «English Village Community». Сибом не скрывает своих реакционных, антикоммунистических взглядов: наоборот, он спешит подчеркнуть их. Путь развития человечества идет, по его мнению, от рабства к свободе, но к свободе, понимаемой в смысле свободной конкуренции. Общинное начало мыслится только как крепостное, не совместимое со свободой. Община была всегда крепостной общиной. Британия получила от Рима крепостное поместье, организованное на общинных началах. Дальнейшая аграрная история Англии представляет историю разложения тесно связанных друг с другом крепостного поместья и общины. Этой теории, блестяще изложенной, но основанной на очень шатком фундаменте, Виноградов противопоставляет теорию, представляющую развитие взглядов германистов и основанную на изучении огромного документального материала. Свободная германская община является исходным пунктом аграрного развития средневековья; римские порядки не оказали никакого влияния на строй английской деревни. История аграрных отношений в средневековой Англии представляет историю постепенного закрепощения первоначально свободной общины, а потом ее нового освобождения. При этом свободная община обнаруживает исключительную живучесть. И в крепостном поместье она сохраняет ряд характерных признаков прежней свободы. Свои взгляды Виноградов изложил в блестящей докторской диссертации — «Исследования по социальной истории Англии в средние века» (СПб., 1887). В книге разработан и освещен огром-

ный материал источников, дан ценный и самостоятельный анализ ряда трудных юридических вопросов. Эта работа дала начало ряду других исследований, доставивших автору мировую известность. Важнейшим из них является «*Villainage in England*» (Оксфорд, 1892), дающее классическое изображение юридического и экономического положения английского крестьянства в XII—XIII вв. Другие его работы по аграрной истории средневековой Англии относятся к тому периоду его жизни, когда он принадлежал уже не России, а Англии⁹.

Сила Виноградова заключается в строгости и точности его исследовательского метода. Прошедший строгую историческую школу в семинариях Моммзена и Бруннера, Виноградов основывает свои выводы на глубоком изучении источников, привлекает горы архивного материала. Слабой стороной его исследований было его увлечение юридическим анализом и юридическими построениями, которые иногда заслоняли у него реальные, жизненные отношения. Притом, необычайно сильный в анализе, он не был столь же силен в обобщениях. Он никогда не додумывал их до конца и в нерешительности останавливался на полдороге. Правый либерал в политике, он таковым остался и в науке.

Влияние Виноградова на развитие исторической науки в России очень широко и глубоко. К его школе принадлежат ряд историков, работавших над разнообразными вопросами. В области изучения истории Англии непосредственными преемниками Виноградова являются Д. М. Петрушевский и А. Н. Савилл.

Д. М. Петрушевский не был непосредственным учеником Виноградова. Но его основные работы, посвященные аграрной истории Англии, примыкают к работам Виноградова как по содержанию, так и по исследовательскому методу. «Восстание Уота Тайлера» можно рассматривать как непосредственное продолжение «Вилланства в Англии». Посвященное великой крестьянской войне 1381 г., это исследование дает картину разложения в XIV в. того феодального строя, полный расцвет которого в XII и XIII вв. нарисовал Виноградов в своем «Вилланстве». Вместе с тем исследования Петрушевского дополняют «Вил-

⁹ Среди них на первом месте надо назвать «*Growth of the Manor*», Лондон, 1905 (в русском переводе — «Средневековое поместье в Англии», СПб., 1914); «*English Society in the XI Century*», Оксфорд, 1908, посвященное анализу «Книги Страшного суда».

лапство», освещая ряд важнейших вопросов, мало затронутых Виноградовым, особенно вопрос о деятельности манориальных курий и защите ими прав вилланов. Книга Петрушевского, подобно работам Виноградова, основана на изучении огромного, критически проверенного материала первоисточников как печатных, так и архивных. Петрушевский примыкает к Виноградову и в основном понимании аграрного развития Англии. Подобно Виноградову, он считает поместный строй «наложенным сверху» на первоначальную свободную общину и, пожалуй, еще сильнее, чем Виноградов, подчеркивает следы первоначальной свободы, сохранившиеся в положении английских вилланов феодального времени.

Не все положения Петрушевского являются бесспорными. Совершенно невозможно согласиться с его концепцией «гармонии интересов лорда и вилланов». Чрезвычайно оптимистической кажется его оценка той охраны, которую манориальная курия давала вилланам. Неприемлемо то определение феодализма как чисто политического института, как «системы политически соподчиненных сословий», которое автор ввел в новые издания своей книги. Но книга Петрушевского уже свыше 40 лет сохраняет значение основного труда по аграрной истории Англии в XIV в. и по истории крестьянского восстания 1381 г. В настоящее время вышло уже 4-е издание его книги с новыми исправлениями и добавлениями. Ряд работ Петрушевского был посвящен политической истории Англии. Несколько изданий выдержала его «Великая хартия вольностей». Еще большей популярностью пользуется его курс «Очерки из истории английского государства и общества в средние века», освещающий социально-политическое развитие Англии, начиная от англосаксонской эпохи до XV в.

Дальнейшую разработку проблем аграрного развития средневековой Англии дают труды *А. Н. Савина*: «Английская деревня в эпоху Тюдоров» и «Английская секуляризация».

Если Виноградов довел исследовательскую работу над историей английской средневековой деревни до конца XIII в., а Петрушевский — до конца XIV в., то Савин продвинул это изучение еще дальше в хронологическом отношении, посвятив свои работы XVI в. Савин не дал в своих трудах такой всесторонней картины аграрного развития XVI в., которую можно было бы поставить наряду с тру-

дами Виноградова и Петрушевского. Мастер специального исследования, он дал в своих двух больших диссертациях собрание отдельных этюдов, сделанных на огромном материале с исключительной точностью и тщательностью. Такие центральные вопросы, как вопросы огораживаний, развития капиталистического фермерства, крестьянских восстаний XVI в., не стали предметом его изучения. Даже вопрос о секуляризации изучен им далеко не полно: он успел исследовать историю лишь первых отчуждений секуляризованных земель, притом отчуждений в собственность. Это объясняется необычайной тщательностью, с какой проводилась автором исследовательская работа, накоплением по частным вопросам огромного материала, обработка которого не оставляла времени для освещения проблемы в целом.

Метод работы Савина сложнее, чем метод Виноградова. В гораздо большей степени, чем Виноградов, он занимается критикой источников, педантически проверяя их точность. В его исследованиях центральное место занимают подсчеты, цифры, таблицы. Все это придает его исследованиям характер исключительной добросовестности. В то же время Савин крайне скептически относился ко всякого рода обобщениям, сделанным не на основании внимательнейшей обработки массового материала. Поэтому он часто избегает выводов и останавливается на пороге обобщения, которое готов сделать читатель. Его «Английская деревня в эпоху Тюдоров» представляет, в сущности, ряд специальных монографий. Одна из них, «Конец вилланства», показывает, что крепостное право продолжало существовать в Англии и в XIV в., но что вилланы представляли уже крайне незначительный процент населения. Тем не менее остатки вилланства в XV в. бросают свет на положение основной массы английского крестьянства — обычных держателей — копигольдеров.

В следующем очерке, «Юридическая теория обычного держания», Савин выясняет, что копигольд (типичское крестьянское держание XVI в.) произошел от вилланского держания. Он показывает, что от вилланского держания копигольд унаследовал недостаточную юридическую обеспеченность, несмотря на то, что суды начинают оказывать ему защиту; наконец, Савин опровергает ходячую легенду о демократических тенденциях тюдоровских судов. Савин показал, что лорд имел полную возможность обезземелить

копигольдера, даже не прибегая к нарушению закона. Савин не отрицал насильственной экспроприации английского крестьянства в XVI в., но показал, что это насилие часто могло иметь вполне легальный вид.

В своей докторской диссертации «Английская секуляризация» Савин дал превосходный анализ монастырского хозяйства на основании статистического изучения произведенной в 1535 г. описи монастырского имущества (*Valor ecclesiasticus*). Савину удалось разрушить легенду о том, что монастыри играли крупную благотворительную роль в средние века. Полученные им результаты показали, что суммы, отпускавшиеся монастырями на благотворительность, были сравнительно незначительны. Ворота монастырей гораздо шире открывались перед богатыми, чем перед бедными. Савин проследил историю секуляризации и распродажи церковных имуществ. Он пришел к убеждению, что правительство не раздавало конфискованной земли, а с выгодой распродавало ее. Но еще больше выгод извлекали покупатели земель, среди которых преобладали люди, близкие ко двору и к правительственному аппарату. Первые покупатели секуляризованных земель обычно перепродавали купленные земли с большой для себя выгодой.

Савину принадлежало еще несколько монографий по истории отдельных маноров; он прослеживает по сохранившимся источникам их судьбы, начиная с «Книги Страшного суда». Его особенно привлекал малозученный XVII век¹⁰. Мастерски сделанные, эти небольшие монографии бросают свет на ряд крупных проблем в аграрной истории Англии XVII в., в частности, на вопрос о росте дворянского землевладения. Савину принадлежит также лучший из имеющихся на русском языке очерков истории Английской революции XVII в.¹¹. Прошлое и настоящее Англии были предметом постоянного изучения этого необычайно начитанного и осведомленного ученого.

¹⁰ Часть этих исследований напечатана: «История одного восточного манора» (в «Сборнике статей в честь М. К. Любавского»), «История двух маноров» (в «Журнале миш-ва нар. просвещ.», 1916, апрель), часть была подготовлена автором в последний год его жизни и до сих пор в печати не появилась.

¹¹ «Лекции по истории Английской революции» вышли уже после смерти автора в двух изданиях: 1-е изд., М., 1924; 2-е изд., под общей редакцией Е. А. Косминского, М., 1937.— *Прим. ред.*

Мы можем наблюдать, как в работах школы Виноградова изучение аграрной истории Англии хронологически передвигается от ранней эпохи и от классического феодализма в трудах основателя школы к начавшемуся разложению феодальной деревни в XIV в. (Петрушевский) и к началу ее капиталистического перерождения в XVI в. (Савин и Гранат). Такое перемещение интереса не случайно. Если в первые десятилетия после реформы 1861 г. крестьянская община могла еще казаться сильной, живучей и способной к дальнейшему развитию, то уже в 90-е годы отчетливо обнаружилось ее разложение и расслоение деревни, а к 900-м годам стало совершенно ясно, что русская деревня идет по пути капиталистического развития. Влияния,шедшие непосредственно из русской жизни, направляли интересы историков школы Виноградова.

Если в области аграрной истории Англии русские ученые дали ряд крупных самостоятельных исследований, то лишь немногих таких исследований можно назвать по истории английской промышленности и торговли. Между тем интерес к этим вопросам в русском обществе был очень велик. Быстрое развитие промышленности в России на капиталистических началах, стремительный рост рабочего движения, широкое распространение идей марксизма — все это привлекало общее внимание к истории промышленности и особенно промышленного пролетариата в старейшей капиталистической стране, давшей Марксу и Энгельсу главный материал при выработке основ научного социализма. Но здесь интересы русских читателей могли быть удовлетворены английской литературой, несравненно более богатой в области промышленной истории, чем аграрной. Труды Роджерса, Эшли, Кеннингема, Гиббинса, Уэббов переводятся на русский язык. Надо отметить, что превосходный перевод книги Уэббов «Industrial Demoscasy» был сделан В. И. Лениным¹².

Из крупных самостоятельных исследований русских историков по истории промышленности и торговли в Англии следует назвать «Периодические промышленные кризисы, история английских кризисов и общая теория кризисов» М. И. Туган-Барановского¹³. В этом труде дан

¹² С. и Б. Уэбб. Теория и практика английского трэдиционизма. Пер. с англ. В. Ильина, т. I. СПб., 1900.

¹³ Первое издание вышло в 1894 г.

обстоятельный анализ промышленных кризисов в Англии, начиная с 1825 г.

Политическая история Англии продолжает привлекать внимание русской читающей публики и русских историков. Выше были указаны труды Петрушевского по политической истории английского средневековья. Нарастание революционной ситуации, а потом революция 1905 г. пробуждали в России и особый интерес к истории революционных движений на Западе, особенно к французской и английской революциям. Не говоря уже о ряде переводных работ (переводы Гардинера, Вейнгартена, Штерна, Карлейля, Морлея, Монтегю и др.), стали появляться исследования русских ученых по истории английской революции. Здесь надо назвать лекции Савина и книгу С. Фортунатова о Генри Вэне. Из других трудов, посвященных политической истории Англии, надо отметить две работы К. А. Кузнецова: «Опыты по истории политических идей в Англии XV—XVII вв.» (1913) и «Английская палата общин при Тюдорах и Стюартах» (1915).

Великая Октябрьская социалистическая революция поставила перед исторической наукой в СССР новые задачи. Перед советскими историками стала во весь рост задача пересмотра всего наследия буржуазной исторической науки с позиций марксизма-ленинизма и организация дальнейшей исследовательской работы в тех направлениях, которые диктовались задачами пролетарской революции. Одновременно с этим встал вопрос об объединении разпыленных до того времени усилий отдельных историков общей организацией и общим планом...

Постановления партии и правительства о преподавании истории и об открытии исторических факультетов позволили поставить эти вопросы во весь их рост. Организация институтов истории в составе Академии наук СССР и академий наук в ряде союзных республик дала могучий толчок делу координации работы советских историков.

Разработка вопросов истории Англии идет в СССР по двум направлениям. С одной стороны, создавались специальные монографии по отдельным проблемам английской истории. Составляя предмет работы отдельных ученых, они были, однако, связаны единством проводимого в них научного мировосприятия и единым планом, поскольку они входили в программу работы научно-исследовательских институтов. Одновременно с этим шла другая, не ме-

нее важная часть работы: создание общей истории Англии в связи со всемирной историей. Эта работа выполнялась как часть плана многотомной «Всемирной истории», намеченного Институтом истории Академии наук СССР¹⁴.

На первом месте среди исследований по истории Англии, вышедших после Октябрьской революции, следует отметить «Очерки по истории рабочего движения в Англии» Ф. А. Ротштейна¹⁵. Книга эта ответила на настоятельный запрос советского читателя дать марксистское освещение важнейших проблем истории Англии в новое время. Она представляет особенный интерес потому, что автор ее является не только историком, но и непосредственным участником английского рабочего движения. Книга открывается кратким, но чрезвычайно содержательным и основанным на изучении первоисточников очерком истории чартистского движения, который по праву может быть назван первым научным исследованием по данному вопросу. Очень интересен очерк «Провозвестники классовой борьбы до Маркса». В последнее время находят много предшественников Маркса среди буржуазных ученых первых десятилетий XIX в. Но изученные Ф. А. Ротштейном английские публицисты О'Брайен, Джон Бель, Гетерингтон интересны тем, что они формулировали идеи классовой борьбы не с буржуазно ограниченной, а в некоторых случаях с пролетарской точки зрения.

Следующий очерк, «Предшественники Интернационала», посвящен вопросу о корнях Интернационала в английской почве, поскольку в Англии рабочий класс впервые достиг зрелости и здесь впервые развились идеи международной солидарности пролетариата. Автор прослеживает развитие этих идей и их претворение в жизнь от начала 30-х годов XIX в., особенно останавливаясь на истории «братских демократов», первой международной организации рабочего класса и «Международного комитета» Эрнеста Джонса. Во 2-м издании к этим очеркам присоединено еще исследование о «Периоде тред-юнионизма», посвященное выяснению особенностей рабочего движения в Англии

¹⁴ Е. А. Косминский имел здесь в виду намечавшуюся к изданию 50-томную «Всемирную историю». В связи с изменением плана издания в настоящее время выпускается в свет 10-томная «Всемирная история», из которой вышли уже девять томов.—
Прим. ред.

¹⁵ 1-е изд. в 1923 г., 2-е, допол. изд. в 1925 г.

во второй половине XIX и в начале XX в. (до первой империалистической войны). Этот период характеризуется измелечением и опощением рабочего движения, отказывающегося от классовой борьбы, от самостоятельной политики и примыкающего к учению вульгарной политической экономии о гармонии интересов предпринимателей и рабочих.

Но с конца первого десятилетия XX в. замечается перелом, объясняющийся прежде всего повывшательным движением цен на предметы первой необходимости. Рабочее движение в Англии стало меняться, принимая все более характер забастовочной борьбы. Рабочие наталкиваются на нежелание хозяев идти на уступки и перестают верить своим «вождям», всегда готовым защищать интересы хозяев. Рабочие союзы стали все более объединяться для борьбы с предпринимателями. Война пресекла эту линию развития классового самосознания, но после войны развитие рабочего движения пошло в том же направлении — революционизирования рабочих масс.

Приходится пожалеть, что автор не продолжил своего исследования и не дал истории рабочего движения в Англии во время империалистической войны и в послевоенный период. Ф. А. Ротштейну принадлежит также ряд работ по истории английской колониальной империи, среди которых надо отметить «Захват и закабаление Египта» (М.—Л., 1925) и блестящий очерк «Великобритания»¹⁶.

В 1923 г. советская историческая наука понесла тяжелую утрату: умер А. Н. Савин. Он умер в Лондоне в разгар работы над архивными материалами по истории ряда маноров. Собранные им интереснейшие наблюдения, к сожалению, еще не опубликованы. Из оставленного им большого рукописного наследства были напечатаны лекции по истории Английской революции¹⁷.

Из старого поколения историков Англии продолжает работу академик Д. М. Петрушевский. Его известное исследование «Восстание Уота Тайлера», выдержавшее два издания до Октябрьской революции, было дважды переиздано после нее (в 1927 и 1937 гг.). Два новых издания (в 1930 и 1937 гг.) выдержали его «Очерки по истории анг-

¹⁶ Большая советская энциклопедия, 1-е изд., т. 9, стр. 459—583.

¹⁷ 1-е изд.— 1924 г., 2-е изд.— 1937 г.

лийского государства и общества в средние века» и одно (1918 г.) — «Великая хартия вольностей». В новые издания своих книг Д. М. Петрушевский вносил ряд дополнений. Им изданы также учебные сборники и источники по истории средневековой Англии: «Английская деревня XIII—XIV вв. и восстание Уота Тайлера» в сотрудничестве с Е. А. Косминским и «Памятники истории Англии XI—XIII вв.» В 1941 г. вышел его перевод поэмы Ленгленда «Видение Уилльяма о Петре-пахаре» со вступительной статьей и комментариями.

В Московском государственном университете, в Институте истории РАНИОН, потом в Институте истории Академии наук СССР создавалась группа историков, специализировавшихся по истории Англии. Храпя заветы вишнеградской школы в смысле тематики и техники исторического исследования, группа эта ставит, однако, своей основной целью разработку проблем истории Англии в свете учения марксизма-ленинизма. С этих позиций она рассматривает ряд проблем, уже разрабатывавшихся предыдущими исследователями, и ставит ряд новых тем.

Е. А. Косминский в своей книге «Английская деревня в XIII веке» (1935 г.) и в ряде статей подверг пересмотру историю английского феодального поместья, исходя из теоретических положений о развитии докапиталистической ренты, сформулированных Марксом в 47-й главе III тома «Капитала». Привлекши малоизученные предыдущими исследователями источники («Сотенные свитки» 1279 г. и «Посмертные расследования» XIII в.), автор выяснил на основании детальных подсчетов раннее развитие денежной ренты в Англии, особенно во владениях мелких вотчинников. Другие работы Е. А. Косминского посвящены текстам Маркса и Энгельса. Ему принадлежит исследование об источниках книги Энгельса «Положение рабочего класса в Англии» (М., 1928). Ряд статей Е. А. Косминского был напечатан в английских журналах.

В. М. Лавровский посвятил ряд статей на русском и английском языках и большое исследование «Парламентские огораживания общинных земель в Англии конца XVIII — начала XIX в.» (М.—Л., 1940) одному из центральных вопросов истории первоначального накопления. вопросу об экспроприации непосредственного сельскохозяйственного производителя в Англии как в стране классического развития капитализма. Автор, таким образом

хронологически продолжает исследования аграрной истории Англии, доведенные Савиным до XVII в. В. М. Лавровский привлек к изучению данного вопроса новый, малоизученный источник — «Приговоры об огораживании», дающий гораздо более конкретную и детальную картину, чем акты об огораживании, обычно служившие материалом для историков данного вопроса. Другим источником для автора послужили списки плательщиков поземельного налога. Автор подверг свои источники тщательной статистической обработке, составил ряд детальных таблиц и планов огороженных приходов, с разделением земель на владения дворянства, духовенства, городской буржуазии и крестьянства. На основании сделанной им работы автор вполне подтвердил мнение Маркса, что английское крестьянство как класс прекратило существование уже в середине XVIII в. К концу XVIII в. четыре пятых всей упомянутой в источниках земли находились в руках дворянства, духовенства и городской буржуазии, причем на долю одного лишь дворянства приходилось свыше 55%. Только одна пятая земель осталась у крестьянства, представляющего лишь обломок когда-то сильного класса. Но и этот остаток выступает в разбитом и расслоенном виде. Среднее, когда-то типическое крестьянство почти исчезло, распавшись на многочисленных мелких владельцев, приближающихся к сельскому пролетариату, и крупных крестьян-собственников, близких к фермерам-капиталистам. Та же картина наблюдается и среди крестьян-арендаторов.

В настоящее время В. М. Лавровский работает над вопросами английской буржуазной революции, английской реформации и гуманизма.

С. И. Архангельский не принадлежит непосредственно к московской школе историков Англии, но по направлению своих интересов и по своим исследовательским приемам вполне может быть причислен к «третьему поколению» школы Виноградова. Его исследования сосредоточиваются вокруг крупнейшей проблемы аграрных перемен, сопровождавших английскую буржуазную революцию. Несмотря на огромную важность эта проблема до настоящего времени почти совсем выпадала из поля зрения исследователей. В постановке этой проблемы С. И. Архангельский близко подходит к Савину, поставившему аналогичный вопрос в связи с английской реформацией.

Двухтомная работа С. И. Архангельского озаглавлена «Аграрное законодательство Великой английской революции 1643—1648» (ч. 1, М.—Л., 1935), «Аграрное законодательство английской революции 1649—1660» (М.—Л., 1940). У автора не было возможности использовать необычайно богатый и почти нетронутый материал по аграрной истории XVII в., хранящийся в английских архивах. Ему пришлось ограничиться печатными материалами, которых, к счастью, оказалось достаточно для характеристики законодательной деятельности Английской революции и той борьбы, которая шла вокруг аграрного законодательства. Материал ему дали ордонансы и акты 40—50-х годов XVII в., журналы обеих палат парламента, описи конфискованных земель, документы комитета по «композициям», правительственная и частная переписка, мемуары современников. Основной темой работы С. И. Архангельского являются те перемещения земельной собственности, которые были главной целью и следствием аграрного законодательства Английской революции: секвестр и конфискация земель роялистов, епископов, капитулов и короля и распродажа (полная и частичная) этих земель. Особый интерес представляют главы VIII—X во II томе, посвященные насильственным аграрным сдвигам в Ирландии и являющиеся любопытным комментарием к мнению Маркса, что Английская революция разбилась об Ирландию. Специальные главы посвящены аграрному законодательству и земельной мобилизации эпохи революции в Шотландии.

Книга Архангельского рисует грандиозный переход земель короля, церкви и феодалов через конфискацию их революционным правительством в руки формирующейся буржуазии и нового дворянства. По размерам эта мобилизация превышает ту, которая имела место при секуляризации монастырских земель Генрихом VIII. Вместе с переходом феодальных земель в руки буржуазии и нового дворянства происходит и превращение феодальной собственности в буржуазную путем отмены рыцарского держания и замены его сокажем. Но Английская революция не освобождает крестьян от феодальных повинностей, как освободило французских крестьян законодательство Конвента. Лишь частично феодальная эксплуатация заменяется капиталистической.

Проблемы Английской революции как революции буржуазной привлекали усиленное внимание советских исто-

риков. Из ученых старшего поколения ими занимался ленинградский профессор *Н. И. Кареев* («Две английские революции XVII века», Пг., 1924). Интересную работу, посвященную этим проблемам, дал ученик Кареева, рано умерший *И. Л. Попов-Ленский* («Лилльберн и левеллеры. Социальные движения и классовая борьба в эпоху английской революции XVII века», М.—Л., 1928). Эта небольшая по размерам и популярная по форме книжка представляет результат большой исследовательской работы, произведенной по памфлетам, экономической литературе и мемуарам XVII в. Автор обратил особенное внимание на аграрное развитие Англии и несколько преувеличил аграрный характер левеллеровского движения. Книга Попова-Ленского является все же одной из лучших книг, посвященных движению левеллеров.

Проблемами Английской революции и предшествовавшего ей периода занимается также московский историк *В. Ф. Семенов*, давший популярный очерк истории революции XVII в. В настоящее время им подготовлено к печати большое исследование, касающееся аграрной истории XVI в. Здесь автор занимается вопросами, которых не успел затронуть Савин в своих диссертациях, посвященных той же эпохе, — вопросами об огораживаниях XVI в. и о крестьянских движениях. Автор изучил значительную памфлетную литературу той эпохи, дал картину аграрного законодательства Тюдоров и внимательно разработал изданные Лидомом правительственные расследования об огораживании. Автор отказывается следовать за подсчетами американского исследователя Гоя, преуменьшившего размеры социальных сдвигов, вызванных огораживаниями XVI в., и признает за переменами строя английской деревни этой эпохи характер аграрной революции. Особый интерес представляет разработка Семеновым проблемы крестьянских восстаний XVI в. в Англии, совершенно неудовлетворительно изученных предшествующей историографией.

Можно назвать еще ряд имен советских историков, преимущественно московских, работавших над вопросами Английской революции. *В. Стальной* написал эту об Уинстенли, *Ст. Вольский* дал биографию Кромвеля, *Н. Дмитриевский* написал работу о судебных реформах Английской революции, *В. Васютинский* работал над историей революции в Шотландии (ему же принадлежит очерк по исто-

рии луддитов «Разрушители машин в Англии». М.—Л., 1929). Интерес советских историков к Английской революции нашел свое выражение в том, что Отделение истории и философии Академии наук СССР особым заседанием отметило 300-летие открытия Долгого парламента (в ноябре 1940 г.). Специальная сессия с участием студентства и аспирантуры была устроена по случаю этой годовщины и на историческом факультете Московского университета. При Институте истории Академии наук СССР была организована специальная группа по изучению проблем Английской революции.

Наряду с монографической разработкой отдельных вопросов английской истории идет обобщающая работа по созданию истории Англии. В этой работе, входящей в план издаваемой Институтом истории Академии наук СССР многотомной «Всмирной истории»¹⁸, принимают участие акад. Петрушевский, проф. Косминский, Лавровский, Архангельский, Семенов, Ефимов, Зубок, Захаров и др.

В заключение надо отметить, что проблемы английской истории привлекают значительное число молодых советских ученых... Семинарии по истории Англии привлекают большое число студентов, успех организованной этой весной конференции по истории Английской революции свидетельствует о большом интересе молодежи к этим вопросам. Ряд аспирантов выбирает для своих кандидатских диссертаций темы по истории Англии, и мы уже вправе говорить о рождении четвертого поколения историков Англии в Московском университете.

Великая Отечественная война против германского фашизма и братство по оружию со свободолюбивым английским народом еще более повысили тот интерес к Англии и к ее истории, который и ранее был велик в СССР. Институт истории Академии наук СССР выразил это настроение, организовав в своем составе специальную группу для изучения истории Англии.

¹⁸ См. примечание ред. на стр. 77.

ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ ЗАПАДНОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ [Работы русских дореволюционных и советских историков]*

История западного средневековья как научная дисциплина — сравнительно молодая отрасль русской исторической науки. Однако здесь можно указать ряд важных достижений, назвать немало крупных ученых, посвятивших свою жизнь работе в этой области. Конечно, тот интерес, который возбуждало и продолжает возбуждать у наших ученых западное средневековье, нельзя рассматривать, как случайное явление. Возникновение и расцвет русской средневековедения объясняются ее глубоким значением для всей нашей исторической науки в целом и ее крупной ролью в развитии нашего общественного самосознания. Одним из важнейших стимулов к изучению западного средневековья было у нас стремление познать свои исторические судьбы и свое место в истории человечества. Вопрос об отношении исторического развития России и Запада, вопрос о своеобразии русской истории и ее общих с историей Запада чертах непрерывно и настоятельно выдвигался всем развитием русской общественной мысли, особенно со времен Петра I. Вопрос этот не мог быть разрешен без изучения западноевропейского средневековья.

Развитие средневековедения как специальной дисциплины начинается в России в 30-х годах XIX в. Но возникновение усиленного интереса русских историков к западному средневековью мы наблюдаем уже в XVIII в. Очень характерны в этом отношении некоторые мысли И. Н. Болтина в его «Примечаниях на историю древняя и нынешняя России Г. Леклерка, т. I—II, 1788». Подобно Вольтеру и другим мыслителям XVIII в., Болтин полагал, что «во всех

* Опубликовано: «Вестник АН СССР», 1945, № 10-11.

временах и во всех местах человек, находясь в одинаких обстоятельствах, имели одинакие права». Поэтому «образ жизни, правления, чиновности, воспитания, судопроизводства тогдашнего века русских таков точно был, каков первобытных германцев, британцев, франков и всех вообще народов при первоначальном их совокуплении в обществе». Болтин отождествляет удельное раздробление Руси с западноевропейским феодализмом: «Наши удельные князья полным феодальным правом пользовались». Он находит в России ту же феодальную иерархию, что в Западной Европе, видит в русском крепостном аналогию европейскому виллану. Он указывает, что, как и в Западной Европе, феодальная раздробленность на Руси сменяется политическим объединением, и сравнивает Ивана IV с Людовиком XI. То же сравнение Ивана с Людовиком мы находим и у Карамзина.

К западному средневековью обращают свои взоры при истолковании русской истории представители «скендитаической» нибуровской школы в русской историографии, и прежде всего крупнейший из них — М. Т. Каченовский. В ряде институтов древнего русского права и государства он хочет видеть заимствования с Запада и ищет подтверждения этому в сближении терминов. Н. А. Полевой уже в 20-х годах знакомил русских читателей с выдающимися историками Запада (в «Московском Телеграфе»). Рядом с именем Нибура мы встречаем здесь имена Милле, Кине, Жирардеса, Баранта, Тьерри. Развивая в своей «Истории русского народа» мысль о тождестве исторического процесса на Западе и в России, Полевой дает параллельную характеристику «феодализма» (т. е. политического дробления) в удельной Руси и на Западе. Историю Новгорода он рассматривает как параллель к городскому развитию западного средневековья.

Несомненное влияние Гизо и Тьерри испытал и М. П. Погодин. В его противоречивом мировоззрении укладывались идеи и о полном своеобразии русского исторического развития и об аналогиях между Россией и Западом. Он сопоставлял удельную систему с западным феодализмом. Впрочем, он утверждал также, что Россия никогда не знала феодализма, но и для доказательства идеи о самостоятельности русского исторического процесса ему приходилось давать свою схему развития западного средневековья.

Начало самостоятельной исследовательской работы русских ученых над вопросами истории западного средневековья относится к 30—40-м годам XIX в., к той эпохе, когда изучение средневековья занимало, можно сказать, центральное место в исторической науке Запада. Это была эпоха романтизма и исторической школы права, эпоха Тьерри, Гизо и Мишле, Ранке, Раумера и Шлоссера. С Запада в Россию шли могучие волны исторической мысли, исходившие от еще молодой, полной сил и надежд европейской буржуазии. Они будили ответное движение, идя навстречу определявшимся и оформлявшимся запросам растущей русской буржуазии. Перед Россией в это время встал вопрос о том, суждено ли ей идти общим путем европейского развития, или же ей предназначен какой-то особый путь.

Русская наука, как и русская литература, испытала также эстетическое очарование европейского средневековья в его романтическом преломлении. Вальтер Скотт вдохновлял не только великих русских поэтов, но и русских историков, как он вдохновил многих историков на Западе.

Первым русским медиевистом принято считать Т. Н. Грановского, но у него были предшественники, если не обогатившие науку новыми исследованиями, то оставившие заметный след в истории нашего просвещения как преподаватели и популяризаторы. На первом месте здесь хотелось бы назвать Н. В. Гоголя, преподававшего недолгое время в Петербургском университете древнюю и среднюю историю. Он написал в 1834 г. ряд статей по истории западного и восточного средневековья: «Аль-Мамун», «Шлецер, Миллер и Гердер», «О движении народов конца V века», «О средних веках».

Нельзя забыть также о харьковском профессоре М. М. Лунине, память о котором любовно воскресил Бузескул. Талантливый лектор, имевший огромное влияние на своих слушателей, в том числе на М. И. Костомарова, который именно под его влиянием «полюбил историю более всего», Лунин за свою короткую научную деятельность, продолжавшуюся всего 9 лет (1835—1844), вполне заслужил название «харьковского Грановского».

Среди профессоров, занимавшихся историей средних веков, можно назвать В. Ф. Цыха (1805—1837), преподававшего в Харьковском и Киевском университетах.

Однако именно Т. Н. Грановский явился первым русским медиевистом, давшим самостоятельные ценные исследования и оказавшим сильнейшее влияние на дальнейшее развитие изучения западного средневековья в России. Западному средневековью были посвящены лекции Грановского и его важнейшие труды; на основе истории западного средневековья он «делал пропаганду» идей просвещения и гуманности. Изображая в своих лекциях жестокое угнетение крестьян феодалами в средневековой Франции, он протестовал против крепостного права в России. Велика заслуга Грановского именно как просветителя и пропагандиста гуманных идей. В нем с необыкновенной четкостью сказались многие черты, определявшие специфический облик русского ученого, «просветителя» по преимуществу, не замыкавшегося в тесный круг специальных исследований, ставившего главной своей целью работу на благо родины, на воспитание у своих слушателей высоких общественных идеалов. Имя Грановского вдохновляло поколения наших историков в научной и просветительной работе. Оно и сейчас является образцом для нашей науки. Это ли не заслуга перед родной наукой, заслуга, не измеряемая числом напечатанных страниц!

Но было бы несправедливо, как это делают некоторые, видеть в Грановском только талантливого популяризатора достижений западноевропейской науки. Внимательный анализ его работ и лекций показывает, что это был самостоятельный исследователь, стоявший на высоте науки своего времени. Он не любил ученого аппарата цитат и ссылок, но и без них видно, как глубоко он овладевал литературой предмета, как хорошо знал источники. Лучшими образцами научной работы Грановского являются даже не его диссертации, а статьи и обзоры. Среди них особенно хотелось бы отметить написанную с исключительным мастерством работу «О родовом быте у древних германцев». Эта специальная тема теснейшим образом связывалась у Грановского с актуальнейшими вопросами современности. Она была направлена против славянофилов, которые рисовали русскую общину как нечто свойственное лишь русскому народу, присущее русскому народному духу. Путем внимательнейшего анализа источников Грановский приходит к выводу, что «эта система независимо от частных исторических фактов истекает из общих законов, которым подчинено в своем развитии

всякое гражданское общество», что путь развития общины был одинаков у кельтов, славян и германцев. Чернышевский констатирует, что эта статья «составила эпоху в преиях о родовом и общинном быте». Написанная 90 лет назад, она читается с неослабевающим интересом и в наши дни и местами кажется направленной не против Мезера и Эйхгорна, а против Допша и его школы.

Грановский отразил перелом в русской общественной мысли конца 40-х годов — поворот от гегелевского идеализма к позитивизму, или, употребляя выражение, которое тогда было в ходу, к «реализму». Грановский стоял лишь в начале этого пути: он искал твердого основания для исторической науки в сближении ее методов с методами естественных наук. В землеведении, антропологии, этнографии пытается он найти те пути, которые должны привести к установлению научной закономерности в истории. Он ищет этих путей в сравнительно-историческом методе, в методах статистического исследования общественных явлений. Политическая экономия представляется ему важнейшим ключом к уразумению исторической действительности. Наиболее отчетливо это сказалось в его речи «О современном состоянии и значении всеобщей истории», произнесенной на торжественном собрании Московского университета 12 января 1852 г. Эту речь особенно отметил крупнейший представитель «реального» направления в русской общественной мысли — Чернышевский.

Грановский написал немного. Но всей своей научной и преподавательской деятельностью он положил у нас начало глубокому интересу к истории западного средневековья, он связал изучение ее с самыми важными и волнующими вопросами нашего исторического развития, он явился создателем и духовным отцом школы русских медиевистов, которые продолжили его научную и просветительскую работу.

Если Грановский поднял преподавание истории средневековья на научную высоту, на которой оно стояло в лучших университетах Западной Европы, то его ученики и преемники — рано умершие талантливые медиевисты П. Н. Кудрявцев (1816—1858) и С. В. Ешевский (1829—1865) — уже в середине 50-х годов дали в этой области крупные исследования, стоявшие вполне на уровне тогдашней западной науки. Используя богатые достижения этой науки, они не были лишь подражателями, а критиче-

ски усваивали и перерабатывали ее положения. «Судьбы Италии от падения Западной Римской империи до восстановления ее Карлом Великим» Кудрявцева (1850), и «Аполлинарий Сидоний» Ешевского (1855) явились для своего времени крупными научными достижениями и не утратили (особенно работа Ешевского) значения и для современной науки.

К числу непосредственных учеников Грановского и Кудрявцева относится В. И. Герье (1837—1919), автор ряда исследований по истории идеологии западного средневековья, оставивший о себе память в истории нашей университетской науки как первый организатор семинарских занятий.

Уже с 70-х годов XIX столетия русская медиевистика в лице своих лучших представителей начинает оказывать заметное влияние на развитие западноевропейской науки.

Крупнейший вклад в изучение истории западного средневековья сделал один из самых выдающихся наших историков-медиевистов Иван Васильевич Лучицкий (1845—1918). Первые его труды были посвящены истории феодальной реакции во Франции в XVI—XVII вв., той борьбе, которую «старые средневековые элементы» — феодальная аристократия, городские общины и даже целые провинции — вели с усиливавшимся королевским абсолютизмом. Главными работами Лучицкого в этой области были две его диссертации: «Феодальная аристократия и кальвинисты во Франции» (1871) и «Католическая лига и кальвинисты во Франции» (1877). В этих больших исследованиях, охватывающих очень короткий период истории религиозных войн (от Варфоломеевской ночи до Майского ордонанса 1589 г.) Лучицкий выдвинул совершенно новое понимание общественных сил, определивших историю религиозных войн во Франции. Он убедительно показал, что позади религиозных программ стояли классовые интересы, что гугеноты были так же далеки от демократизма, что они так же являлись носителями феодальной реакции, как и католическая лига. Но как гугеноты, так и католическая лига были бессильны без союза с городской буржуазией, а такому союзу противодействовало создававшееся во Франции веками отчуждение между городами и феодальной аристократией. К концу изучаемого Лучицким периода он констатирует равновесие сил правительства, католической лиги, гугенотов и буржуазии, но это равновесие было

нарушено начавшейся борьбой буржуазии против королевской власти.

Огромная заслуга Лучицкого заключается не только в совершенно новой для того времени постановке самой проблемы религиозных войн, но и в привлечении к изучению этого вопроса массы нового документального материала, остававшегося до того не исследованным и даже частью неизвестным историкам. Лучицкий широко использовал административную и частную переписку, протоколы собраний, неизданные хроники. Сначала он изучал эти материалы в рукописном отделе Публичной библиотеки в Петербурге, потом перенес работу в Париж — в Национальный архив и Национальную библиотеку, и, наконец, в провинциальные архивы Франции, особенно в архивы южных городов, где гугенотское движение было наиболее сильным. Там он нашел самые ценные документы (часть из них была им опубликована).

Крупное влияние на западноевропейскую науку оказали работы Лучицкого о крестьянском землевладении перед Французской буржуазной революцией и о продаже национальных имуществ. Изучив во французских архивах огромный документальный материал, Лучицкий широко применил в своих исследованиях статистический метод. Сопоставляя данные о дворянском, церковном, буржуазном и крестьянском землевладении, он показал большую распространенность и рост последнего во Франции перед революцией.

Почетное место в мировой исторической науке занял Максим Максимович Ковалевский (1851—1916). В нашу задачу не может войти полная оценка трудов этого замечательного историка и социолога, гордости русской науки. Здесь можно лишь упомянуть о тех работах, в которых он дает широкую и смелую картину ранней истории экономического и политического развития Западной Европы. С широтой социологической мысли Ковалевский соединял огромную, иногда подавляющую читателя эрудицию, основанную на обширнейших архивных исследованиях. Получив прекрасную источниковедческую подготовку, он пересмотрел архивы Англии, Франции, Италии, Испании. Его познания в области этнографии позволили ему широко применить сравнительно-исторический метод. Последователь социологической школы, испытавший известное влияние Маркса, Ковалевский пытался подвести материалисти-

ческий фундамент под представление об историческом развитии человечества и считал основным фактором этого развития рост густоты населения. Мысль эта, конечно, неверна и расходится с концепцией Маркса, который подчеркивал зависимость роста населения от других, более глубоко лежащих факторов. Но работа Ковалевского поражает богатством, свежестью, разнообразием и обилием новых материалов и новых мыслей. Его ранние работы были посвящены истории средневековой Англии: «История полицейской администрации и полицейского суда в английских графствах с древнейших времен до смерти Эдуарда III» (Прага, 1877), «Полиция рабочих в Англии в XIV веке» (Лондон, 1876), «Общественный строй Англии в конце средних веков» (М., 1880). В этих работах, основанных на широком привлечении никем еще в то время не изученных и не изданных документов, Ковалевский дал исключительно интересное исследование специфических сторон экономического и политического развития Англии, особенно той огромной роли, которую уже в средние века играло в английском хозяйственном строе и в управлении мелкое и среднее дворянство, «джентри», не замкнувшееся в узкосословные рамки и не отделившееся резко от городской буржуазии.

Известность Ковалевскому как историку приобрели не столько эти специальные исследования, сколько широкие обобщающие работы, какими являются его «Происхождение современной демократии», «От прямого народовластия к представительному», «Экономический рост Европы до возникновения капиталистического хозяйства». Эти труды основаны на самостоятельных и новых изысканиях автора. Важнейшим из них является «Экономический рост Европы», вышедший на русском языке в трех томах (от Римской империи до XIV в.) и на немецком — в семи томах (до XVIII в.). Сам Ковалевский считал этот труд главным делом своей жизни. Он рисует здесь генезис средневекового поместного строя, складывающегося как синтез германских и римских элементов, дает анализ изолированного поместного хозяйства в ряде стран средневекового Запада и прослеживает его разложение, которое он, в согласии со своей основной концепцией, ставит в зависимость от роста населения. Под влиянием этого фактора крепостное держание сменяется срочной арендой, общинные порядки разлагаются и исчезают. Ковалевский останавли-

вается на проблемах происхождения и развития городского хозяйства Западной Европы, в котором видит такое же изолированное, рассчитанное на местный спрос хозяйство, как хозяйство поместное. Особое внимание он уделяет проблеме «Черной смерти», как примеру процесса, обратного общему ходу развития Европы. Он доказывает, что уменьшение населения ведет к возвращению уже пройденных этапов развития, к восстановлению крепостных повинностей.

В кратком очерке нет возможности даже бегло перечислить те вопросы, которые были подняты Ковалевским в истории средневековья. Его деятельность, протекавшая большей частью за границей, его лекторская работа в ряде городов Европы и Америки, его многочисленные труды на иностранных языках сделали его имя хорошо известным всему образованному миру.

Труды Лучицкого и Ковалевского заставили историков всех стран прислушаться к тому, что говорят об истории западного средневековья русские ученые, но еще более содействовал завоеванию русской исторической наукой почетного места в науке мировой Павел Гаврилович Виноградов (1854—1925).

Имя П. Г. Виноградова широко известно историкам всего мира как имя одного из крупнейших медиевистов нашего времени. В московской обстановке 70-х годов, в спорах о недавней крестьянской и земской реформах, об общине, о судьбах крестьянства в России сложились либерально-народнические симпатии Ковалевского и Виноградова и вырос их интерес к социальной истории, особенно к аграрной истории западного средневековья. Аграрная история средневекового Запада казалась им ключом к пониманию путей развития русской деревни. С другой стороны, крепостное право в России лишь недавно отошло в прошлое, крестьянская община представляла живую реальность, из-за судеб которой шла жаркая полемика. Все это давало русскому ученому возможность лучше ориентироваться в вопросах аграрного прошлого Западной Европы, чем ученым Запада, где это прошлое стало уже мало понятным.

Первой большой работой Виноградова была его магистерская диссертация «Происхождение феодальных отношений в Лангобардской Италии» (1880 г.). Виноградова интересовала в первую очередь проблема феодализма в

целом как «всемирно-исторического явления». Обращаясь к изучению еще мало исследованного лангобардского материала, он рассчитывал расширить и дополнить ту картину феодальных отношений, которая до того времени складывалась в науке главным образом по франкским источникам. На основании преимущественно законодательных памятников Виноградов прослеживает развитие римского колониата, социальные отношения остготского государства и в ясной и четкой форме, исходя из точной интерпретации источников, рисует картину феодализации лангобардского общества, роста крупной (особенно церковной) собственности, постепенного подчинения ей мелкого свободного землевладения. Трудно согласиться с ним, когда он выводит социальную сторону лангобардского феодализма из римских влияний, а политическую — из судеб германских государственных образований с их преждевременным созреванием и неизбежным падением, но по ясности и последовательности мыслей, по широте постановки темы, по свежести и самостоятельности исследования, по точности и строгости научного метода работа молодого русского ученого может быть поставлена в ряд с лучшими произведениями мировой исторической литературы.

Дальнейшая работа П. Г. Виноградова посвящена главным образом истории английского феодализма. Англия привлекала его необычайным богатством и сохранностью ранних источников по экономической и юридической истории. Он обратился к изучению книгохранилищ и архивов Англии и прежде всего к бесценному хранилищу памятников английской истории «Public Record Office», где он сделал ряд важнейших открытий. В 1887 г. появился его новый труд — «Исследования по социальной истории Англии в средние века». Эта книга, докторская диссертация Виноградова, положила начало знаменитому ряду его исследований по социальной и юридической истории Англии. Виноградов выступил со своей книгой по свежим следам напумевшей книги Сибом «Английская сельская община». Он решительно разошелся с Сибом почти по всем основным вопросам английского средневекового развития. Мнение ученых всего мира — в том числе и английских — оказалось на стороне Виноградова. Сибому пришлось признать, хотя бы и отчасти, свою неправоту.

Сибом не скрывал своих политических установок. Книга его имела совершенно определенную цель — доказать, что «коммунизм» лежит не в будущем человечества, а в его прошлом. Развитие человечества представляет, по Сибому, путь от «коммунизма» к индивидуализму, под которым понимаются идеалы свободной конкуренции. С этой концепцией Сибом связывает парадоксальную теорию аграрного развития Англии. По его мнению, деревенская община с системой открытых полей, неразрывно связанная с крепостничеством и «манориальной» системой, была унаследована Англией от римлян.

Германское завоевание не внесло в эту систему изменений, так как подобные же порядки складывались и у германцев. Этот строй просуществовал, как считает Сибом, в течение большей части средневековья; дальнейшее развитие вело как к раскрепощению крестьянства, так и к распаденню общины.

Виноградов подверг построение Сибома критике. Не признавая влияния римских порядков на развитие Англии, он считал свободную общину отправным пунктом социальной истории средневековья. В постепенном закреплении этой первоначально свободной общины, в надстройке над ней манориальной системы он видел путь развития английской деревни от эпохи англосаксонского завоевания до XIII в. Главную силу труда Виноградова представляет мастерский анализ юридических документов, при помощи которого он обосновывает свое ведущее положение, что крепостные-вилланы XIII в. являются потомками свободных общинников англосаксонской эпохи, постепенно закрепощенных в процессе феодального развития Англии. Анализируя противоречия юридических форм, являющихся результатом «процесса исторического наслания», изучая сложную хозяйственную структуру манора и деревенской общины и их взаимоотношений, он пришел к выводу, что «история аграрных отношений не может быть объяснена из первоначального рабства и помещичьей власти. На ней ясно отразилось постепенное вырождение свободы». Отдельные главы этой блестящей работы Виноградова, основные положения которой твердо вошли в научный обиход, были впоследствии разработаны им в большие книги («Villainage in England», 1892, «Growth of the Manor», 1905, «English Society in the XI Century», 1908).

Но будучи никогда «левым», исповедуя очень смутные философские взгляды на общий ход развития человечества (см. особенно его лекции «О прогрессе»), Виноградов тем не менее сыграл в свое время крупную прогрессивную роль в развитии русской исторической науки. Он сосредоточивал внимание своих слушателей и участников своих знаменитых семинариев преимущественно на вопросах социально-экономической истории и тем подготавливал почву для материалистического понимания исторического процесса.

Непосредственным преемником П. Г. Виноградова на кафедре истории средних веков в Московском университете был Дмитрий Моисеевич Петрушевский (1863—1942). Избрав, подобно П. Г. Виноградову, основной темой своих исследований аграрную историю Англии, Петрушевский непосредственно продолжил исследования своего предшественника. Если Виноградов интересовался главным образом эпохой классического развития феодального поместья (XI—XIII вв.), то Петрушевский перенес область своих исследований на эпоху уже начавшегося разложения феодального строя — на XIV в. В этом нельзя не видеть отражения перемен в русской действительности. К 90-м годам XIX в. русская деревня и крестьянская община уже настолько подверглись воздействию капитализма, что на очереди был поставлен вопрос о разложении старинных деревенских порядков. Выбрав с исключительной исторической проицательностью центром своего исследования крестьянское восстание 1381 г., Петрушевский проследил пути разложения феодальной деревни под влиянием роста товарно-денежных отношений: замену натуральных рент денежными, развитие арендных отношений, начало дифференциации крестьянства, рост наемного труда, начало разложения общинных порядков.

В своей концепции феодальной деревни эпохи «классического» феодализма Петрушевский еще сильнее, чем Виноградов, подчеркнул роль традиции, сохранности следов былой свободы, роли поместного обычая и поместной курии как охранителей крестьянских интересов. Его «Восстание Уота Тайлера» представляет крупнейший вклад в историческую науку. Выдержавшая при жизни автора четыре издания — редчайший случай для диссертации, — эта работа остается лучшим исследованием как по истории крестьянского восстания 1381 г., так и вообще по аграрной

истории Англии XIV в., не превзойденным ни одной из русских и английских книг.

Особенную ценность представляют изыскания Петрушевского, посвященные манориальной курии и манориальному обычаю. Исключительная ясность и точность мысли, доступность изложения, чрезвычайная широта и значимость проблем, поднятых в этом исследовании, — все это дает право книге Д. М. Петрушевского войти в число классических произведений исторической науки. Всю свою жизнь Петрушевский продолжал работу над аграрной историей Англии XIV в., непрерывно дополняя, перерабатывая и совершенствуя свой главный и любимый труд. Уже первая печатная работа Петрушевского была посвящена рабочему законодательству Эдуарда III. Этой эпохе посвящена и последняя его работа — «Видение Уильяма о Петре-пахаре» (перевод поэмы Лентленда с введением и примечаниями).

Широкой известностью пользуются университетские курсы Петрушевского: «Очерки из истории средневекового общества и государства», «Очерки из истории английского государства и общества в средние века». Общим проблемам средневекового развития посвящена его книга, вышедшая под заглавием «Очерки из экономической истории средневековой Европы» (надо сказать, что в этой книге имеется много спорных положений). Сила научной работы Петрушевского заключается в том, что он всегда умел ставить общие проблемы широчайшего исторического значения, что для него любой вопрос экономической или политической истории средневековья был связан с общими вопросами исторического развития человечества. Причина обаяния трудов Петрушевского заключается в правдивости, искренности и прямоте его научной мысли. Даже в тех случаях, когда с ним нельзя было согласиться, — а таких случаев имелося не мало, особенно в последний период его научной деятельности, — в нем чувствовался исследователь, руководящийся исключительно исканием научной истины. Поучительны даже его ошибки как ошибки сильного, честного и самостоятельного ума.

История западного средневековья занимает видное место в трудах Роберта Юрьевича Вишера (род. в 1859 г.), ученого с исключительной широтой научных интересов, давшего ценные труды в области истории и первобытной

культуры, и древнего Востока, и Греции, и Рима, и средних веков, и нового времени, и истории России. Ряд работ и журнальных статей был им посвящен политическим теориям кальвинизма. Важнейшей из работ Р. Ю. Виппера в этой области является его большая диссертация «Церковь и государство в Женеве XVI века в эпоху кальвинизма» (1894 г.). Этот труд основан на огромном материале, почерпнутом в Государственном архиве Женевы. Р. Ю. Виппер дал анализ социальной почвы, на которой выработалось учение Кальвина, показал, как Женева была уже в предыдущий период подготовлена к кальвиновой реформе, как конкретные условия политического и социального развития Женевы влияли на формирование политических и религиозных идей кальвинизма. Кальвинизм в его изображении выступает, пользуясь выражением П. Г. Виноградова в рецензии на книгу Р. Ю. Виппера, как «продукт живой общественной борьбы». В этом была важнейшая заслуга русского ученого, поскольку до него тема о кальвинизме трактовалась в буржуазной науке преимущественно в разрезе истории идей и догматов.

Около этого же времени Р. Ю. Виппер написал блестящий очерк «Общество, государство и культура XVI в. на Западе» («Мир божий», 1897). Учебник Р. Ю. Виппера по истории средних веков (как и другие его учебники), написанный необычайно ярко, свежо и оригинально, был, несомненно, лучшим из учебников своего времени. Здесь не место говорить о других многочисленных трудах замечательно разностороннего ученого, посвященных другим эпохам. Большой интерес представляет его этюд об Иване Грозном — страница из истории русского средневековья, написанная с точки зрения всемирной истории. В этой работе Р. Ю. Виппер показал, как много выиграла бы русская наука, если бы в ней не существовало традиционной грани между «русской» и «всеобщей» историей. За последнее время Р. Ю. Виппер уделял большое внимание проблемам развития крепостного права в Европе, особенно в прибалтийских странах. Как введение к истории средневековья он закончил в 1944 г. большое исследование по истории происхождения христианства.

И Виноградов, и Лучицкий, и Петрушевский, и Виппер, и ряд других современных им прогрессивных историков придавали огромное значение социально-экономическим факторам в историческом развитии человечества.

Их исследования касались преимущественно этой области. Добросовестно применяя строгую научную методику исследования, они давали богатый фактический материал для марксистской мысли, от которой иногда отходили совсем не так далеко, как им самим казалось. Те общие причины, которые вызвали подъем марксистской мысли в нашей стране в 90-е годы XIX в., оказывали сильнейшее влияние и на университетскую науку и университетское преподавание в лице их наиболее честных и чутких представителей. Преподавание Петрушевского вплотную подвело к марксистскому пониманию истории. Он воспитал поколение историков, работающих в настоящее время в Академии наук, в советских высших учебных заведениях. Каковы бы ни были их расхождения с Петрушевским, они с гордостью называют себя его учениками.

Крупнейшим представителем школы Виноградова в России был Александр Николаевич Савин (1873—1923), ученый необычайной эрудиции и колоссальных знаний. Как исследователь Савин отличался редкой научной скромностью и осторожностью. Свободно двигая буквально горами исторического материала, он был очень скуп на выводы, на обобщения, если они не вытекали прямо из источников. Иногда это казалось ненужной щепетильностью, но зато на книги и лекции Савина можно было положиться, как на каменную стену. Каждое слово здесь было продумано и обосновано, в каждом случае было учтено все, что сделала по этому вопросу историческая наука.

Исследовательская работа А. Н. Савина протекала преимущественно в области английской истории. Здесь его труды ближайшим образом примыкают к тому, что было сделано Виноградовым и Петрушевским. Хронологически они представляют непосредственное продолжение исследований его предшественников. Виноградов посвятил свои труды выяснению аграрного развития Англии от ранней эпохи до конца XIII в., Петрушевский осветил следующий период — XIV в., Савин взял в качестве предмета своего исследования XVI и XVII вв., ту эпоху, когда быстрое капиталистическое перерождение английской деревни вело к настоящей «аграрной революции». Выше было указано, что такое продвижение исследовательской работы по столетиям не было случайным и тесно связывалось с теми глубокими процессами, которые протекали в русской де-

ревые того времени. Своим ученикам Савин завещал изучение дальнейших судеб английского крестьянства.

Аграрной истории Англии в XVI в. посвящены две главные работы А. Н. Савина — «Английская деревня в эпоху Тюдоров» (1903 г.) и «Английская секуляризация» (1906 г.). Содержание трудов Савина несколько уже их заглавий. Поднимая новые, часто совсем не освещенные вопросы, разрешая их на основании огромного архивного материала, стремясь всегда к точным ответам, основанным на кропотливых и трудных подсчетах, Савин успел дать лишь ряд отдельных этюдов по занимавшим его проблемам. Приступая к работе над аграрной историей XVI в., он имел в виду прежде всего вопросы об огораживаниях, о секуляризации, о фермерстве, о проникновении в деревню городского капитала — вопросы, поставленные Марксом в знаменитой 24-й главе I тома «Капитала», которую Савин ценил чрезвычайно высоко. Но при ближайшем знакомстве с источниками Савин убедился, что путь к разрешению этих вопросов идет через другие, еще более темные и невыясненные вопросы. На первый план выступала тесная связь явлений XVI в. с глубокой стариной, тяготение пережитков феодального прошлого над тюдоровской деревней, и Савин занялся внимательным изучением этих пережитков. Он показал живучесть старинной манориальной системы, наличие в XVI в. крепостных бопдменов. Он доказал, что коллигольдерское держание непосредственно выросло из старинного вилланского держания и сохранило ряд характерных черт, сложившихся еще в эпоху господства крепостного права. Манориальный обычай, недостаточно охранявший интересы вилланов, не охранял и интересов коллигольдеров. Лорд во многих случаях мог обезземелить крестьянина, не нарушая манориального обычая. Савин дал мастерский анализ сложного вопроса об охране коллигольда в судах тюдоровской эпохи, показав всю недостаточность этой защиты и рассеяв легенду о демократических тенденциях «судов справедливости».

Также и вторая его работа — «Английская секуляризация» — представляет ряд этюдов, посвященных, правда, вопросам основного значения. Первый из этих этюдов является образцовым исследованием владений и хозяйств английских монастырей накануне секуляризации на основе грандиозной описи, произведенной в 1535 г. (Valor Ecclesiasticus). Путем тщательных подсчетов Савин дал

подробную характеристику хозяйственного состояния монастырей. При этом он отверг ходячее представление о большой благотворительной роли монастырей и демократичности их состава. Монастыри были ленивыми хозяевами, жившими главным образом за счет рент. Они тяготели преимущественно к высшим и средним классам общества и играли ничтожную роль как учреждения социального обеспечения.

Значительную ценность представляют также небольшие монографии Савина о трех манорах — Wytonham, East Dereham и East Hendred. Особенно интересно то, что относится к «темному», очень малоизученному с этой стороны XVII в. Наиболее ценными являются наблюдения Савина над постепенным внедрением дворянского землевладения в среду держаний, даже в среду копигольда. Значительная часть собранных Савиным архивных данных осталась необработанной. Только в последнее время его ученики приступили к обработке этого ценнейшего материала, бросающего свет на многие еще неясные стороны английской деревни.

Мы смогли здесь остановиться лишь на именах крупнейших историков. Но рядом с ними работали многочисленные ученые, труды которых двигали вперед нашу историческую науку. Много сделал для изучения истории борьбы за Балтийское море в XV—XVII вв. Г. В. Форстен. Нельзя не назвать ряда профессоров провинциальных университетов, занявших почетное место среди наших медиевистов, — Осокина и Пискорского в Казани, Щепкина в Одессе, Фортинского в Киеве, Вязгина в Харькове. Много сделали для освещения истории итальянского гуманизма А. П. Восселовский, М. С. Корсагин, А. К. Даживелегов, история английского гуманизма — В. Э. Крусман. Ряд крупных историков, составивших имя в других отраслях исторической науки, внесли ценный вклад и в науку о западном средневековье. Таковы академики В. Г. Васильевский, Ф. И. Успенский, Е. В. Тарле.

* * *

Великая Октябрьская социалистическая революция открыла новую эру во всех областях исторической науки в нашем отечестве. История западного средневековья не представляет исключения в этом отношении. Опираясь на славные традиции прошлого и на углубленную методоло-

гию, советские медиевисты развернули большую работу, отвечая на новые, настоятельные запросы, которые ставила бурно развивающаяся жизнь. Торжество марксистско-ленинской теории, проникнутой глубочайшим историзмом, придало особое значение изучению истории и поставило перед этим изучением высокие цели, связав его с величайшими задачами человечества.

Крупнейшее значение имела новая организация научно-исследовательской работы, заменившая прежние, разпыленные усилия отдельных ученых планомерной работой больших коллективов. В развитии советской медиевистики большую роль сыграл Институт истории Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук, основанный в Москве в 1921 г. В этом Институте под руководством Д. М. Петрушевского и А. Н. Савина объединилось большинство московских медиевистов. Научная работа московских медиевистов за этот период отразилась главным образом в «Ученых записках» Института, содержащих ряд ценных статей и авторефератов. В Ленинграде таким центром была Академия истории материальной культуры (ГАИМК), в составе которой был создан Институт истории феодального общества. Академия имела отделение и в Москве. В «Известиях» Академии было напечатано много работ по истории средних веков.

Важнейшим этапом в развитии исторической науки в СССР было опубликование 16 мая 1934 г. постановления партии и правительства о преподавании гражданской истории в школах СССР. Научная разработка исторических вопросов и вопросов преподавания истории была включена в число актуальнейших и настоятельнейших задач народного просвещения. В ряде университетов и педагогических институтов были открыты исторические факультеты, и в их учебных планах история средних веков заняла видное место. Основанный в 1936 г. Институт истории Академии наук СССР развил большую плановую деятельность. В его составе работает сектор истории средних веков, привлекающий к участию в своих трудах почти все силы медиевистов Советского Союза. В систему институтов Академии наук СССР была включена и Академия истории материальной культуры (ныне Институт истории материальной культуры). Все это стимулировало исследовательскую работу по изучению истории средних веков, открыло широкую дорогу для подготовки новых кадров и поставило

новые задачи перед преподаванием. Научно-исследовательскую работу в области изучения средних веков велли рука об руку представители старшего поколения историков, их непосредственные ученики, начавшие научную работу еще до революции, по развернувшие ее в полной мере после Октября, и, наконец, молодое поколение медиевистов, воспитавшееся уже в советских высших учебных заведениях и научно-исследовательских институтах.

К старшему поколению медиевистов принадлежат, кроме Д. М. Петрушевского и А. Н. Савина, Н. И. Кареев, И. М. Гревс, О. А. Добинин-Рождественская и продолжающий неутомимо работать Р. Ю. Вилиер. Работа медиевистов сосредоточивается главным образом в Москве и Ленинграде.

Работы московских медиевистов были посвящены преимущественно проблемам социально-экономической истории. Большинство из них были учениками Петрушевского и Савина. В этой связи надо назвать имя члена-корреспондента АН СССР Александра Дмитриевича Удальцова. Ряд его исследований касается трудных вопросов истории франкской деревни в IX столетии. Автор приходит к заключению о крайнем многообразии аграрных и сельскохозяйственных форм в Западной Нейстрии. Констатируя общую тенденцию к развитию крупного землевладения, он отмечает, что средний землевладельческий класс не вытесняется этим процессом, обнаруживая большую устойчивость («Свободная деревня в Западной Нейстрии в эпоху Меровингов и Каролингов», 1912). Дальнейшие изыскания А. Д. Удальцова были направлены на изучение хозяйства и аграрного строя на землях Сен-Бертинского монастыря, значительная часть владений которого была расположена в Западной Фландрии и отчасти в Артуа. Исследования автора позволили установить крупную роль свободного крестьянства в изученных им областях и наряду с этим применение труда дворовых рабов вместе с трудом сидящих на наделах мансuarпен. А. Д. Удальцов показал наличие в тогдашней деревне наряду с типичными крестьянскими наделами заметной прослойки мелкопомещичьих хозяйств. Полученные им результаты позволяют по-новому подойти к вопросу о развитии феодальных отношений в северо-западных областях франкского государства и бросают свет на ряд сложных проблем процесса феодализации в других странах Европы. Работа

А. Д. Удадьцова направлена также на изучение сложной проблемы этногенеза славян и германцев. Путем тщательного изучения данных античных и средневековых писателей, топографической номенклатуры, племенных названий, данных археологии, лингвистики и этнографии ему удалось показать всю необоснованность националистических построений немецких ученых...

Великая Отечественная война стимулировала эти исследования, в частности, заставила обратить особое внимание на значение славянского элемента в истории Европы. Под руководством А. Д. Удадьцова работает специальная группа по этногенезу, объединяющая широкий круг специалистов.

Одним из выдающихся представителей советской медиевистики являлся Н. П. Грацианский, выступивший еще в 1914 г. с большим исследованием «Парижские ремесленные цехи в XIII—XIV столетиях». Продолжая работать над историей города, Н. П. Грацианский переносит центр своих интересов в область аграрной истории средневековья. Поочередно он разбирает проблему об аграрных отношениях в эпоху Цезаря (1912), вопрос о крепостном крестьянстве в Полиптике Ирминона (1914). Появление наизумивших и напугавших немало последователей работ Допша, посвященных истории хозяйственных отношений в эпоху Каролингов и потом в эпоху раннего средневековья, заставило Н. П. Грацианского выступить с критикой основных положений этого ученого. В своих критических замечаниях Грацианский обрушился на слабую сторону Допша — на произвольное толкование им ряда источников. В ряде статей он показал, насколько неточно трактует Допш такие источники, как «Капитулярный о поместьях», как «traditiones» каролингской эпохи, и насколько шатки те выводы, которые он делает на основании анализа этих источников.

Главные работы Н. П. Грацианского посвящены изучению аграрных отношений в Бургундии X—XII вв. Путем тщательного анализа источников автор приходит к ряду существенно новых выводов, значительно расходящихся с общепринятыми. Н. П. Грацианский показал, что в изучаемый им период мелкая аллодальная земельная собственность и личная свобода далеко еще не были вытеснены крупной феодальной собственностью и крепостничеством. Автор связывает аграрный строй Бургундии

X—XII вв. с порядками поздней галло-римской деревни. Он не считает, что поселение германцев внесло существенное изменение в эти порядки. Наличие известных элементов общинного строя объясняется скорее техническими условиями хозяйства. Автор подчеркивает также крайнюю сложность социального состава крупного феодального поместья, в частности, значительную имущественную дифференциацию крестьянства и пестроту его юридического положения. Аллодальная собственность лишь частью теряет свою самостоятельность, подвергаясь в большей или меньшей степени обложению сеньориальными платежами, превращаясь в феоды, цензивы и другие держания.

Н. П. Грацианский заслужил почетную известность как автор ряда учебников и учебных пособий для высшей школы.

Пересмотром ряда проблем аграрного развития средневековья занимается автор настоящего очерка, ученик Петрушевского и Савина, подобно своим учителям сосредоточивший главное внимание на исследованиях по истории Англии. Путем анализа источников, допускающих возможность массовых подсчетов, им вскрывается своеобразие аграрного строя Англии XIII в. В ряде исследований (большая часть их суммирована в книге «Английская деревня в XIII веке», 1935) показана большая сложность манориального строя XIII в., наличие в поместьях этого периода очень значительного фригольда, включающего большой процент свободных крестьянских держаний, преобладающую роль денежной ренты, выявлено весьма значительное расслоение в среде английского крестьянства, особенно свободного. Автором были впервые указаны специфические особенности мелкого феодального поместья, в котором значительно меньшую роль, чем в крупном, играли вилланство и барщина, где зависимое крестьянство состояло в значительной степени из держателей мелких наделов и где феодальная рента не играла определяющей роли. Анализ различных типов поместной структуры позволил по-новому осветить борьбу различных групп феодального класса в Англии и проследить отдельные корни «нового дворянства», «джентри» в недрах феодального общества. По-новому поставлена проблема рабочей силы в феодальном поместье. Эти работы были частично опубликованы на английском языке и нашли отклик в английской научной литературе. Автор много работал над учеб-

ной литературой по истории средних веков для средней и высшей школы.

Проблемы аграрного развития Западной Европы входят в круг разнообразных исторических вопросов, над которыми работает ученик Савина член-корреспондент АН СССР Сергей Данилович Сказкин. Его занимает главным образом история французского крестьянства накануне революции, проблема феодальной реакции во Франции, в которой исследователь усматривает результат пропихивания буржуазии в область феодального землевладения и эксплуатации ею феодальных повинностей. В своей работе «Очерк аграрной истории Западной Европы XVI—XVIII вв.»¹ С. Д. Сказкин останавливается на коренных проблемах аграрного развития феодальной Европы, подвергает теоретико-экономическому анализу понятия феодальной ренты и феодальной собственности и прослеживает пути их перехода в капиталистическую ренту и капиталистическую собственность, отмечая здесь два существенно различных варианта — западный и восточный, географически разделяемые Эльбой и складывающиеся на разной экономической основе... Часть трудов С. Д. Сказкина относится к истории нового времени. В области средних веков ученый не ограничивается вопросами аграрного развития. Он создал вокруг себя школу молодых ученых, которых увлекает проблемами культурной истории средневековья.

Ученица Петрушевского Вера Вениаминовна Стоклицкая-Терешкович впервые выступила в печати с работой о росте частной власти в Франкском королевстве по капитуляриям франкских королей. Но главным предметом ее научных занятий является история средневекового города. Результаты большой исследовательской работы, проведенной ею в этой области, суммированы в книге «Очерки по социальной истории немецкого города в XIV—XV вв.» (1936 г.). Основными в этой книге являются вопросы об имущественном расслоении городского населения, о разложении цеха, о положении ремесленных рабочих, о характере и объеме торговых связей, о продовольственной политике города и о политической борьбе в нем в эпоху цеховых восстаний. Стержнем работы является обрисовка классовой борьбы, развертывающейся в городе. Рисун

¹ Е. А. Косминский имел в виду спец. курс С. Д. Сказкина, читавшийся им в течение ряда лет на истфаке МГУ.— *Прим. ред.*

ее, автор стремится выявить разрозненные элементы капиталистических отношений, складывавшихся в недрах феодального общества и в конечном счете разлагавших его. Книга В. В. Стоклицкой-Терещкович полемически заострена против романтической теории «замкнутого городского хозяйства», развивавшейся Н. Бюхером.

Учеником Петрушевского является и Александр Иосифович Неусыхин. Выдающийся преподаватель, прекрасный знаток западного средневековья, А. И. Неусыхин мало выступал в печати. Надо отметить его исследование «Общественный строй древних германцев» (1929 г.), основанное на анализе известных древних писателей, археологического и филологического материала.

Темами социально-экономической истории и особенно народных движений занимается и более молодое поколение историков, работающих в Институте истории АН СССР. Б. Ф. Поршнев защитил докторскую диссертацию о народных восстаниях во Франции в XVII в. Диссертация В. Ф. Семенова посвящена вопросу об огораживаниях и крестьянских движениях в Англии XVI в. Над аграрной историей прибалтийских стран работает Я. Я. Зутис.

Большой интерес вызывает у советских медиевистов история Английской буржуазной революции XVII в. Проблемы Английской революции были поставлены перед русской наукой еще М. М. Ковалевским и особенно А. Н. Савиным, в своих курсах много раз возвращавшихся к этим темам. Важнейшим достижением в этой области является двухтомная работа Сергея Ивановича Архангельского «Аграрное законодательство английской революции» (1935 и 1940 г.). Исследование Архангельского посвящено вопросу об аграрных переменах, сопровождавших Английскую революцию. Несмотря на свою огромную важность, эта проблема до настоящего времени почти совсем не затрагивалась исследователями. Архангельский изучает те перемещения земельной собственности, которые были главной целью и главным следствием аграрного законодательства Английской революции, секвестр и конфискацию земель роялистов, епископов, капитулов и короля и распродажу этих земель. Автор показал тесную связь аграрных мероприятий английского парламента с его финансовыми затруднениями, делавшими его должником и Сити и армии.

Книга Архангельского рисует грандиозный переход земель короля, церкви и феодалов в руки формирующейся буржуазии и нового дворянства. По размерам эта мобилизация превышала ту, которая имела место во время Реформации. Среди покупателей большинство представляли буржуазия и примыкавшие к ней группы. Вместе с переходом феодальных земель в руки буржуазии происходит и превращение феодальной собственности в буржуазную путем отмены рыцарского держания. Но Английская революция не освободила крестьян от феодальных повинностей, как освободило французских крестьян законодательство Конвента. Лишь частично феодальная эксплуатация заменяется капиталистической.

Вопросами Английской революции, движением левеллеров, историей колониальной и международной политики Англии в эту эпоху занимается ряд молодых историков, руководимых В. М. Лавровским.

В. М. Лавровский посвятил ряд статей (на русском и английском языках) и большое исследование «Парламентские огораживания общинных земель в Англии конца XVIII — начала XIX в.» (1940 г.) одному из центральных вопросов в истории первоначального накопления — вопросу об экспроприации английского крестьянства. Автор, таким образом, хронологически продолжает исследования по аграрной истории Англии, доведенные Савиным до XVII в. К изучению данного вопроса Лавровский привлек новый, малоизученный историками архивный материал, который дает очень конкретную и детальную картину ликвидации общинных порядков в Англии. Автор подверг свои источники тщательной статистической обработке, составил ряд детальнейших таблиц и планов огороженных приходов, с разделением земель на крестьянские, дворянские земли, земли духовенства и городской буржуазии. На основании проделанной большой работы Лавровский вполне подтвердил мнение Маркса, что английское крестьянство как класс прекратило существование к середине XVIII в. К концу этого столетия у крестьянства оставалось не более $\frac{1}{5}$ всех земель, но и этот обломок когда-то многочисленного класса выступает в разбитом и расчлененном виде, распадаясь, с одной стороны, на близких к сельскому пролетариату мелких владельцев, с другой — на крупных крестьян-собственников, приближающихся к фермерам-капиталистам.

Занимаясь преимущественно вопросами социально-экономической истории, С. Д. Сказкин, В. В. Стоклицкая-Терешкович, А. И. Неусыхин, В. М. Лавровский и ряд других московских медиевистов все большее внимание в своих работах и в руководстве молодыми кадрами уделяют проблемам истории культуры. Истории средневекового просвещения и школы посвящают свои исследования А. А. Фортунатов, Н. И. Радциг. Ф. А. Коган-Бернштейн посвятила большое исследование Жану Бодэну, этому замечательному мыслителю XVI в. Вопросы идеологического порядка охотно выбирают молодые ученые для своих кандидатских и докторских диссертаций. Исследование, посвященное Томасу Мюнцеру, заканчивает М. М. Смирин.

Проблемы истории культуры давно уже привлекают основное внимание ленинградских медиевистов. Крупным представителем этого направления является Иван Михайлович Гревс (1860—1940). Впрочем, главная его работа — «Очерки римского землевладения» — относится к области древней истории и к проблемам социально-экономического развития. Но к разрешению этой проблемы Гревс подходит путем изучения культурно-исторических памятников и прежде всего творений античных писателей (Горация, Цицерона, Петрония и др.). Поклонник блестящего таланта Фюстель де Куланжа (сурово развенчанного П. Г. Виноградовым), Гревс развивал его идеи о смене античного мира средневековым и о генезисе феодальных отношений в Западной Европе. Романистические идеи французского ученого заставили Гревса искать корни средневековых порядков в античности и натолкнули его на тему о римском землевладении. Подобно многим другим русским историкам, И. М. Гревс передавал в печатный оборот очень небольшую часть своих обширных познаний, которые он раскрывал преимущественно в преподавании. И. М. Гревс замечателен главным образом как педагог, воспитавший за свою долгую научную жизнь не одно поколение историков. В его семинарии воспиталась та культурно-историческая школа, которая определила особый характер ленинградской медиевистики. Не чуждаясь вопросов социально-экономической и политической истории, И. М. Гревс сосредоточивал внимание своих учеников на источниках по истории духовной культуры средневековья, по истории средневекового мирозерцания, средневековой науки.

Под влиянием Гревса сложились научные интересы наиболее крупной представительницы ленинградской школы медиевистов — Ольги Антоновны Добнаш-Рождественской (1874—1939).

Работа в Сорбонне, в *Ecole de Hautes Etudes* и в *Ecole des Chartes* помогла О. А. Добнаш-Рождественской стать прекрасным источниковедом и мастером по изучению средневековых рукописей. На основании ранее малоисследованного рукописного материала она написала свою диссертацию «*La vie paroissiale en France au XIIIe siècle*», за которую ей была присуждена степень доктора Парижского университета. Эта диссертация, рисующая жизнь малообразованного и преданного мирским интересам приходского духовенства, вызвала возражения со стороны французской клерикальной прессы, но получила очень высокую оценку в ученом мире.

Для магистерской диссертации О. А. Добнаш-Рождественская переработала и расширила свою французскую работу. Ее «*Церковное общество во Франции в XIII в.*» было первой в России магистерской диссертацией, представленной женщиной. Докторская диссертация Добнаш-Рождественской «*Культе св. Михаила в латинском средневековье*» (1917 г.) по условиям времени не была напечатана и появилась лишь в литографированном виде.

После Великой Октябрьской социалистической революции Добнаш-Рождественская сосредоточивает свою работу главным образом на изучении и преподавании латинской палеографии, которой она приписывала важнейшее значение в воспитании историка-исследователя. Добнаш-Рождественская, работая в течение 17 лет в рукописном отделении Государственной публичной библиотеки в Ленинграде, в сотрудничестве с созданной ею школой палеографов, успела изучить и ввести в научный оборот значительную, наиболее ценную часть западных средневековых рукописей, сосредоточенных в этой библиотеке. Собрание западных средневековых рукописей, которыми обладает Государственная публичная библиотека в Ленинграде, является одним из лучших в мире. Основу этого собрания составили рукописи, принадлежавшие знаменитому монастырю Сен-Жермен, бывшему в свое время центром научной работы бенедиктинцев. Сен-Жерменский монастырь собрал огромный фонд рукописей, когда-то принадлежавших древнейшим монастырям Франции, в том

числе монастырю Корби, сыгравшему крупную роль в истории латинского письма в раннем средневековье. Эти рукописи были сравнительно мало изучены как русскими, так и иностранными учеными.

Ряд работ Добиаш-Рождественской, основанных на изучении сокровищ ленинградского собрания, открыл перед мировой наукой новые перспективы в изучении средневековой рукописной традиции. Здесь на первом месте надо назвать изданную Академией наук СССР на французском языке ее книгу «История рукописной мастерской в Корби от 651 до 830 года по ленинградским рукописям» («Histoire de l'atelier graphique de Corbie de 651 à 830 ref-
létée dans manuscrits de Léninegrad»).

В этой замечательной работе автору удалось установить закономерность смены различных типов письма в Корбийской мастерской, отразившей весьма сложные влияния, и проследить постепенный переход этого письма в каролингский минускул. В мировой литературе по палеографии найдется мало книг, которые по мастерству и убедительности анализа можно было бы поставить рядом с этим исследованием. Работа Добиаш-Рождественской была встречена рядом хвалебных отзывов в научной прессе всего мира. Проблемам истории Корбийской мастерской Добиаш-Рождественская посвятила ряд этюдов в советских и иностранных журналах. Работая над рукописями Публичной библиотеки, она сделала интереснейшие открытия. Так, ей удалось установить происхождение одной из унциальных рукописей VI в. из мастерской Кассиодора. Отметки на этой рукописи сделаны, возможно, рукой самого Кассиодора. Ряд других работ исследовательницы внес новые и интересные точки зрения в изучение истории происхождения каролингского минускула.

Добиаш-Рождественская сыграла крупную роль в истории нашей медиевистики. Она сообщала ей новые темы, подняла интерес к вспомогательным дисциплинам, которые ранее мало у нас разрабатывались, ввела в научный оборот новые ценные материалы и показала пути их разработки. Своей глубокой научной культурой, своим энтузиазмом она наплатала и созданную ею школу.

Талантливой преемницей Добиаш-Рождественской в работе над рукописями Ленинградской публичной библиотеки является ее ученица А. Д. Люблинская. Ученицей Гревса и Добиаш-Рождественской является Е. Ч. Скржин-

ская — крупный специалист в вопросах источниковедения, работающая в такой редкой области, как средневековая эпиграфика. Составленное ею собрание латинских надписей на генуэзских памятниках в Крыму с обширными комментариями было опубликовано в Италии в 1928 г. (*Inscriptions des colonies Génoises en Crimée*). — *Atti della Società Ligure di storia patria*, vol. LVI).

Кафедру истории средних веков Ленинградского университета возглавляет в настоящее время О. Л. Вайнштейн, оказавший большую услугу медиевистам изданием своей книги «Историография средних веков в связи с развитием исторической мысли от начала средних веков до наших дней» (1940 г.). Автор начинает свое исследование с Августина и доводит изложение до 1940 г. Особое внимание он уделяет истории русской науки. Книга снабжена обстоятельной библиографией и является хорошим пособием при изучении историографии средневековья. Над культурно-историческими проблемами средневековой истории работает профессор Ленинградского университета М. А. Гукровский. Областью его интересов является история итальянского Возрождения, особенно же роль Леонардо да Винчи в развитии европейской науки. Ленинградские ученые разрабатывали историю средневековой Испании. Работы по истории Испании дали И. В. Арский и А. Е. Кудрявцев. Последний работал также над историей Англии в XVII в. А. М. Розенберг работает над историей Мюнстерской коммуны.

Великая Отечественная война не приостановила работы советских медиевистов, несмотря на все трудности, созданные эвакуацией библиотек и научных учреждений. Советские медиевисты развернули большую работу над вопросами, непосредственно выдвинутыми войной. Перестройка их работы началась уже отчасти до войны, еще в предвоенной атмосфере. Прежде всего здесь надо отметить, что проблемы международной истории, раньше сравнительно мало разрабатывавшиеся советскими историками, начинали выдвигаться на первый план. «История дипломатии», первый том которой вышел в 1941 г. под редакцией народного комиссара просвещения РСФСР В. П. Потемкина, была в этой области важным достижением. Несколько глав этого тома было посвящено истории западноевропейской дипломатии в средние века. Над этими вопросами работает в настоящее время ряд советских

медиевистов. Из старого поколения надо особенно отметить В. Э. Грабаря, крупнейшего знатока истории международного права.

На очередь дня была поставлена борьба с фашистской фальсификацией истории и разоблачение тех шарлатанских фокусов, которые продвигались фашистскими писателями и их предшественниками, немецкими «учеными» и неучеными националистами, над историей средних веков. Первый сборник «Против фашистской фальсификации истории» вышел уже в 1939 г. Ряд статей (А. Д. Удальцова, Е. А. Косминского, Н. П. Грацианского, А. И. Нусыгина, С. Д. Скаскина и др.) был посвящен разоблачению немецкой расистской и националистической лжи о средних веках. Эта работа продолжалась и далее. Особое внимание было обращено на разоблачение истинного характера немецкой агрессии на Восток (*Drang nach Osten*) в средние века — той агрессии, с традициями которой Гитлер стремился связать свой разбойничий поход на СССР. Особенно оживился этот интерес в связи с 700-летием разгрома немецких «псов-рыцарей» Александром Невским на льду Чудского озера (1242—1942). Проблемы исторического развития Германии и особенно Пруссии стали все больше привлекать внимание советских историков.

С другой стороны, военное содружество с англосаксонскими странами подняло и прежде весьма живой интерес к английскому средневековью. В образовавшихся при Институте истории АН СССР и при Московском государственном университете специальных группах по изучению истории Англии ряд докладов был посвящен вопросам истории средних веков. Историей английского средневековья занимаются и начинающие историки. Уже говорилось о том интересе, который возбуждает история Английской революции. Работа в этой области весьма оживилась в последнее время.

Деятельность советских медиевистов значительно тормозилась трудностями посещения западноевропейских архивов, а война вызвала дополнительно большие задержки в получении новой литературы из стран Западной Европы и Америки. Окончание второй мировой войны создало новые, благоприятные условия для работы историков и для широкого научного обмена в международном масштабе.

АГРАРНАЯ ИСТОРИЯ АНГЛИИ И РУССКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ ШКОЛА *

Русская историческая наука вправе гордиться крупнейшими завоеваниями. Я не говорю уже о той огромной работе, которая проделана русскими учеными в области родной истории, в исследовании истории народов Востока, в ряде отделов древней истории, в истории Византии. Но и в изучении истории народов Западной Европы, которой наша наука занялась сравнительно недавно, она сумела занять почетное место. В ряде вопросов истории Запада русские ученые сумели стать признанными авторитетами и для западной науки, обладающей блестящей традицией, превосходной техникой, многочисленными и прекрасно подготовленными кадрами.

Изучение истории Западной Европы никогда не было для русских историков вопросом «чистой науки», отвлеченного научного интереса. Оно было неразрывно связано с настоятельнейшими задачами жизни, ему было в высшей степени присуще «бродило актуальности». Не явится, поэтому неожиданностью, что крупнейшие заслуги в разработке аграрной истории Западной Европы принадлежат русским ученым. В истории западноевропейского аграрного развития русские ученые стремились найти ответ на вопросы, настоятельно выдвигавшиеся жизнью. Крепостное право и его ликвидация, община и ее разложение, пути развития деревни в связи с ростом капиталистических отношений — все эти вопросы заставляли русских ученых обращаться к историческому прошлому стран,

* Доклад на заседании Отделения истории и философии АН СССР 18 июня 1945 г., посвященном 220-летию Академии наук. Опубликовано: «220 лет Академии наук. Юбилейная сессия Академии наук СССР 15 мая — 3 июля 1945 г.», т. 2. М.—Л., 1947.

раньше России ставших на путь капиталистического развития, и особенно к прошлому наиболее передовой капиталистической страны — Англии. При этом тот исключительный опыт, который давало им близкое знакомство с жизнью огромной аграрной страны, хранившей еще много черт недавнего феодального прошлого, позволял им с особой тонкостью, четкостью и проницательностью подходить к разрешению многих сложнейших проблем западноевропейской истории и выступать не в качестве учеников и подражателей западных ученых, а в качестве оригинальных и самостоятельных исследователей, обогащающих всемирную науку ценнейшими вкладами. Я упомяну здесь лишь о высоко ценимых на Западе трудах Ковалевского, Лучицкого, Кареева по истории дореволюционного французского крестьянства. Еще больший вклад был внесен русской исторической наукой в изучение аграрной истории Англии.

В русском обществе и в русской науке издавна существовал повышенный интерес к Англии, к ее культуре, к ее политическим учреждениям, к ее экономическому развитию. Корни этой «англомании» можно возвести еще ко времени Ивана Грозного. Она далеко не была поверхностной модой в XVIII и XIX вв., а связывалась с глубочайшими потребностями нашей собственной страны. Стремительное капиталистическое развитие России в XIX в. заставило русскую передовую общественность особенно пристально вглядываться в историю первой капиталистической страны мира. Русская экономическая мысль развивалась в тесной связи с английской. Бокль и Милль, Дарвин и Спенсер пользовались в России большой популярностью. Английская конституция, местное самоуправление, кооперация, охрана труда привлекали особое внимание в эпоху буржуазных реформ. Успехи марксизма в России в свою очередь толкали к изучению экономической действительности и экономической истории Англии, которым Маркс и Энгельс уделяли такое пристальное внимание. «Положение рабочего класса в Англии» в изложении Шелгунова усиленно читалось и комментировалось в русских революционных кружках в 60-х и 70-х годах XIX в.

Но русские ученые и сами едут в Англию, работают над документами в Публичном архиве и в Британском музее, производят самостоятельные изыскания. Ими руководит жажда найти в прошлом Англии ответ на настоя-

тельные вопросы современной им России. Не случайно, что первые крупные исследовательские труды русских ученых по истории Англии вышли из-под пера не профессоров-историков, не профессоров истории, а юристов и экономистов, ближе связанных с вопросами текущей жизни. Уже с середины 70-х годов появляется ряд русских исследований по весьма широкому кругу вопросов английской истории. Здесь на первое место надо поставить труды М. М. Ковалевского, на формирование взглядов которого оказал известное влияние Маркс.

В своих ранних работах М. М. Ковалевский поставил ряд вопросов, связанных с актуальнейшей тогда проблемой местного самоуправления; наиболее настоятельным из них был вопрос о селовом характере земства. Ряд исследований, посвященных истории Англии в эпоху позднего средневековья, подводил к разрешению этих вопросов. Ковалевским были написаны одно за другим исследования: «Полиция рабочих в Англии в XIV в. и мировые судьи, как судебные разбиратели споров между предпринимателями и рабочими» (Лондон, 1876), «История полицейской администрации и полицейского суда в английских графствах» (Прага, 1877), «Общественный строй Англии в конце средних веков» (М., 1880). Автор рассматривает Англию как страну наиболее раннего развития полицейской администрации и старается проследить, как эта администрация постепенно сосредоточивалась в руках землевладельческой аристократии, которая использовала ее в своих классовых интересах. В дальнейшей своей многообразной работе М. М. Ковалевский не однажды возвращался к истории Англии. В частности, в «Экономическом росте Европы до возникновения капиталистического хозяйства» (т. I—III. М., 1898—1903) Ковалевский уделил большое внимание развитию английского мануфактурного строя. Ряд статей был посвящен им также вопросам истории английской реформации и революции.

Гораздо значительнее и длительнее было влияние младшего товарища Ковалевского — Павла Гавриловича Виноградова, который своими трудами не только создал эпоху в изучении аграрной истории Англии, но положил начало целой школе...

До Виноградова над аграрной историей средневековой Англии работал ряд крупных ученых. Я не говорю уже о Марксе, давшем блестящую, никем не поколебленную

и лишь укрепленную новейшими работами концепцию обезземеления английского крестьянства в процессе «первоначального накопления». По вопросам английской сельской общины и огораживаний писал Нассе. Ряд вопросов аграрного развития Англии был поставлен Роджерсом. Талантливо-парадоксальная книга Сибом «Английская деревенская община» послужила толчком, направившим молодого русского исследователя, уже зарекомендовавшего себя замечательной книгой «Происхождение феодальных отношений Лангобардской Италии», на путь изучения истории вотчинного строя средневековой Англии.

Сибом не скрывал антикоммунистической направленности своих исторических взглядов. Путь развития человечества идет, по его мнению, от рабства к свободе, понимаемой в смысле свободной конкуренции. Общинное начало мыслится им как несовместимое со свободой. Община всегда была крепостной. Британия получила от Рима крепостное поместье, организованное на общинных началах. Дальнейшая аграрная история Англии представляет историю постепенного разложения тесно связанных крепостного поместья и крепостной общины. Этой теории, блестяще изложенной, но основанной на крайне шатком фундаменте, Виноградов противопоставил свою концепцию феодального развития Англии, представлявшую результат глубокого изучения источников, соединенного с мастерским овладением всеми лучшими достижениями тогдашней буржуазной науки.

В изложении Виноградова общинная и вотчинная теории получили свое классическое завершение. Согласно этим теориям, свободная община является исходным пунктом аграрного развития средневековья; римские порядки не оказали влияния на это развитие. Первоначальная свободная община подвергалась постепенному закреплению и составила основу крепостного поместья. При этом община проявила чрезвычайную живучесть, и в крепостном поместье она сохранила характерные признаки прежней свободы. Виноградов дал блестящую, ставшую классической, характеристику феодального поместья, манора, как «образующей клеточки» средневекового общества. Свои взгляды Виноградов изложил в докторской диссертации «Исследования по социальной истории Англии в средние века» (СПб., 1887). Эта работа разрослась потом в ряд томов,

доставивших автору мировую известность¹. Труды Виноградова стали фундаментом для всего дальнейшего изучения аграрной истории Англии.

Сила Виноградова — то, что дало ему возможность стать главой школы медиевистов и в Москве и в Оксфорде, — заключается в строгости и точности его исследовательского метода. Техническое выполнение его работ и особенно анализ правовых институтов и юридических отношений поражают исключительной тонкостью. Но иногда он придает чрезмерное значение юридическим построениям, порой заслоняющим реальные жизненные отношения. Притом, необычайно сильный в анализе, он далеко не всегда столь же силен в обобщениях и выводах. Подходя много раз к правильному пониманию классовой структуры и классовой борьбы в средневековом обществе, он, как и Ковалевский, никогда не был в состоянии довести эти мысли до логического конца и в нерешимости оставался на полдороге. Правый либерал в политике, он сумел все же в основном остаться на своих научных позициях до конца своей жизни. Он решительно отверг реакционные построения Дюпша, ставшие модными в буржуазной науке после первой империалистической войны.

Среди многочисленных учеников и последователей Виноградова аграрной истории Англии посвятили себя Д. М. Петрушевский и А. Н. Савин. Они представляют второе поколение русских специалистов в этой области. Петрушевский не был учеником Виноградова в формальном смысле слова — его учителями были киевские профессора Лучицкий и Фортинский. Но главные труды Петрушевского, посвященные истории Англии, непосредственно примыкают к трудам Виноградова. Его «Восстание Уота Тайлера», на котором несомненно сказалось известное влияние материалистического понимания истории, в то же время можно рассматривать как прямое продолжение «Вилланства в Англии». Посвященное великой крестьянской войне 1381 г., это исследование дает картину разложения в XIV в. того манориального строя, полный расцвет которого в XII—XIII вв. был изображен Виноградовым в его «Вилланстве». Вместе с тем исследование Петрушевского дополняет «Вилланство», касаясь ряда вопросов, недостаточно освещенных Виноградовым, особенно

¹ «Villainage in England». Oxford, 1892; «Growth of the Manor». London, 1906; «English Society in the XI Century». Oxford, 1908.

же вопрос о деятельности манориальных курий и защите прав вилланов.

Петрушевский примыкает к Виноградову и в отношении основной концепции аграрного развития Англии. Подобно Виноградову, он считает поместный строй «наложенным сверху» на первоначальную свободную общину, и еще сильнее, чем Виноградов, подчеркивает черты первоначальной свободы, сохранившиеся в положении английских вилланов феодального времени. Книга Петрушевского уже свыше 40 лет сохраняет значение основного труда по аграрной истории Англии в XIV в. и по истории крестьянского восстания 1381 г. В настоящее время вышло уже четыре издания этой книги с новыми исправлениями и добавлениями. К сожалению, в последних изданиях своей книги Д. М. Петрушевский, увлекшись борьбой с натуральнохозяйственной теорией, исказил характер средневекового феодального поместья, приписав ему черты коммерческого предприятия, и затемнил сущность английского феодального развития, придав термину «феодализм» исключительно политическое содержание. Широкой популярностью пользуется также книга Петрушевского «Очерки из истории английского государства и общества в средние века», где он дает характеристику политического развития Англии от англосаксонского периода до XV в.

Дальнейшую разработку проблем аграрного развития Англии мы находим у ученика П. Г. Виноградова — А. Н. Савина. Если Виноградов разработал историю английской деревни до конца XIII в., а Петрушевский продолжил эту разработку до конца XIV в., то Савин продвинул изучение аграрной истории Англии еще дальше и посвятил свои исследования XVI и XVII вв. XVI в. посвящены его диссертации «Английская деревня в эпоху Тюдоров» и «Английская секуляризация». Труды А. Н. Савина представляют ряд специальных исследований; некоторые из них составили эпоху в изучении аграрной истории Англии. Так, Савину первому удалось с непреложной ясностью установить, что держание по копии «копигольд» — типичное крестьянское держание в Англии позднего средневековья — выросло непосредственно из крепостного, вилланского держания и в силу этого носит ряд характерных черт, отличающих это держание. Он показал, в частности, недостаточность охраны прав копигольдеров

и возможность обезземеления их даже без нарушения норм общего права и манориального обычая. Савин разрушил легенду о демократических тенденциях так называемых «Судов справедливости» тюдоровской эпохи. Ему принадлежит классический анализ монастырского хозяйства в Англии накануне секуляризации.

Не меньший интерес представляют его небольшие монографии, посвященные истории ряда маноров, начиная от эпохи «Книги Страшного суда» и до XVIII в. Его главной целью при этом было пролить свет на малоизученные проблемы аграрной истории XVII в. На тщательно изученном локальном материале ему удалось показать процесс наступления дворянского землевладения на крестьянские земли, усиленное собирание дворянами крестьянского фризгольда и копигольда.

Правда, Савину не удалось дать для XVI—XVII вв. такую обобщающую картину, какую дал Петрушевский для XIV в. или Виноградов для более ранней эпохи. Это объясняется в первую очередь той необычайной тщательностью, с которой им производилась исследовательская работа, тем огромным материалом, который он к ней привнес и обработка которого не оставляла времени для освещения проблемы в целом.

Метод работы Савина сложнее и труднее, чем метод его предшественников. В гораздо большей степени занимается он критикой источников, педантически проверяя их точность. В его исследовании важное место занимают подсчеты, цифры, таблицы, которых нет ни у Виноградова, ни у Петрушевского. В то же время Савин относится крайне скептически ко всякого рода обобщениям, если они не вытекают из обработки массового материала. Поэтому он избегает поспешных выводов и часто останавливается на пороге обобщения, которое готов сделать из его трудов нетерпеливый читатель. Но все это придает его трудам характер исключительной добросовестности и надежности. Он внушил своим ученикам строжайшие требования к методам исследовательской работы. Результаты его исследований вошли в мировую науку и положили основу для всей дальнейшей научной разработки аграрной истории XVI и XVII вв.

Работа нового поколения русских исследователей аграрной истории Англии приходится уже на время после Великой Октябрьской социалистической революции.

Аграрная история Англии продолжала привлекать советских исследователей богатством и разнообразием своих источников завершенностью в Англии процесса капиталистического перерождения деревни и тем значением, которое придавали изучению этих вопросов великие основоположники марксизма. Представители этого поколения были почти все учениками Петрушевского и Савина. У последнего они заимствовали широкое применение статистического метода в своей работе.

К этому поколению можно причислить Е. А. Косминского, В. М. Лавровского, С. И. Архангельского, В. Ф. Семенова.

Перед советскими историками стояли большие и сложные задачи. Им предстояло пересмотреть весь ход аграрной истории Англии с точки зрения марксистско-ленинской методологии. Проблема феодального способа производства, феодальной ренты, смены ее основных форм; проблема классовой борьбы крестьянства против феодальной эксплуатации; проблема генезиса капиталистических производственных отношений в недрах феодального строя; проблема буржуазной революции и ее роли в аграрном развитии Англии; проблема первоначального накопления и гибели английского крестьянства — вот те основные вопросы, разработка которых стояла перед советскими историками Англии. Многие из того, что было сделано предшествующими поколениями историков, пришлось пересматривать заново и ставить ряд новых задач, захватывая новые круги проблем, расширяя область изучения на новые столетия.

Пришлось начать с пересмотра основных вопросов феодального развития. В этой области была уже проделана гигантская работа такими исследователями, как Виноградов. Здесь была выработана стройная и классически завершенная теория. Но господство этой теории к этому времени уже не было бесспорным и в буржуазной науке. Как и в науке других стран Западной Европы, вотчинная теория в области истории Англии была подточена рядом специальных исследований, которые показали крайнюю сложность и разнообразие вотчинной структуры и вотчинного хозяйства в различных районах Англии и в отдельных вотчинах. Историческая наука пошла осторожным путем монографических исследований, воздерживаясь от обобщений или даже принципиально признавая их «гре-

ховность» (по выражению талантливейшей представительницы этого направления А. Е. Левет). Советской науке пришлось пойти по пути преодоления этого скептицизма. Для этого она обратилась к источникам, допускающим массовую статистическую обработку. Отбросив упрощенные обобщения вотчинной теории, советские ученые должны были найти новые определения, которые могли бы внести порядок и единство в бесконечно осложнившийся материал. Такие определения дало им марксистско-ленинское понимание феодального способа производства и учение Маркса и Ленина о докапиталистической ренте. Смена форм феодальной ренты, переживания дофеодального строя, зародыши докапиталистического развития, часто смыкающиеся с остатками дофеодальных отношений, — вот что определило все разнообразие форм аграрного развития Англии в эпоху классического средневековья. В то же время более пристальный анализ позволил увидеть за внешними формами традиционного обычая бурную классовую борьбу, протекавшую и в манориальной курии, и в королевских судах, и на общинных полях. Сам класс феодалов утратил свою однородность и в нем вскрылись группы, тесно связанные с феодальным способом производства (крупные феодалы), и ранние посетители буржуазного брожения в феодальной деревне — мелкие феодалы, рыцари, предки позднейшего джентри. Социальное расслоение в среде феодалов бросило свет и на политическую борьбу в английском обществе XIII в. и последующих столетий. В этом направлении идут исследования Е. А. Росминского (главный труд «Английская деревня в XIII веке», 1935).

Новое освещение получили вопросы аграрной истории XVI в. В своих замечательных исследованиях А. Н. Савин мог лишь бегло коснуться вопросов об огораживании, о начавшемся обезземелении английского крестьянства, о крестьянских восстаниях. Эти проблемы составили содержание докторской диссертации В. Ф. Семенова. Расходясь с рядом буржуазных исследователей, стремившихся преуменьшить значение аграрных перемен XVI в., В. Ф. Семенов на документальном материале показал бурный характер этих перемен, вполне заслуживающих названия аграрной революции, и подтвердил ту картину, которая была набросана Марксом в знаменитой 24 главе I тома «Капитала». В связи с этим особое внимание

В. Ф. Семенов обратил на историю крестьянских восстаний в Англии XVI в., являющихся продолжением великого цикла крестьянских войн в Европе и своими программами прилегающих к крестьянским войнам континента.

Совершенно заново, и в этом немалая заслуга советской исторической науки, был поставлен вопрос о тех аграрных сдвигах, которые были произведены Английской буржуазной революцией середины XVII в. Буржуазная наука почти не касалась этого вопроса и никогда не делала его предметом специальных изысканий. Духотное исследование С. И. Архангельского «Аграрное законодательство английской революции» (1935 и 1940) рисует грандиозный переход земель короля, церкви и феодалов через конфискацию их революционным правительством в руки буржуазии и нового дворянства. По размерам это перемещение феодальной собственности в руки буржуазных групп превышает то, которое имело место во время реформации. Вместе с переходом феодальных земель в руки буржуазии происходит и превращение феодальной собственности в буржуазную путем отмены рыцарского держания и замены его сокажем. Но отмеченный Марксом и Энгельсом консервативный характер Английской революции сказался и здесь — революция не освободила английское крестьянство от феодальных повинностей, как это сделал Конвент по отношению к французскому крестьянству. Копигольдер по-прежнему остался объектом феодальной эксплуатации. Крупнейшие аграрные сдвиги произошли также в Шотландии и особенно в Ирландии, где создавалась новая английская землевладельческая аристократия, ставшая опорой реакции. Исследование С. И. Архангельского подтвердило положение Маркса, что английская революция разбилась об Ирландию.

Советские историки распространили свое изучение аграрного развития Англии на XVIII и XIX вв. Этим хронологически завершался цикл проблем, связанных с историей английского крестьянства. Исследования Виноградова, начатые с англосаксонской эпохи, были доведены, таким образом, до момента окончательной гибели английского крестьянства. Эта последняя тема является предметом исследования В. М. Лавровского «Парламентские ограживания общинных земель в Англии конца XVIII — начала XIX века» (1940 г.). Автор привлёк к изучению этого вопроса новый архивный материал и путем тща-

тельных статистических подсчетов вполне подтвердил высказанное Марксом, но оспаривавшееся рядом буржуазных ученых мнение, что английское крестьянство, как класс, перестало существовать уже к середине XVIII в. К концу XVIII и началу XIX в. источники показывают лишь обломки этого когда-то многочисленного класса, но и эти обломки выступают в разбитом и резко дифференцированном виде. Среднее, когда-то типичное, крестьянство исчезло, распавшись на многочисленных мелких владельцев, приближающихся к сельскому пролетариату, и крупных крестьян-собственников, близких к фермерам-капиталистам. Та же картина наблюдается и среди крестьян-арендаторов. Дальнейшие исследования В. М. Лавровского направлены на продолжение работ А. Н. Савина по аграрной истории XVII в.; при этом Лавровский разрабатывает материалы по истории ряда маноров, собранные в свое время А. Н. Савиным в английских архивах. Полученные им результаты уже позволяют говорить о бурных переменах в распределении собственности, об огромном росте рент, о быстром таянии крестьянского землевладения. На первый план выступает тот огромный сдвиг, каким была Английская буржуазная революция.

В последние годы нарождается еще одно поколение историков, работающих над проблемами аграрной истории Англии. Студенческая молодежь, аспиранты охотно берут темы из этой области. Проблемы, которые здесь ставятся, связаны с дальнейшей разработкой все еще недостаточно освещенных вопросов истории XVII в., отчасти же углубляются в более ранние эпохи и подходят к пересмотру вопросов, которые выдвигает перед исследователями великая перепись XI в. — «Книга Страшного суда».

Подводя итоги, мы можем сказать, что аграрная история Англии в целом, от древнейших времен и до наших дней (В. М. Лавровский работал над вопросами аграрного развития XIX и XX вв.), была предметом исследовательской работы русских ученых в течение длительного времени. По целому ряду основных вопросов аграрной истории Англии пути исследования были продолжены именно русскими учеными. Труды Ковалевского, Виноградова, Савина пользуются заслуженной мировой известностью. Новая англо-американская научная литература, посвященная проблемам аграрного развития, часто ссылается на последние исследования советских ученых (см., например, книги

Bennet, Homans, «Cambridge Economic History» и т. д.) и отмечает их заслуги перед мировой наукой (см., например, рецензию Кристофера Хилла в «Economic History Review», 1942, где автор ссылается на Виноградова, Савина, Косминского, Лавровского, Архангельского).

Если работа последних десятилетий тормозилась для русских ученых трудностями посещения английских архивов, то надо надеяться, что победа над фашистскими варварами и прочная дружба свободолюбивых народов мира создадут благоприятные условия для широкого научного обмена и сотрудничества и дадут новый толчок для плодотворной работы над вопросами аграрного развития Англии. Здесь еще много проблем, настоятельно требующих разрешения. Все еще много тайн хранит «загадочный» XVII век. Почти совсем не освещен XV век, на который, однако, приходится эпоха важнейшего перелома. Настоятельно требует пересмотра вопрос о генезисе феодальной вотчины в Англии. Все яснее становится необходимость связать изучение аграрной истории Англии с историей роста городов, промышленности, торговли, с историей политического развития, внешних отношений, роста колониальной империи. С другой стороны, все настойчивее выясняется целесообразность изучения истории аграрного развития Англии параллельно с историей других европейских и даже внеевропейских стран. Надо надеяться, что и в дальнейшей работе русские ученые удержат завоеванное ими почетное место в этой области.

ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ КРЕСТЬЯНСТВА И АГРАРНЫХ ОТНОШЕНИЙ В АНГЛИИ *

За истекшие 30 лет наша историческая наука достигла больших успехов. Мы вправе с гордостью оглянуться на пройденный путь. За это время мы заложили прочный фундамент для развития советской передовой исторической науки, методы и достижения которой все больше и больше влияют на прогрессивную науку всего человечества.

Своими достижениями мы больше всего обязаны направляющему работу всех советских историков научному методу марксизма-ленинизма; важнейшим моментом, способствующим расцвету исторической науки в СССР, является также плановость научно-исследовательской работы, главным объединяющим центром которой служит Институт истории Академии наук СССР. Но мы не должны забывать и о значении той славной традиции, которую завещала советским историкам русская историческая наука прошлого времени. Наши учителя и предшественники подняли русскую историческую науку на большую высоту, выступая в ряде случаев и как учителя Запада. Это относится не только к таким областям исторической науки, как история России, славян или Византия, но и к некоторым отделам истории Запада.

Русская историческая наука, всегда теснейшим образом связанная с русской действительностью, проявляла особый интерес к аграрной истории, особенно к истории крестьянства. Судьбы крестьянства, представлявшего

* Опубликовано: «Юбилейный сборник Академии наук СССР, посвященный тридцатилетию Великой Октябрьской социалистической революции», ч. 2. М.—Л., 1947.

основную часть населения огромной, аграрной в прошлом страны, крепостное право и его ликвидация, крестьянская община, вопрос о живучести ее и способности к дальнейшему развитию, разложение общинного строя под влиянием капиталистического перерождения деревни — таковы были основные проблемы, волновавшие русское общество и русскую науку с середины XIX в., когда в России начался расцвет науки «всеобщей истории».

Уже первый крупный представитель этой науки в Московском университете, наш замечательный ученый-гуманист Т. Н. Грановский, как это видно из его сохранившихся университетских курсов, главное острие своей научной «пропаганды» (по выражению Герцена) направлял против крепостного права, рисуя тяжелое положение угнетенного западноевропейского крестьянства в средние века, грубость и произвол западноевропейских феодалов. Лучшая из его печатных работ посвящена аграрной теме — вопросу об общине. Статья «О родовом быте древних германцев», напечатанная в 1855 г., представляет мастерский анализ родовой общины, наличие которой автор показывает у германцев, у кельтов, у славян, опровергая тезис славянофилов об общинности как особенности русского народного духа. Интерес к аграрной истории Запада, раньше России прошедшего через стадию разложения феодальных отношений и ликвидации крепостничества, особенно усиливается после крестьянской реформы 60-х годов, в обстановке порожденных ею вопросов и споров.

Исследования тех русских историков, которые посвятили себя изучению истории Запада, дали особенно крупные результаты и оказали наибольшее влияние на мировую науку в двух главных областях. Одной из них является положение французского крестьянства накануне революции 1789 г. М. М. Ковалевский, И. В. Луцкий, Н. И. Кареев изучали огромный архивный материал и дали ряд важных выводов, по достоинству оцененных французскими исследователями. Едва ли надо разъяснять актуальность этой темы для тогдашней русской действительности. Не менее ценные результаты были получены тем же М. М. Ковалевским и особенно П. Г. Виноградовым и его учениками в области изучения аграрных отношений и истории крестьянства в средневековой Англии. Русских историков, изучавших аграрные отношения, влекла к Англии завершенность в этой стране капиталистического пе-

перождения деревни. Англия, страна классического развития капитализма, дала Марксу и Энгельсу возможность установить законы возникновения и развития капиталистического способа производства. М. М. Ковалевский испытал непосредственное влияние идей Маркса, хотя и воспринял их далеко не полностью...

Другой причиной, привлекавшей внимание русских исследователей аграрных отношений в Англии, было необычайное богатство английских архивов, наличие в них таких документов по аграрной истории средневековья, какими не располагает ни одна из западноевропейских стран.

Книга П. Г. Виноградова «Исследования по социальной истории Англии в средние века» (СПб., 1887), разросшаяся впоследствии в ряд больших томов, выходящих на английском языке («Villainage in England», 1892; «Growth of the Manor», 1905; «English Society in the XI Century», 1908), составила эпоху в изучении аграрной истории средневековой Англии. Можно сказать, что Виноградов открыл англичанам аграрную историю их средневековья (как, по словам Мэтланда, он открыл им те неисчислимые сокровища, которые Лондонский публичный архив содержит для изучения этой истории). Если до Виноградова у англичан были в этой области талантливые, однако не приведенные в систему исследования Роджерса и богатая новыми идеями, но парадоксальная книга Сибоба (послужившая толчком к «Исследованиям» Виноградова), то Виноградов поставил изучение аграрной истории Англии на вершину тогдашней буржуазной науки, еще переживавшей в то время эпоху своего подъема.

В своих исследованиях Виноградов слил в одно гармоническое целое теории, выработанные прогрессивной мыслью тогдашнего буржуазного Запада: общинную теорию, начинавшую общественное развитие Европы от свободной германской общины; вотчинную теорию, рассматривавшую феодальную вотчину как основную «образующую клеточку» западноевропейского средневекового общества; теорию «натурального хозяйства», проводившую резкое качественное различие между системой хозяйства, рассчитанного на непосредственное удовлетворение потребностей, и системой хозяйства, рассчитанного на обмен. Блестящий анализ юридического и хозяйственного строя английской средневековой вотчины («манора»),

сделанный Виноградовым, стал классическим; он на десятилетия определил направление научных исследований и характер общих представлений в этой области. В некоторых отношениях буржуазно ограниченные, не учитывающие в полной мере значения классовой борьбы в средневековой деревне, порой преувеличивающие самостоятельное значение правовых норм, труды Виноградова дали, однако, лучшую в буржуазной науке обобщенную критику происхождения манора, его развития, его строя в эпоху его наивысшего расцвета (в XIII в.). В течение десятилетий Виноградов как профессор сначала Московского, а потом Оксфордского университетов сохранял общепризнанное положение первого авторитета в области социальной истории средневековья.

В своих исследованиях Виноградов редко шел дальше эпохи классического развития манора — дальше XIII в. Основная его тема — живучесть и сохранность старинной свободной общины даже при господстве надстроенной над ней манориальной системы. Но русская историческая наука откликнулась на новые проблемы, которые ставились перед ней быстрым разложением русской деревенской общины под влиянием развивающихся капиталистических отношений, и не случайно ученики Виноградова переносят центр своих научных интересов на проблему разложения манориального и общинного строя средних веков. Д. М. Петрушевский в своей известной работе «Восстание Уота Тайлера»¹, посвященной главным образом аграрной истории Англии в XIV в., обрисовал начало этого процесса. А. Н. Савин в своих больших книгах «Английская деревня в эпоху Тюдоров» (1903 г.) и «Английская секуляризация» (1908 г.) и в монографиях по истории отдельных маноров изучает крупные сдвиги, которые произошли в английской деревне в XVI и XVII вв. Оба эти исследователя продолжали начатую Виноградовым работу. Их труды и до настоящего времени являются ценнейшим вкладом в разработку проблем аграрной истории Англии. Труды Савина в значительной своей части вышли в английском переводе и оказали немалое влияние на дальнейшую разработку аграрной истории Англии XVI в.

¹ Первое издание: I т. — СПб., 1897; II т. — М., 1901; второе издание в одном томе — М., 1914; третье издание М. — Л., 1927; четвертое издание — М., 1937.

Работы Виноградова и продолжавшие их исследования Петрушевского и Савина осветили путь аграрного развития Англии от древности (Виноградов начинает свой «Growth of the Manor» с кельтской и римской эпох) и до XVII в. Хотя проблемами аграрной истории Англии этой эпохи занимались выдающиеся ученые Англии и Америки, отчасти Германии и Франции, труды русских ученых — Виноградова, Петрушевского, Савина — занимают почетное место в историографии вопроса и имеют все права считаться классическим наследием в разработке аграрной истории Англии.

Великая Октябрьская социалистическая революция поставила перед исторической наукой задачу пересмотра всех основных проблем истории с точки зрения новой, высшей стадии в развитии человечества, с позиций марксизма-ленинизма. Проблемы истории крестьянства приобрели новую актуальность в первом в истории государстве рабочих и крестьян. История Англии, давшая Марксу и Энгельсу материал для установления законов развития как капиталистических, так и докапиталистических обществ, особенно привлекла внимание советских исследователей-марксистов...

Новое поколение историков приступило к разрешению своих задач не только с новых методологических позиций. Оно понимало, что подлинно научный пересмотр возникших перед ним вопросов потребует и новых источников, и нового методического подхода к их изучению. В частности, статистический метод, мало применявшийся Виноградовым и Петрушевским, но широко использованный Савиным, стал теперь играть определяющую роль в работах советских специалистов по аграрной истории Англии. Советские историки разработали очень широкий круг проблем; изучавшийся ими период хронологически охватывает время от XI до XIX в. Результаты их исследований заставили поставить ряд вопросов по-новому и уже оказали определенное влияние на мировую науку.

Вопросу об аграрном строе Англии в «классическую» пору средневековья, в пору наивысшего развития феодальной вотчины — в XIII в., посвящены работы автора этой статьи². Здесь нам пришлось заняться проблемами,

² Главные работы: «Английская деревня в XIII веке». М.—Л., 1935; «Исследования по аграрной истории Англии XIII века». М.—Л., 1947.

над которыми работали такие ученые, как Сибом, Мэтланд, и вступить в область, где господствовали исторические построения, данные Виноградовым. Но к этому времени концепции Виноградова уже не могли считаться общепризнанными и в буржуазной науке. И общинная, и вотчинная теория, и теория натурального хозяйства, синтез которых лежит в основе построений Виноградова, подверглись весьма активным нападениям в результате как специальных исследований, так и новых общих концепций буржуазной исторической науки. Пересмотр этих теорий начался не в Англии, а в Германии и во Франции; но уже в середине 90-х годов скептический Мэтланд высказал сомнение в том, насколько возможны обобщения относительно английского средневекового манора при современном состоянии науки. Он призывал к разработке специальных тем, к локальным исследованиям, и сам дал образец такого рода исследований в виде истории манора Уилбертона. Дальнейшие локальные исследования только усилили этот скептицизм. Они показали значительную сложность и нестроготу вотчинной структуры в средневековой Англии, наличие многочисленных явлений, не укладывающихся в классическую характеристику манора; они показали тесную связь манорального хозяйства с рынком, значительную дифференциацию крестьянства, большую роль денежной ренты, наличие наемного труда, локальное разнообразие аграрных отношений. Это порой вело к агностицизму, к принципиальному отказу от широких обобщений. Известные течения в буржуазной исторической науке, особенно немецкой, открыли систематический поход против «господствующей теории», в которой они усматривали влияние либеральных и даже «социалистических» идей. Реакционная буржуазная наука, прикрываясь тенденциозным толкованием источников и локальных наблюдений, стремилась лишить феодальное производство его отличительных черт, уничтожить грани между периодами социальной истории, объявить «натуральное» и «денежное» хозяйство всегда сосуществующими, а не сменяющимися друг друга категориями и провозгласить «капитализм» (в очень расплывчатом понимании) исконным и вечным явлением. Автору пришлось, учитывая все действительные достижения специальных исследований, подвергнуть критике как «классическую теорию» либеральной буржуазной науки, так и те агностические

предостережения и нередко искусно прикрытые реакционные выводы, которые преподносила буржуазная наука современного Запада.

В основу своего пересмотра автор положил источники, допускающие массовые подсчеты и освобождающие исследования от опасности одностороннего отбора материала. Таким источником для Англии XIII в. является большая правительственная земельная перепись 1279 г. — так называемые Сотенные свитки. Эта перепись сохранилась в большом фрагменте, охватывающем значительную часть средней Англии. Другим источником были «Посмертные расследования», позволившие распространить некоторые из сделанных автором наблюдений почти на всю территорию Англии. Отказавшись от формальной точки зрения, при которой анализ аграрного строя сосредоточивался на «малоре», вотчине определенного (барщинно-крепостного) типа, автор в своем анализе исходил из установленного марксизмом-ленинизмом понятия о феодальном типе производственных отношений, о феодальной ренте и ее формах, о внеэкономическом принуждении как основном признаке³ феодального способа производства. При таком подходе разнообразие вотчинной структуры, обнаруживаемое не только в различных районах Англии, но и в пределах одного и того же района, ни в какой мере не пошатнуло основного положения о господстве в Англии XIII в. феодального типа производственных отношений. Вотчина могла далеко отступать от установленного классической теорией типа, не переставая быть феодальной вотчиной, организацией для выжимания из крестьянства феодальной ренты (в любой из трех ее форм) на основе внеэкономического принуждения, которое, как показал Маркс, может принимать различные формы — от крепостной зависимости до простой обязанности уплачивать оброк. В этом отношении Англия не отличается от других стран феодальной Европы. Но для Англии характерны известные особенности феодального способа производства. Такими особенностями являются прежде всего многочисленные пережитки дофеодальных отношений, в частности, наличие очень значительной прослойки свободного крестьянства, местами численно преобладавшего над несвобод-

³ Правильнее сказать: как об одном из основных признаков. — *Прим. ред.*

ным. Свободное крестьянство было обязано нести феодальную ренту, но, как правило, в более легких размерах по сравнению с вилланами, и обычно в денежной форме. Свободное крестьянство феодальной эпохи составилось отчасти в результате неполной феодализации английской деревни, как пережиток дофеодальных отношений, отчасти же вследствие раннего разложения феодализма, начавшегося освобождения крепостных-вилланов. Для английского средневековья характерны как неполное и чрезвычайно неравномерное развитие феодализма, так и раннее его разложение, вызванное ранним прощикновением в деревню товарно-денежных отношений. При этом феодальные отношения легче всего и раньше всего распадаются там, где они меньше всего укрепились; разложение феодализма смыкается с остатками дофеодальных отношений. Анализ «Сотенных свитков» и «Посмертных расследований» убедил автора в том, что уже во второй половине XIII в. господствующей формой феодальной ренты в Англии была денежная рента. Представляя еще по существу феодальную ренту, денежная рента, как выяснил Маркс, была уже формой разложения феодальной ренты, почвой, на которой начинают складываться капиталистические отношения. В Англии, которая рано стала поставщиком промышленного сырья (шерсти) для передовых стран Западной Европы, рано складываются предпосылки капиталистического перерождения деревни.

Автор показал, что развитие и разложение феодальных отношений шло неодинаковым путем в вотчинах разного типа. Не говоря уже о том, что этот процесс шел по-разному в районах преобладания земледелия и скотоводства (по преимуществу овцеводства), он неодинаково складывался в крупных и мелких вотчинах. В то время как крупная вотчина, характерная для владений больших церковных и светских «баронов», развивается, в основном, в направлении укрепления крепостнически-барщинного типического «манориального» строя, мелкая вотчина, характерная для мелких и средних феодалов, для «рыцарства», в гораздо меньшей степени связана с крепостничеством и барщинной системой. Вообще феодальная рента играет в ней меньшую роль, чем в крупной вотчине, зато в ней больше развито самостоятельное господское хозяйство; для мелкой вотчины характерно преобладание мелких держателей, платящих незначительную ренту, но зато эксплуа-

тируемых в качестве «наемных рабочих». Мелкая вотчина, меньше связанная с феодальным способом эксплуатации, с «манориальным обычаем», более, чем крупная, нуждающаяся в связях с рынком, была легче доступна капиталистическому перерождению. Мелкий вотчинник, «рыцарь», предок будущего джентри, представлял элемент буржуазного брожения в феодальной Англии XIII в. Уже тогда начинает намечаться то деление английского дворянства, которому суждено было сыграть такую определяющую роль в дальнейшем социальном развитии страны и, в частности, определить специфику Английской буржуазной революции — деление на «старое» и «новое» дворянство.

Крупные феодальные вотчины крепостнически-барщинного типа (этот тип вотчин по преимуществу изучался предшествовавшими исследователями и дал материал для обобщений Виноградова) составляли основной массив английского феодального общества. Этот массив в основном сложился уже в XI в. и мало изменился до конца XIII в., развиваясь в направлении усиления феодальной эксплуатации. Но вокруг этого малоподвижного массива волнуетсЯ изменчивая среда мелких вотчин, для которых характерны отчасти неполная феодализация, отчасти раннее разложение феодальных отношений. Вместе со значительной прослойкой свободных держаний, где также смыкались элементы дофеодальные с элементами разложения феодализма, эта среда характеризуется быстрой мобилизацией земельной собственности, быстрым распадением неокрепших феодальных отношений, зарождением новых форм эксплуатации.

Между свободным крестьянским держанием и мелкой феодальной вотчиной не создается определенной грани. Крупные крестьянские владения непрерывно перерастают в дворянские вотчины. Дворянство не стало в Англии замкнутым сословием, оно постоянно пополняется из среды зажиточного крестьянства, а также приобретающей землю городской буржуазии.

Анализ состава английского крестьянства в XIII в. показывает его значительное расслоение. Помимо деления на крепостных и свободных крестьян, имела место значительная имущественная дифференциация. Особенно значительна была дифференциация в среде свободных крестьян, но и среди вилланов отмечается очень значительный процент малоземельных. Хотя известная часть мало-

земельных могла заниматься неземледельческим трудом, но не подлежит сомнению, что большая их часть принуждена была заниматься на работу к вотчинникам и крупным крестьянам. С этим надо сопоставить недостаточную обеспеченность доменального хозяйства принудительным трудом крепостных крестьян — вилланов. Особенно это относится к мелким вотчинам, где барщинная система была мало развита. Наемный труд играл в хозяйстве феодальной Англии значительно большую роль, чем это было принято думать. «Наемный рабочий» феодальной эпохи значительно отличался от наемного рабочего эпохи капитализма. Он был связан с землей, нередко был лично несвободен, уплачивал феодальную ренту сеньору, нередко его «наемный труд» был в той или иной мере принудительным, его «заработная плата» мало отличалась от того содержания и вознаграждения, которое получали несвободные дворовые слуги. Но во всяком случае широкое применение труда малоземельных крестьян к обработке господской земли облегчало переход к капиталистическим методам эксплуатации, к наемному труду в точном смысле слова.

Если часть крестьянства превращалась в малоземельных «коттеров», то зато отслаивалась верхушка, скуная и арендовавшая земли, стремившаяся извлекать выгоды из торговли шерстью, хлебом и другими сельскохозяйственными продуктами. Зажиточный и отчасти средний крестьянин все больше превращается в товаропроизводителя и все больше тяготеет путями, которые накладывались на его хозяйственную деятельность всей системой феодальной эксплуатации. С другой стороны, развитие товарно-денежных отношений вызывает стремление феодалов к увеличению своих доходов, к усилению эксплуатации крестьян, к росту феодальной ренты, к захвату общинных земель. Классовая борьба в деревне усиливается и обостряется. Судебные протоколы XIII в. пестрят указаниями на сопротивление крестьян попыткам феодалов увеличить феодальную ренту или захватить общинные земли. Крестьяне при этом нередко выступают большими группами, с оружием в руках. Атмосфера крестьянского восстания начинает чувствоваться в Англии уже в конце XIII в.

Дальнейшее развитие английской деревни шло в сторону разложения феодального способа производства. Но

путь этого разложения сложен и не укладывается в простую линейную схему. Крупная феодальная вотчина, основанная на крепостничестве и барщине, переживает самый тяжелый кризис в XIV в. Этот кризис, намечавшийся уже в XIII в., происходит из неразрешимого противоречия между стремлением крупного лорда повысить свои доходы феодальным, внеэкономическим путем, путем усиления феодального давления на крестьянина, с одной стороны, и постепенным превращением крестьянина в товаропроизводителя — с другой. Это противоречие приводит в конце концов к антифеодальному крестьянскому восстанию 1381 г. (в котором крупную роль сыграло также малоземельное крестьянство, превращавшееся в наемных рабочих), и, в последнем счете, к крушению крепостническо-барщинной системы. Такие моменты, как пресловутая «Черная смерть» со всеми ее последствиями, сыграли здесь лишь осложняющую роль: самое направление исторического развития деревни определилось уже в XIII в. Во второй половине XIV и в XV в. господское хозяйство крупной феодальной вотчины ликвидируется, господская земля переходит в руки крестьян, особенно крестьянской верхушки, феодальная рента фиксируется на низком уровне. Крестьянская верхушка является теперь главным носителем буржуазного перерождения деревни. Иным был исторический путь мелкой вотчины, издавна развивавшейся в направлении к капиталистической эксплуатации и не переживавшей поэтому такого острого кризиса. Здесь идет лишь постепенное усиление системы наемного труда. Мелкий лендлорд и крестьянин-кулак (эти группы стоят очень близко одна к другой, отчасти сливаясь) готовят ту «аграрную революцию», которая приходится на XVI в. Крупные же феодалы, отброшенные от рычага внеэкономического принуждения в деревне, вынуждены искать новые источники дохода в хищнической эксплуатации государственных ресурсов, в войне и грабеже. Борьба между новой прогрессивной буржуазной и старой разлагающейся феодальной Англией нашла выражение в восстании Джека Кэда и в войне Алой и Белой розы.

При изучении аграрного строя XIII в. автору приходится нередко ставить вопрос о генезисе того или иного явления и с этой целью обращаться к памятникам предшествующих столетий и прежде всего к «Книге Страшного суда». Сопоставление «Сотенных свитков» 1279 г.

с этим знаменитым памятником XI в. бросает яркий свет на развитие феодальных отношений в Англии в течение 200 лет; такого рода сопоставление особенно важно потому, что источники по аграрной истории для XII в. довольно скудны. Этой темой специально занялся ученик автора М. А. Барг. В своем исследовании он сопоставил данные «Сотенных свитков» 1279 г. с «Книгой Страшного суда» и с другим источником XI в. — «Inquisitio Comitatus Cantabrigiensis» — для графства Кембриджшир. Путем точных статистических вычислений ему удалось выяснить перемещения земельной собственности, имевшие место в течение 200 лет: почти полное исчезновение *terra regis* — королевских вотчин, значительный рост церковного землевладения, рост мелкого «рыцарского» владения за счет крупного «баронского». Он показал дробление крупной вотчины, рост числа мелких вотчин, значительное усиление крестьянского малоземелья. Ему удалось объяснить значение некоторых, до тех пор неясных терминов «Книги Страшного суда», обозначающих различные группы в среде крестьянства, и определить судьбу этих групп до конца XIII в. Аналогичная работа для графства Бедфордшир была сделана Т. Г. Песоцкой.

Ф. Я. Полянский использовал материал описей крупных церковных вотчин в Англии XIII в. для выяснения ряда основных теоретических проблем феодального способа производства. Им особенно подчеркнута натурально-хозяйственная природа производства и воспроизводства в феодальной вотчине.

Проблемами аграрного строя Англии в XIII в. занимались также И. С. Звавич и С. А. Токарев. И. С. Звавичем был поставлен один из важнейших вопросов, касавшихся положения крепостного крестьянства в средневековой Англии, — вопрос о том, насколько манориальная курия и манориальный обычай охраняли личные и имущественные права крестьян-вилланов от произвола лорда и манориальной администрации. В своей статье «Классовая природа манориальной юстиции»⁴ он опровергает распространенный взгляд, будто бы манориальная курия вполне сохраняла права крестьянина на его земельный надел и гарантировала его от произвольного увеличения лордом его ренты. Он показал, что манориальный обычай складывался

⁴ «Уч. зап. Института истории РАНИОН», т. III, 1929.

под давлением «воли лорда» (*voluntas domini*), имел в виду охрану его интересов, и что лорд был, в сущности, «продавцом товара, который назывался манорпальной юстицией». Исследование Завича, основанное на изучении большого материала протоколов манорпальных курий, подтвердило наблюдение А. П. Савина, что манорпальный обычай, сложившийся в эпоху господства «военственного и правящего меньшинства», не мог стать охранным прав крестьян и не стал ею.

Работа С. А. Токарева «Торговля английского манора в XIII и первой половине XIV века»⁵ основана на материале приказничьих отчетов (*Ministers' Accounts*) маноров епископства Винчестерского. Автор показал значительное развитие товарного сельского хозяйства в этих манорах уже в начале XIII в. и рост товарности в течение XIII и начала XIV в. Для рынка производится не только шерсть, но и зерновые продукты, особенно пшеница. Исследование показало значительную способность приспособления феодальной вотчины к рыночным отношениям. Одним лишь развитием товарно-денежного хозяйства без учета классовой борьбы и растущего сопротивления крестьянства и, наконец, крестьянских восстаний невозможно объяснить кризис феодальной вотчины в XIV в.

XVI век является поворотной эпохой в аграрной истории Англии, веком «аграрной революции». Генальный очерк аграрного развития Англии в эту эпоху был дан Марксом в 24-й главе I тома «Капитала» в связи с вопросом о «первоначальном накоплении».

Аграрной истории XVI в. посвятил свои главные труды А. Н. Савин, которому удалось, впрочем, осветить лишь некоторые ее проблемы. В XX в. буржуазная наука обнаруживает тенденцию преуменьшать размах и значение аграрных перемен XVI в., оспаривать их революционный характер для английской деревни, отрицать их насильственность, сводить к минимуму бедствия лишившегося земли крестьянства, видеть в аграрных сдвигах XVI в. лишь чисто экономические факторы. Отворачиваясь от единодушных показаний публицистики и законодательных актов той эпохи, констатирующих и широкий размах и глубину происходивших социальных перемен, буржуазные исследователи подсчитывали данные заведомо непол-

⁵ «Уч. зап. Института истории РАНИОН», т. VII, 1928.

ных правительственных расследований об огораживании и получали незначительные цифры для огороженных земель и разоренных крестьянских хозяйств. Они игнорировали мощные крестьянские движения, сотрясавшие Англию в XVI в., или затушевывали в них социальные мотивы. Пересмотром этих проблем занялся В. Ф. Семенов. В своей докторской диссертации «Огораживания и крестьянские движения в Англии XVI века»⁶ он выяснил, насколько неадекватно аграрные перемены XVI в. отражались в правительственных расследованиях, значительно преуменьшавших их размах, и как данные этих исследований были тенденциозно истолкованы буржуазными учеными с целью еще большего снижения количественных показателей переворота. Он обнаружил и быстрый темп аграрных перемен, и их насильственный характер, и глубину тех изменений, которые происходили в это время в аграрном строе Англии. В частности, он показал значительность обезземеления крестьянства в XVI в. и общее ухудшение положения крестьянской массы и сельскохозяйственных рабочих. Им выдвинут на первый план вопрос о крестьянских восстаниях в XVI в., об их целях и их программах. Они поставлены в связь с крестьянскими движениями континента Европы, в частности, с Великой крестьянской войной в Германии, знаменитые 12 статей которой они повторяют. В своем исследовании Семенов базируется на классической характеристике, которая была дана Марксом аграрной революции XVI в., и, освещая ряд важных проблем, приводит много новых данных.

Значительный вклад внесен советскими учеными в разработку проблем аграрного развития Англии в XVII в., который очень мало затрагивался английскими исследователями аграрных отношений. Уже А. Н. Савин в своих небольших монографиях по истории отдельных маноров поставил здесь ряд интересных вопросов; в частности, им был показан интенсивный рост дворянского землевладения за счет крестьянского. Ряд важных вопросов был поднят равно умершим историком-экономистом И. Л. Поповым-Ленским в его содержательной книге «Лилльберн и левеллеры» (М.—Л., 1928). Он показал рост ренты в

⁶ Подготовлена к печати. Напечатаны две статьи: «Восстание Роберта Кета в 1549 г.» (1935 г.) и «Восстание Кета Норфолкского и огораживания» (1946 г.) (полностью опубликована в 1949 г.—Прим. ред.).

XVII в., превращение ее из феодальной в капиталистическую и поставил на очередь вопросы о перемещениях земельной собственности во время Английской буржуазной революции, о роли в ней крестьянских движений, о значении аграрного вопроса в программе левеллеров. Ранняя смерть прервала работу И. Л. Попова-Ленского. Ряд поставленных им проблем получил разработку в трудах С. И. Архангельского⁷.

Главной задачей Архангельского было выяснение размеров и характера аграрных перемен, происшедших во время Английской буржуазной революции (1640—1660), и прежде всего перемещений земельной собственности. Автор не имел возможности работать в английских архивах, но им был паучен печатный материал, ордонансы и акты, журналы обеих палат парламента, описи конфискованных во время революции земель, документы комитета по композициям, международная литература, переписка. Этот материал позволил ему установить приблизительные размеры перемещения конфискованных земель короны, епископов, капитулов и дворян-роялистов в руки новых владельцев — почти исключительно буржуазии и «нового дворянства». Значительная часть этих перемещений не могла быть подсчитана, так как они происходили нередко путем частных сделок: дворяне-роялисты были принуждены продавать свои земли или часть их под давлением композиций и налоговой политики правительства. Автор показал, что история Англии не знала другого такого огромного перемещения земельной собственности за столь короткий период времени; мобилизация земель во время секуляризации XVI в. имела гораздо более скромный характер. Наибольший размах приняло перемещение земельной собственности в Ирландии, отчасти затронуло оно и Шотландию. Переход земельной собственности из рук феодальных групп в руки буржуазии и нового (буржуазного по своему характеру) дворянства был важнейшим шагом в процессе превращения феодальной земельной собственности в буржуазную. Этот переход был юридически оформлен актом 1646 г., отменившим феодальное рыцарское держание и заменившим его свободным соважем,

⁷ Главный труд «Аграрное законодательство Английской революции», ч. I, 1935; ч. II, 1940; много журнальных статей, главным образом по вопросам крестьянских движений во время Английской революции.

который, в сущности, прикрывал собой буржуазную собственность. Последняя росла также в результате усиления огораживаний и обезземеления крестьянства. Отмена феодальных повинностей и ограничения для помещиков, буржуазная революция не отменила этих повинностей для крестьян-копигольдеров. Они были сохранены, остались также старая вотчинная («манориальная») организация и вотчинный суд. В ряде случаев копигольдерские ренты были увеличены. Перемещение земельной собственности сопровождалось частичным обезземелением копигольдеров и заменой их арендаторами на короткие сроки. Проводившаяся при конфискациях проверка держательских прав приводила к сгону части крестьян с земли. Таким образом, буржуазная революция, помимо передачи значительной части земельной собственности от феодальных собственников буржуазным, содействовала дальнейшему обезземелению крестьянства и переходу от феодальной ренты к капиталистической. Особенно бурно протекал процесс ликвидации старинных феодально-клановых отношений в Ирландии, где насильственным путем насаждалась крупная земельная собственность по английскому образцу, а ирландское крестьянское владение заменяется нищенской арендой. Детальный анализ, произведенный С. И. Архангельским, показал тесную связь земельной политики правительства и парламента эпохи революции с финансовыми затруднениями, задолженностью государства у купцов и банкиров Сити, интересы которых в значительной мере определяли направление этой политики.

Исследования Архангельского дали новый блестящий материал, характеризующий Английскую революцию 1640—1660 гг. как революцию буржуазную. Как известно, Маркс и Энгельс первые показали все значение аграрной политики Английской революции в процессе превращения феодальной Англии в буржуазную. Впоследствии, до появления исследования Архангельского, этот цикл вопросов почти не затрагивался даже в английской исторической литературе. Ряд статей Архангельского, вошедших в его главное исследование, посвящен вопросу о роли крестьянства в Английской революции, в частности, движению «клубменов».

Работы Архангельского внесли много нового в изучение аграрной истории Англии XII в. Они показали, какую важную роль эта эпоха играет в истории капиталистиче-

ского перерождения английской деревни. Но все же XVII век остается «темным» веком в аграрной истории Англии. Горы материалов, относящихся к этой эпохе и хранящихся в Лондонском публичном архиве и других архивах Англии, остаются неизданными и неизученными. А. Н. Савин сделал опыт переброски моста от изученной им деревни XVI к деревне XVIII в. через «темный» XVII в. посредством монографического исследования истории отдельных маноров. Смерть прервала его работу, но он оставил большой материал в виде выписок, сделанных в Лондонском публичном архиве и позволяющих восстановить историю ряда маноров за время от XVI до XVIII в. Эта работа была проделана учеником Савина В. М. Лавровским⁸. Автор изучил маноры трех типов: манор, в котором крестьянство хорошо сохранилось в эту эпоху; манор, в котором оно почти исчезло; манор, который занимает среднее место между этими двумя типами. Путем тщательного статистического изучения ренталей, описей и приговоров об огораживании В. М. Лавровскому удалось установить точное соответствие между эволюцией ренты и процессом обезземеления крестьянства: чем успешнее идет замена традиционной феодальной ренты «улучшенной», а потом рентой капиталистической, тем скорее разлагается и исчезает крестьянство как класс. Изучаемый Лавровским материал вполне подтвердил наблюдение Савина о вторжении дворянского землевладения в область крестьянских держателей, фригольда и копигольда...

Последним стадиям великой исторической драмы обезземеления английского крестьянства посвящено исследование В. М. Лавровского «Парламентские огораживания общинных земель в Англии конца XVIII и начала XIX века (1795—1815)» (М.—Л., 1940). При изучении этого вопроса В. М. Лавровский привлек материалы, малоиспользованные предшествующими исследователями, — «Приговоры об огораживаниях» (Inclosure Awards) и списки плательщиков поземельного налога (Land Tax Assessments). В большом числе изучены им и впервые издааны планы, прилагавшиеся к приговорам об огораживаниях, позволяющие наглядно проследить процесс исчезновения крестьянского землевладения. Лавровский пошел в своем

⁸ См. статьи В. М. Лавровского, напечатанные в сб. «Средние века», вып. II, 1946 и в «Известиях АН СССР», серия истории и философии, т. III, № 3, 1946. — *Прим. ред.*

исследования путем выборочного изучения большого статистического материала. Им изучено свыше 50 приговоров об огораживаниях, охватывающих около 100 тыс. акров земли и относящихся к разным районам Англии и к деревням различных типов — с значительной сохранностью крестьянства, с заметными его остатками и, наконец, с незначительными следами этого класса, когда-то составлявшего основу населения Англии. Исследование Лавровского еще раз подтвердило и обогатило новым документальным материалом оспаривавшееся рядом буржуазных ученых положение Маркса, что английское крестьянство как класс перестало существовать уже к середине XVIII в. Несмотря на то, что парламентские огораживания конца XVIII и начала XIX в., естественно, захватывали преимущественно отсталые приходы, где огораживания не были произведены раньше, анализ землевладения в этих приходах рисует полный разгром крестьянства наступающим крупным землевладением и капиталистическим фермерством. Крестьяне, которым когда-то принадлежала большая часть земли, ко времени огораживания владеют лишь 20% ее. Большая часть крестьянской земли перешла в руки собственников дворянского типа, духовенства, отчасти корпораций и буржуазии. С убыванием крестьянского землевладения связана резкая дифференциация остатков крестьянства. Огромное большинство крестьянства (свыше 90%) — мелкие собственники, примыкающие к сельскохозяйственным рабочим; с другой стороны, небольшая численно группа зажиточных крестьян-собственников сосредоточила в своих руках почти половину крестьянской земли. Среднее крестьянство, прежде типичное для деревни, представляет ничтожную группу. Та же картина получается при рассмотрении вопроса о крестьянской аренде. Наряду с мелкой междукрестьянской арендой наблюдается значительное развитие капиталистической аренды: немногочисленные крупные арендаторы сосредоточили в своих руках свыше 70% всей арендуемой земли. Крупные крестьяне-собственники часто выступают также в качестве арендаторов капиталистического типа. Автор показал значительный рост дворянского землевладения, вытесняющего крестьянское и часто ведущего свое происхождение от скупки крестьянских наделов. При этом свыше 80% всей площади дворянского землевладения сосредоточено в руках крупных владельцев. Дворяне ведут

собственное хозяйство лишь на ничтожной части своей земли; их владения представляют область развития аренды, особенно аренды капиталистической. В. М. Лавровский показал большое влияние коммутации церковной десятины на процесс обезземеления крестьянства: отказавшись от десятины, духовенство и светские импроприаторы десятины получили седьмую часть всей территории приходов за счет крестьян. Таким образом, даже в тех приходах, где крестьянство лучше сохранилось, оно представляло лишь деформированные остатки прежнего класса. Старая крестьянская деревня по существу уже разрушена.

Работа советских ученых подвергла коренному пересмотру ряд основных вопросов истории аграрных отношений и крестьянства в Англии с XI до XIX в. Многие вопросы получили новое и самостоятельное разрешение, часть из них поставлена и разрешается впервые. Все работы советских историков исходят из одних и тех же основных методологических позиций и рассматривают аграрную историю Англии как историю возникновения, развития и разложения феодального способа производства и феодальной эксплуатации, находящей свое выражение в феодальной ренте, как историю смены феодализма капиталистическим способом производства, капиталистической эксплуатацией, капиталистической земельной рентой. Выдвинута на первый план проблема развития феодальной собственности и смены ее собственностью буржуазной, причем выяснена роль, сыгранная в этом процессе буржуазной революцией 40-х и 50-х годов XVII в., представляющей переломный момент в аграрной истории Англии (как и в истории английской промышленности и торговли, английского государства, английской внешней политики, английской колониальной державы, английской политической, научной и философской мысли). Исследования советских ученых проследили судьбу английского крестьянства в феодальную эпоху; борьбу, развивающуюся в деревне за феодальную ренту; расслоение крестьянства; образование деревенской буржуазии и деревенского пролетариата; процесс экспроприации английского крестьянства, его сопротивление сначала феодальному ограблению, а потом ограблению в интересах развивающегося капитализма и, наконец, его окончательную гибель.

Не все эти вопросы освещены достаточно равномерно. Работа продолжается, расширяется и углубляется, захва-

тывая все новый круг проблем и вовлекая все большее число молодых исследователей. И хотя еще много вопросов требует специальных изысканий, несомненно назревает уже потребность в обобщающем труде по истории крестьянства в Англии.

Проблемы аграрной истории не могут получить полного освещения без разработки ряда смежных областей. Невозможно говорить о деревне XI в. и следующих столетий, не ставя вопроса об отделении города от деревни, о городском рынке; для аграрной истории Англии очень рано приобретает значение вопрос о внешней торговле, особенно торговле шерстью. Классовая борьба деревни, столкновение групп внутри феодального класса, крестьянские движения не могут быть вполне поняты без связи с политическим развитием Англии, с историей ее права, судопроизводства и судопроизводства. Аграрная история и аграрная политика XVI в. непонятны без характеристики английского абсолютизма. Огромный узел вопросов политического и идеологического характера приходится развязывать всякому исследователю, затрагивающему какую-либо сторону истории буржуазной революции XVII в. Надо ли говорить о том, что вопрос о гибели английского крестьянства не может рассматриваться иначе, как в связи с общей проблемой первоначального накопления в ее как экономическом, так и политическом аспекте. Советским историкам пришлось широко раздвинуть рамки своих исследований и направить силы молодого поколения на разработку новых проблем. И здесь уже имеются несомненные достижения. Я. А. Левцкий написал интересную работу о городах эпохи «Книги Страшного суда», наглядно показав процесс отделения города от деревни в Англии XI в. Ф. Я. Полянский касается истории английских городов XIII—XIV вв. в своей докторской диссертации, посвященной хозяйственному строю средневековых цехов. Ряд вопросов политической истории конца XIII и начала XIV в. нашел освещение в работах Е. В. Гутновой и в ее подготавливаемой докторской диссертации, касающейся возникновения английского парламента. Особенно привлекают советских ученых проблемы Английской буржуазной революции, над которыми работают С. И. Архангельский, В. М. Лавровский, Е. А. Косминский, В. Ф. Семенов, А. С. Самойло, докторская диссертация которого посвящена колониальной политике Кромвеля, Г. Р. Левин и др.

Все более выясняется целесообразность сравнительно-исторического изучения проблем аграрной истории. Особенности аграрного развития Англии могут быть вполне раскрыты лишь при сопоставлении с соответствующими явлениями в истории Франции, Нидерландов, Германии, Испании, Прибалтики, Восточной Европы, даже внеевропейских стран. Проблема аграрной истории занимает видное место в работе советских историков всех специальностей. Книга «Крестьяне на Руси» Б. Д. Грекова должна послужить образцом для обобщающих работ по аграрной истории других стран. В руководимой им группе по истории крестьянства историки СССР, славянства, Византии, западноевропейских и внеевропейских стран имеют возможность сообщать друг другу о методах и результатах своих аграрных исследований.

Труды советских ученых по аграрной истории Англии получили признание в зарубежной исторической литературе; более того, в настоящее время невозможно появление серьезного труда обобщающего характера по аграрной истории Англии без изучения трудов советских ученых и без ссылок на эти труды.

Наши исследования неизменно привлекают внимание английских историков-марксистов (Морис Дobb в Кембриджском университете, Кристофер Хилл⁹ в Оксфордском университете и др.).

⁹ К. Хилл в то время, когда писалась эта статья, еще стоял на марксистских позициях, от которых он впоследствии отошел, найдя из английской компартии. — *Прим. ред.*

ВОПРОСЫ АГРАРНОЙ ИСТОРИИ АНГЛИИ В XV ВЕКЕ *

Если аграрная история Англии известна нам лучше, чем аграрная история любой другой страны Запада, то в этом, несомненно, немалая заслуга принадлежит русской исторической науке. Вопросы ранней истории английской деревни и особенно феодальной деревни XI—XIII вв. разработаны в классических трудах П. Г. Виноградова. XIV в. посвящено исследование Д. М. Петрушевского «Восстание Уота Тайлера». Основы для изучения английской деревни XVI в. заложены документальными трудами А. Н. Савина «Английская деревня в эпоху Тюдоров» и «Английская секуляризация». Этой же эпохе посвящены труды И. Граната и В. Ф. Семенова. А. Н. Савин в своих монографиях по истории отдельных маноров проложил пути к изучению «темного» XVII в.; начатые им исследования только теперь доведены до конца В. М. Лавровским. Центральной проблемой аграрной истории Англии XVII в. — переменами, произведенными Английской буржуазной революцией, — впервые специально занялся С. И. Архангельский. В. М. Лавровский поставил на твердую почву изучение огораживаний XVIII—XIX вв. Мои исследования по истории английской деревни в XIII в. позволили по-новому подойти к некоторым основным проблемам аграрного развития средневековой Англии¹.

Уже в этом беглом перечислении обращает на себя внимание отсутствие специальных исследований, посвя-

* Опубликовано: «Вопросы истории», 1948, № 1.

¹ См. предисловие к моей книге «Исследования по аграрной истории Англии XIII в.» (М.—Л., 1947) и статью «Изучение истории крестьянства и аграрных отношений в Англии» в «Юбилейном сборнике АН СССР...» М.—Л., 1947.

ценных аграрной истории XV в. Небольшой, но очень целый этюд И. С. Звавича о маноре Аппледрам в XV в.² и некоторые места в работах И. Граната и А. Н. Савина — вот и все, что у нас сделано по этому вопросу. Но аграрная история Англии в XV в. остается малоизученной также и в работах английских и других зарубежных историков. И здесь дело сводится в основном к немногим страницам в общих очерках экономической истории и в монографиях по истории отдельных маноров. Лишь за последнее время этим периодом стали интересоваться английские историки и особенно выдающийся историк-экономист М. М. Постан, использовавший значительный архивный материал. С результатом его изысканий я мог ознакомиться лишь по его статьям в «Economic History Review»³. Почему XV век так долго остается белым пятном в аграрной историографии Англии? Этот вопрос ставился уже не раз. Дело главным образом в том, что XV век как-то пропадает между XIV и XVI вв., которые кажутся гораздо интереснее и привлекательнее для исследователя. В XIV в. историка интересуют такие явления, как начинающееся разложение манориальной системы, коммутация барщинных повинностей, как «Черная смерть» и ее влияние на судьбы английской деревни, как рабочее законодательство, как восстание Уота Тайлера, как знаменитая поэма Лэнгленда; в XVI в. — весь тот большой комплекс вопросов, который охватывается понятием «аграрная революция XVI века». XV век же рисовался как нечто «промежуточное», когда те течения, которые обнаружили в XIV в., получают дальнейшее развитие, а те, которые наступают в XVI в., еще лишь зарождаются. Примерно так трактуется история XV в. в новой обобщающей книге по экономической истории средних веков, в коллективном труде «Cambridge Economic History», первый том которого, вышедший в 1942 г., посвящен аграрной истории

² И. С. Звавич. Очерк из истории разложения манориального строя в Англии (Южный манор в XII—XV столетиях). — «Исторический сборник», 1934, № 3.

³ «The Fifteenth Century (Revisions in Economic History)». — «Economic History Review», vol. IX, № 2, May 1938; «Some Social Consequences of the Hundred Years War». — «Economic History Review», vol. XII, № 1, 2, 1942; «The Rise of a Money Economy». — «Economic History Review», vol. XIV, № 2, 1944.

срдневековой Европы⁴. В истории Англии XV в. аграрные перемены заслоняются крупными событиями политической жизни: Столетней войной, борьбой феодальных кланов, войной Алой и Белой розы, парламентской историей. Можно указать и другую причину, почему исследователи долго проходили мимо изучения XV в., — состояние источников, требующее долгой и кропотливой архивной работы. Манориальные источники в XV в. становятся краткими и скудными. Много архивов погибло во время междоусобиц. Материал приходится собирать по крохам. В этом отношении XIII, XIV и XVI века выгодно отличаются от XV в.

Но действительно ли история XV в. так бедна самостоятельными научными проблемами? Конечно, нет. От XIV в. она получает по наследству вопрос о последствиях крестьянского восстания 1381 г., о движении лоллардов. В XV в. происходит окончательное (или почти окончательное) освобождение английского крестьянства, переход вилланского держания в копигольд. В XV в. ликвидируется барщинная система, исчезает доменальное хозяйство. Маркс считал, что XV век в Англии является веком свободного собственнического крестьянства. Роджерс характеризует XV в. как «золотой век» в истории английского сельскохозяйственного рабочего. Середина XV в. знает восстание, во многом представляющее аналогии с восстанием Уота Тайлера, — восстание Джека Када (Мортимера). В XV в. налицо большие успехи в развитии овцеводства и огораживаний; уже в 80-х годах правительство и парламент принуждены были принимать против них законодательные меры. В XV в. формируется та социальная группа, которая получила название «новое дворянство», оказывала огромное влияние на экономическую и политическую жизнь Англии в XVI и XVII вв. и сыграла важнейшую роль в Английской буржуазной революции. Но вопросы аграрной истории непосредственно переходят в вопросы истории политической. Какова связь между разложением феодально-вотчинной системы и той фео-

⁴ XV век кажется малоинтересным и представителям «социальной истории» в английском понимании этого слова, т. е. историкам быта и культуры. Треверьян («Social History of England», London, 1946, p. 56) отмечает для XV в. «ясно выраженный консервативный характер почти во всех проявлениях жизни и мысли» по сравнению с бурным XIV в.

дальной анархией, которая охватывает Англию, начиная с конца царствования Эдуарда III и до конца войны Алой и Белой розы? Какую роль играет при этом Столетняя война и как причина и как следствие? На какой социальной почве вырастает королевский абсолютизм, который стал складываться уже при династии Йорков и достиг полного развития при Тюдорах? Не говорю уже о том, что историю развития внутреннего и внешнего рынков, историю города, промышленности, торговли, в которых в это время происходят важнейшие сдвиги, невозможно рассматривать в отрыве от проблем аграрной истории. Все это, как мне кажется, дает английской деревне XV в. право на особое внимание историка.

Но XV век невозможно оторвать от предшествующего XIV, аграрное развитие которого известно гораздо лучше, но где все еще остается немало неразрешенных вопросов. Дело в том, что изучение аграрных отношений в XIV в. больше связывалось с хорошо разработанный историей классического манора XIII в., чем с темными вопросами неизученного XV в. Так построена, например, книга Д. М. Петрушевского «Восстание Уота Тайлера». А между тем XIV и XV века во многих отношениях связаны общей характеристикой, отличающей их как от XIII, так и от XVI в. И здесь мы сразу вступаем в область очень трудных и спорных вопросов.

Вопрос о разложении манориальной системы, о влиянии на этот процесс великой чумы середины XIV в., так называемой Черной смерти, и в связи с этим вопрос о причинах крестьянского восстания 1381 г. уже давно поставлены в исторической литературе, много раз трактовались в общих трудах и специальных исследованиях. Основной причиной разложения манориальной системы большинство исследователей считало рост «денежного хозяйства», переход к системе денежных рент («коммутация»), развитие купли и продажи земли, арендных отношений, распадение манориального единства на ряд конкурирующих хозяйств. По-разному оценивалось задерживающее или ускоряющее влияние «Черной смерти» на этот процесс⁵. В целом разложение манориальной системы

⁵ Обзор мнений по этим вопросам дан в «Восстании Уота Тайлера» Д. М. Петрушевского. См. также: В. Ф. Семенов, Восстание Уота Тайлера и концепция Д. М. Петрушевского. — Сб. «Средние века», вып. II, 1946.

оценивалось как явление прогрессивное (хотя бы и с временной задержкой в виде «феодалной реакции»), приводящее к освобождению труда и к его большей производительности, предвещающее дальнейший экономический подъем Англии. По-иному ставится вопрос в некоторых новых исследованиях.

Уже давно поставлен Дентоном и теперь развит Постаном тезис об общем экономическом упадке Англии в XIV и особенно в XV в. Исследования Постаана, основанные на изучении документов, касающихся 450 маноров, показывают, что доходность манора в XIV—XV вв. значительно сокращается. Это связано, по его наблюдениям, не только с ликвидацией доменального хозяйства, но и с общим сокращением площади земли под обработкой. Число вакантных держаний и недополученных рент растет в течение всего XV в., по крайней мере до последней его четверти. Рост замков, столь характерных для XIII в., замедляется в XIV в. и почти прекращается в XV в. В то же время наблюдается общее падение ренты. Понижается арендная плата, которая часто делается ниже ренты обычных, снижается даже рента обычных. Падают допускные платежи, иногда очень высокие в предыдущий период, порой они исчезают совсем. В связи с этим падает цена на землю. Получается впечатление большого предложения земли и малого спроса.

Эти наблюдения, в общем несомненно верные и подтверждающиеся источниками, позволяют Постаану говорить об «аграрной депрессии», начало которой он относит к первым десятилетиям XIV в., а окончание — к концу 70-х или началу 80-х годов XV в. Эта депрессия ведет к общему разложению манориальной системы, расцвет которой приходится на XIII в. Постаан находит возможным говорить в этом смысле даже об «аграрной революции» XIV—XV вв.

Депрессия наносила сильнейший удар интересам лордов, но была выгодна для крестьянства, увеличивавшего свое землепользование за счет домена и платившего пониженную ренту. Но в целом, думает Постаан, она знаменует упадок народного хозяйства. Вытеснение доменального хозяйства, носившего по преимуществу товарный характер, крестьянским, в основе своей натуральным, заключается, по мнению Постаана, тенденцию к сокращению сельскохозяйственного рынка. Упадок распространяется не

только на деревню, но и на город: для этого периода характерно сокращение городской торговли (если не считать Лондона, Бристоля, может быть, Саутгемптона). Именно в это время начинается режим городских монополий, исключения чужаков, регулирования промышленности, строгого контроля над индивидуальной предприимчивостью в противоположность прежним, более свободным отношениям. Во всем этом Постаи видит результаты общего падения промышленности и «спроспирити». В то же время падает и внешняя торговля Англии, причем нлашая точка ее падения приходится на середину XV в. Торговля со Скандинавией и Пруссией переходит в руки Ганзы, связи с Пикардией, Нормандией и Бретанью приходят в упадок с начала Столетней войны, связь с Аквитанией прекращается с потерей Гаскони. Остается лишь связь Лондона с Нидерландами, но и здесь наблюдается упадок главной отрасли английского экспорта — торговли шерстью. Этот упадок далеко не уравновешивается ростом вывоза сукна, который начал развиваться в XIV в., но не поднимается в XV в. и даже падает в его средние десятилетия. Развитие отечественного сукноделия и рост его новых центров, по Постану, далеко не компенсируют сокращения торговли шерстью и упадка старых центров шерстяной промышленности.

Основной причиной «аграрной депрессии» и связанного с ней общего упадка Постаи считает убыль деревенского населения, следствием чего был рост предложения на землю, упадок спроса и падение ренты. Общий упадок экономики отчасти может быть связан с событиями Столетней войны, самый тяжкий для Англии период, который относится к XV в. Налоговый гнет возрастает во много раз, из страны выкачиваются огромные суммы денег, употребляемые непроизводительно на подкуп союзников, на содержание армий и гарнизонов. Налоги, взимавшиеся натурой, отражались на производстве шерсти и пищевых припасов. Военные действия на море, пиратство и территориальные потери разоряли внешнюю торговлю. Но все же Столетняя война не может дать полного объяснения упадку, который начался раньше нее. Она не может дать объяснения убыли населения, этой основной причины упадка. Равным образом «Черная смерть» и другие эпидемии могли сыграть известную отягчающую роль, но не могли быть причиной этой убыли. Таким образом,

основная причина убыли населения и вызванной ею депрессии и «аграрной революции» остается невыясненной.

На этот вопрос пробует дать ответ Солтмарш в статье «Чума и экономический упадок Англии в Позднее средневековье»⁶. По мнению Солтмарша, отражающего широко распространенную в последнее время точку зрения, Англия и Европа достигли в конце XIII и в начале XIV в. вершины «средневековой цивилизации» как в смысле материального «процветания», так и в смысле развития культуры⁷. Но в первой половине XIV в. это развитие сменяется застоем, переходящим в XV в. в упадок, низшая точка которого приходится на середину столетия. Лишь в последнюю четверть XV в. начинается подъем, который ведет к великому экономическому возрождению тюдоровской эпохи. Указав, что подобная кривая характерна и для Европы в целом (в частности, отметив остановку немецкого «Drang nach Osten»), Солтмарш ставит вопрос о причине этого явления и находит ее там же, где Поставан, — в уменьшении количества населения. В XIII в. наблюдается избыток населения, но в следующие столетия явно ощущается его недостаток. Это нельзя объяснить единичным бедствием, как «Черная смерть», после которой убыль населения должна была восполниться; надо найти постоянно действующую причину, мешавшую приросту населения и временами вызывавшую его убыль. Такую причину автор видит в перманентном заражении Англии бактериями чумы. После 1348 г. чума бытует в Англии эндемически, все время снижая цифру населения и по временам проявляясь грозными вспышками. Наиболее сильный эффект наблюдается в городах, особенно портовых. Но именно города являются местом сосредоточения богатства, экономического и культурного прогресса, а поэтому убыль их населения должна была оказывать особо сильное влияние на жизнь страны. Середина XV в. была особенно нездоровой. В эпоху Тюдоров наступает улучшение. Автор говорит о запустении ряда деревень в XV в., о выходе из обработки менее плодородных земель. Автор сам признает, что его теория основана гораздо боль-

⁶ J. Saltmarch. Plague and Economic Decline in England in the Later Middle Ages.—«Cambridge Historical Journal», 1941, № 1.

⁷ См. особенно G. H. Jones. English Villagers of the Thirteenth Century. Cambridge (Mass.), 1942.

ше на предположении, чем на свидетельствах источников (far more on inference than on evidence), и предлагает считать ее лишь гипотезой. Едва ли можно всерьез принять это биологическое или бактериологическое объяснение экономического развития Англии и Европы в XIV—XV вв. К тому же оно не вполне согласуется с той хронологией, которая была установлена Постановом и по которой начало упадка предшествует «Черной смерти», по мнению Солтмарша, впервые занесшей в Англию бактерии чумы.

Об упадке английского сельского хозяйства в XIV—XV вв. говорят ученые, разделяющие взгляды школы Симпковича, как Бредли, М. Сибом⁸, которые полагают, что причиной крушения маноральной системы было растущее истощение почвы, начавшееся еще до «Черной смерти». Крестьянское хозяйство беднело, крестьянин не мог прокормить семью и уплатить ренту. Уже до «Черной смерти» держания начинают возвращаться в руки лордов. Пахоту продолжать невыгодно, и земли начинают обрабатываться под овцеводство. Но это объяснение, и теоретически мало правдоподобное, совершенно не подтверждается фактами и в настоящее время может считаться вполне опровергнутым⁹.

Но сокращение населения в английской деревне XV в. подтверждается многими исследованиями, равно как и сокращение или полная ликвидация домена, падение рент и доходности маноров. Об этом отчетливо говорят специальные исследования Мэтланда, Давенпорт, Звавича и других по истории отдельных маноров. Недавняя моя работа, сделанная вместе с В. М. Лавровским по материалам, собранным А. Н. Савиным, показала в гентингдонширском маноре Брамpton наряду с ликвидацией домена значительное сокращение числа крестьянских держаний, особенно мелких и мельчайших¹⁰. То же самое явление

⁸ M. Seebohm. The Evolution of the English Farm. London, 1927.

⁹ Cp. M. Bennett. British Wheat Yield per Acre for Seven Centuries.—«Economic History», Supplement of the «Economic Journal», vol. III, № 10, February 1935; R. Lennard. Statistics of Corn Yields in Mediaeval England.—«Economic History», Supplement of the «Economic Journal», vol. III, № 11, February 1936; «Cambridge Economic History», vol. I; И. С. Звавич. Очерк из истории разложения манорального строя в Англии.—«Исторический сборник», 1934, № 3.

¹⁰ См. Е. А. Космьянский и В. М. Лавровский. Манор Брамpton в XI—XVIII вв.—Сб. «Средние века», вып. II, 1946.

давно отметил И. Гранат в своей книге «К вопросу об обезземелении крестьянства в Англии». По его подсчетам, в деревне XV в. значительно усиливается «крепкое» крестьянство, но зато сильно сокращается число мелких хозяйств — коттеров. По мнению Граната, в XV в. английская деревня теряет до одной трети прежнего числа хозяйств, хотя эти потери распределены географически весьма неравномерно. Но Гранат вовсе не считает это явление признаком упадка, скорее наоборот. По его мнению, сокращение деревенского населения вызвано отливом его беднейшей части в города, где оно могло найти более высокие заработки. В противоположность Постану, Солтмаршу и некоторым другим новейшим исследователям, относящим расцвет английского города к XIII в., а к XIV — начало его упадка¹¹, Гранат полагает, что до XIV в. «торговля и промышленность находились в Англии явно в зачаточном состоянии»¹². Города быстро развиваются в XIV в. В согласии с большинством старых историков Гранат говорит о подъеме внутренней и внешней торговли в XIV—XV вв., о росте промышленности, которая начинает перестраиваться на капиталистических началах. Со времени «Черной смерти» и в течение всего XV в. доход городского чернорабочего стоял на уровне дохода среднего крестьянского двора, доход квалифицированного рабочего-ремесленника почти равнялся доходу зажиточного крестьянского двора в 30 акров, а временами даже превышал его. Для коттера было прямой выгодой перейти в число наемных рабочих городской промышленности. Именно этот уход, разредивший население деревни, и сделал, по мнению Граната, необходимым полное переустройство аграрных порядков. Домениальное хозяйство ликвидируется, зато растет «громадный класс» крестьянских предпринимательских хозяйств, ведущих дело при помощи наемных батраков, либо переходящих к овцеводству.

Важное значение придает уменьшению населения в Англии XIV—XV вв. английский историк М. Добб, автор «Очерков по истории развития капитализма», недавно ре-

¹¹ См. особенно E. M. Carus Wilson. An Industrial Revolution of the XIII Century.—«Economic History Review», vol. XI, № 1, 1941.

¹² И. И. Гранат. К вопросу об обезземелении крестьянства в Англии. М., 1908, стр. 110.

цензировавшихся в «Вопросах истории»¹³. Его не удовлетворяет обычное объяснение кризиса манориальной системы развитием «денежного хозяйства». Такое объяснение, думает он, приемлемо для историков школы Шмоллера, но не для историка-марксиста. Он полагает, что при анализе причин разложения манориальной системы следует отправляться не от такого внешнего момента, каким является развитие рынка, а от внутренних сил, определяющих феодальный способ производства. По его мнению, основным противоречием, приводившим к разложению феодального способа производства, было противоречие между слабой производительностью феодальной системы хозяйства и ростом потребностей господствующего класса. Феодальная рента могла увеличиться лишь за счет необходимого труда или продукта, и ее увеличение вело к истощению и уничтожению рабочей силы. Усиливая феодальную ренту, сеньоры режут курицу, несущую золотые яйца. Бегство из маноров принимает катастрофические размеры. Население начинает вымирать вследствие уменьшения продуктивности труда в крестьянских хозяйствах. Опустошающее влияние эпидемий нельзя рассматривать как первопричину убыли населения; большая смертность от эпидемий сама объясняется условиями феодального хозяйства, физическим истощением масс вследствие плохого питания и отсутствия запасов. Вскоре после 1300 г., еще до «Черной смерти», начинается резкое сокращение населения, следствием чего являются кризис домениального хозяйства и начало крушения манориальной системы, окончательное падение которой приходится уже на век гражданской войны в Англии.

Таким образом, перед нами ряд вопросов, поставленных, но не решенных. Имел ли место в XIV—XV вв. общий упадок английского сельского хозяйства и вообще английской хозяйственной жизни или же наблюдается ее прогрессивное развитие? Имело ли место общее и постоянное сокращение населения и если имело, то чем оно было вызвано? Возможно, что ответить на эти вопросы будет не так просто, что явления упадка и прогресса могут быть констатированы рядом, что те или иные процессы по-разному складывались в разных местностях, может быть, в разных типах хозяйств. В самом деле, даже беглый взгляд

¹³ См. «Вопросы истории», 1947, № 4.— *Прим. ред.*

на экономическую историю этих бурных столетий вызывает перед нами сложную и противоречивую картину, и простой итог дается нелегко. Можно, пожалуй, констатировать начало упадка старых цеховых городов. Города замыкаются, переходят к строгой регулировке промышленности. В этом можно видеть признак упадка. Но одновременно в городах наблюдается растущее разделение труда между цехами и в то же время подчинение одних цехов другими, классовое расслоение внутри цехов, выделение капиталистической верхушки и предпролетариата¹⁴, что свидетельствует о начавшемся капиталистическом перерождении цехов. Об этом говорят и аристократизация городского управления. Но если даже говорить об упадке городов, то это могло означать и означало рост деревенской промышленности, в которой закладываются начала капиталистической мануфактуры. Английская промышленность никогда не укладывалась в рамки города, и даже ее технический рост мог идти мимо городов¹⁵. Мы видим потерю рынков и одновременно с этим развитие деятельности купцов-авантюристов, и в литературе того времени — развитие идеи, что будущее Англии в морской торговле. Упадок вывоза шерсти все же в какой-то мере компенсируется развитием английской шерстяной промышленности, частично рассчитанной на вывоз, хотя здесь, конечно, трудно оспаривать таких специалистов, как Постан и Пауэр. Но следует заметить, что уровень экономического развития страны далеко не всегда определяется размерами ее экспорта.

Что же наблюдается в области аграрных отношений? Несомненно, мы видим глубочайший кризис феодально-вотчинной, манорпальной системы хозяйства. Но есть ли это упадок сельского хозяйства страны в целом? Не правильной ли было бы видеть здесь переход к новым, более высоким формам хозяйственной организации? Я не могу согласиться с Постаном, что вытеснение домениального хозяйства крестьянским обозначало падение товарности сельского хозяйства. Постан исходит из представления о домениальном хозяйстве, как о хозяйстве товарном по преимуществу, «капиталистическом или квазикапиталистическом», как он выражается. Но феодально-вотчинное,

¹⁴ G. Unwin. *Industrial Organization in XVI and XVII Centuries*. Oxford, 1904.

¹⁵ См. указанную выше статью Е. М. Carus-Wilson.

домениальное хозяйство представляется мне по своим основам натуральным, хотя и способным до известной степени приспосабливаться к товарно-денежным отношениям. С другой стороны, крестьяне уже в XII—XIII вв. начинают превращаться в простых товаропроизводителей; конечно, это в еще большей степени относится к зажиточному крестьянству, которое так усиливается в XV в. Мне представляется, что замена феодального производства производством простых свободных товаропроизводителей являлась важным шагом на пути буржуазного перерождения деревни, и у нас нет оснований предполагать здесь в какой-либо мере рецидив натурального хозяйства. Мы наблюдаем здесь движение не от «капиталистических» отношений к натуральному хозяйству, а от натурального по своему существу феодального хозяйства через мелкотоварное к капиталистическому. Замена крупного по своим размерам домениального хозяйства мелким и средним крестьянским и фермерским не являлась моментом регрессивным, поскольку в условиях феодального производства крупное хозяйство не имело тех неоспоримых преимуществ, какие оно получает при капитализме. Домениальное хозяйство основывалось на технической и трудовой базе мелкого крестьянского хозяйства; его технические преимущества (использование удобрения, более тяжелый плуг) были незначительны и отчасти достигались путем искусственного понижения производительности крестьянских хозяйств; оно базировалось на подневольном барщинном труде с его рутинной и низкой производительностью; возможности его расширенного воспроизводства были до крайности сужены господством внеэкономических моментов — расточительности, произвола, распущенности феодальных сеньоров. Эти же моменты ограничивали возможность приспособления феодально-вотчинного хозяйства к товарно-денежным отношениям; при этом развитие товарности домениального хозяйства шло в значительной степени за счет ослабления и дезорганизации товарности крестьянского хозяйства. Поэтому падение домениального хозяйства не означает падения более высокой и прогрессивной формы; наоборот, это падение открывает пути для дальнейшего буржуазного перерождения деревни, развязывает развитие производительных сил, заменяя подневольный крестьянский труд свободным, прекращая разорение крестьянского хозяйства отвлечением рабочих рук и внеэкономическим давлением,

клада конец вмешательству сеньора в рыночные отношения крестьянского хозяйства.

Не вполне доказанным представляется мне также уменьшение населения Англии в XIV—XV вв. Исчезновение известного процента мелкого крестьянства, т. е. наиболее экономически слабой части деревенского населения, можно объяснить естественными тенденциями развивающегося товарного хозяйства: «кулаки» — это слово стало теперь техническим термином в английской аграрной литературе — постепенно вытесняют мелких хозяев. Последние могли, не уходя из деревни, исчезнуть из манориальных документов, если они становились свободны как от крепостной зависимости, так и от земли. Они могли перейти в число постоянных, погодно нанимаемых батраков. Они могли вступить в многочисленный разряд переходящих сельскохозяйственных рабочих. Они могли, как думал Гранат, уходить в города... Несмотря на «падение» городов, мы часто встречаем случаи ухода крестьян в города. Из Форсетта (Норфок) между 1400 и 1576 гг. ушло 126 держателей в 64 пункта, главным образом в города¹⁶. С исчезновением крепостного права крестьянство приобретало большую мобильность и малоземельные элементы из густо населенных районов могли передвигаться в менее населенные, в центры новой деревенской промышленности. Вполне возможно, что во многих случаях перед нами не сокращение, а перемещение населения. О внутренней миграции свидетельствует история манора Wilburton (Кембриджшир). Уехавшие крестьяне нередко уводили с собой скот и увозили инвентарь¹⁷. Таким образом, вопрос о сокращении населения Англии в целом остается открытым.

Вообще мнения об убыли населения в Англии в XIV в., о причинах этой убыли и о ее устойчивости сильно расходятся у современных исследователей. Урланис, автор новой сводной работы «Рост населения в Европе» (Огиз, 1941), считает, что во время «Черной смерти» Англия потеряла около миллиона человек (около трети населения), причем эта убыль была скоро восполнена и население в

¹⁶ См. F. Davenport. *Economic Development of a Norfolk Manor*. Cambridge, 1906.

¹⁷ F. Maitland. *The History of Cambridgeshire Manor* — «English Historical Review», vol. IX, 1894; ср. H. Nabholz. *Medieval Agrarian Society in Transition*. — «Cambridge Economic History», vol. I. Cambridge, 1942, p. 529.

1400 г. было примерно таким же, как в 1300 г. О быстром восполнении убыли населения от эпидемий говорят Беллох¹⁸, Карр-Саундерс¹⁹, полагающие, что в 1377 г. население Англии было не меньше, чем до чумы. Но ряд других авторов подчеркивает убыль населения, начавшуюся даже до «Черной смерти» и долго не восполнявшуюся. Томпсон полагает, что для восполнения убыли, причиненной «Черной смертью», понадобилось три с половиной столетия.

Все демографические выкладки относительно движения цифр народонаселения в средние века крайне платки. Но можно согласиться с наблюдениями Урланиса, что во всех странах Европы убыль от эпидемии восполнялась очень быстро. Конечно, XIV и XV века были во многих отношениях «неблагополучны»: они знали и голодовки, и Столетнюю войну, и феодальные усобицы, и войну Роз. Но какие же столетия в таком случае признать «благополучными»? Даже прославленное XIII столетие знает и голодовки (1257 — 1259), и усобицы, которые источники обозначают «как время войны, время смут, время разграбления»; начало XIV в. знает голодовку 1315—1316 гг. Говоря о XV в., надо помнить, что это было время наибольшего благополучия для рабочих, реальная заработная плата которых стояла выше, чем в XIV и XVI вв., а также для зажиточного крестьянства. Все это, несомненно, должно было содействовать росту населения. Потери от войн и междоусобий XV в. были не настолько велики, чтобы ими можно было объяснить убыль населения.

Итак, самый факт убыли населения на длительное время и прекращения или замедленности его роста в XIV—XV вв. остается под большим сомнением, и мажорнальная статистика не дает здесь убедительных доказательств.

Но вообще к вопросу о роли фактора народонаселения в процессе экономического развития приходится подходить очень осторожно. Не отрицая того, что сокращение населения могло известным образом модифицировать, обострять и отягчать известные стороны аграрного развития Англии, мы все же не можем приписывать ему решающую роль даже в том случае, если оно было значительно и так устойчиво, как это полагают некоторые из новых иссле-

¹⁸ J. Beloch. Die Bevölkerung Europas im Mittelalter. — «Zeitschrift für Sozialwissenschaft». Berlin, 1900.

¹⁹ См. «European Civilization», vol. V.

дователей. Но все же мне представляется, что их заключения основаны скорее на «inference», чем на «evidence».

Депрессия, по Постанову, выражается в падении ренты как результате большого предложения земли и малого спроса. Но такая постановка вопроса не считается со спецификой феодальной ренты, имеющей в основном внеэкономический характер, основывающейся на внеэкономическом принуждении и определяемой границами этого принуждения²⁰. Падение феодальной ренты может вовсе не быть симптомом депрессии, или упадка, даже наоборот.

Мне кажется, что в XIV—XV вв. налицо глубокий кризис и тяжелая депрессия, но кризис и депрессия особого рода: это кризис феодального производства и депрессия хозяйства крупного феодального лорда, упадок феодально-вотчинной системы, но не упадок народного хозяйства или хотя бы лишь сельского хозяйства Англии в целом. Вполне понятно, что если мы будем смотреть на аграрную Англию XIV—XV вв. сквозь призму маноральных документов, то мы увидим только упадок. Но этот упадок, даже если он сопровождался временным падением сельскохозяйственной продукции и сокращением товарности хозяйства, знаменует переход к более высокому типу производственных отношений.

Каждый шаг вперед сопровождается упадком и отмиранием старого, и в истории любой эпохи, особенно эпохи быстрого роста, в том числе и в Англии XIV—XV вв., нетрудно найти сколько угодно явлений упадка. И часто бывает, что явления упадка старого заметнее, больше бросаются в глаза, чем рост нового. Может легко показаться, что рост новых форм «не компенсирует» упадка старых, особенно если отмирание старого сопровождается явлениями, временно тормозящими рост нового, а таких явлений XIV—XV века знают достаточно (частичное истощение крестьянских хозяйств, феодальная анархия, Столетняя война). Экономический и социальный прогресс связан с «издержками», и порой эти издержки могут быть очень велики.

Таким образом, основную причину падения феодально-вотчинной системы и вместе с ней доменального хозяй-

²⁰ Формулировка требует уточнения: феодальная рента не носила «в основном неэкономического характера», но взималась она с крестьян при помощи внеэкономического принуждения.— См. К. Маркс. Капитал, т. III, ч. I. М., 1955, гл. 47.—Прим. ред.

ства и феодальных рент можно видеть не в «Черной смерти», не в убыли населения, не в общем хозяйственном упадке страны, а в росте производительных сил и связанном с этим развитием товарности хозяйства. Можно вполне согласиться с тем, что феодальная эксплуатация тормозила развитие производительных сил, истощала крестьянское хозяйство и до известной степени задерживала рост населения. Но Маркс показал²¹, как при всем том возможны рост производительности крестьянского хозяйства и крестьянское накопление. Его наблюдения целиком приложимы к английской средневековой деревне. Английский крестьянин рано начинает превращаться в товаропроизводителя, о чем свидетельствует широкое распространение денежной ренты уже в XII—XIII вв. С другой стороны, натурально-хозяйственная по своей основе феодально-вотчинная система лишь в ограниченных рамках способна приспособляться к условиям товарного хозяйства. Развитие последнего рано или поздно приводит к разложению феодальной вотчины. «Черная смерть», рабочее законодательство, «феодальная реакция» — все это лишь осложняло и обостряло происходившие в деревне процессы, но не изменяло основной линии аграрного развития страны. И все же феодальная вотчина, особенно монастырская, и в XIII и в XIV вв. довольно успешно преодолевала свою натурально-хозяйственную ограниченность, приспособлялась к требованиям растущего товарно-денежного оборота и увеличивала феодальную ренту путем усиления эксплуатации крестьян, дробления наделов, рационализации и учета производства, осуществления своих полицейских и судебно-административных прав. Но на этом пути феодальная вотчина столкнулась с могучим препятствием. Здесь необходимо учесть момент, во многом определивший судьбы английской деревни XIV—XV вв., — силу сопротивления крестьян, превращающихся в товаропроизводителей. История этого сопротивления еще не написана: восстание Уота Тайлера является лишь наиболее ярким моментом в этой истории. Протоколы королевских судов и маноральных курий являются памятником непрерывной борьбы английского крестьянства с феодальными вотчинниками, борьбы, принимающей временами характер бурных вспышек.

²¹ См. К. Маркс. Капитал, т. III, гл. 47.

Ассизы о вооружении сыграли, может быть, более значительную роль во внутренней истории Англии, чем во внешней. «Тот факт, что у столь многих людей из просто-народья было оружие в их хижинах, и что они умели им владеть, было главной причиной, почему в атмосфере острова чувствовалось некоторое веяние политической и социальной свободы», — не без оснований замечает Тре-вельян в своей «Истории Англии». Английское крестьянство не относилось пассивно к стремлению лордов повышать феодальную ренту, а упорно, нередко с оружием в руках, отстаивало свои права на землю и необходимый продукт, а так же и на часть «прибыли» ²².

2. Майл-Эндская программа 1381 г. с ее требованиями отмены крепостного права и барщин, установления низких денежных рент и снятия ограничений с крестьянской торговли является замечательной по четкости формулой требований крепостных крестьян, стремившихся стать простыми свободными товаропроизводителями. Эта программа была почти целиком осуществлена в XV в.

Итак, мы можем видеть здесь не упадок, а прогрессивное развитие аграрной Англии; если наблюдаются упадочные и болезненные явления, то это болезни роста. Но феодальные лорды, безусловно, страдают. Власть их над крестьянами падает, их доменальное хозяйство сокращается или ликвидируется, рента их уменьшается. М. Добб прекрасно выяснил причины, препятствовавшие переходу крупной феодальной вотчины в капиталистическое хозяйство с наемным трудом и делавшие неизбежным ее упадок. Сначала этот упадок захватывает светских феодалов, потом распространяется и на церковных ²³. Но крестьянство выигрывает. Внеэкономическое принуждение слабеет, для экономического еще не пришло время. Освободившийся домен распределяется между крестьянской верхушкой. Рента фиксируется на низком уровне. Крестьянин, по словам Маркса, делается фактически собственником, под на-

²² См. главу «Борьба за ренту в Англии XIII в.» в моей книге «Исследования по аграрной истории Англии XIII в.»

²³ Набоглиц не без основания объясняет большую устойчивость церковных мапоров тем, что церковное хозяйство требовало меньше наличных денег и отличалось более натуральным характером. Здесь ясно выступает связь между разложением феодально-вотчинной системы и развитием товарного хозяйства. — H. Nabholz. Medieval Agrarian Society in Transition. — «Cambridge Economic History», vol. I, p. 521.

кой бы феодальной вывеской ни скрывалась его собственность. Перед нами своеобразное общество простых свободных товаропроизводителей как продукт распадающихся феодальных и еще не сложившихся капиталистических отношений.

Но это относится не ко всему крестьянству. Развитие товарного хозяйства усиливает давно уже начавшуюся дифференциацию сельского населения. Все более крепнет крестьянская буржуазия, эксплуатирующая наемный труд, своим верхним краем соприкасающаяся с джентри; а с другой стороны, часть коттеров лишается своих наделов и переходит в разряд безземельных. Образуется сельский пролетариат, выдвигнувший Джона Болла и виднейших вождей восстания 1381 г., развернувший радикальную программу социальных и политических реформ, предъявленную королю в Смитфильде, сыгравшую видную роль в восстании Джека Када. Обезземеление английского крестьянства уже начинается, и начинается с наиболее слабой его части. Но обезземеленное крестьянство еще находит работу в деревне, а отчасти поглощается новыми промыслами, как деревенскими, так и городскими. Только после середины XV в. начинает чувствоваться в деревне излишек свободных рабочих рук²⁴. Развитие товарного хозяйства порождает рост капиталистических отношений. Но и феодальные отношения не исчезли. Они лишь ослабели и притаились в протоколах манориальных курий, в условиях копигольдерского и арендного держания. Придет время, и они будут широко использованы в целях обезземеления крестьянства и окончательного торжества капиталистической деревни.

Среди вопросов, связанных с разложением манориальной системы и с ростом в XIV—XV вв. собственнического крестьянства, важнейшее место должен занять все еще недостаточно разработанный вопрос о судьбах английского овцеводства, намеченный в очерке покойной талантливой исследовательницы Эйлин Пауэр²⁵. Пауэр показала, что овцеводство в феодальной Англии развивалось в значительной мере вне манориальной системы. Тем не менее кризис доменального хозяйства очень резко сказался и в этой области. XIII и начало XIV в. были временем

²⁴ Ibid., p. 520.

²⁵ E. Power. The Wool Trade in English Medieval History. Oxford, 1942.

расцвета доменального овцеводства. С 1340 г. начинается «критический период», с XV в. — время застоя. В это время не только пашни, но и пастбища переходят в руки держателей. Типичный овцевод XV в. — крестьянин, иногда горожанин или мелкий дворянчик. «Это было время мелких людей». Они же начали то огораживания, которые положили начало аграрному перевороту XVI в. Переход овцеводства из рук крупных феодальных производителей в руки «мелких людей» сопровождался коренными переменами также и в области торговли шерстью.

В XV в. в английской деревне формируется социальная группа, судьба которой не совпадает с судьбой старой феодальной знати: это — «новое дворянство», сыгравшее такую крупную роль в экономической и политической истории XVI и XVII вв., в английской буржуазной революции и через нее положившее особый отпечаток на всю историю английского общества до наших дней²⁶. С понятием «новое дворянство» соединяется представление о социальной группе не только нового происхождения, но и представляющей новые хозяйственные методы и мотивы, носительнице буржуазных отношений в противоположность старым, феодальным. На основании своих прежних изысканий я склонен думать, что по своему происхождению «новое дворянство» не так уж ново. Начальные стадии его развития я проследил в XIII в. Я обратил внимание на наличие значительной прослойки мелких вотчинников, постоянно пополнявшейся из числа богатееющих крестьян-фригольдеров. Мелкая вотчина и в XIII в. была гораздо меньше связана с феодальным способом эксплуатации, чем крупная, и гораздо легче поддавалась капиталистическому перерождению²⁷. Я отметил, что такая вотчина была носителем буржуазного брожения в феодальном обществе XIII в. История мелкой вотчины, показанная мною для XIII в., совершенно не исследована для XIV и XV вв. Вполне возможно, что эта история не такова, как история тех крупных маноров, которые до сих пор были основным предметом исследований. Возможно, что мелкая вотчина не переживала того кризиса, который переживала крупная, или переживала его в меньшей мере

²⁶ Ср. R. H. Tawney. The Rise of Gentry, 1558—1640. — «Economic History Review», vol. XI, № 1, 1941.

²⁷ См. главу «Мелкие вотчинники в средневековой Англии» в моей книге «Исследования по аграрной истории Англии XIII в.»

и в другой форме, что мелкие вотчинники сумели лучше приспособиться к новым экономическим условиям²⁸ и создали ядро нового дворянства. Все это лишь предположения, которые потребуют доказательств. Но те различия, которые намечаются у вотчин разного типа уже в XIII в., как будто бы позволяют предположить разные пути развития и в дальнейшем. Эти ряды «нового дворянства» должны были в XV в. еще в большей степени, чем в XIII в., пополняться из среды разбогатевшей крестьянской верхушки. Об этом хорошо свидетельствует переписка семьи Пастонов. В ряды джентри пробирались и министерялы знати, разбогатевшие на аренде маноров. Часто купцы, особенно лондонские, считают выгодным поместить свои капиталы в покупку земли, этого главного источника влияния и власти в феодальном обществе. Об этом ярко говорят документы семьи Силли. Немало купеческих фамилий исчезает из числа лондонских горожан вскоре после своего обогащения, превращаясь в землевладельцев²⁹. Низкие цены на землю, упадок доходов и разорение феодальных магнатов создавали для них выгодные условия. Постан отмечает, что новые кадры землевладельцев были созданы Столетней войной. Начало войны было ознаменовано большим экономическим «бумом», связанным с финансовыми требованиями короны, с огромными займами, большими финансовыми и торговыми спекуляциями, новыми податными экспериментами, упадком итальянских банков, началом новой, шерстяной промышленности. На этой почве быстро создались большие денежные состояния, но они так же быстро исчезли³⁰. То, что не было промотано и не было захвачено королевской властью, по большей части было употреблено на покупку земли. Столетняя война поставила и других покупателей земли. Большие состояния создавались военными поставками, финансированием правительства, но также и непосредственно войной. Здесь на первом месте стоят кондотьеры, предводители наемных от-

²⁸ Это отмечено Э. Пауэр и М. Доббом в цитированных книгах.

²⁹ Постан в «Economic History Review» ссылается на специальные исследования S. Thrupp, частью неопубликованные. (В настоящее время исследования S. Thrupp полностью опубликованы в ее книге — «The Merchant Class of Medieval London», Chicago, 1948. — *Прим. ред.*).

³⁰ Там же. Постан видит в этом буме возникновение «high capitalism» и исчезновение созданных им больших капиталов рассматривает как упадок. Едва ли с этим можно согласиться.

рядов, получавшие большие суммы, награды и пожалования от короны, а также наживавшиеся на грабеже. Наживалась королевская бюрократия, особенно финансовые чиновники, обогащавшиеся на снабжении армии и флота, многие из них к тому же были участниками купеческих компаний. Эти капиталы также обычно вкладывались в покупку земли. Да и само правительство иногда расплачивалось со своими кредиторами пожалованием им земель. Если к этому прибавить конфискации и пожалования бурного XV в., то придется констатировать весьма значительные сдвиги землевладения в XIV—XV вв.

Конечно, мы не можем думать, что все эти новые землевладельцы вошли в состав «нового дворянства», если понимать эти слова в смысле слоя, проникнутого новыми экономическими тенденциями. Некоторые фамилии купцов, финансировавших Столетнюю войну, а потом вложивших свои капиталы в землю, быстро ассимилировались с феодальной аристократией (как *de la Poles*). Хорошо известно, что Столетняя война пополнила ряды феодальной вольницы. Но трудно представить себе кунца или спекулянта, превращающегося после приобретения земли в буйного «гангстера» (пользуясь неологизмом, получившим право гражданства в английской исторической литературе). Скорее можно предположить, что такой покупатель земли пожелает оправдать сделанную им затрату и постарается извлечь из своей покупки возможно больший доход.

Во всяком случае, большое количество земель уходило из рук старых феодальных владельцев и переходило в руки новых людей. При рассмотрении перемещений землевладения в XIV—XV вв. исследователи обращали внимание главным образом на образование новых крупных феодальных комплексов, как владения Персп, Невиллей, Мобрееев, поглотивших наследства Бичемов, Диспенсеров, Монтегютов, Биго, Браозов, Вареннов; как владения Йорков, поглотивших земли Мортимеров; как владения Страффордov (Бекингемов), поглотивших земли Богунов и Клеров; как особенно рост владений Ланкастеров, так странно контрастирующий с постоянной бедностью короны. Не отрицая огромной важности факта концентрации крупных феодальных владений накануне краха феодализма, мы не должны забывать, что под этой яркой поверхностью идет непрерывная работа скрытых сил, выражающаяся в перемещении собственности на землю путем отдельных неза-

метных приобретений в руки новых людей, и притом нередко людей, руководящихся новыми экономическими мотивами. Можно предположить, что и старое джентри, потомки мелких вотчинников XIII в., не оставалось чуждо приобретательским стремлениям. Так, позади буйного «феодализма принцев» Англии XV в. незаметно складывалось «новое дворянство», проникнутое новыми, буржуазными, тенденциями, ищущее новых путей обогащения, являющееся наряду с верхушкой зажиточного крестьянства пионером огораживаний и коммерческого овцеводства.

Доходы крупных феодалов от их вотчин падают. У них нет возможности поднять эти доходы ни экономическим, ни внеэкономическим путем. А расходы их растут. XV век — время экстравагантной роскоши королевского двора и дворов магнатов, время красивых и элегантных построек в новом вкусе, богатой и оригинальной одежды, изящной домашней утвари. Огромные деньги идут на пирры, охоту, на содержание большого штата слуг, на военные свиты. Приходится искать новых источников дохода.

Часто говорят, что в Англии XII—XIII вв. феодалы, оттесненные королями от политической власти, сосредоточили свою энергию на хозяйственной жизни. Это не совсем так. Но для XIV—XV вв. можно сказать, что феодалы, оттесненные от хозяйственной жизни, стали стремиться к политической власти. Точнее, феодалы по-прежнему ищут внеэкономических доходов, ищут феодальной ренты, но уже не в своих вотчинах.

Феодальная монархия в Англии создала довольно эффективный финансово-судебно-административный аппарат в центре и на местах, создала его в значительной мере в борьбе с политической самостоятельностью феодальных магнатов. Лишенные возможности увеличивать доходность своих вотчин, или, точнее, возможности воспрепятствовать падению доходности своих вотчин, феодалы паразитически бросаются на созданный короной аппарат, так как он является источником власти и, главное, денег. Должности при дворе, в совете, на местах, администрация, финансы, суд захватываются ими как новый способ извлечения из населения феодальной ренты. Не война с Францией³¹, а именно разложение феодально-вотчинного строя толкает их на этот путь.

³¹ Cp. H. C. am. The Decline and Fall of English Feudalism. — «History», vol. XXV, № 99, December 1940, p. 232.

Если невозможно увеличить доходность вотчины, то можно увеличить число вотчин в своем владении. Прямой захват, судебное сутяжничество, связанное с подкупом или запугиванием судей и присяжных, всевозможные комбинации с браками и наследствами — вот что характерно для английской аристократии XV в. Она не брезгает и простым разбоем — «гангстеризмом»; наконец, важнейшим способом добывать деньги и ценности является грандиозный и узаконенный разбой — война.

Теперь получает особое значение власть над людьми, не столько над крестьянами, которых нельзя заставить платить повышенную ренту, сколько над вооруженными людьми, которые являются источником и силы, и влияния, и военной добычи. «Лорд манора» превращается в насильника, грабителя, атамана разбойничьей шайки, носящей его ливрею и герб. Вот в основном та сила, которая подрывает экономическое развитие страны, своими усобицами и войнами расстраивает и внутреннюю и внешнюю торговлю. Гниющий феодализм задерживает развитие новой Англии.

Столетняя война представляет весьма сложное явление, характер которого значительно изменялся с течением времени. Здесь я не собираюсь ставить вопрос о всех ее аспектах. Я хочу лишь подчеркнуть, что для английских феодалов она была широким полем для грабежа и захвата добычи. Это относится как к XIV, так и к XV в., особенно к последнему. Возобновленная Генрихом V война — порождение феодальной анархии, точнее, порождение разлагающегося феодального способа производства. Три главных мотива толкали Генриха V на возобновление военных действий: дать феодалам, от поддержки которых зависела Ланкастерская династия, возможность грабить Францию; остановить революционное движение внутри страны; найти предлог для новых финансовых вымогательств, т. е. для нового грабежа Англии в интересах феодальной клики. Столетняя война во много раз увеличила налоговый гнет в Англии. Доходы короны выросли, но корона оставалась нищей, так как все собираемое ею расходовалось непродуманно и растаскивалось феодальными кликами. Утомительная история борьбы феодалов и феодальных групп за места в совете, за влияние при дворе, а в конце концов, за корону была прежде всего борьбой за право обирать Англию, брать с нее феодальную ренту в форме государственных налогов. Формы грабежа казны, а через нее народа

были многочисленны и разнообразны. Тяжело отзывались на внешней торговле Англии льготы феодалам-ланкастерцам на вывоз шерсти и предоставление таможенных пошлин кредиторам короны³².

Особую разновидность феодальных гангстеров представляли бароны Уэльской марки и Севера, сохранившие облик и права времен Стефана и Матильды. По-видимому, в этих районах, особенно на Севере, никогда не достигала полного развития манориальная система; держание носило преимущественно военный и стало быть свободный характер; большую роль играло скотоводческое хозяйство; мало было развито доменное хозяйство; рента уплачивалась в значительной степени продуктами. Впрочем, в XIII в. там наблюдаются попытки насаждения манориальной системы и доменного хозяйства. Во всяком случае, здесь сохранялись довольно примитивные отношения. В бурных событиях XIV—XV вв. феодальной вольнице Запада и Севера принадлежит крупная роль. Но во время Столетней войны и в других районах страны начинается своего рода возрождение военного держания, в частности, в таком передовом районе, как Восточная Англия. Магнаты сдают землю своим военным сподвижникам, людям из своих свит.

Трудно согласиться с широко распространенным мнением, что феодалы взаимно истребляли друг друга, не нанося ущерба стране и основной массе населения, которая будто бы оставалась в стороне от этих смут. Внутренние усобицы, ненужная, разорительная и позорная война во Франции, гнет налогов и злоупотребления при их взимании, расхищение казны и королевского домена, паралич государственной власти, расстройство торговли и, наконец, прямой грабеж и реквизиции — все это глубоко нарушало экономические интересы широких кругов населения. Феодальная анархия нарушала прежде всего интересы тех классов населения, которые были связаны с развитием товарного хозяйства. Здесь надо назвать сильный класс «крепких» крестьян-собственников и арендаторов крупнокрестьянского типа. «Крепкие» крестьяне-товаропроизводители, не потерявшие еще общинных связей, должны были обладать значительной силой сопротивления. Несомненно, значительное недовольство было распростра-

³² W. G. H a w a r d. Economic Aspects of the Wars of Roses in East Anglia.— «The English Historical Review», vol. XLI, № 162, April 1926.

цено среди «нового дворянства», или во всяком случае, немалой его части. Если известная часть английского джентри XV в. связала свои интересы с борьбой феодальных кланов и являлась активной участницей в феодальной анархии, то, несомненно, значительна была и другая часть, страдавшая от этой анархии, от атмосферы беззакония, земельных захватов, судебного сутяжничества, беззастенчивого давления на выборы, от незаконной раздачи лицензий на вывоз шерсти и т. д. Сильнейшим образом страдали интересы английского купечества, особенно когда война, начатая в значительной мере как война за важнейшие рынки, привела к потере большинства рынков. Финансовые эксперименты и захваты короны больно ударяли по интересам купцов. Расстройство товарооборота не могло не сказываться и на других группах городского населения.

Особую группу представляют деревенская беднота, батраки и городское плебейство. И они не могут не страдать, хотя бы косвенно, от феодальной анархии. Но их главные счета — с теми классами, которые их непосредственно эксплуатируют.

История классовой борьбы крестьянства в XV в. мало исследована. Еще до сих пор ставится вопрос о том, улучшилось или ухудшилось положение крестьян вследствие восстания Уота Тайлера. Мне все же кажется, что историю английского крестьянства в XV в. невозможно понять, если не принимать в расчет того упорного сопротивления, которое крестьяне оказывали всем попыткам «феодальной реакции» и усиления феодальной ренты. За восстанием Уота Тайлера последовал ряд новых вспышек. Если экономическое развитие английской деревни в XV в. пошло в направлении осуществления Майл-Эндской программы, то этому, вероятно, содействовала не только слепая игра экономических сил, но и сила сопротивления крестьян, сделавших в 1381 г. эту программу своим знаменем.

XIV век оставил в наследство XV в. движение лоллардов, не утихающее почти до конца века и порой принимающее грозные размеры. Этим движением определяются многие события внутренней и внешней истории времен Ланкастерской династии. Движение это очень сложно по своему социальному составу, не менее сложно, чем движение гуситов. В той или иной мере к нему примыкали короли и принцы, мечтавшие о захвате церковных имуществ, и кентские бедняки, вдохновлявшиеся идеями общности

имуществ. По-видимому, его идеи близки «крепкому», кулацкому крестьянству; к кулацкой идеологии примыкает поэма Лэнгленда, идеализирующая зажиточного крестьянина, неблагосклонная к рабочей бедноте. Очень силен в лоллардизме элемент рыцарства, особенно заметный в неудавшемся восстании Олдкестла. Разработка социальной истории лоллардизма была начата Д. М. Петрушевским, но не доведена до конца. Вероятно, она может дать очень много для выяснения антифеодальных идей и движений в XV в.

Середина XV в. знает знаменитое восстание Джека Када (Мортимера), которое, может быть, следовало бы сделать центром изучения социальной истории XV в., как Петрушевский сделал восстание Уота Тайлера центром изучения разложения английского феодализма в XIV в.

Восстание Джека Када не было чисто крестьянским восстанием: в нем объединились различные антифеодальные элементы южных графств Англии. Это придало ему общенародный характер. К нему примкнули рыцари и даже некоторые церковные лорды. Приходы посылали вооруженные отряды. В некоторых местах власти собирали ополчение формальными приказами. Военные силы Джека Када представляли собой не беспорядочную толпу, а организованное и вооруженное войско. Королевская армия после первой же стычки не пожелала драться с восставшими и разбежалась. Лондонская буржуазия открыла перед ними ворота города. Манифест Джека Када не содержит чисто крестьянских требований: он объединяет все антифеодальные группы. Он протестует против засилья магнатов, окружавших трон, против губительной внешней политики, против тяжелых налогов и злоупотреблений финансовых чиновников, против давления магнатов на парламентские выборы. Он требует наказания виновных во всех этих злоупотреблениях, возвращения королю расшищенного домена, призвания к власти Ричарда Йоркского. Эта программа, поддерживавшаяся путем вооруженного восстания, кажется очень умеренной и не представляет ничего нового. Она выставлялась и в парламентских петициях. Ею как демагогическим средством пользовались враждующие феодальные кланов. Она лежит на одной линии с политической теорией Фортескью, она в той или иной мере осуществлялась потом политикой Йорков. За этой программой с оружием в руках пошла отнюдь не

«революционные» классы — зажиточные крестьяне-йоме-ны, дворянство, ее поддержала лондонская буржуазия. Обращает на себя внимание чисто политический характер программы. Восставшим классам нужны лишь упорядоченное управление, сильная и опирающаяся на свой домен королевская власть, свободный от внешнего давления парламент, подавление феодальных клев. Средством для этого кажется призвание к власти Ричарда Йоркского; вопрос о смене династии уже намечается. Крестьянство не выставило никаких требований социального характера, поскольку те требования, которые были выставлены восставшим Уотом Тайлера, были за эти 70 лет уже в основном осуществлены. Но знаменательно единственное требование социального характера, выставленное в манифесте Джека Када и обличающее в рядах восставших тот раскол, который привел к крушению восстания: это — требование отмены рабочего законодательства (возобновленного в 1416 г.). Этот пункт свидетельствует об участии в движении сельскохозяйственных рабочих — беднейшего крестьянства и батраков, для которых пришлось включить в программу это требование, как будто бы расходящееся с интересами эксплуатирующих классов (включая и зажиточное крестьянство), принявших участие в восстании. Может быть, это была демагогическая мера; может быть, наниматели не придавали большого значения законодательству, столько раз доказавшему свою неэффективность? Но это добавление, нарушающее единство манифеста, свидетельствует о том, что в среде антифеодальных классов уже назрели неразрешимые противоречия, лишь временно прикрытые общей программой.

Как и во время восстания Уота Тайлера, после оккупации Лондона, городское плебейство объединилось с беднейшими крестьянами и стало расправляться со своими классовыми врагами. Это заставило лондонскую буржуазию объединиться с королевским гарнизоном и вытеснить восставших из города, что вызвало раскол и колебания в рядах восставших и побудило Джека Када поддаться на предательскую дипломатию епископов и распустить свое ополчение. Восстание Джека Када и последовавшие в ряде других мест вспышки были подавлены. Городская и сельская буржуазия убедилась в опасности для нее самой революционного пути и возложила надежды на укрепление королевской власти, которая могла бы подавлять как фео-

дальних магнатов, так и непокорных рабочих. Не случайно Ричард Йоркский, призвания которого к власти требовали восставшие, в феврале 1451 г. принимал видное участие в так называемой жатве голов — в кровавой судебной расправе с последними следами народного движения в Кенте. Ему было выгодно очиститься от всякой связи с народным восстанием.

Начинается война Алой и Белой розы, с которой связано немало исторических недоразумений, начиная с ее названия. Не установлено, какие именно события следует объединить под этим названием, каковы хронологические рамки этой войны. Обычно дают дату от 1455 до 1485 г., от первой битвы при Сент-Олбансе до битвы при Босворте. Но Марке начинается войну Алой и Белой розы с 1399 г. («Хронологические выписки»), с начала династии Ланкастеров; можно было бы начать и раньше, если разуместь под ней весь период баронской анархии. Именно в последнем смысле говорит об этой войне Тревельян («Social History of England»), хотя он и принимает более узкую, обычную хронологию. Грин считает началом войны 1450 год, а концом — 1461, год вступления на престол династии Йорков, или 1471 — дату окончательного утверждения на престоле Эдуарда IV. После этого он начинает новый период, озаглавленный «Новая монархия» и включающий время Йоркской династии и начало династии Тюдоров. Указывали, что приняты за дату войны Роз периода от 1455 до 1485 г. объединяет под этим общим названием ряд военных столкновений, разделенных значительными промежутками мирного времени и имеющих разный исторический смысл. К. Г. Уильямс различает в этой войне (не считая 1455 г.) четыре различные фазы: 1459—1464 гг. — местные события на севере Англии; 1469—1471 гг. — восстание Уорвика и окончательное укрепление Эдуарда на троне; 1483—1485 гг. — восставшие бароны против Ричарда III, заканчивающиеся победой при Босворте³³. Столь же неясно социальное содержание этих междоусобных войн. Большинство историков склонно видеть в них лишь борьбу двух феодальных кланов за власть и корону. Эта точка зрения так сформулирована Тревельяном: «И ссоры между Ланкастерами и Йорками не примешивалось никакого вопроса

³³ См. C. H. Williams. The Yorkist Kings, 1461—1485. — «Cambridge Medieval History», vol. VIII, p. 422 и сл.

о принципах и даже классовых интересах. Эта была борьба между кланками, между фамилиями, родственными королевскому дому, стремившимися к власти, к богатству и, в конечном счете, к овладению короной. На каждой стороне собралась группа магнатов, и у каждого магната была своя клиентела. Масса народа смотрела на это равнодушно, города и деревни старались лишь по возможности избежать ужасов войны. Нейтральное большинство мало страдало, и торговля продолжалась по своим обычным путям. Но действительные участники войны сильно пострадали. Войны Роз были кровавой операцией, произведенной знатью над своим собственным телом. Для нации это было замаскированное благодеяние»³⁴.

Конечно, если мы будем рассматривать историю этого периода только как борьбу Ланкастеров и Йорков, то едва ли можно будет много прибавить к характеристике, данной Тревелияном. Если некоторые исследователи отмечают йоркистские симпатии передового и мятежного Кента, торговых городов и особенно Лондона, то другие подчеркивают, что города не имели своей определенной ориентации и придерживались той, которую им диктовали соседние магнаты, или же ориентация их определялась тем, в руках какой партии находилась в данное время власть³⁵. Лондон в данном случае не представляет исключения, хотя нельзя не отметить больших симпатий лондонского купечества к Эдуарду IV. Но если мы поставим вопрос о социальном смысле протекавшей в это время борьбы иначе, то у нас может получиться другая картина. Если мы будем видеть в борьбе, протекавшей между 1450 и 1485 гг., не борьбу династий, а борьбу классов, то борющимися сторонами будут не ланкастерцы и йоркисты, а старая феодальная Англия и буржуазно перерождающиеся классы. Целью первой является закрепление своего политического господства, грозящее увековечением феодальной анархии; целью вторых — установление прочного политического порядка, сильной королевской власти, твердой внешней политики; они готовы даже пожертвовать парламентскими привилегиями, которые подвергались таким узурпациям в

³⁴ G. M. Trevelyan. History of England. London, 1937, p. 262—263.

³⁵ Ср. особенно статью W. G. Ha ward, Economic Aspects of the Wars of Roses in East Anglia.— «The English Historical Review», vol. XLJ, № 162, April 1926.

предшествовавший период. Бароны легко переходят из йоркистского в ланкастерский лагерь и обратно. Буржуазии и «новому дворянству» тоже довольно безразлично, кто будет ими править: король из дома Йорков или наследник ланкастерских притязаний из дома Тюдоров. Для них в данный момент важнее всего сильная королевская власть, которая могла бы покончить с феодальной анархией. Только опираясь на эти классы, Эдуард IV мог проводить свою властную политику, мог из главы одной из феодальных клик стать основоположником английского абсолютизма, первым представителем «новой монархии», как ее называет Грин. Эдуард преследует феодальных магнатов, мало заботясь о том, ланкастерцы они или йоркисты. Он проводит огромные конфискации. Он пытается создать новую аристократию. Он укрепляет финансовые ресурсы монархии, ведет меркантилистическую политику, лично принимает участие в торговых предприятиях, добивается известных успехов во внешних отношениях. Нетрудно ответить на вопрос, на какие классы он опирался, политику каких классов он проводил, в интересах каких классов он подавлял и истреблял феодальную аристократию. Против Йорков ведут борьбу феодальные магнаты, притом безразлично как ланкастерцы, так и йоркисты. И Уорвик, и Бекингем, и Стенли были йоркистами. Необычайно характерно заявление Уорвика, передаваемое Полидором Виргилием, что Эдуард «гораздо больше оказывает почета новым джентльменам-высочкам, чем древним знатым фамилиям, поэтому либо знать должна его уничтожить, либо он уничтожит знать»³⁶.

Восстание баронов при Ричарде III, битва при Босворте и новая смена династии ничего не изменили. Дело магнатов было проиграно. Тюдоры продолжали политику Йорков, опираясь на те же общественные группы. Но тут происходят крупные социальные перестановки, выходящие за рамки моей темы.

XIV и XV века являются временем глубочайшего кризиса английского феодализма, кризиса, принимающего внешнюю форму феодальной анархии, возвращения ко временам Стефана и Матильды. Этот кризис вызван глубокими переменами, которые происходят прежде всего в аграрном

³⁶ «Resolutely maketh more honorable account of new upstart gentlemen than of the ancient howses of nobyltye; whereof either must the nobyltye destroy him or els hewyll destroy them».

строе Англии; он вызван разложением феодально-вотчинного строя. Но рядом растет и складывается новая, буржуазная Англия, порой бурно заявляющая о своем росте, но еще слишком слабая, чтобы выступить как самостоятельная сила. Она пока возлагает надежды на сильную королевскую власть, способную и сокрушить «слишком сильных подданных» и подчинить складывающийся рабочий класс воле нанимателей. Англии предстоял еще полустолетний период феодального абсолютизма. Но те силы, которые совершили Великую буржуазную революцию XVII в., начали намечаться уже в XV в.

КЛАССОВАЯ БОРЬБА В АНГЛИЙСКОЙ ДЕРЕВНЕ

XIII—XIV веков

(Очерки новейшей историографии) *

1

«Классическая» буржуазная школа аграрной истории Англии игнорировала классовую борьбу в английской деревне XIII в., в эпоху наиболее полного развития манориальной системы. Приводя отдельные случаи сопротивления крестьян угнетению их феодальными повинностями, отмечая, что источники далеко не полно отразили эти явления, П. Г. Виноградов не придавал им значения в аграрном развитии XIII в. Д. М. Петрушевский принципиально отрицал классовую борьбу между крестьянами и сельорами в эпоху расцвета манориального строя, развивая свою теорию «гармонии» интересов манориального хозяйства и крестьянских вилланских хозяйств, теорию, тесно связанную с его доктриной об исключительно политическом характере зависимости крестьян от лорда, об относительной легкости крестьянских повинностей и об охране крестьянских прав манориальным обычаем.

Петрушевский рассматривал феодалов и вилланов не как класс эксплуататоров и класс эксплуатируемых, а как «политически соподчиненные сословия». Столкновения между ними, по мысли Петрушевского, мирно разрешались на почве манориального обычая, имевшего если не юридически, то фактически принудительную силу и по отношению к лорду манора.

Основную причину «конституционности» власти лорда Петрушевский в ранних изданиях своей книги «Восстание

* Опубликовано: Сб. «Средние века», вып. III, 1951.

Уота Тайлера» видел в исключительно потребительных целях манориального хозяйства, в отсутствии рынка. Позднее, когда он стал на принципиально иную позицию, отстаивая «капиталистический» характер манора, он все же выдвигал в несколько ограниченном виде ту же мысль: причинами «конституционности лорда» являлись, по его мнению, «общие хозяйственные условия той поры, ограниченность хозяйственного оборота, скромные размеры местного рынка». По мере расширения общих хозяйственных рамок пачала колебаться и «хозяйственная гармония» между барским двором и сельской общиной, она стала уступать место противоположности и борьбе классовых интересов. Но тогда наступил конец и феодальному поместью.

Таким образом, классы и классовая борьба, по мысли Петрушевского, не свойственны феодальному поместью, они возникают лишь в процессе его разложения. Основным фактором этого разложения было развитие рынка, развитие денежного хозяйства.

Как историк, близкий по своим взглядам к экономическому материализму, Д. М. Петрушевский внимательно изучил влияние экономики эпохи на идеологию крестьянских масс и их классовую борьбу, но не показывает, как идеология крестьянства и его классовая борьба влияли на развитие экономики аграрной Англии XIV в. Подводя итоги истории восстания Уота Тайлера, Петрушевский утверждает, что «антифеодальные идеи восставших были лишь формулировкой тенденций хозяйственной и социальной действительности, что им соответствовало, параллельно развиваясь, самопроизвольное разложение феодального строя с его хозяйственной и социальной стороны»¹. Правда, он признает, что вилланы пытались «насильственно ускорить прошедший через их сознание процесс, совершавшийся в хозяйственной и социальной действительности», но не показывает, какое влияние эти попытки имели на «действительность», и даже не ставит этого вопроса. В буржуазной литературе далеко не все ученые держались столь оптимистических взглядов на положение английского крестьянства в XIII в. и обеспеченность его интересов манориальной курией. Указывалось, что манориальный обычай не давал виллану никаких твердых гарантий, что он был крайне растяжим и допускал простор для произвола лор-

¹ Д. М. Петрушевский, Восстание Уота Тайлера, 4-е изд. стр. 357 (курсив Е. А. Космынского.—Прим. ред.) и также стр. 124.

да. Представители так называемой социальной истории, изучавшие быт средневекового крестьянина, Каултон и его школа, несмотря на свои в общем консервативные взгляды, не могли не отметить бесправного и бедственного положения крестьянства, не могли пройти мимо случаев, когда оно приводило к попыткам крестьян осуществить свои права путем насилия. Советский историк И. С. Завич в статье «Классовая природа манориальной юстиции» отчетливо показал, как плохо охранял интересы крестьян манориальный обычай, подчиненный в основном классовым интересам феодалов².

В книге «Исследования по аграрной истории Англии XIII в.» мы отметили, что манориальный обычай очень мало стеснял произвол лорда, что он не мог стать охраной для крестьян и не стал ею. Манориальная курия была в гораздо большей степени аппаратом для поддержания крепостной дисциплины среди крестьян и для извлечения добавочной феодальной ренты, чем органом защиты имущественных и личных прав крестьян. Но даже в тех случаях, когда обычай был на стороне крестьянина, манориальная курия не располагала никакими юридическими средствами, чтобы заставить лорда подчиниться ее решениям. Государство отказывалось принимать жалобы вилланов на своих господ (правило *exemptio villenagii*). «Оставались такие средства, как бегство и прямое сопротивление. Такие случаи были, насколько можно судить, нередки; но тогда государство отказывалось от своей политики невмешательства в отношения между вилланами и лордами и оказывало последним всемерное содействие»³.

XIII век вовсе не был веком социальной идиллии, «хозяйственной гармонии» между лордом и вилланами. Это — время усиленного нажима на крепостное крестьянство со стороны крупного землевладения с целью увеличения феодальной ренты, это — время усиленного развития наиболее тяжелой формы феодальной ренты — ренты отработочной. В теориях английских юристов XII—XIII вв., приравнивавших виллана к римскому рабу, многие буржуазные историки были склонны видеть случай крайнего несоответствия между абстрактной юридической мыслью, оперирующей понятиями римского права, и конкретной

² «Уч. зап. Института истории РАНИОН», т. III. М., 1929.

³ Е. А. Косминский. Исследования по аграрной истории Англии XIII в. М. — Л., 1947, стр. 407.

исторической действительностью. Но зачем юристам XII—XIII вв. понадобилось выдвинуть эту теорию? Они были гораздо ближе к жизни, чем это принято предполагать. Приравнивая виллана к римскому рабу, объявляя его имущество собственностью господина, отказывая ему в иске против господина, королевские судьи выражали вполне определенные классовые интересы. Развивающему барщинное хозяйство лорду нужно было крестьянское бесправие; отрицание за вилланами права на землю нужно было лорду, захватывающему общинные угодья в свое исключительное пользование.

Не находя защиты в манориальной курии, крестьяне нередко пробовали добиться защиты у феодального государства — в королевском суде. Здесь, как правило, они встречали отказ. Тогда они пробовали осуществить свое право насильственным путем. В таких случаях государство немедленно выступало в защиту лорда.

Феодальное государство и феодальное «общее право» были неизменно враждебны к крестьянам. Для большинства крестьян — для вилланов — двери королевского суда были плотно закрыты. Они были закрыты и для беднейшей части свободного крестьянства вследствие платности судебного процесса и продажности судей. Все судебные реформы XII—XIII вв., все развитие «общего права» вели к усилению бесправия вилланов и свободных бедняков.

До нас дошли лишь немногие эпизоды той борьбы, в которой крестьяне отстаивали свои закрепленные стариной права. Лишь в очень редких случаях вилланам удавалось доводить дело до суда и их жалобы попадали в протоколы королевских судов. В протоколах манориальных курий можно найти немало следов той повседневной борьбы, которую крепостное крестьянство вело против своих притеснителей. Протоколы королевских судов сохранили немалое количество жалоб лордов на «насилия» со стороны крестьян, стремившихся восстановить свои нарушенные права.

В своей «Английской деревне в XIII в.» мы привели ряд случаев, когда крестьяне тщетно добиваются в королевских судах восстановления своих прав, нарушенных лордами маноров. Крестьяне жалуются на лордов, которые стараются превратить их из свободных в крепостных, увеличивают их повинности, выгоняют их из домов и захватывают их имущество. Суды твердо держатся классового принципа и в огромном большинстве случаев отказыва-

ют крестьянам в исках. При этом встречаются случаи нарочито неправильного истолкования показаний «Книги Страшного суда» в пользу лорда. Лорды получают приказ к шерифам принуждать крестьян к отбыванию требуемых с них повинностей всякий раз, как они станут бунтовать («quotiens fuerint rebelles»). Эта фраза официального приказа явно говорит о том, что сопротивление крестьян требованиям лорда было обычным явлением в английской деревне XIII в.

Упорная классовая борьба шла в английской деревне в связи со стремлением лордов захватить общинные земли в свое исключительное владение. Постановления Мертонского и 2-го Уэстминстерского статута, предоставлявшие лордам широкие права на захват общинных земель, носят ярко выраженные следы предшествовавшей борьбы между лордами и крестьянскими общинами. Государство оказало полную поддержку требованиям лордов. Достаточно выразительно постановление 2-го Уэстминстерского статута об ответственности окрестных деревень в случае уничтожения изгородей или рвов, устроенных лордом вокруг огороженных участков. Судебные протоколы этой эпохи постоянно говорят о попытках крестьян отстоять свои общинные права силой. Разрушение изгородей почти всегда производится скопом, в качестве ответчиков привлекаются «многие» (multi, plurimi), иногда более ста человек. При этом крестьяне нередко пытаются добиться восстановления своих нарушенных прав вооруженной силой («vi et armis») ⁴.

Все это очень мало напоминает социальный мир, хозяйственную гармонию между лордами и крестьянами. Надо при этом добавить, что источники сохранили для нас лишь незначительный фрагмент той борьбы, которая происходила в действительности, и что в нашей книге были использованы лишь незначительные фрагменты того, что содержат источники.

Было бы, конечно, недостаточно ограничиться лишь констатацией случаев борьбы крестьян с лордами в XIII в... Она существовала и до XIII в., хотя от этой эпохи уцелело слишком мало источников; она продолжалась и усиливалась в XIV в. Важнейшей задачей историка аграрных отношений в средневековой Англии является определение того влияния, которое она оказывала на

⁴ Об этом подробнее см. Е. А. Косминский, Исследования по аграрной истории Англии XIII в., стр. 410—423.

все направление аграрного развития Англии, ее роли в разложении манориальной системы, наблюдающемся в XIV—XV вв., особенно в падении барщинного хозяйства и крепостной системы, в ликвидации господского хозяйства. Те требования, которые восставшее в 1381 г. крестьянство выставляло в Майл-Эндской программе, были почти полностью осуществлены в течение последующих десятилетий. Но восстание Уота Тайлера было лишь наиболее ярким эпизодом борьбы, начавшейся гораздо раньше и не закончившейся после 1381 г.

В самом основном вопросе — почему манориальная система, так успешно развивавшаяся в XIII в., терпит крах в XIV в., остается все еще много неясностей. Объяснение этого краха общей формулой «расширение рамок хозяйства», «рост рынка», или, еще чаще, «рост денежного хозяйства» слишком неопределенно и малоудовлетворительно. Почему «рост денежного хозяйства» приводит в XIII в. к росту барщинной системы, а в XIV в. к ее краху? Малоудовлетворительны объяснения, сводящие падение манориального хозяйства к общему хозяйственному упадку Англии в XIV—XV вв., к уменьшению населения в результате эпидемий и особенно «Черной смерти»⁵.

Разработка вопроса о классовой борьбе в английской деревне в XIII—XIV вв. и ее влиянии на дальнейшее развитие английской деревни является задачей исследователей аграрной истории средневековой Англии.

2

Принципиальное отрицание классовой борьбы в английской деревне XIII в. встречаем мы в книге американского социолога и историка Хоменса «Английские сельские жители XIII века»⁶, вышедшей в 1942 г. и встретившей ряд положительных отзывов в английской и американской прессе. Поскольку эта книга не была отмечена в советской исторической литературе, мы считаем нелишним на ней остановиться, тем более, что она представляется нам весьма симптоматичной для позиций современной буржуазной науки в занимающем нас вопросе.

⁵ Е. А. Косминский. Вопросы аграрной истории Англии в XV в. — «Вопросы истории», 1948, № 1.

⁶ G. C. Homans. English Villagers of the XIII Century. Cambridge (Mass.), 1942.

В области изучения аграрной истории средневековой Англии американская наука дала в прошлом немало специальных исследований, небезуспешно применявших статистический метод⁷. Но книга Хоменса совсем в другом роде.

Рецензенты единогласно зачислили ее в одну категорию с такими трудами, как «*Medieval Village*» Каултона или «*Life on the English Manor*» Беннета. Эти труды принадлежат к тому направлению, которое у англичан и у американцев называется *social history* и которое получило наиболее яркое выражение в шумевшей «*English Social History*» Д. М. Тревельяна. Под *social history* понимается не то, что мы называем «социальной историей», т. е. не история общественных классов и классовой борьбы, а преимущественно культурно-бытовая история, воспроизведение семейного и хозяйственного быта, идей, верований, обычаев людей определенной эпохи, притом воспроизведение возможно более художественное. Такого рода воспроизведение требует, конечно, литературного таланта и вместе с тем до известной степени апеллирует к интуиции, к умению проникнуть в психологию века, далеко не всегда адекватно отраженную в источниках.

Против такого способа изображения прошлого можно было бы не возражать, если оно не выходит за рамки исследования фактов; но, несомненно, грань между наукой и беллетристикой здесь довольно неопределенная, что открывает самый широкий простор для всевозможных фантазий и искажений.

Работы Каултона и Беннета дали немало нового для понимания жизни средневекового крестьянина, хотя и в них нет твердой методологической основы. Буржуазная критика зачислила книгу Хоменса в ту же категорию и в общем похвалила его за живое и интересное изображение жизни средневековой деревни, сделанное на основании источников, отчасти архивных. Но сам автор расценивает свою работу иначе. Он считает себя социологом и работу свою рассматривает как приложение своего социологического метода к конкретной действительности XIII в. Он претендует вследствие этого на особую «научность» своего

⁷ Мы имеем в виду известные исследования Паджа, Нильсон, Грей, Грасса.

труда. Он нередко при этом апеллирует к антропологии, к этнографии.

У большинства его рецензентов — Постапа, Кэм, Нильсон — несколько ироническое отношение к его «социологии». Они отказываются говорить о нем как о социологе и оценивают его лишь как историка. Для советского историка ясно, что мы не вправе отделять Хоменса-историка от Хоменса-социолога и игнорировать его «социологию». «Социологические» идеи Хоменса не являются простым привеском к историческому исследованию, а определяют ход и характер исследования. Надо, впрочем, оговориться, что Хоменс, в отличие от многих буржуазных «социологов», не является легковесным дилетантом в области исторического исследования. Его работа написана вполне «профессионально». Он изучал материал источников, работал в архивах, прочитал большую литературу.

Хоменс заканчивает свою книгу главой «Анатомия общества», в которой излагает свои социологические идеи. Здесь, правда, он мало оригинален, следуя в основном за реакционными построениями Барнарда и Парето³. Про свою «Анатомию общества» он сам замечает: «Люди скажут, что это общие места, и это действительно так». Но он считает, что в социальных системах наиболее важны именно те черты, которые все считают само собой разумеющимися. Социологическими обобщениями Хоменс хотел бы охватить все общества, всех времен и народов, всех родов и величин, как племена, нации, так и классы, деревни, маноры, семьи и т. д. Немудрено, что при такой нелепой постановке трудно сказать что-нибудь, кроме «общих мест». К тому же это тенденциозно подобранные общие места.

Мы не будем следовать за развитием его скучных, претенциозных и бессодержательных «общих мест». Всего яснее реакционная сущность его «социологии» выступает в заключительных обобщениях, которым автор приписывает огромное научное значение, ставя их на одну доску с «открытиями Ньютона». Общество, по его мнению, представляет социальную «систему», наподобие других систем, которые изучаются астрономами, физиками и т. п. Все эле-

³ См. особенно C. I. Barnard. *The Function of the Executive*. Cambridge (Mass.), 1938; V. Pareto. *The Mind and Society*, vol. I—IV. New York, 1935.

менты общества находятся в состоянии взаимной зависимости. Для общественной «системы», как и всякой другой системы, характерно состояние равновесия. Если что-нибудь выведет ее из состояния равновесия, то она стремится вернуться к первоначальному положению.

Основой общественного строя, по его мнению, является сотрудничество, гармония между индивидуумами и классами, и нарушение этой гармонии — отклонение от правильного пути. Совершенно игнорируются внутренние противоречия общественного строя, внутренняя борьба как двигатель прогресса (само это понятие отсутствует в схеме Хоменса), противоположность классовых интересов и классовая борьба.

Общество, таким образом, берется в неподвижном, стабильном, искусственно построенном состоянии, в каком оно в действительности никогда не находится и не может находиться.

Стоит ли всерьез критиковать эту «социологию», которая как по своим претензиям, так и по своим методам возвращает нас к XVII в., к попыткам построить «социальную физику» на столь же произвольных основаниях? Для нас интересна не научная ценность «социологии» Хоменса (об этом странно было бы и говорить), а ее политическая тенденция.

Хоменс часто полемизирует с «экономическим» истолкованием истории, считая его уже изжитым и отброшенным наукой. Имен при этом он обычно не называет, но ясно, что его возражения направлены против марксизма. Но в таком случае эти возражения не попадают в цель, так как с марксизмом Хоменс не знаком, и та теория, против которой он полемизирует, может быть охарактеризована как вульгарный экономизм. «Экономическому» пониманию он противопоставляет «социологическое», которое учитывает такие элементы, как чувство, традиции, идеалы. Автору неизвестно, что марксизм полностью учитывает чувства, традиции и идеалы и что в марксистской концепции феодального способа производства им отводится весьма видное место как среди элементов внеэкономического принуждения, которое далеко не всегда выступает в форме прямого насилия, так и в классовой борьбе угнетенных народных масс.

По словам одного из рецензентов, Хоменсу удалось преодолеть те трудности, которые стоят перед современ-

ным исследователем английской деревни в средние века; он будто бы показал аграрную Англию средних веков как завершенную систему. Но надо сказать, что ни одной из трудностей, которые создаются усложнением материала, особенно локального материала, Хоменс и не думал преодолевать. Он пошел по линии наименьшего сопротивления, занимаясь лишь *champion country*, областью распространения «открытых полей», двухполья и трехполья и отбрасывая все другие локальные варианты. Но и в этой области он ограничился лишь тем, что ему было нужно для поддержки его «социологии».

Хоменс проводит весьма решительное деление Англии XIII в. на два района по преобладающему типу полей: на *champion country* и *woodland*, другими словами, на область открытых полей (*open fields*) и огороженных участков, чему в основном соответствует поселение большими деревнями и хуторами. В эту область «открытых полей» попадает вся средняя часть страны с севера на юг, отпадают запад и юго-восток. Но надо сказать, что отпавшие (очень крупные) районы представляют значительное разнообразие и не могут подойти под упрощенную характеристику *woodland*. В то же время и в области «открытых полей» наблюдается значительное разнообразие социальной структуры, игнорируемое автором.

Конечно, Хоменс не преодолел основного затруднения, стоящего перед современными обобщающими трудами, если они хотят охватить все местное разнообразие аграрного развития Англии. Он попросту обошел эту трудность. Далее, он сузил свою задачу исключением наиболее трудных проблем, как, например, вопроса о товарности манориального хозяйства, о его связях с рынком. Таким образом, преодоление трудностей заключается в простом их отбрасывании. Отбрасывается Хоменсом и большая часть источников. Он сосредоточивается главным образом на манориальных экстендах и особенно на протоколах манориальных курий, дающих наиболее богатый бытовой материал. Но и этот материал использован им крайне тенденциозно. Ведь именно в протоколах манориальных курий отразилась повседневная классовая борьба внутри манора. Упрощение задачи идет еще в одном направлении. В полном согласии со своей основной «социологической» установкой, Хоменс ищет в английской деревне законченную, неподвижную систему, находящуюся в состоянии равно-

весия, и поэтому считает возможным игнорировать и пре-
дидущее и последующее аграрное развитие Англии. По его
словам, он изучает английскую деревню в XIII в., как пу-
тешественник-антрополог изучает жизнь какого-нибудь ме-
ланезийского острова, не зная о том, что было раньше, и не
заботясь о том, что будет позже. Этим он, кстати, хочет
придать своей работе вид «научного» антропологического
исследования.

Но игнорируя предшествующее и дальнейшее развитие
или делая вид, что он его игнорирует, Хоменс уже этим
самым приемом неизбежно преувеличивает элементы не-
подвижности, традиции и устойчивости в английской де-
ревне XIII в. Этот прием, который автору не всегда уда-
ется выдержать до конца (он иногда привлекает более
поздний материал), он считает допустимым как потому,
что в средние века общественные отношения изменялись
очень медленно, так и ввиду особого положения XIII в.
в истории Англии и Европы.

Хоменс сочувственно говорит об авторах, считающих
XIII в. «величайшим из столетий». Это якобы век экономи-
ческого процветания; это век мирного развития. Так ут-
верждает Хоменс (да и многие другие), забывая, что для
Англии это век междоусобных войн, борьбы за Хартию,
баронской войны, неудачных войн во Франции, террито-
риальных потерь, борьбы с Уэльсом и Шотландией и т. д.
XIII век якобы время наивысшего роста населения; в XIV в.
усматривается либо убыль населения, либо по крайней
мере прекращение его роста, начинается эпоха упадка.
XIII век кажется автору лучшей иллюстрацией его «социо-
логических» построений. Но еще в одном отношении
XIII век привлекает «социолога» Хоменса — это век эры,
освещающей и укрепляющей стабильность общества, век
владычества католической церкви, век господства средне-
вековой церковной морали.

Ограничив свою задачу изображением строя английской
деревни, как он сложился в *champion country*, Хоменс при-
нужден повторять многое из того, что было уже предметом
внимательного изучения ряда крупных ученых. Однако
в ряде вопросов он выступает и как самостоятельный ис-
следователь, ставящий новые проблемы и отыскивающий
новые пути к их разрешению. Но надо сказать, что в боль-
шинстве случаев пути эти ложны и по своей сущности
глубоко реакционны.

Все рецензенты отмечали одну важную заслугу Хоменса: он обратил особое внимание на семью, семейное устройство, порядки семейного владения и наследования. Эти вопросы обычно освещались лишь с юридической точки зрения. Хоменс подошел к ним как «социальный» историк.

Несомненно, здесь книга Хоменса вводит наибольшее количество нового материала и новых идей. Но в целом вопросы семейного владения и наследования в английской деревне XIII в. Хоменсом освещены неверно. Он исходит из каких-то особых чувств, традиций, настроений, которые будто бы объединяли всех англичан, от эрла до коттера, и создавали принцип, в силу которого земля должна принадлежать тому роду, который ею владеет издавна. Отсюда якобы происходит порядок единонаследия и характерное для англичан XIII в. отвращение к отчуждению земли в чужой род. Утверждение это является совершенно неправильным. Если большинство крестьян из поколения в поколение сидит на одних и тех же наделах, то это объясняется не принципами, объединявшими всех от эрла до коттера, а крепостным правом (вилланством), препятствовавшим отчуждению вилланского надела. Свободные крестьяне — фригольдеры — в том же XIII в. постоянно отчуждают свои земли. Сравнение разновременных описей одних и тех же маноров ясно показывает эту резкую разницу между вилланами и свободными крестьянами. Иногда через поколение невозможно найти ни одного неизменившегося фригольдерского владения⁹. То же относится и к крупным феодальным владениям, которые в это время гораздо чаще дробились, отчуждались, переходили из рук в руки, чем думает Хоменс. При этом надо помнить, что даже в среде вилланских держаний постоянно происходят отчуждения, далеко не адекватно отраженные в манориальных документах.

Характерно, что только в третьей части своей книги Хоменс добирается до вопроса о маноре, об отношениях между лордами и крестьянами. До этого времени он трактует тех и других как «деревенских жителей» (villagers), как членов общины, объединенных общими взглядами и интересами, «от эрла до коттера». В описании манориальной системы Хоменс дает мало нового, но любопытны его

⁹ См. Е. А. Косминский. Исследования по аграрной истории Англии XIII в., *passim*.

попытки «социального» анализа в его понимании, т. е. анализа взаимных чувств и настроений лорда и крестьянина. Хоменс признает, что лорд присваивал труд крестьянина, и крестьянин прекрасно это понимал (не нужно было Карла Маркса, чтобы разъяснить ему это, «иронизирует» Хоменс). Тем не менее в отношениях между лордом и крестьянином царили лояльность и взаимное понимание. Надо знать Англию, говорит Хоменс, чтобы понять эти чувства, которые он называет «торийской традицией». Конечно, Хоменс не знает Англии, иначе бы он не говорил о «торийской традиции» в применении к разоренному и ограбленному английскому крестьянству. Он признает, что вилланы работали на лорда, но зато лорд был естественным вождем и защитником вилланов. Обе стороны будто бы представляли себе свои отношения как обмен благами, основанный на взаимном интересе. Конечно, с обеих сторон были злонамеренные люди («men of ill will»), были на этой почве столкновения и тяжбы, но это редкие исключения. Хоменс придает большое значение земледельческим праздникам, церковным церемониям, где встречались лорд и вилланы, — так охранялись традиционные связи. Он считает традицию неэкономическим фактором и думает, что, показав значение этого фактора, он опроверг «экономическое понимание истории», не имея представления о том, какое значение придавал традиции Маркс, исследуя вопрос о докапиталистической ренте («Капитал», т. III, гл. 47).

Для историка-марксиста представляет особый интерес изучение способов «внеэкономического принуждения» в применении к феодальному способу производства. Внеэкономическое принуждение далеко не всегда выступает в виде голого насилия, в виде палки надсмотрщика. Здесь, несомненно, играют крупную роль и «традиция», и идеи, внушаемые церковью. Только не надо игнорировать вопрос о происхождении этой традиции и церковной доктрины, в основе которой всегда лежит определенный классовый интерес. Если «традиция», которую Хоменс определяет как торийскую, и церковное учение со всеми его способами воздействия на массы верно отражали мысли и настроения господствующего класса, то Хоменс, несомненно, извращает факты, приписывая аналогичные чувства и настроения эксплуатируемому крестьянству. Борьба за землю и за ренту между лордами и крестьянами представляет не

исключение, а постоянное явление в деревне XIII в., как и в феодальной деревне любой эпохи. В XIII в. борьба еще не принимает масштаба восстания Уота Тайлера, но порой выливается в вооруженные столкновения, в которых принимают участие многие десятки крестьян. Крестьяне XIII в. никак не могли видеть в лордах своих «вождей и защитников». Но, конечно, лордам и церкви хотелось бы внушить им эту мысль вместе с идеей не столько «обмена благами», сколько идеей покорности. Говоря о «взаимности» и «обмене благами», Хоменс умалчивает, что дело идет не о равноправных сторонах, а о господах и крепостных (по крайней мере в приложении к большей части крестьянства). Документы все же заставляют Хоменса (так же как Каултона и Беннета) признать жизнь английского крестьянства в средние века весьма бедственной. Но он утешается тем, что «не хлебом единым жив человек». Патриархальная «торийская» идеология и религия с ее праздниками и процессиями будто бы скрашивали и облегчали тяжелое существование крестьян.

Представление о «взаимности» Хоменс распространяет даже на повинности крестьян. Здесь он договаривается до нелепостей. Во многих из крестьянских повинностей он склонен видеть взаимопомощь, оказываемую одними членами общины другим, — ведь лорд манора также член общины. Работа на лорда представляет приятное собрание общества («pleasant social gathering») и напоминает автору ту помощь, которую оказывают друг другу деревенские жители Новой Англии. Но документы ясно показывают нам, что именно «помощь», которую требовал лорд от вилланов в самое горячее время полевых работ, была особенно ненавистна крестьянам. Опять-таки Хоменс хочет забыть, что эта «помощь» была принудительной и что отношения между лордом и вилланами были отношениями между господином и крепостными.

Автор решается говорить о традиции «демократического самоуправления» в маноре XIII в. Этому якобы не противоречит власть лорда над крестьянами. Это характерно для понимания демократии в современной Америке.

Для Хоменса, как и для других представителей англо-американской «социальной истории», характерно пренебрежение к тому различию между крепостными (вилланами) и свободными, которое так резко подчеркивалось юридической теорией общего права и историками-юриста-

ми. Он делит массу сельских жителей (villagers) на группы не по принципу личного состояния, а по зажиточности. В этом отношении его классификация представляет интерес. По его мнению, для историка социальных отношений (student of society) деревенские жители XIII в. распадаются на три группы, которые он обозначает как franklins, husbands и cotters. Husbands — «хозяева», чаще всего вилланы, владельцы обычных крестьянских наделов. Коттеры — владельцы мелких участков, как свободные, так и вилланы. Franklins — свободные держатели с наделами, несколько большими, чем у husbands, в среднем около двух виргат. Они стоят между крестьянами и джентри. Хоменс совершенно правильно обращает особое внимание на эту группу, обычно держащую землю в сокаже, мало связанную с манориальной системой и играющую крупную роль в аграрной истории следующих столетий. Но при всем этом нежелание проводить резкую грань между крепостными и свободными преследует определенную цель — отвести вопрос о юридической крепости вилланов, которых юристы приравнивали к римским рабам, заставить забыть, что большинство английского народа состояло в то время из бесправных крепостных.

Хоменс желает рассматривать «величайшее из столетий» в отрыве от прошлого и будущего. Но все же ему приходится коснуться вопроса, почему же это равновесие было нарушено, почему стабильность XIII в. пошатнулась.

Ответ на этот вопрос дается в духе его «социологии». Причина этого, по его мнению, — «болезнь» общества. Он оговаривается, что природа «больных обществ» еще мало изучена. Но симптомы «болезни» он все же перечисляет. Прежде всего, это падение средневековой религии и морали. Не случайно, по его мнению, год крестьянского восстания (1381) был годом выступления Уиклифа против догмата пресуществления. Голодовки, войны, чума, экономический застой являются дальнейшими признаками «болезни» общества. Трудно высказать яснее свои реакционно-католические симпатии.

Надо сказать, что теория «болезни» как объяснение исторического развития Англии и Европы в XIV—XV вв. широко распространена в настоящее время; теория эта не нова. Но и в наши дни английские ученые предлагают объяснять особенности экономического (а также и политического и культурного) развития Англии XIV—XV вв.

«болезнью» в самом прямом смысле слова — сокращением населения в результате перманентного заражения страны бактериями чумы¹⁰. Впрочем, для Хоменса на первом плане стоит не медицинский, а моральный аспект «болезни» общества. Если не болезнь, то упадок, вечер, сумерки видят в культуре позднего средневековья ученые типа Хейзинги. Понятно, что такие «переходные» эпохи, как XIV—XV вв., богаты явлениями упадка старых феодальных форм и роста новых. Весь вопрос в том, как историк расценивает борьбу старого и нового, стоит ли он на точке зрения прогресса или реакции. Для Хоменса деятельность Уиклифа — симптом упадка, потому что все его симпатии на стороне Фомы Аквинского. Во всяком случае характерно стремление современной буржуазной науки видеть симптомы болезни и упадка во всем новом, во всем, что колеблет традиции.

В книге Хоменса собрано немало интересных фактов, приведено много любопытных текстов (которые обычно даются трижды — по-латыни, в английском переводе и в изложении автора), дано много яркого бытового материала. Книга написана литературно и легко читается. Но ее порочные основные установки, глубоко реакционная «социология» в целом совершенно искажают изображение английской деревни XIII в.

Книгу Хоменса нельзя ставить в один ряд с трудами Каултона и Беннета, хотя она имеет с ними немало общего. Она заслуживает особого места. Мы можем рассматривать ее как вторжение реакционной псевдонауки современной Америки в область изучения аграрной истории средневековой Англии.

Конечно, реакционную «социологию» Парето — Барнарда — Хоменса нельзя было бы принимать всерьез, если бы книга последнего была единичным явлением. Но такая «социология» преподается в американских университетах, она служит орудием того наступления на прогрессивную науку, которое в последнее время разворачивается в странах буржуазного Запада и в первую очередь в Соединенных Штатах Америки. А это наступление является частью общего наступления реакционного империализма на свободу и демократию во всем мире.

¹⁰ J. Saltmarsh. Plague and Economic Decline of England in the Later Middle Ages.— «Cambridge Historical Journal», 1941, № 1.

Среди прогрессивных ученых капиталистических стран все более крепнет убеждение, что единственным выходом из того тупика, в который зашла буржуазная историческая наука, является решительный переход на позиции марксизма-ленинизма. В этом отношении интересна книга кембриджского ученого Мориса Добба¹¹, в которой поставлен ряд проблем аграрного развития средневековой Англии. Автор проводит свое исследование на почве марксистско-ленинского учения о феодальном способе производства и в этом учении ищет ответов на те вопросы, перед которыми бессильно останавливалась мысль буржуазных ученых. Добб в своем анализе преимущественно использует английский материал, но широко привлекает и факты из истории других стран, в частности, стран Восточной Европы и особенно России. Он хорошо знаком с новой советской литературой.

Добб ставит вопрос о тех причинах, которые вызвали разложение манориального строя в Англии. Он считает недостаточным объяснение, которое видит эту причину попросту в развитии денежного хозяйства. Такое объяснение кажется ему более подходящим для немецких историков типа Шмоллера, чем для марксистов. Ряд фактов показывает, что денежное хозяйство далеко не всегда выступает в качестве элемента, разлагающего манориальную систему.

Добб считает более правильным в ответе на этот вопрос отпираться не столько от внешнего момента, каким является развитие рынка, сколько от внутренних сил, определяющих феодальный способ производства. По его мнению, основным противоречием, ведущим к разложению феодального способа производства, было противоречие между слабой производительностью феодальной системы хозяйства и ростом потребностей господствующего класса. Феодальная рента могла увеличиваться лишь за счет необходимого труда или продукта, ее усиление должно было вести к истощению или уничтожению рабочей силы. В противоположность Хоменсу, толкующему о «взаимности», Добб подчеркивает, что феодальная система покоилась на

¹¹ M. Dobb, *Studies in the Development of Capitalism*. London, 1947. Разбор этой книги см.: И. Звавич, М. Добб. Исследования по истории развития капитализма. — «Вопросы истории», 1947, № 4.

подчинении и угнетении виллана, на которого смотрели, как на существо низшей породы, созданное лишь для работы на господина. Системе, основанной на таком фундаменте, предстоял особый расчет с историей. Дobb указывает на трудности увеличения производительности труда при феодальной системе и на те причины, которые вели к росту потребностей господствующего класса (феодалы, свиты, рост «благородных» семей, войны и грабежи, крестовые походы); среди этих причин важнейшее место принадлежит росту торговли, привлекательности предметов роскоши и возможности получать деньги путем производства для продажи излишка над потреблением, получаемого через дополнительный нажим на крестьянство. Именно этим объясняется усиление крестьянской барщины в больших вотчинах (особенно в монастырских) в XIII и в начале XIV в. Но в результате этого усиления подрывалась манориальная система. Бегство из маноров принимало в Англии и в других странах катастрофические размеры.

До начала XIV в., полагает Дobb, жажда прибавочного продукта могла отчасти удовлетворяться в результате роста населения. По-видимому, в XII и XIII вв. в Европе и в Англии наблюдался значительный рост населения. Но вскоре после 1300 г. началось резкое уменьшение населения. Чем оно вызывалось? Дobb не считает это уменьшение случайным и внешним фактором. Дobb ищет его причины в падении производительности труда на крестьянских землях в силу роста населения в предшествующие столетия (истощение почвы) и в прямом влиянии возросших феодальных взиманий, истощавших крестьянское хозяйство. Во всяком случае результатом является уменьшение манориальных доходов и то, что может быть названо кризисом феодального хозяйства в XIV в. Войнами и чумой его не объяснить, так как он начался за несколько десятилетий до «Черной смерти». Да и самые эпидемии объясняются плохим питанием масс и отсутствием запасов. «Agricultural Decline» в Англии (и во Франции) возникает вскоре после 1300 г. Обезлюдение деревни начинается еще до «Черной смерти». Результатом является кризис доменального хозяйства, сдача домена в аренду, общее уменьшение земель под обработкой.

Разложение манориального хозяйства могло идти разными путями. При этом немалую роль играли политические и социальные факторы: сила крестьянского сопротив-

ления, политическая и военная сила лордов, роль королевской власти, стремившейся ослабить баронов. Но важнейшую роль играли факторы экономические. Здесь фактический материал разработан наукой недостаточно, и автору приходится исходить из теоретических построений. Он указывает, что ход аграрного развития зависел от преобладающего типа хозяйства — пастбищного или земледельческого; от трудности усилить барщину там, где она была чужда; от малой интенсивности крепостного труда сравнительно с наемным; от цен, особенно на продукты питания.

Коммутация не обозначала освобождения или хотя бы облегчения феодальной ренты — иногда последние даже усиливались; но обычно коммутация обозначала облегчение положения крестьян. При коммутации возможны были два пути — сдача домена в аренду или обработка путем наемного труда. Добб правильно указывает (стр. 55), что последний путь был нелегок для феодальной вотчины и требовал, помимо наличия и дешевизны наемных рабочих рук, известного минимума производительности наемного труда. Легче был переход для мелкой вотчины, и раньше мало зависевшей от барщинного труда. Сдача в аренду сокращала расходы по управлению хозяйством вотчины; много зависело от состояния местного рынка для продуктов сельского хозяйства; важно было наличие слоя зажиточного крестьянства, готового арендовать землю.

Добб отмечает рост в Англии XIV—XV вв. слоя «кулаков» («kulaks»). Они смешиваются с мелким джентри. В деревню начинают проникать городские купцы. Но ни битва при Босворте, ни огораживания XVI в. еще не привели к полному разложению манора. Феодальный способ производства окончательно падает в годы английской гражданской войны XVII в.

В построении Добба все же многое представляется недоказанным. Не доказан факт резкого и длительного уменьшения населения в Западной Европе и в Англии в XIV—XV вв. Совсем сомнительно истощение почвы к XIV в. (эту теорию можно считать опровергнутой). За «обезлюдением» феодальной деревни скрывались совсем другие факты и, прежде всего, уход и переселение значительного числа крестьян. В числе факторов, определивших пути разложения феодального способа производства в Англии, автором назван, но недостаточно выделен один важнейший — сила сопротивления английского крестьянства.

Добб упоминает о подавленном крестьянском восстании 1381 г., призрак которого, однако, остался в виде постоянной угрозы бегства крестьян из манора (стр. 65). Но, несомненно, крестьянские восстания и повседневное сопротивление крестьян требованиям феодалов сыграли гораздо более значительную роль в разложении манориальной системы.

Интересным приступом к изучению этого вопроса является небольшое, но очень богатое содержанием исследование лектора Бирмингемского университета Хилтона о крестьянских движениях в Англии до 1381 г., напечатанное в 1949 г.¹² В противоположность Хоменсу, заявлявшему, что проявления вражды между лордами и крестьянами были редкостью и вызывались «людьми злой воли», Хилтон показывает на богатом фактическом материале, что борьба между лордами и крестьянами, между эксплуататорами и эксплуатируемыми никогда не прекращалась в английской деревне, что восстание Уота Тайлера, которое многим исследователям казалось «громом среди ясного неба», требующим особых объяснений, было лишь наиболее ярким выражением той классовой борьбы, многочисленные следы которой сохранились в источниках. Автору пришлось сначала разъяснить своим английским читателям несколько элементарных истин относительно природы отношений между лордами и крестьянами, как между эксплуатирующими и эксплуатируемыми, указать на характерные особенности этих отношений при господстве феодализма. Неудачным кажется нам, что Хилтон заменяет термин Маркса «внеэкономическое принуждение» термином «политическое принуждение» — этот термин в условиях феодального строя отличается неопределенностью. Хилтону приходится говорить о классовом характере феодального государства, направленного на подавление трудящихся. При этом характерно, что для своих английских читателей он принужден сделать оговорку, что, называя феодалов эксплуататорами, он не желает тем самым уни-

¹² R. H. Hilton. Peasant Movements in England Before 1381. — «Economic History Review», 1949, 2-nd ser., vol. II, № 2 (Эта статья позднее была опубликована в русском переводе в сб. «Средние века», вып. VII, 1955). Р. Хилтон, как и К. Хилл (см. примечание к стр. 145), в период написания этой статьи Е. А. Косминским стоял на марксистских позициях, но позднее отошел от них и вышел из английской компартии. — *Прим. ред.*)

жать историческую роль средневековой землевладельческой аристократии. Он разъясняет сущность феодальной ренты и те формы, в которых она выступает.

Совершенно правильна мысль Хилтона, что основная цель лорда по отношению к крестьянству — получение феодальной ренты — может осуществляться лишь путем насилия или угрозы насилием. С этой точки зрения он рассматривает ряд институтов манориального и общего права, поскольку последнее касалось отношений между лордами и вилланами.

Полемизируя с буржуазными историками, утверждающими, что манориальный обычай охранял интересы крестьян, Хилтон показывает, что манориальный обычай не был фиксирован, что он представлял собой весьма неустойчивый компромисс между притязаниями лордов и сопротивлением крестьянства, причем в распоряжении лорда были вооруженная сила и поддержка государства, а крестьяне опирались на старинный общинный строй и солидарность интересов. Хилтон указывает на значительную дифференциацию крестьянства уже в XIII в. и на различие интересов разных его слоев, но подчеркивает, что в основном — а именно, в антифеодальной направленности — эти интересы сходились.

Хилтон несколько произвольно считает, что сопротивление крестьянства дается значительным впервые в XIII в. Он полагает, что причиной этому является очень значительное и, возможно, внезапное усиление эксплуатации в это время, усиление, гораздо большее, чем то, которое относили к эпохе нормандского завоевания. Впрочем, он указывает на то, что ряд источников, являющихся основными памятниками этого усиления классовой борьбы, впервые появляется именно в XIII или в конце XII в. Нам кажется, что именно это обстоятельство и вызывает иллюзию внезапного усиления эксплуатации в XIII в. и что классовая борьба между феодалами и крестьянами характерна для феодального строя за все время его существования. Хилтон полагает, что и самый факт появления ряда новых документов манориального и правительственного характера является результатом усилившейся эксплуатации крестьян.

Нам кажется, что было бы осторожнее не ставить так вопроса о степени развития классовой борьбы крестьянства в XII в. Знаменитое место из «*Dialogus de Scaccario*»,

при всей его сомнительности, говорит о широких волнениях и протестах среди крестьянства уже в царствование Генриха I. Но можно согласиться с автором, что в XIII в. эта борьба усиливается и что свидетельствующие о ней документальные данные делаются очень обильными.

В противоположность тенденциозным утверждениям историков, считавших XIII век веком равновесия и спокойствия в английской деревне, это было время упорной классовой борьбы. В XIII в. развивалось доменальное хозяйство феодалов и увеличивался сбыт продуктов на рынки. В связи с этим начинает чувствоваться пехватка рабочей силы, и барщинные повинности крестьян усиливаются, иногда даже удваиваются.

Вилланам был закрыт доступ в королевские суды с жалобами на своих господ. Но все же разными путями им удавалось хотя бы начинать там тяжбы. В сохранившихся протоколах королевских судов содержится очень много свидетельств о жалобах крестьян на повышение повинностей. Богатый материал содержится в протоколах манориальных курий. Хилтон приводит из практики королевских судов и манориальных курий ряд примеров, свидетельствующих о все разгорающейся классовой борьбе в деревне. В протоколах манориальных курий Рамзейского аббатства между 1279 и 1311 г. зарегистрировано много случаев нарушения вилланами того, что автор называет «манориальной рабочей дисциплиной». Он насчитывает 146 случаев намеренного невыполнения барщинных работ, не считая случаев их намеренно плохого выполнения. При этом часто нарушения «манориальной дисциплины» носили коллективный характер.

Крестьянские общины упорно отстаивали свои права против натиска лордов. В этих мелких повседневных столкновениях развивался коллективный и боевой дух крестьянства. Пользуясь всевозможными средствами (особо излюбленной была ссылка на права «старинного домена короны»), крестьяне добивались до королевских судов. Но там они неизменно встречали враждебное отношение и отказ. Тогда крестьяне нередко обращались к нелегальным методам борьбы. Хилтон приводит ряд случаев, когда крестьяне после неудач в королевском суде переходили к «прямым действиям», врываются в помещение манориальной конторы, уносили манориальные документы, а иногда и избивали аббатов, priоров и монахов, несмотр-

ря на их священный сан. Такие крестьянские бунты длились иногда по многу лет. Источники подчеркивают характер заговора в этих волнениях. Крестьяне собираются для своих совещаний ночью, они организуют сбор средств, составляют вооруженные отряды. Но к услугам лордов весь принудительный аппарат государства, и крестьян приводят к повиновению.

Крестьяне допускают насильственные действия не только по отношению к своим лордам и манориальной администрации, но и к правительственным агентам, силой освобождают арестованных товарищей.

Хилтон отмечает, что в этих волнениях принимали участие и зажиточные виланы, видевшие в крепостном праве препятствие к развертыванию своего товарного хозяйства. Уже в XIII в. начинают звучать некоторые мотивы Майл-Эндской программы 1381 г., например, в требовании свободно покупать и продавать землю. Оно фигурировало в 1381 г. в требованиях сент-олбанских крестьян. Хилтон останавливается на причинах недовольства зажиточного крестьянства, страдавшего не только от тех ограничений, которые накладывало на их деятельность крепостное право, но и от рабочего законодательства, проводившегося в жизнь представителями господствующего класса — мировыми судьями и судьями по делам о рабочих (Justices of Labourers). Правительство освобождало от соблюдения статуты дворян и духовенство, слагало с них штрафы и таким образом ставило богатых крестьян в неблагоприятные условия конкуренции. Крестьяне, как бедные, так и богатые, устраивают организованные нападения на сессии судей по делам рабочих. Хилтон показывает своим английским читателям, что крестьяне, отстаивая свои экономические и политические интересы, боролись за человеческие права против общественного строя, ярко выжившего в XIII и XIV вв. свой классовый характер. Наоборот, феодалы, отстаивая свои права, боролись за право угнетать и унижать. Все, что писалось о восставших в 1381 г. крестьянах, писалось их врагами. Крестьяне боролись в первую очередь против крепостного рабства. Лозунги, выдвинутые Джоном Боллом, нашли в XVII в. отклик в речах левеллера Ренсборо.

Хилтон правильно считает революционную борьбу народа со своими угнетателями и эксплуататорами не менее старинной английской традицией, чем разрекламирован-

ную буржуазной традицию уважения к старинным учреждениям.

Статья Хилтона, несомненно, представляет важный шаг вперед в изучении истории английского крестьянства не как пассивной массы, а в процессе повседневной его борьбы против угнетателей и эксплуататоров. Хилтон указал и на те источники, где исследователь может найти богатый материал для изучения этих вопросов, — на протоколы манориальных и королевских судов, на записи «Yeag Books» и другие памятники судебного характера. Нам хотелось бы лишь добавить, что все эти памятники далеко не полно отражают классовую борьбу крестьянства. Все же лишь в редких случаях крестьянам удавалось довести свои жалобы до королевских судов. На это указывал еще Виноградов.

Хилтон использовал в своей статье лишь небольшую часть имевшегося в его распоряжении материала. В частности, он не касается чрезвычайно богатой драматическими эпизодами борьбы крестьян против захвата лордами общинных угодий.

Хилтону принадлежат и другие интересные работы по аграрной истории средневековой Англии, ставящие ряд важнейших общих вопросов. Уже в 1941 г. он обратил внимание историков на любопытное стихотворение, ярко рисующее борьбу между крестьянами и духовными лордами с точки зрения последних¹³. В этих стихах описывается действительно имевший место эпизод неудачной попытки тридцати крестьян манора Стаутон, принадлежавшего Лейстерскому монастырю, найти в королевском суде управу против своего аббатства, стремившегося превратить их из сожменов в вилланов и заставить их нести тяжелые вилланские повинности. Это дело имеется в протоколах королевского суда¹⁴. Попытка вилланов кончается полной неудачей, присяжные высказываются против них, некоторые из их среды решаются подчиниться требованиям аббата, и постепенно к ним присоединяются и другие. По-видимому, крестьяне были вполне правы, выставив свои жалобы, и аббат, утверждавший, что они издавна — вилланы монастыря и всегда несли вилланские

¹³ R. H. Hilton. A Thirteenth Century Poem on the Disputed Villein Services. — «Economic History Review», January 1941.

¹⁴ Coram Rege Roll, Michaelmas, 4-5 Ed. 1.

повиности, дал заведомо ложное показание; эта ложь была подтверждена и присяжными.

Стихотворение живо рисует ту обстановку, в которой происходила борьба между крестьянами и лордом в королевском суде, полную беспомощность и беззащитность свободных крестьян-сокменов и полную уверенность лорда в благополучном для него исходе дела. Вся сила на стороне лорда, государство и право всегда готовы прийти к нему на помощь, крестьянам неоткуда ждать защиты. Адвокат при суде говорит крестьянину:

«Не советую вступать в спор с твоим господином».

Крестьянину суждена крепостная неволя:

«Он будет чистым сервом и будет лишен свободы.
Так утверждает решение закона и королевский суд».

При этом в королевской курии ничего нельзя добиться без взятки:

«За меня никто не станет говорить, если не дать ему подарка,

В королевской палате всякий требует с меня платы».

Судебное дело может довести крестьянина до нищеты. Присяжные все равно будут говорить в пользу лорда.

«Дважды шестеро бородачей, готовых стоя принести присягу,

Эти присяжные, познакомившись с делом,

Будут говорить против тебя, скажут тебе, что ты серв».

Крестьянину остается только покориться и в слезах вернуться домой, раскаиваясь в своей глупости,— такова мораль этого стихотворения. Крестьяне имели много случаев удостовериться в том, что у королевских судей им не найти справедливости. Это и заставляло их переходить к «прямым действиям».

Хилтону принадлежит ряд исследований по истории отдельных маноров и групп маноров (преимущественно в Лейстершире) в XIII—XV вв. В этих исследованиях автор дает интересный материал для разрешения вопроса о той «перегруппировке элементов аграрного общества», которая происходила между XIV и XVII вв. и подготовила базис для стремительных изменений в конце этого периода. Хилтон совершенно правильно отмечает, что теория,

создавшая картину «типичной» манориальной системы, не показала внутренних противоречий этой системы, которые привели к ее разложению; такие факторы, как «рост денежного хозяйства» и чума, рассматривались не как внутренне, а как внешние факторы (что неверно). При этом Хилтон считает наиболее важным изучение тех отклонений от «типичной системы», которые более четко вскрывают причины, приводившие к разложению манориального строя, лучше показывают накопление в феодальном строе тех элементов, которые привели его к гибели¹⁵. В частности, маноры Лейстершира значительно отличаются от «типичных» крупных церковных маноров юга и востока страны; здесь преобладают мелкие и средние феодальные владения, с незначительным доменальным хозяйством, слабым развитием барщинной системы, преобладанием денежной ренты, большой ролью наемного труда. Здесь яснее можно наблюдать такие явления, как мобилизация и накопление крестьянской собственности, классовую дифференциацию крестьянства, отслоение его верхушки, постепенно переходящей на положение джентри, и отстранение феодальных лордов от хозяйственной деятельности¹⁶.

➤ Падение манориального хозяйства, отказ лордов от барщины, переход к денежным рентам, падение манориального дохода в XIV—XV вв. — факты широко известные. Их часто пытались объяснить общим хозяйственным упадком Англии в XIV—XV вв. Исследования Хилтона показывают, что эти явления возможно понять только при учете влияния крестьянского сопротивления требованиям лордов. Уже в XIII и в начале XIV в. крестьянское сопротивление, в виде уклонения от исполнения барщинных работ или намеренно плохого их выполнения, либо готовности крестьян прибегать ко всем легальным и нелегальным средствам, чтобы помешать лордам повышать их повинности и превращать их в бесправных сервов, пре-

¹⁵ В данном случае метод Хилтона примыкает к тем методам изучения аграрной истории, которые были выдвинуты в «Исследованиях по аграрной истории Англии XIII в.»

¹⁶ Из исследований Хилтона назовем: «The Economic Development of Some Leicestershire Estates in the XIV and XV Centuries». Oxford, 1947; «Kibworth Harcourt — a Merton College Manor in the Manor of Sherborne». — «University of Birmingham Historical Journal», 1949, vol. II, № 1; «Social Structure of Rural Warwickshire in the Middle Ages». Oxford, 1950.

пятствовало развитию манориальной барщинной системы. Это заставляло лордов переходить на денежную ренту, а затем и ликвидировать свое доменальное хозяйство. Так же точно крестьянское сопротивление вело к падению дохода от денежных рент. Хилтон отмечает необычайно быстрое возрастание денежных недоимок в маноре Kibworth. Уже в 1320 г. недоимки составляли 12% всего дохода. В 1361 г. они возросли до 22%. В отчетах старост появляется новый пункт, редко встречающийся раньше, — defects of rent, т. е. сокращение рент с согласия манориальной администрации, снятия со счета рент, следуемых с тех земель, для которых нельзя найти держателей. Но в то же время растут и недоимки в результате самовольной неуплаты рент держателями, помимо всякого соглашения с манориальной администрацией. Каждый староста передает своему преемнику все более возрастающий список недоимок. В 1362 г. староста в Kibworth получил в наследство от своего предшественника недоимку в 14 ф. ст. В его управление эта недоимка возросла еще на 35 ш., следуемых с 10 держателей. При следующем старосте накопилось еще 14 ф. недоимки с 37 или более держателей; этот же староста остался в должности на следующий год и передал своему преемнику список недоимок на сумму в 39 ф. ст.

Это показывает, что в падении рентного дохода нельзя видеть механический и безличный процесс. Это — период аграрных волнений, в котором восстание 1381 г. представляло лишь наиболее выдающийся момент. Хилтон видит в этом стремительном нарастании недоимок нечто вроде «рентной забастовки» (rent strike), аналогичной отказу крестьян от работ в барщинных манорах.

Работы Хилтона показывают, что английские историки-марксисты стали на путь изучения одной из основных проблем в истории феодального способа производства. Применение марксистско-ленинского метода и возможность использовать для своих исследований богатейшие архивы Англии открывают перед ними широкий путь к построению совершенно новой истории английского крестьянства в средние века. В этом направлении их работа смыкается с работой советских ученых.

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОГО ФЕОДАЛИЗМА В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ *

Работа советских ученых над вопросами истории западноевропейского средневековья опирается на лучшие традиции русской исторической науки. И в этой области научные интересы русских историков были тесно связаны с актуальными проблемами русской общественной жизни. Чтобы не забираться слишком далеко назад, мы можем начать с русского историка-просветителя 40--50-х годов XIX в. Т. Н. Грановского, посвятившего свою научную деятельность истории средневекового Запада. Его научно-преподавательская деятельность, значение которой раскрыто до конца только теперь, когда изучены его неопубликованные университетские курсы, сочетала глубокое для своего времени понимание проблем западного феодализма со страстной борьбой против крепостного права, доживавшего свои последние годы в тогдашней России¹.

Глубокие, не утратившие своей научной ценности и до сих пор отдельные выводы и обобщения, касающиеся истории европейского средневековья, содержались в критических, публицистических и научно-исторических работах русских революционных демократов середины XIX в. — В. Г. Белинского, А. И. Герцена, Н. Г. Чернышевского. Любовь к народу, горячее чувство симпатии ко всему, что

* Опубликовано: «Доклады советской делегации на X Международном конгрессе историков в Риме». М., 1955.

¹ В настоящее время подготовлена к печати и должна вскоре выйти в свет монография С. А. Асиновской «Передовые идеи в русской публицистике XIX в. (Т. Н. Грановский)», посвященная деятельности Т. Н. Грановского как выдающегося историка западноевропейского средневековья. (Опубликована в 1955 г. — *Прим. ред.*).

связано с историческим прогрессом, историзм, разоблачение человеконенавистнических расовых теорий, борьба против культа «великих исторических личностей», — вот некоторые из наиболее важных и наиболее характерных особенностей работ революционных демократов.

Опуская имена многих ученых, оставивших свой след в истории русской науки, я называю лишь тех историков, которые внесли крупный вклад в медиевистику и пользовались широкой известностью в России и на Западе.

Хорошо известны имена таких ученых, как Максим Ковалевский, Павел Виноградов, Иван Луцицкий, Николай Кареев, Дмитрий Петрушевский, Александр Савин. Может быть, некоторые из английских коллег будут оспаривать у нас сэра Поля Виноградова, но я укажу на то, что Виноградов как историк сформировался в московской ученой среде и что к московскому периоду его ученой деятельности относятся его лучшие произведения. Каждый из названных мною ученых не только исследовал огромные груды неизученных материалов в архивах Западной Европы, но, что еще важнее, поставил перед наукой ряд проблем первостепенной важности. Тесно связанные с буржуазной наукой тогдашнего Запада, занимая в ней прогрессивные позиции, эти ученые черпали свои научные интересы в русской действительности и в стоявших перед русской общественностью исторических задачах. Об этом определенно говорит тот же Виноградов в предисловии к своей книге «Villainage in England», вышедшей в 1892 г. на английском языке. Среди многих интересовавших их проблем основную роль играли вопросы истории западноевропейского крестьянства феодальной эпохи: генезиса крепостного права на Западе, строя феодального поместья (манор), разложения феодальной системы, зарождения капитализма в феодальной деревне; вопросы о характере феодальной собственности и прав крестьян на землю, о крестьянских восстаниях и т. д. В этих вопросах они могли выступать не как ученики, а как учителя западных историков: те явления, которые на Западе уже отошли в далекое прошлое, были еще недавней действительностью в русской деревне и продолжали существовать в виде многочисленных пережитков. Со многими из выводов этих ученых мы теперь не можем согласиться, но мы с уважением относимся к проделанной ими большой работе. Некоторые из названных мною ученых продолжали свою

деятельность и после Великой Октябрьской социалистической революции, и представители старшего поколения советских медиевистов были их слушателями и участниками руководимых ими семинаров.

Но было бы ошибкой искать определяющих путей русской науки только в академической сфере, в университетских курсах и семинарах, в толстых томах и специальных статьях магистров и докторов истории. Принадлежа к прогрессивно-либеральным течениям в буржуазной науке, они далеко не удовлетворяли запросов широких кругов передовой русской общественности. Они отставали от требований, ставившихся историческим развитием России, которая с последних десятилетий XIX в. все более становилась центром передового общественного движения и передовой общественной мысли. Революционная теория марксизма не имела доступа к университетским кафедрам царской России. Но тем шире разливался ее поток по другим руслам.

Изучение легально и нелегально распространявшихся произведений Маркса и Энгельса, Плеханова и Ленина, горячие споры в студенческих и рабочих кружках, практика рабочего движения, революционные 1905—1907 гг. были той школой, в которой русская общественная мысль крепла и оттачивалась. И когда Великая Октябрьская социалистическая революция широко открыла аудитории университетов для народных масс, это было одновременно торжеством марксистского учения об обществе и в жизни, и в науке.

Марксизм не был воспринят в нашей стране как догма. Представляя методологическую основу, созданную Марксом и Энгельсом на основе глубокого изучения главным образом капиталистического общества Запада, он был творчески развит в области теории и практики, в области науки и политики. Конечно, у нас не было недостатка в начетчиках и талмудистах, стремившихся подменить живое учение марксизма мертвой буквой. Но все эти попытки превратить марксизм в окаменелую догму разоблачались и сводились на нет.

Возвращаясь к судьбам советской медиевистики, я должен указать, что и немарксистским учениям была предоставлена свободная трибуна. Во главе Института истории, основного исследовательского органа в области исторической науки в СССР, много лет находился Д. Петрушев-

ский, по своим теоретическим взглядам далекий от марксизма. Его заместителем был А. Савин, также далеко не марксист. Петрушевский получил от советской Академии наук звание академика. Его книги, нередко полемически направленные против положений марксистской науки, издавались и переиздавались в Советском Союзе.

Вполне естественно, что в начальный период социалистического строительства основное внимание историков было обращено на разработку общих теоретических проблем истории, на изучение проблем новой и новейшей истории и особенно истории России как страны, первой вступившей на путь социализма. Но работа советских медиевистов в области истории Запада не прекращалась. Новый подъем в изучении истории средневековой Европы в СССР начинается с середины 30-х годов. Появившиеся в это время общие труды и специальные монографии были результатом многолетней предшествовавшей работы.

Открытие исторических факультетов в ряде университетов и педагогических институтов и особенно открытие в 1936 г. Института истории Академии наук с сектором истории средних веков (т. е. главным образом западного средневековья) значительно стимулировали развитие этой отрасли исторического знания. Проблемы истории и теории феодализма как специфической общественной формации, предшествующей капитализму, настоятельно выдвинулись в процессе разработки общего исторического мировоззрения марксизма-ленинизма. Изучение закономерностей истории феодализма выдвигалось и запросами жизни, поскольку феодализм в виде господствующей системы или в виде многочисленных пережитков продолжает свое существование в ряде стран и в наши дни. Развитие теории шло параллельно с практическим исследованием отдельных проблем. Крупнейший вклад в дело теоретической разработки проблем истории, в частности проблем феодализма, внесли многочисленные труды Ленина...

За истекшие 20 лет советскими историками была выполнена значительная работа в области изучения основных проблем истории средневекового Запада²; я не говорю здесь о средневековом Востоке, об истории народов

² Кроме многих монографий по различным вопросам медиевистики, изданы шесть сборников «Средние века» и статьи в периодических изданиях Академии наук, университетов и педагогических институтов.

СССР, истории славянства, истории Византии, где приходилось часто разрешать аналогичные проблемы, но на другом материале.

Следует приветствовать как отрадное и многообещающее явление возобновившееся в настоящее время научное общение советских и западноевропейских историков.

Это общение может быть плодотворным для обеих сторон. Но для плодотворного общения надо хорошо понимать друг друга. Между тем на Западе широко распространены предвзятые и неверные представления о марксистской исторической науке как об абстрактной догме, которая видит движущие силы истории исключительно в экономике и будто бы игнорирует значение политических, юридических, культурных, религиозных факторов.

Кроме того, в понимании ряда терминов, имеющих основное значение в исторической науке, существует значительное расхождение между нами и большинством западных ученых. Поэтому мне придется начать с определения основного понятия, лежащего в основе изучения феодализма советскими историками³, понятия феодализма.

Советская историческая наука рассматривает историю человечества как закономерную прогрессивную смену господствующих типов производственных отношений, социально-экономических формаций. Феодализм является одной из таких формаций.

Общественно-экономическая формация, в понимании советских историков, это — исторически определенный экономический строй общества, в основе которого лежит определенный способ производства материальных благ, и соответствующая ему надстройка — политические, пра-

³ Основные вопросы политической экономии, в том числе политической экономии феодализма, разработаны в коллективном труде советских ученых-экономистов — «Политическая экономия» (1954 г.).

Достижения советской медиэвистики в области изучения западноевропейского феодализма нашли свое отражение в коллективном труде — двухтомном учебнике «История средних веков» для высших учебных заведений (т. I—1952, т. II—1954).

В настоящее время большой коллектив советских историков подготавливает издание десяти томного труда «Всемирная история». Истории феодальной формации в этом фундаментальном труде целиком посвящены III и IV тома этого издания. Выход в свет первых четырех томов намечается в текущем году. (Эти тома опубликованы: т. I—1955; т. II—1956; т. III—1957; т. IV—1958. — *Прим. ред.*).

вовые, религиозные, философские, художественные взгляды общества и соответствующие им политические, правовые и другие учреждения. Первобытнообщинный, рабовладельческий, феодальный, капиталистический, социалистический (коммунистический) строй являются различными общественно-экономическими формациями, последовательными ступенями развития человеческого общества.

Советская историческая наука рассматривает феодализм как общественно-экономическую формацию, которая сменила рабовладельческую и, в свою очередь, была смещена капиталистической формацией.

Феодальная общественно-экономическая формация представляла собой исторически закономерную прогрессивную стадию общественного развития, которую прошло большинство народов и стран в различных частях света. Феодализм, таким образом, не представляет собой явления, свойственного только западноевропейским странам в силу их какой-то «исключительности». Несмотря на некоторые особенности, зависевшие от конкретно-исторических условий развития отдельных народов, феодальный способ производства существовал и у народов Восточной Европы, Азии и Африки.

Неверно также представление о том, что Западная Европа на протяжении всего средневековья была центром мирового социально-экономического и культурного развития. Напротив, в начале средних веков и в течение ряда последующих столетий Западная Европа значительно отставала от стран Востока, таких, например, как Китай и Индия, и лишь с XIII—XIV вв. страны Западной Европы начинают опережать в своем развитии другие страны; там впервые зарождаются предпосылки капиталистических отношений, и с XVI в. в недрах феодального общества возникает капиталистическое производство, существующее еще как уклад разлагающегося феодального общества.

История средних веков есть история возникновения, упадка и развития феодального строя. Феодальный строй характеризуется более высоким уровнем развития производительных сил по сравнению с рабовладельческим строем.

Основой производственных отношений при феодализме являлась собственность феодала на основное средство

производства — землю и неполная собственность на крепостного крестьянина. Наряду с феодальной собственностью существовала единоличная собственность крестьянина и ремесленника на орудия производства и на свое частное хозяйство, основанная на личном труде. Феодально зависимые крестьяне и ремесленники — собственники части средств производства (орудий труда, рабочего скота и др.) — в отличие от рабов имели некоторую заинтересованность в труде, в развитии производства и, следовательно, в повышении производительности труда.

Феодальная земельная собственность являлась основой эксплуатации крестьян феодалами. При наличии у крестьян средств производства, необходимых для ведения самостоятельного хозяйства на земле, хотя и принадлежавшей феодалам, но предоставленной им в виде наделов, феодалы эксплуатировали непосредственных производителей методами внеэкономического принуждения. Отсюда происходила личная зависимость крестьян от феодалов, формы и степень которой были самыми различными, начиная от крепостничества, очень часто мало отличавшегося от рабства, и кончая простым оброчным обязательством и сословной неполноправностью.

Формой, в которой реализовалась феодальная собственность и осуществлялась феодальная эксплуатация, т. е. присвоение прибавочного труда или продукта, являлась феодальная рента, выступавшая в трех видах: в виде отработочной ренты (барщины), ренты продуктами (натурального оброка) и денежной ренты (денежного оброка), один из которых в различные периоды являлся господствующим.

Основным противоречием феодального способа производства было противоречие между мелким индивидуальным характером производства и феодальной собственностью. Это основное противоречие проявлялось и в классовом антагонизме, антагонизме между основными классами феодального общества, эксплуататорами-феодалами и эксплуатируемыми крепостными крестьянами.

Характерным для феодализма является господство натурального хозяйства. Это, однако, не исключало обмена и развивавшегося с ростом общественного разделения труда и городов как центров ремесла и торговли все более расширяющегося товарного производства и обращения.

Основной экономический закон феодальной формации, определяющий сущность феодального общественного строя, все главные его стороны и весь противоречивый процесс его развития можно было бы сформулировать следующим образом: присвоение феодалами прибавочного продукта путем эксплуатации зависимых крестьян на основе собственности феодала на землю и неполной собственности его на работников производства — крепостных⁴.

При определении хронологических рамок феодальной формации советская историческая наука исходит из положения, что смена социально-экономических формаций осуществляется путем глубокой социальной революции, ниспровержения старого строя.

Началом феодальной эпохи в Западной Европе является ликвидация рабовладельческого строя в результате восстаний рабов и колонов и «варварских» завоеваний.

Конец феодальной формации кладут буржуазные революции. Поскольку ни становление феодализма, ни буржуазные революции не происходили одновременно во всех странах, даже в странах Западной Европы, за начало и конец феодальной формации принимаются события, имевшие решающее значение для установления и ликвидации феодального способа производства. Такими событиями для начала феодальной эпохи была гибель рабовладельческой Римской империи (V в.), а для конца ее — Английская буржуазная революция (XVII в.), оказавшая большое влияние на ход всемирной истории и положившая начало эпохе господства капиталистического строя.

Феодальное общество прошло в своем развитии три основные стадии: раннефеодальный период (V—XI вв.) — время становления и утверждения феодального способа производства; период развитого феодализма (XI—XV вв.) и период позднего феодализма (конец XV — середина XVII в.) — время разложения феодализма и складывания в его недрах новых, капиталистических отношений.

Видное место в работе советских историков-медиевистов занимает проблема возникновения феодального

⁴ В настоящее время среди советских историков развернулась дискуссия об основном экономическом законе феодальной формации. Несмотря на имеющиеся, иногда существенные разногласия, большинство советских историков согласно с основными положениями приведенной формулировки основного закона.

общества. Переход от рабовладельческого строя к феодальному осуществился революционным путем. Господство римских рабовладельцев было свергнуто соединенным ударом панутри, со стороны рабов и других угнетенных общественных слоев, и извне, со стороны так называемых варварских народов.

Феодализм в Западной Европе возник на почве распада римского рабовладельческого общества, где еще до этого возникли зародыши феодальных отношений в виде колоната, с одной стороны, и элементов разложения первобытнообщинного родового строя у племен-завоевателей — с другой; он сложился в результате взаимодействия этих двух процессов.

Ряд западноевропейских народов (в частности, германские племена, жившие между Рейном и Эльбой и в Британии) совершил переход к феодализму непосредственно от общиннородового строя. Это произошло потому, что эти племена находились на такой ступени, когда для их дальнейшего развития требовался уже более высокий тип феодальных отношений. Этому переходу способствовало также то, что «варварские» племена находились в тесном взаимодействии с государствами, совершавшими в это время переход от рабства к феодализму.

Основное содержание процесса складывания феодального общества, процесса феодализации, заключалось в образовании крупного феодального землевладения и в обезземелении и закреплении крестьянства, в установлении различных форм его зависимости от феодалов. Важнейшую роль в этом процессе играли разложение сельской общины и дифференциация крестьянства.

Возникновение феодального общества не было мирным эволюционным процессом. Рождение феодализма происходило в условиях ожесточенной классовой борьбы терпящего собственность на землю и закрепощаемого крестьянства против крупных землевладельцев — феодалов. Складыванию и укреплению феодальных отношений, закреплению и подавлению сопротивления крестьян активно содействовало феодальное государство, орган классового господства феодалов, и католическая церковь — сама крупнейший феодал, освящавшая авторитетом религии складывающийся феодальный строй.

Процесс установления феодализма в Западной Европе происходил в течение ряда столетий (с V по XI в.).

К XI в. различия в положении бывших рабов, колонов и свободных крестьян в основном стерлись, и они превратились в более или менее однородную массу крепостного крестьянства.

Разумеется, это не исключало возможности существования наряду с преобладающей массой феодально зависимого крестьянства определенной прослойки свободного крестьянства.

По мере укрепления феодального способа производства вытеснялись или ставились на службу интересам класса феодалов пережитки рабовладения и общиннородового строя.

Проблеме генезиса западноевропейского феодализма посвящен ряд работ советских историков...

Изучению общественного строя «варваров» и его положения посвящены работы А. И. Неусыхина⁵, Н. П. Грацианского⁶ и других наших ученых.

По вопросу об общинном строе у германских племен и о генезисе феодальных отношений в Западной Европе особый интерес представляет подготовленная к печати монография А. И. Неусыхина «Возникновение зависимого крестьянства как класса раннефеодального общества в Западной Европе VI—VIII вв.»⁷, плод многолетнего труда над варварскими правдами и другими источниками раннего европейского средневековья.

Автор ставит целью фиксировать появление эмбрионов социального неравенства, экономической и личной зависимости еще в среде свободных общинников и затем

⁵ А. И. Неусыхин. Общественный строй лангобардов в VI—VII веках.—Сб. «Средние века», вып. I, 1942; его же. Свобода и собственность в варварском обществе по Салической правде.—«Известия АН СССР», серия истории и философии, 1945, т. 2, № 4; его же. Собственность и свобода в варварских правдах (докт. дисс. М., 1946); его же. Понятие свободы в эдикте Ротари.—Сб. «Средние века», вып. II, 1946; его же. Эволюция собственности и свободы в родо-племенном и варварском обществе.—«Вопросы истории», 1946, № 4; его же. Структура общины в Южной и Юго-Западной Германии в VIII—X вв.—Сб. «Средние века», вып. IV и V, 1953—1954.

⁶ Н. П. Грацианский. О материальных взысканиях в варварских правдах.—«Историк-марксист», 1940, № 7; его же. О разделах земель у бургунов и вестготов.—Сб. «Средние века», вып. I, 1942; его же. Карл Великий и славяне.—«Исторический журнал», 1945, № 3; его же. К толкованию термина villa в Салической правде.—Сб. «Средние века», вып. II, 1946.

⁷ Опубликована в 1956 г.—Прим. ред.

проследить весь ход развития этих эмбрионов до превращения их в развитые формы феодальной зависимости.

Автор исследует структуру общины и процесс выделения внутри нее различных социальных групп до превращения ее членов в феодально зависимых крестьян и изучает самый процесс превращения свободных общинников в крепостных крестьян.

Автор рассматривает этот процесс у салических франков, саксов, лангобардов, бургундов и баваров, выявляя его различные стадии от начальных форм в Салической правде до завершения их развития, нашедшего наиболее полное выражение в Баварской правде.

В работе рассмотрены вопросы о характере расселения и типах населенных пунктов у различных «варварских» племен, о типах структуры земельной общины, о характере родовых связей, составе семей, типах хозяйства, праве наследования, формах и условиях отчуждения земельной собственности. Ряд спорных текстов получил в работе А. И. Неусыхина новое толкование.

Изучению более поздних стадий становления феодализма в Западной Европе посвящены труды крупных представителей советской медиевистики А. Д. Удальцова и Н. П. Грацианского. Исследования Удальцова⁸ были посвящены некоторым сложным вопросам из истории северофранкской деревни в IX в. Автор констатирует во Фландрии этой эпохи сложные переходные формы от свободной общины к крупному феодальному землевладению.

Н. П. Грацианский выступил еще в 1911 г. с большим исследованием «Парижские ремесленные цехи в XIII—XIV столетиях»⁹. Продолжая работать над историей города, Н. П. Грацианский перенес центр своих интересов в область аграрной истории средневековья. Он изучал проблему аграрных отношений в эпоху Цезаря (1912)¹⁰, вопрос о крепостном крестьянстве в Полиптике Ирминона

⁸ А. Д. Удальцов. Из аграрной истории каролингской Фландрии. М.—Л., 1935; его же. Свободная деревня в Западной Нейстрии в эпоху Меровингов и Каролингов. СПб., 1912.

⁹ Н. П. Грацианский. Парижские ремесленные цехи в XIII—XIV столетиях. Казань, 1911.

¹⁰ Его же. К вопросу об аграрных отношениях древних германцев времени Цезаря.— «Сборник статей в честь Д. А. Корсакова», Казань, 1912.

(1913—1914)¹¹. Появление на шумевших и нашедших немало последователей работ Допша, посвященных истории хозяйственных отношений в эпоху Каролингов, а потом в эпоху раннего средневековья, заставило Н. П. Грацианского выступить с критикой основных положений этого ученого. В своих замечаниях Грацианский подверг острой критике прежде всего исследовательские приемы Допша — произвольное толкование им источников. В ряде статей¹² он показал, насколько натянуто трактует Допш такие источники, как «Капитулярый о поместьях», как «traditiones» каролингской эпохи; доказал Грацианский и необоснованность тех выводов, которые Допш делал на основании анализа указанных источников.

Главные работы Н. П. Грацианского посвящены изучению аграрных отношений в Бургундии X—XII вв.¹³ Путем тщательного анализа автор показал, что в изучаемый им период мелкая аллодиальная земельная собственность и личная свобода далеко еще не были вытеснены крупной феодальной собственностью и крепостничеством. Автор связывает аграрный строй Бургундии X—XII вв. с порядками, существовавшими в поздней галло-римской деревне. Он считает, что поселение германцев не внесло существенных изменений в эти порядки. Автор подчеркивает крайнюю сложность социального состава крупного феодального поместья, в частности, значительную имущественную дифференциацию крестьянства и пестроту его юридического положения. Аллодиальная собственность лишь частью теряет свою самостоятельность, подвергаясь в большей или меньшей степени обложению сеньериальными платежами, превращаясь в феоды, бенефиции и другие формы держания.

Некоторые из положений Н. П. Грацианского не являются убедительными. Так, например, его выводы о роли

¹¹ Его же. Крепостное крестьянство на поместьях аббатства св. Германа в начале IX ст. — «Сборник Харьковского историко-филологического об-ва в честь В. П. Бузескула». Харьков, 1914.

¹² Н. П. Грацианский. К критике «Capitulare de villis». — «Известия об-ва археологии, истории и этнографии при Казанском ун-те», 1919, т. 30, вып. 2; его же. «Traditiones» каролингской эпохи в освещении Допша. В кн.: «Сборник статей памяти А. Н. Савина». — «Труды Института истории РАН ИОН», вып. I, 1926.

¹³ Его же. Бургундская деревня в X—XII столетиях. М. — Л., 1935; его же. Распределение земельной собственности в Бургундии в X—XI столетиях. — «Уч. зап. Института истории РАН ИОН», т. III, 1929.

мелкой аллодиальной собственности и о сохранности в Бургундии X—XII вв. позднеримских порядков остаются недоказанными.

Ряд исследований Н. П. Грацианского был посвящен истории западных славян и их борьбе с франкским государством и с Германией в VIII—XII вв.¹⁴ Борьбе прибалтийских народов с натиском германских феодалов на Восток посвящен ряд работ Я. Я. Зутиса¹⁵. Н. П. Грацианский, А. И. Неусыхин, Е. А. Косминский воспитали ряд молодых исследователей, ведущих в настоящее время работу по вопросам истории раннего средневековья (А. И. Данилов, Н. Ф. Колесницкий, Л. Т. Мильская, А. П. Левандовский, А. Я. Гуревич и др.).

Вторая стадия феодализма, стадия его полного развития, характеризуется появлением города, городского ремесла и товарного производства.

Советская историческая наука рассматривает средневековый город как центр ремесла и торговли, возникший в результате развития производительных сил и роста общественного разделения труда *внутри феодального общества* и, следовательно, как необходимую составную часть феодального общественного строя.

В то же время феодальный город как центр товарного производства и обращения не только обслуживал феодализм, но с течением времени содействовал его разложению, подготовке предпосылок для возникновения в его недрах капиталистического производства.

Период раннего средневековья характеризовался сравнительно низким уровнем и медленными темпами развития производительных сил. В это время господствовало замкнутое, потребительское по своему характеру натуральное хозяйство, обмен носил в основном случайный

¹⁴ Н. П. Грацианский. Полабские славяне в борьбе с немецкой агрессией в средние века.— В кн.: «Вековая борьба западных и южных славян против германской агрессии». М., 1944; его же. Заальбские славяне в борьбе с немецкой агрессией в X—XIII вв.— «Исторический журнал», 1942, № 8; его же. Борьба славян и народов Прибалтики с немецкой агрессией в средние века. М., 1943; его же. Славянское царство Само.— «Исторический журнал», 1943, № 5, 6; его же. Деятельность Константина и Мефодия в Великоморавском княжестве.— «Вопросы истории», 1945, № 1; его же. Крестовый поход 1147 г. против славян и его результаты.— «Вопросы истории», 1946, № 2, 3; и др.

¹⁵ Я. Я. Зутис. Грюнвальд — конец могущества Тевтонского ордена.— «Исторический журнал», 1941, № 9; и др.

характер, общественное разделение труда было слабо развито, ремесло было тесно соединено с сельским хозяйством.

С развитием производительных сил усиливалось общественное разделение труда, происходил процесс отделения ремесла от сельского хозяйства. Это привело к возникновению городов как центров ремесла и торговли. Обмен между двумя крупными основными отраслями общественного производства все более становился жизненной необходимостью для общества.

Города постепенно становились главными центрами развивавшегося в феодальном обществе товарного производства и товарного обращения. Другой стороной этого процесса было развитие товарного производства в деревне. В рыночный оборот втягивались как крестьянство, так и феодалы. Росли и укреплялись экономические связи между различными областями в отдельных странах, развивался внутренний рынок. Развитие товарно-денежных отношений приводило к усилению эксплуатации крестьянства, развитию денежной ренты, местами к росту отработочной системы, рассчитанной на рынок, к обострению классовой борьбы.

Ряд советских историков работает над изучением проблем истории западноевропейского города, его генезиса, его развития, над вопросами истории городского ремесла и торговли, отношений между городом и деревней, развития классовой борьбы в городе¹⁶.

Отмечая крайнее разнообразие тех внешних условий, в которых происходило возникновение средневековых городов, советские историки выдвигают на первый план проблему генезиса города как экономической категории в процессе роста производительных сил феодального общества и возникающего на этой почве общественного разделения труда. Над вопросами догородского ремесла и ранней истории феодального города работает Ю. А. Корхов¹⁷. Я. А. Левицкий дал анализ социально-экономической

¹⁶ См., например, ряд статей в сб. «Средневековый город». — «Уч. зап. Московского гос. пед. института им. В. И. Ленина. Кафедра истории средних веков», т. 59, 1949; М. Н. Мейман. Город и ремесло в феодальной Западной Европе. — «Преподавание истории в школе», 1953, № 3; и др.

¹⁷ Ю. А. Корхов. Догородское ремесло средневековой Германии. — «Уч. зап. Московского гос. пед. института им. В. И. Ленина. Кафедра истории средних веков», т. 26, вып. 1, 1940.

структуры западноевропейского города на ранней стадии его развития по данным «Книги Страшного суда» (Domesday Book)¹⁸. Большую работу над вопросом о средневековом цеховом ремесле проделал Ф. Я. Полянский¹⁹. Несколько преувеличивая натурально-хозяйственный характер феодальной экономики, Ф. Я. Полянский рассматривает города как своего рода островки товарного хозяйства в море натурального хозяйства и с этой точки зрения анализирует цеховой строй в ряде городов Западной и Восточной Европы. Он дал интересный анализ ценообразования в условиях феодального хозяйства, показав, что при наличии ряда специфических особенностей в основе его лежит закон стоимости.

Проблемой германского города более поздней эпохи занималась В. В. Стоклицкая-Терешкович. Результаты большой исследовательской работы, проведенной ею в этой области, суммированы в книге «Очерки по социальной истории немецкого города в XIV—XV веках»²⁰. Основным содержанием этой книги является освещение имущественного расслоения ремесленников, характеристика торговых связей и продовольственной политики города, политической борьбы в городе в эпоху цеховых восстаний. Книга В. В. Стоклицкой-Терешкович полемически заострена против теории «замкнутого городского хозяйства», развитой К. Бюхером.

В. В. Стоклицкая-Терешкович занималась также и вопросами классовой борьбы в итальянских городах XI в., рядом экономических проблем, связанных с историей Крестовых походов²¹. История городов XIV—XV вв. является

¹⁸ Я. А. Лявляцкий. Проблема раннего феодального города в Англии и Книга Страшного суда.— «Средние века», вып. III, 1951.

¹⁹ Ф. Я. Полянский. Отношение цехов к капитализму в период их расцвета (XIII—XV вв.).— «Вопросы истории», 1947, № 7; его же. О товарном производстве в условиях феодализма.— «Вопросы истории», 1953, № 1; его же. Очерки социально-экономической политики цехов в городах Западной Европы XIII—XV вв. М., 1952.

²⁰ В. В. Стоклицкая-Терешкович. Очерки по социальной истории немецкого города в XIV—XV веках. М.—Л., 1936.

²¹ См., например, В. В. Стоклицкая-Терешкович. Борьба между западноевропейскими государствами за преобладание на Средиземном море в эпоху крестовых походов.— «Известия АН СССР», серия истории и философии, 1944, т. 1, № 5; ее же. Классовая борьба в Милане в XI в. и зарождение Миланской ком-

также предметом работ А. Д. Эпштейна²². Вопросами балтийской торговли в XIV—XV вв. занимается М. П. Лесников²³.

Вопросами истории итальянских городов и их торговых связей занимаются Е. Ч. Скржинская²⁴, Н. П. Соколов («Колониальная политика Венеции») ²⁵. Вопросы зарождения в итальянских городах зачатков капиталистического производства, возникновения слоя наемных рабочих и классовой борьбы в средневековых городах Италии являются предметом исследований В. И. Рутенбурга²⁶. В его недавно вышедшей книге («Очерк из истории раннего капитализма в Италии. Флорентийские компании XIV в.») ²⁷ делается попытка изучить условия зарождения капиталистического производства, капиталистических отношений на примере одного из наиболее экономически развитых итальянских городов — Флоренции. Автор

мун. — Сб. «Средние века», вып. V, 1954; ее же. Ротенбургское восстание 1525 г. — «Исторические записки», т. 2, 1938; ее же. Немедкий город в эпоху крестьянской войны. — «Вестник Московского ун-та», 1950, № 4.

²² А. Д. Эпштейн. Продовольствие и цены в Аугсбурге XV—XVI вв. — «Уч. зап. Московского гор. пед. института им. В. П. Петемкина», т. 3, вып. I, 1941.

²³ М. П. Лесников. Ганзейская торговля пушниной в начале XV в. — «Уч. зап. Московского гор. пед. института им. В. П. Петемкина», т. 8, вып. I, 1948; его же. Торговые сношения Великого Новгорода с Тевтонским орденом в конце XIV и начале XV в. — «Исторические записки», т. 39; его же. Нидерланды и Восточная Балтика в начале XV века. Из истории торговых отношений. — «Известия АН СССР», серия истории и философии, т. VIII, № 5, 1951.

²⁴ Е. Ч. Скржинская. Техника эпохи западноевропейского средневековья (до XVI в.). — В кн.: «Очерки техники докапиталистических формаций». Л., 1936; ее же. Генуэзцы в Константинополе в XIV в. — «Византийский временник», т. I, 1947; ее же. Петрарка о генуэзцах на Леванте. — «Византийский временник», т. 2, 1949.

²⁵ Н. П. Соколов. Восточная политика венецианской республики в XIII веке. — «Уч. зап. Горьковского гос. ун-та», серия историко-филологическая, вып. 18, 1950; его же. Колониальная политика Венеции в XIII в. — Сб. «Средние века», вып. V, 1954.

²⁶ В. И. Рутенбург. Налогообложение и общественный кредит Флоренции XII—XV веков. — «Уч. зап. ЛГУ», серия исторических наук, 1941, № 80, вып. 10; его же. Маркс о ростовщичество и итальянские ломбарды XV века. — «Уч. зап. ЛГУ», серия исторических наук, 1951, № 130, вып. 18; его же. Восстание «обездоленных» в Сене в 1371 г. — Сб. «Средние века», вып. IV, 1953.

²⁷ В. И. Рутенбург. Очерк из истории раннего капитализма в Италии. М., 1951.

сосредоточивает внимание на характеристике флорентийских компаний, роль которых в экономической и политической жизни Флоренции он оценивает чрезвычайно высоко. Он базируется в основном на материале торговых книг компаний и частично на трактатах по торговому, банковому, промышленному делу, на хрониках и актах.

Автор показывает антагонистические противоречия, связанные с возникновением и развитием ранних капиталистических отношений. В монографии обрисовано положение обнищавших ремесленников и внецеховых поденщиков, низведенных до положения наемных рабочих, дается новое освещение восстания Чомпи и, в частности, раскрывается роль Микеле Ландо как провокатора, подкупленного правящей олигархией.

Книга Рутенбурга вызвала некоторые возражения. Указывалось, что автор несколько преувеличивает капиталистический характер флорентийской экономики XIV в., которая в действительности носила сложный характер, свойственный переходному времени, несколько преувеличивает роль компаний в образовании капиталистического производства, в известной степени преувеличивает роль централизованной мануфактуры и т. д.²⁸

Но широко распространенному представлению, средневековый город с его цеховой системой ремесла и другими специфическими особенностями представляет явление, характерное для Западной Европы, но не получившее развития в других странах, в частности, в средневековой России. Некоторые историки были склонны объяснить особенности исторического развития России тем, что она не знала характерного для Запада цехового строя. Исследования М. Н. Тихомирова, Б. А. Рыбакова, С. В. Бахрушина показали неправильность этого воззрения. В. В. Стоклицкая-Терешкович путем сравнительной характеристики ремесленных организаций на Западе и в России подтвердила наличие в Новгороде и в городах Московской Руси цехового строя.²⁹

²⁸ См. рецензию В. В. Стоклицкой-Терешкович в «Известиях АН СССР», серия истории и философии, т. 9, 1952, № 1 и ее статью в сб. «Средние века», вып. V, 1954, а также рецензию А. Д. Эпштейна в сб. «Средние века», вып. IV, 1953.

²⁹ В. В. Стоклицкая-Терешкович. Проблема многообразия средневекового цеха на Западе и на Руси.— Сб. «Средние века», вып. III, 1951.

Развитие города представляет одну из сторон процесса отделения города от деревни, осуществляющегося на основе развития общественного разделения труда. Другой стороной этого процесса является значительная перестройка феодальной деревни, в которой все больше развивается товарное производство. Развитие товарного производства не ведет непосредственно к упадку феодального строя. Наоборот, дополняя феодальную экономику, открывая перед ней новые возможности, развитие товарного производства приводит к укреплению феодального строя, к усилению феодальной эксплуатации, к росту массы и нормы феодальной ренты. Но вызванный развитием общественного разделения труда рост производительных сил приходит в противоречие с производственными отношениями феодального общества. Если в странах Западной Европы (в частности, в Англии, на материале которой работал ряд советских историков) XII—XIII века были временем развития феодального строя в его наиболее ярко выраженных и четких формах, то XIV—XV века характеризовались появлением симптомов его разложения на основе развития товарно-денежных отношений, что сопровождалось обострением классовой борьбы.

Анализ социально-экономического строя английской феодальной деревни в XIII в. был дан в работах русских дореволюционных медиевистов — Виноградова и Петрушевского. Ряд новых проблем в этой области был поставлен Е. А. Косминским³⁰. Он положил в основу своего исследования «Сотенные свитки» (Hundred Rolls) 1279 г., первостепенное значение которых для социальной истории средневековья было отмечено Виноградовым. Анализ этого источника в соединении с некоторыми другими (особенно «Посмертными расследованиями» — Inquisitiones Post Mortem) позволил автору выяснить количественное преобладание денежной ренты в английской деревне второй половины XIII в. и в то же время усиление отработочной ренты в ряде маноров, расположенных в районах наибольшего развития товарного хозяйства. Е. А. Косминский отметил значительное расслоение крестьянства в эту эпоху и большую роль полнаемного, полукрепостного труда

³⁰ Е. А. Косминский. Английская деревня в XIII в. М.—Л., 1935; его же. Исследования по аграрной истории Англии XIII века. М.—Л., 1947; и др.

коттеров, особенно в мелких вотчинах, многие из которых возникают в эту эпоху. Источники этого времени дали возможность автору констатировать наличие напряженной классовой борьбы за землю и за ренту в XIII в., который у некоторых исследователей (например, у Петрушевского) изображался как век «социальной гармонии».

Работы Косминского в этой области были продолжены М. А. Баргом³¹, который произвел сопоставление источников XI—XIII вв. для разрешения вопроса о путях развития английской феодальной деревни за этот период, К. Д. Авдеевой³², писавшей о борьбе крестьян за общинные земли в XIII в., А. П. Геллертовым³³, занимавшимся вопросом о роли классовой борьбы крестьянства в истории «баронской войны». Над вопросами истории итальянского крестьянства этой эпохи работает М. Л. Абрамсон³⁴. О большом обобщающем труде С. Д. Сказкина см. ниже.

Для периода XIV—XV вв. в аграрной истории Европы русская историческая литература дала ценное исследование «Восстание Уота Тайлера» покойного академика Петрушевского. Это исследование выдержало четыре издания, причем последние два, значительно переработанные, приходятся уже на время после Великой Октябрьской социалистической революции. Но ряд теоретических положений Петрушевского (его понимание феодализма, трактовка феодального манора как капиталистического предприятия, концепция классовой гармонии в XIII в. и пр.) не удовлетворяют советских историков; многие основные проблемы данного периода совсем не были поставлены Петрушевским.

³¹ М. А. Барг. Землевладение в Кембриджшире в 1086—1279 годах (канд. дисс. М., 1947); его же. Эволюция феодального землевладения в Англии XI—XIII веков. — «Вопросы истории», 1953, № 11.

³² К. Д. Авдеева. Ранние огораживания и борьба за общинные земли в Англии в XIII в. (канд. дисс. Л., 1951).

³³ А. П. Геллертов. Феодальная олигархия и гражданская война в Англии во второй половине XIII века (1258—1267) (канд. дисс. Горький, 1954).

³⁴ М. Л. Абрамсон. Положение крестьянства и крестьянские движения в Южной Италии в XII—XIII вв. — Сб. «Средние века», вып. III, 1951; его же. О некоторых особенностях развития феодальных отношений в Южной Италии в XII—XIII вв. — Сб. «Средние века», вып. V, 1954.

В настоящее время над вопросами аграрного развития Англии XIV—XV вв. работает Е. Косминский³⁵. В своих работах автор ставит задачей выяснение закономерностей перехода от феодализма к капитализму — вопрос, который был поднят в недавней дискуссии историков-марксистов Англии, Америки и Японии. Рассматривая эту эпоху в целом как прогрессивную стадию в развитии западноевропейского общества, автор вместе с тем видит в ней наличие признаков упадка в связи с начавшимся разложением феодального строя и, в частности, крупного феодального хозяйства. Период XIV—XV вв. ознаменован рядом великих крестьянских восстаний не только в Англии, но и в других странах Европы. Эти восстания в целом носили прогрессивный характер, содействуя упадку феодального строя.

Вопросы аграрного развития и крестьянских восстаний во Франции изучались Н. П. Грацианским³⁶ и С. Д. Сказкиным³⁷, в Германии — М. М. Смирным³⁸. В частности, в своей последней монографии «Очерки истории политической борьбы в Германии перед реформацией»³⁹ М. М. Смирин рассматривает экономические

³⁵ Этой теме посвящена его работа «Вопросы аграрной истории Англии в XIV веке». — «Вопросы истории», 1948, № 1; статья «Эволюция форм феодальной ренты в Англии в XI—XV вв.», — «Вопросы истории», 1955, № 2 и монография «Очерк истории английского крестьянства в средние века» (XIII—XIV вв.), над которой в настоящее время работает автор.

³⁶ Н. П. Грацианский. Крестьянские и рабочие движения в средние века. М., 1924; его же. Из истории сельскохозяйственной техники во Франции в феодальный период. — В кн.: «Из истории западноевропейского феодализма». М. — Л., 1934.

³⁷ С. Д. Сказкин. Старый порядок во Франции. М. — Л., 1925; его же. Февдист Эрве и его учение о цензиве. — Сб. «Средние века», вып. 1, 1942.

³⁸ М. М. Смирин. Борьба за землю в Юго-Западной Германии в XV и начале XVI в. По материалам Верхней Швабии и Шварцвальда. — «Исторические записки», т. 4, 1938; его же. О крепостном состоянии крестьянства и характере крестьянских повинностей в Юго-Западной Германии в XV и начале XVI в. — «Исторические записки», т. 19, 1946; его же. Отклики гуситских войн в Германии. — «Известия АН СССР», серия истории и филологии, 1931, т. VIII, № 4; его же. Реформация императора Сигизмунда (Политический памфлет XV века). — Сб. «Средние века», вып. III, 1951.

³⁹ М. М. Смирин. Очерки истории политической борьбы в Германии перед Реформацией. М., 1952.

предпосылки подъема антифеодалной борьбы немецких крестьян в XV в.; тщательно анализируя большой материал источников, описывает ход восстаний немецкого крестьянства в связи с общими событиями политической истории Германии этого времени. Такой охват материала позволяет М. М. Смирину сделать ряд интересных обобщений и выводов. Некоторые из этих выводов, впрочем, вызывают еще споры среди советских медиевистов: К числу спорных вопросов, в частности, относится оценка М. М. Смириным политического значения крестьянских движений XV в. в Германии.

Третьим периодом в истории феодальной Европы является эпоха разложения феодализма и генезиса капитализма.

Ввиду того, что в буржуазной науке термин «капитализм» имеет часто очень неопределенное значение, здесь необходимо указать, что с точки зрения марксистско-ленинской науки ни наличие торгового, ни ростовщического капитала, ни наличие простого товарного производства еще не позволяют говорить о капитализме. Известно, что капиталистическое производство представляет собой высшую форму товарного производства. Для капиталистического производства нужно, чтобы средства производства были сосредоточены в руках частных лиц и чтобы рабочие, лишённые средств производства, были вынуждены продавать свою рабочую силу как товар. Капиталистические отношения зарождаются и развиваются еще в недрах феодальной формации. Лишь буржуазная революция приводит к тому, что капитализм делается господствующим способом производства. Начальные стадии развития капитализма входят поэтому в период, когда феодализм все еще продолжает быть господствующим способом производства, но уже находится в процессе разложения. Хронологическими рамками этого периода в Западной Европе советские историки считают время от конца XV до середины XVII в. Как все такие определения, данное определение имеет приблизительный и условный характер. Если в ряде западноевропейских обществ мы наблюдаем в это время развитие капиталистических отношений, приводящее в Нидерландах и в Англии к буржуазным революциям, то развитие других — Германии, Италии, Испании — задерживается, феодальные отношения там консервируются и даже укрепляются.

Если говорить о генезисе капитализма, то начальные его стадии можно отнести еще к XIV в., когда в ряде пунктов, особенно в Италии, создались благоприятные условия для спорадического развития капиталистической мануфактуры, прежде всего в шерстяной промышленности.

Но не в истории Италии надо искать главные тенденции развития западноевропейского капитализма. Их надо искать прежде всего в истории Англии, которая дала Марксу материал для его знаменитой главы о так называемом первоначальном накоплении (глава 24-я в первом томе «Капитала»). Обезземеление крестьянства в Англии было началом и основой «первоначального накопления».

Здесь русская историческая наука уже имела ряд крупных достижений, среди которых главными являются книги А. Н. Савина «Английская деревня в эпоху Тюдоров» и «Английская секуляризация», а также монографии Савина по истории отдельных маноров. Но посвященные ряду специальных тем исследования А. Н. Савина лишь отчасти касались ряда основных вопросов аграрного развития Англии XVI—XVII вв. — вопросов об огораживании, о начавшемся обезземелении крестьян, о крестьянских восстаниях. Эти вопросы составили содержание трудов В. Ф. Семенова (см. особенно его книгу «Огораживания и крестьянские движения в Англии XVI века») ⁴⁰.

Расходясь с некоторыми исследователями (в частности, с Э. Гэем), стремившимися преуменьшить значение аграрных перемен, происходивших в XVI в. в Англии, В. Ф. Семенов показал на документальном материале бурный характер этих перемен, вполне заслуживающих названия аграрной революции. В связи с этим особое внимание было обращено им на историю крестьянских восстаний XVI в., являвшихся продолжением великого цикла крестьянских войн в Европе XIV—XV вв., но уже в условиях развивающихся капиталистических отношений.

Роль народных масс как основной движущей силы исторического процесса, особенно роль классовой борьбы трудящихся масс деревни и города против феодаль-

⁴⁰ В. Ф. Семенов. Огораживания и крестьянские движения в Англии XVI века. Из истории обезземеления крестьян в Англии. М. — Л., 1949.

ной и зарождающейся капиталистической эксплуатации, были предметом работ ряда советских исследователей. Б. Ф. Поршнев в своей большой работе «Народные восстания во Франции перед Фрондой (1623—1648)»⁴¹, в значительной мере на основе нового, ранее не исследовавшегося архивного материала показал огромный размах игнорировавшихся в западной исторической науке народных движений в городах и селах Франции XVII в.

/ Основной формой угнетения крестьян и городского плебса в это время стал налоговый гнет, а также военные поборы. Поэтому восстания крестьян были направлены в первую очередь против королевской администрации. Основной движущей силой в городских восстаниях были плебейские массы, их естественным союзником были крестьяне. Отношение буржуазии к плебейским восстаниям было двойственным. Наиболее зажиточная часть буржуазии была тесно связана с абсолютизмом, лишь небольшая часть ее была носителем капиталистических производственных отношений. Автор делает вывод, что народные восстания перед Фрондой объективно были борьбой против феодализма и за утверждение капитализма, но в течение XVII в. «самая предприимчивая и сильная часть французской буржуазии не принимала участия в этой борьбе на стороне капитализма». /

Автор рассматривает Фронду в связи с предшествовавшими ей народными восстаниями. Он считает, что начало Фронды было попыткой буржуазной революции. Но буржуазия изменила революции, как изменяла много раз в предшествующих народных восстаниях.

Автор отмечает экономическое сближение буржуазии с феодально-абсолютистским строем «путем превращения торгово-промышленного капитала в ростовщический (кредитный)». Буржуазия сближалась также с абсолютизмом «путем массового превращения в чиновничество». Другая часть буржуазии — «носитель капиталистических отношений», — по мнению автора, играла второстепенную, зависимую роль.

Работа Б. Ф. Поршнева вызвала немало возражений. В частности, его справедливо упрекали в преувеличении значения некоторых городских движений; считали непра-

⁴¹ Б. Ф. Поршнев. Народные восстания во Франции перед Фрондой (1623—1648). М.—Л., 1948.

вильным рассматривать Фронду как попытку буржуазной революции.

Продолжительную дискуссию вызвали статьи Б. Ф. Поршнева, посвященные проблематике истории классовой борьбы феодального крестьянства в Западной Европе⁴². В своих статьях Б. Ф. Поршнев неправомерно поставил рост производительных сил в полную зависимость от развития классовой борьбы, а производственным отношениям (в антагонистических формациях) приписал роль тормоза в развитии производительных сил. Дискуссия, вызванная выступлениями Поршнева, выдвинула ряд вопросов исключительного теоретического значения.

Вопросы классовой борьбы и народных движений XVI—XVII вв., особенно Крестьянской войны 1525 г., которую Энгельс считал первой буржуазной революцией, приводят к тематике ранних буржуазных революций, из которых Нидерландская лежит в хронологических рамках феодального средневековья, а Английская — входит в нее своей предысторией; события революции включаются нами уже в историю нового времени.

Серьезным вкладом в марксистскую разработку истории Реформации и Крестьянской войны в Германии XVI в. является монография М. М. Смирин «Народная реформация Томаса Мюнцера и Великая крестьянская война»⁴³. На основе исследования обширного круга источников М. М. Смирин показывает в этой работе формирование идеологии радикально-демократического крыла крестьянско-плебейского движения времен Великой крестьянской войны 1525 г., тщательно анализирует программы, освещает ход этой крупнейшей классовой битвы в истории Западной Европы XVI в. и ее кульминационного пункта — восстания в Тюрингии, «районе непосредственной деятельности Мюнцера».

⁴² Б. Ф. Поршнев. Современный этап марксистско-ленинского учения о роли масс в буржуазных революциях. — «Известия АН СССР», серия истории и философии, т. V, № 6, 1949; его же. Формы и пути крестьянской борьбы против феодальной эксплуатации. — «Известия АН СССР», серия истории и философии, т. VII, № 3, 1950; его же. Сущность феодального государства. — «Известия АН СССР», серия истории и философии, т. VII, № 5, 1950; и др.

⁴³ М. М. Смирин. Народная реформация Томаса Мюнцера и Великая крестьянская война. М. — Л., 1947 (2-е изд. М., 1955. — Прим. ред.).

Над проблемами истории Нидерландской революции работает А. Н. Чистозвонов⁴⁴. Основной его задачей было выяснение игнорировавшейся западной историографией роли народных движений в этой революции. Он доказывает, что все достижения революции как на севере, так и на юге Нидерландов были в той или иной степени неразрывно связаны с успехами выступлений городского плебса и крестьянства. Только непримиримая борьба вооруженного народа, дополнившего на севере ряды городских милиций и стрелковых гильдий, против дворянско-католической реакции и испанской агентуры, борьба, не останавливавшаяся перед применением революционного террора, обеспечила торжество буржуазной революции на севере. На юге дело революции было погублено феодально-католической реакцией и трусливой, эгоистической политикой незрелой южной буржуазии. Но и на севере неразвитость капиталистических отношений и политика оранжизма; стремившегося добиться соглашения с реакцией путем подавления демократии, привели к половинчатости и незавершенности буржуазных преобразований и к последующему разгрому демократии и торжеству купеческой олигархии.

Как я уже сказал, Английская буржуазная революция середины XVII в. уже не входит в тот период, который мы обозначали как феодальное средневековье. Проблемы Английской революции привлекали внимание многих советских историков. Часть их работ суммирована в двухтомной истории Английской буржуазной революции, изданной Институтом истории Академии наук СССР в прошедшем году⁴⁵. Работе над проблемами революции естественно должна была предшествовать длительная работа над изучением ее предыстории, которая еще относится к периоду феодализма. Изучением вопроса о становлении классовых сил накануне революции занимались

⁴⁴ А. Н. Чистозвонов. К вопросу о роли народных движений в Нидерландской революции.— Сб. «Средние века», вып. III, 1951; его же. Крестьянские движения в период Нидерландской революции.— Сб. «Средние века», вып. V, 1953; его же. Английская политика по отношению к революционным Нидерландам 1572—1586.— Сб. «Средние века», вып. V, 1954.

⁴⁵ «Английская буржуазная революция XVII века», под ред. Е. А. Косминского и Я. А. Левицкого, т. I, II. М., 1954.

С. И. Архангельский⁴⁶, В. Ф. Семенов⁴⁷, В. М. Лавровский⁴⁸.

Первой в советской историографии попыткой дать цельную картину истории западноевропейского крестьянства на протяжении большого периода — от раннего средневековья до XVIII в. — и на этом материале разрешить ряд основных проблем феодальной формации и генезиса капитализма является подготовляемая к печати монография С. Д. Сказкина «Очерк по истории крестьянства в Западной Европе с XIII по XVIII век».

Работу открывает краткий очерк процесса феодализации в Западной Европе до XIII в. Основные проблемы, поставленные во введении: община, образование крупной феодальной земельной собственности, формы закрепощения крестьянства, обзор феодального строя в целом и феодальных форм в различных странах (Англии, Франции, Германии — Западной и Восточной, Италии и Испании). Далее исследуются изменения в хозяйстве и положении крестьянства в связи с развитием городов и товарно-денежных отношений в отдельных странах, в особенности в Италии, Англии и Франции.

Особый раздел посвящен проблеме больших крестьянских восстаний XIV в. Эта тема представляет большой интерес, так как она ставится и разрешается в общевропейском масштабе.

В заключительной части автор исследует проблему появления первых элементов капиталистического хозяйства и развития под их влиянием аграрных отношений. Автор прослеживает различные пути развития феодализма в деревне и судьбы крестьянства в различных странах (ликви-

⁴⁶ С. И. Архангельский. Аграрное законодательство английской революции, ч. 1, 2. М.—Л., 1935—1940; его же. Экономика Англии и экономические проблемы английской буржуазной революции XVII века.— Уч. зап. Горьковского гос. ун-та, серия историко-филологическая, 1950, вып. XVIII; и др.

⁴⁷ В. Ф. Семенов. Великая английская революция. В кн.: Н. М. Пакуль и В. Ф. Семенов. Ранние буржуазные революции. М., 1931; его же. Долгий парламент и демократия в 1640—1641 гг. К 300-летию английской революции.— «Исторический журнал», 1942, № 1-2; и др.

⁴⁸ В. М. Лавровский. Манор Брамpton в XVI—XVIII вв.— Сб. «Средние века», вып. II, 1946; его же. К истории поземельных отношений в Лиякольнширском маноре Барроу XVI—XVIII вв.— «Известия АН СССР», серия истории и философии, т. III, 1946, № 3; и др.

дацию крестьянства как класса к XVIII в. в Англии, сохранение крестьянства во Франции и Юго-Западной и Северо-Западной Германии). Особый интерес представляет проблема «второго издания» крепостничества на востоке Европы, которую автор разрешает в прямой связи с развитием капитализма в передовых странах Запада и образованием мирового рынка.

В своем беглом и далеко не полном обзоре я останавливался лишь на том, что дали советские историки для понимания базиса феодального общества, генезиса, развития и разложения его экономического строя. Но базис нельзя познать в отрыве от надстройки... Изучение надстройки феодального общества, ее возникновения, классового характера и ее активной роли в развитии феодального общества является важнейшей задачей историков-марксистов. Мне придется здесь ограничиться лишь кратким перечислением тех проблем, которые стоят перед советскими историками, и того, что ими сделано и делается в этой области.

При изучении проблем истории феодального государства советские историки отправляются от марксистско-ленинского понимания государства как политической организации господствующего класса, имеющей своей главной целью охрану существующего экономического порядка и подавление сопротивления эксплуатируемых классов. Проблема генезиса феодального государства и права (как возведения в государственный закон воли господствующего класса) является предметом специального изучения А. И. Неусыхина, рассматривающего ее в теснейшей связи с вопросом о генезисе классового строя у германских племен. А. И. Неусыхин и его ученики разрабатывали ряд проблем, касающихся развития раннего феодального государства, государства Каролингов и Священной Римской империи⁴⁹.

⁴⁹ А. И. Неусыхин. Итальянская политика германской империи X—XIII вв. в современной фашистской историографии.— В кн.: «Против фашистской фальсификации истории». М.—Л., 1939; его же. Исторический миф третьей империи.— «Уч. зап. МГУ», 1945, вып. 81; В. Д. Вейс. К вопросу о природе фогства в Германии X—XIII вв.— «Исторические записки», 1946, т. 19; А. И. Данилов. Основные черты имунитета и фогства на церковных землях в Германии X—XII вв.— «Доклады и сообщения Исторического фак-та МГУ», 1948, вып. 7; его же. К вопросу об эволюции фогства как одной из форм права феодальной собствен-

Сложные вопросы возникновения так называемой сословной монархии много дискутировались. В настоящее время подготавливается к печати труд Е. В. Гутновой⁵⁰, рассматривающий эту проблему в связи с историей возникновения английского парламента.

Темой ряда дискуссий была проблема классовой природы абсолютизма. Этой проблемой приходилось заниматься всем работавшим над вопросами третьего периода истории феодализма в Западной Европе. Если в результате проведенных работ выяснилось понимание абсолютизма как формы феодального государства, возникшего на последней стадии развития феодализма, то остается еще много проблем, требующих дальнейшей разработки, особенно в определении как различных типов абсолютизма, так и эпох в его развитии. Здесь следует отметить ценную работу А. Д. Люблинской «Социально-экономические отношения и политическая борьба во Франции в 1610—1620 гг.»⁵¹

Большие задачи еще стоят перед советскими историками в области изучения культуры, политических и социальных идей, религии и философии феодального Запада. Здесь уже имеется ряд работ, из которых следует особенно отметить исследование Н. А. Сидоровой «Очерки по истории ранней городской культуры во Франции»⁵². Автор монографии исследовал большой и сложный материал источников по истории ранней городской культуры. Явления средневековой культуры Н. А. Сидорова рассматривает в тесной связи с ходом социально-экономического развития и политической борьбы, шедшей в феодальной Франции этого времени.

Внимание советских историков привлекали идеи Ариольда Брешианского, Иохима Флорского, Марсилиия

ности.— «Труды Томского гос. ун-та», т. 103, 1948; Н. С. Михайловская. Каролингский иммунитет.— Сб. «Средние века», вып. II, 1946; Д. С. Грамелицкий. Франкский иммунитет.— Там же; и др.

⁵⁰ Опубликована под названием: «Возникновение английского парламента (Из истории английского общества и государства XIII века)». М., 1960.— *Прим. ред.*

⁵¹ А. Д. Люблинская. Социально-экономические отношения и политическая борьба во Франции в 1610—1620 гг. (докт. дисс., Л., 1951). (Опубликована под названием: «Франция в начале XVII века (1610—1620)». Л., 1959.— *Прим. ред.*).

⁵² Н. А. Сидорова. Очерки по истории ранней городской культуры во Франции, М., 1953.

Падуанского, Себастиана Франка, предшественников научного социализма — Томаса Мора и Кампанеллы (академик В. П. Волгин), Жана Бодена, М. Монтеня, Ф. Бэкона, монархмахов (Ф. А. Коган-Бернштейн и др.).

Я не имею сейчас возможности говорить о работах, посвященных истории международных отношений, специальным вопросам государства и права, истории денежного обращения, источниковедению, палеографии, историографии и т. д.

Моей целью было показать, как советские историки освещают основные вопросы истории западноевропейского феодализма. Но это далеко не главный раздел работы советских медиевистов, которая сосредоточивается в значительной мере на истории народов СССР и прежде всего русского народа. Большая работа идет в области изучения истории славянских народов. Успешную деятельность развила созданная в 1946 г. группа по истории Византии, выпустившая, помимо монографий, семь томов «Византийского временника». Все больше ширится работа советских востоковедов над вопросами феодализма в странах Ближнего, Среднего и Дальнего Востока. Те проблемы, которые стоят перед советскими историками, работающими над вопросами истории Запада, стоят и перед советскими историками СССР, славяноведами, византинистами, востоковедами. Близкая в настоящее время к завершению, работа над посвященными феодальному периоду томами «Всемирной истории»⁵³, издаваемой Институтом истории Академии наук, является попыткой объединить и обобщить результаты исследований советских историков и дать решение основных проблем истории феодализма во всемирно-историческом масштабе.

Советская историческая наука добилась значительных успехов в области изучения западноевропейского феодализма. Исходя из основных положений марксистско-ленинской науки, творчески применяя марксистскую методологию, советские историки выдвинули и разрешили ряд проблем первостепенного значения. В центре внимания советские историки поставили такие вопросы, как развитие производственных отношений в связи с развитием

⁵³ См. прим. 3 к стр. 208.

производительных сил, взаимодействие между базисом и надстройкой, роль народных масс в истории и др.

Монографическая разработка конкретного исторического материала, специальные научные статьи дали большой фактический материал для обобщений и углубленного исследования важнейших вопросов развития западноевропейского феодализма. В созданных крупных коллективных работах были обобщены важнейшие достижения советских медиевистов. Теоретические дискуссии по центральным вопросам — таким, как вопрос об абсолютизме, о значении и роли классовой борьбы, об основном экономическом законе феодальной формации и другим — развивали и совершенствовали нашу историческую мысль, ставили важнейшие теоретические проблемы и содействовали их творческому разрешению.

Ряды советских историков выросли и укрепились, с каждым годом наши ученые-историки совершенствовались, обогащались знаниями и опытом. Выращены новые поколения советских историков-медиевистов, двигающих вперед историческую науку вместе со своими старшими товарищами.

Вся проделанная работа и уже имеющиеся достижения дают возможность с полным основанием считать, что на их основе советская историческая наука в дальнейшем будет еще более успешно развиваться. Мы рады поделиться с нашими зарубежными коллегами своими достижениями и выражаем уверенность, что наше личное общение и обмен мнениями будут плодотворными и полезными для обеих сторон.

ЭВОЛЮЦИЯ ФОРМ ФЕОДАЛЬНОЙ РЕНТЫ В АНГЛИИ В XI—XV ВЕКАХ *

Вопрос об эволюции форм феодальной ренты в Англии много раз ставился в исторической литературе. Достаточно хорошо известны старые теории Роджерса, Виноградова, Паджа, Пти-Дютайя, Петрушевского (в ранний период его научной деятельности). Между этими исследователями имелись значительные расхождения в частных вопросах: о хронологии и темпах процесса коммутации, о влиянии на него «Черной смерти» 1348—1349 гг., о «феодальной реакции», вызванной «Черной смертью», о роли крестьянского восстания 1381 г. и т. д. Но при всех этих расхождениях, как бы велики они ни казались, историков, писавших об этом вопросе во второй половине XIX в., объединяет одна общая основная концепция. Все они рассматривают манориальную систему, основанную на крепостничестве (вилланстве) и отработочных повинностях вилланов, как систему, соответствующую условиям натурального хозяйства. С развитием «денежного хозяйства» эта система начинает разлагаться, причем важнейшей стороной этого процесса является замена отработочных повинностей денежными платежами («коммутация»). Развитие коммутации приводит к ликвидации доменального хозяйства, к освобождению вилланов и к падению всей манориальной системы. Эта линия развития рассматривалась в основном как прогрессивная, как важнейший этап в переходе от экономического строя средневековья к экономическому строю нового времени. Такая концепция, которую можно назвать концепцией либерально-позитивистской школы, доминировавшей в буржуазной историогра-

* Опубликовано: «Вопросы истории», 1955, № 2.

фии во второй половине XIX в., исходила из вульгарных представлений о «натуральном хозяйстве» как хозяйстве без обмена и денег, и о «денежном хозяйстве» как о таком хозяйстве, «когда деньги представляют основу всех экономических отношений»; в автоматическом развитии «денежного хозяйства» она усматривала основной двигатель экономического прогресса.

Аналогичные взгляды, подновленные некоторыми новыми фактами, в разных вариантах повторяются буржуазными историками и до наших дней. Но для современной буржуазной историографии более характерна «ревизия» старых либерально-позитивистских концепций с точки зрения допшпанства и неомальтузианства — реакционных теорий, взятых на вооружение современным империализмом. При этом данную ревизию нередко стараются представить как «опровержение» марксизма.

Проблемы теории и истории феодальной ренты, в частности, вопрос о смене ее форм, всегда стояли в центре внимания советских медиевистов. В последнее время эти проблемы привлекли к себе особый интерес советских историков в связи с обсуждением вопроса об основном экономическом законе феодальной формации¹.

В то же время проблема смены форм феодальной ренты стала предметом обсуждения зарубежных прогрессивных историков, занимающихся выяснением закономерностей перехода от феодальной формации к капиталистической². Дискуссия по этим вопросам сосредоточилась главным образом на теме о «кризисе феодализма» в Европе XIV—XV вв.³

Применить теорию Допша к аграрной истории средневековой Англии пытался Петрушевский в последних (3-м и 4-м) изданиях своей книги «Восстание Уота Тайлера». В них он становится на точку зрения допшпанской теории «вотчинного капитализма» и утверждает, что манор

¹ См. дискуссию на страницах журнала «Вопросы истории», 1953, № 6; 1954, № 2, 7—11.

² Здесь основное значение имеет книга М. Добба «Studies in the Development of Capitalism». London, 1947. Вызванная ею дискуссия, в которой приняли участие английские, американские и японские историки, суммирована в сборнике «The Transition from Feudalism to Capitalism». London, 1954.

³ См. «Kwartalnik historyczny», 1953, № 1, статья М. Маловиц-та «Zagadnienie kryzysu feudalizmu w XIV i XV w. w świetle najnowszych badań».

как хозяйственная организация всегда был связан с рынком и существовал как предприятие, преследовавшее коммерческие цели. Но Петрушевскому не удалось последовательно провести эту точку зрения, и он в основном повторил свою прежнюю концепцию, развитую в первых двух изданиях книги.

Наиболее последовательную ревизию с допшинских позиций старых взглядов на коммутацию и на процесс разложения манориального строя мы находим в работах кембриджского историка-экономиста профессора М. Постана⁴.

В чем заключаются основные черты этой ревизии?

Прежде всего феодальная вотчина (манор), раньше считавшаяся твердыней натурально-хозяйственной системы, рассматривается как крупное «капиталистическое» или, осторожней, «квазикапиталистическое» предприятие, производящее преимущественно на рынок. Таковой она является уже в англосаксонскую эпоху. История ее, с этой точки зрения, представляет не восходящую прогрессивную линию, а смену периодов подъема и упадка. Преобладание той или иной формы ренты ставится в зависимость прежде всего от условий хлебного рынка.

При условии получения высоких прибылей от продажи хлеба лорд манора был заинтересован в расширении доменiallyной запашки и, стало быть, в усилении отработочных повинностей вилланов. Когда же эти прибыли снижались, ему было выгоднее отказываться от доменiallyного хозяйства и переходить к системе денежных рент.

В англосаксонскую эпоху (как можно ретроспективно заключить из памятников XII в.) в Англии наблюдается значительная доменiallyная запашка и развитая отработочная система. Из этого делается вывод о благоприятных

⁴ Концепция профессора Постана развита в ряде статей: «The Chronology of Labour Services». — «Transactions of the Royal Historical Society», 4 Ser., vol. XX, 1937; «Revisions in Economic History: the Fifteenth Century». — «Economic History Review», vol. IX, № 2, 1939; «Some Social Consequences of the Hundred Years War». — Ibid., vol. XII, № 1, 2, 1942; «The Rise of Money Economy». — Ibid., vol. XIV, № 2, 1944; «Some Economic Evidence of Declining Population in the Later Middle Ages». — Ibid., 2 Ser., vol. II, № 3, 1950; «The Manor in the Hundred Rolls». — Ibid., vol. III, № 1, 1950, а также в написанной им IV главе второго тома «Cambridge Economic History of Europe», vol. II. Cambridge, 1952.

условиях хлебного рынка в это время (о «раннем сельскохозяйственном буме», по выражению Постака).

Позднее, главным образом в XII в., неблагоприятные условия хлебного рынка, объясняемые общей политической и экономической неустойчивостью, вызывают колебания и даже падения рыночного дохода и ведут к сокращению доменального хозяйства и к частичной замене отработочной ренты денежной. В XIII в. быстрый подъем экономики и, в частности, рост хлебной торговли, приносящей большие выгоды, приводит к новому «буму», к росту доменального хозяйства и отработочной ренты.

Эта эпоха стремительного подъема в свою очередь около 20-х годов XIV в. сменяется длительной депрессией, выражающейся в общем упадке хозяйственной деятельности, в сокращении рынка, падении цен на хлеб, нехватке рабочей силы, падении рент и цен на землю. в общем сокращении обрабатываемой земли. Все это, в конечном счете, приводит к ликвидации доменальной запашки, падению крупного «капиталистического» хозяйства, основанного на системе отработочных рент. Но это упадок особого рода. В упадок приходит крупное сельскохозяйственное производство, сокращается торговля, но крестьяне улучшают свое положение, увеличивают свое землепользование, возможно, увеличивают производительность труда. Создается обилие сельскохозяйственных продуктов. Крайне сократившиеся в числе сельские (как и городские) рабочие получают значительно более высокую, чем раньше, заработную плату.

Что же лежит в основе увеличения и снижения прибыльности производства хлеба на рынок? Новая теория особенно выдвигает причины демографического характера. «Бум» XIII в. объясняется быстрым ростом населения, депрессия XIV—XV вв. — значительной его убылью, начавшейся будто бы в 20-х годах XIV в., ранее «Черной смерти», и продолжавшей сказываться до конца 60-х или 70-х годов XV в. Убылью населения объясняется в основном весь тот комплекс условий, который привел к падению процветавших в XIII в. (и самом начале XIV в.) доменального хозяйства и барщинной системы. В трудах представителей новой теории убылью населения объясняется и благоприятное положение крестьянства, которое стало располагать большим количеством земли на хозяйство, платя пониженную ренту, и высокая заработная пла-

та рабочих. Беверидж склонен видеть в этом «великую историческую иллюстрацию мальтузианских истин».

Эпидемии, полагает Беверидж, благотворительно уменьшили население Англии вдвое. Вследствие этого положение трудящихся улучшилось, и было два или три счастливых поколения; но, увы, люди стали опять быстро размножаться, и их благосостояние стало падать...⁵

Чем же вызывается падение численности населения в XIV—XV вв.? Этот вопрос уже не ставится, как раньше, в непосредственную связь с «Черной смертью» 1348—1349 гг. и эпидемиями 60-х годов XIV в. Предполагается, что сокращение населения началось раньше «Черной смерти» и что оно продолжалось дольше, чем могли сказываться последствия чумы. Одни историки дают здесь «мальтузианское» объяснение, видя в падении численности населения в XIV—XV вв. результат чрезмерно быстрого его роста в XIII в. Другие видят причины в истощении почвы (мальтузианский «закон убывающего плодородия почвы»), в стихийных бедствиях, вызванных эрозией, что также связано с «перенаселением». Некоторые (Солтмарш) дают «биологическое» объяснение, видя причину в длительном заражении Англии бактериями чумы. Постан осторожно воздерживается от прямого ответа на данный вопрос.

Новая, буржуазная историография ввела в научный оборот много источников и оперирует широким кругом фактов. Но предлагаемые ею обобщения и гипотезы представляются малоубедительными, поскольку они определяются не столько фактами, сколько предвзятыми и методологически порочными установками. Доплданская концепция стремится безмерно расширить понятие «капитализм», силясь доказать его извечность.

* * *

Для нас, конечно, неприемлемо представление о «капиталистическом» или хотя бы «квазикапиталистическом» характере феодальной вотчины (манора). Феодальная вотчина принадлежит к совсем другой общественной формации, к формации феодальной, для которой характерны иные закономерности. Буржуазной исторической мысли

⁵ W. Beveridge. The Yield and Price of Corn in Middle Ages.—«The Economic History», Supplement of the «Economic Journal», May 1927, № 2.

тужда роковая для нее ныне идея смены общественных формаций. Выдвигая на первое место явления обмена, торговли, денег, она игнорирует смену господствующих способов производства. Обычной ошибкой буржуазных историков-экономистов является неисторическое перенесение категорий капиталистического хозяйства в изучение условий докапиталистической эпохи. По словам Ленина, «нет ничего характернее для буржуа, как перенесение черт современных народов на все времена и народы»⁶.

Мы считаем сложившуюся в IX—XI вв. феодальную вотчину (манор) в своей основе организацией натурально-хозяйственной. Однако и в натуральном хозяйстве всегда имеются известные элементы товарного производства и обращения, хотя и не они определяют основное направление хозяйственной деятельности⁷. Значение этих элементов все более возрастает, особенно со вступлением на историческую сцену городов как экономической категории. Натурально-хозяйственная по своим основам организация феодального манора может до известной степени приспосабливаться к требованиям рынка... Товарное производство существовало еще при феодализме, но не являлось тогда капиталистическим. Для того чтобы оно стало капиталистическим, нужно, чтобы в товар превратилась и рабочая сила; другими словами, чтобы производство было основано на эксплуатации не феодально зависимого крестьянина, а наемного рабочего, лишенного средств производства и принужденного продавать свою рабочую силу.

Мы можем вполне согласиться с тем, что в XI в. (а вероятно, и ранее) во многих английских манорах, особенно в крупных церковных, преобладала отработочная рента (вероятно, вместе с рентой продуктами). Но это объясняется не благоприятными условиями хлебного рынка, а лишь господством натурального хозяйства. Раннее развитие отработочной ренты на почве натурального хозяйства надо отличать от ее позднего развития на почве образования рынка для сельскохозяйственных продуктов. То, что мы знаем о городах эпохи Domesday, не позволяет нам предполагать сколько-нибудь значительного развития городского рынка, хотя таковой в весьма ограниченных размерах, несомненно, существовал и ранее. В связи с

⁶ В. И. Ленин. Сочинения, т. 1, стр. 137, примечание.

⁷ См. К. Маркс. Капитал, т. I. М., 1955, стр. 176; т. II, стр. 113.

незавершенностью процесса феодализации Англии ко времени нормандского завоевания развитая барщинная система возникла далеко не повсюду. По-видимому, крупную роль играла рента продуктами (мы имеем в виду ренту продуктами как первоначальную форму феодальной ренты, а не как форму превращения отработочной ренты; в этой последней форме рента продуктами не получила заметного развития в Англии). Вполне возможно было и существование в эту эпоху (в незначительных размерах) и денежной ренты — показателя начавшейся постоянной связи крестьянских хозяйств с городским рынком. Возможно, конечно, что и феодалы обывали на городском рынке часть избытка своего хозяйства. Но это еще не могло оказывать значительного влияния на систему манориального хозяйства.

Нормандское завоевание могло ускорить процесс закрепощения крестьянства и развития манориальной системы с характерным для нее барщинным хозяйством и увеличить норму феодальной ренты.

Не вызывает возражений утверждение Постана, что в XII в. в ряде барщинных маноров развивалась денежная рента и сокращалось доменное хозяйство. Но нет никаких оснований связывать этот процесс с неблагоприятными условиями торговли хлебом. Насколько мы можем судить, XII век был временем развивающегося общественного разделения труда, роста городов как экономической категории и соответствующего расширения хлебного рынка. Об этом говорит и быстрый рост цен на хлеб, наблюдаемый с 60-х годов, но, очевидно, начавшийся раньше. По-видимому, именно в это время городской рынок начал оказывать заметное влияние на систему манориального хозяйства. Сокращение доменного хозяйства и рост денежной ренты указывают на то, что главная роль в торговле с городом в эту эпоху принадлежала крестьянским хозяйствам. Можно думать, что торговля с городом стимулировала производительность крестьянского хозяйства, а это влекло за собой и возрастание феодальной ренты в ее денежной форме. «Обычай» не создавал здесь непреодолимых препятствий, хотя в ряде случаев он и вызывал некоторое отсутствие роста ренты от роста прибавочного продукта крестьянского хозяйства. По-видимому, в начальный период развития городского рынка лордам было проще использовать крестьянскую торговлю с городом для полу-

чения нужных им денег, чем увеличивать с этой целью продукцию своего доменального хозяйства.

Развитие денежной ренты не всегда связано с коммутацией барщинных работ. В ряде маноров денежная рента возникает как коммутация ренты продуктами. Наконец, денежная рента могла появиться рядом с отработочной (и рентой продуктами) как дополнение к ним. Денежная рента возрастает также в результате сдачи частей домена в аренду. Преимущества от перехода к денежной ренте доставались сравнительно немногим крестьянам⁸. Преобладающей части крестьянства этот переход не приносил облегчения. Он вел к повышению нормы феодальной эксплуатации и к усилению расслоения крестьянства.

Если денежная рента развивалась в XII в., то это, конечно, не означало, что лорды маноров не делали тогда попыток реализовать излишки доменальной продукции на городском рынке или даже увеличить эти излишки путем усиления отработочной ренты. У нас есть основания думать, что развитие общественного разделения труда и товарности феодального хозяйства от XI до XIV в. сопровождалось ростом и массы и нормы феодальной ренты.

Конечно, основным остается вопрос, как далеко зашел в XII в. процесс развития денежной ренты, какую часть крестьянских повинностей, какие районы и какие типы маноров он преимущественно захватил. Во всяком случае, у нас нет оснований считать XII в. временем преобладания денежной ренты.

Начинается XIII в., воспеваемый ныне буржуазными историками как вершина средневекового развития, как кульминационный пункт средневековой культуры, как век веры, мира, благополучия, а также век стремительного роста населения и хозяйственного, особенно сельскохозяйственного, «бума». Во всем этом очень много преувеличенного и просто неверного, но не подлежит сомнению, что в XIII в. получили дальнейшее развитие явления, наблюдавшиеся уже в предшествующее столетие: быстрый рост городов, расширение рынка для продуктов сельского хозяйства и возрастание выгодности торговли хлебом. Создавалось положение, при котором расширение доменальной запашки и усиление отработочной ренты с целью

⁸ О влиянии замены отработочной ренты денежной на положение крестьянства см. мои «Исследования по аграрной истории Англии XIII в.», стр. 427—432.

производства для продажи во многих случаях становились выгоднее, чем получение денежной ренты. Во втором томе «Кембриджской экономической истории» Постан приводит таблицы роста цен на пшеницу в период 1160—1519 г.⁹ Средние цены вычислены по двадцатилетиям. Согласно этим таблицам, средняя цена квартала пшеницы поднимается с 1,89 шиллинга (за двадцатилетие 1160—1179) до 7,01 шиллинга (за двадцатилетие 1300—1319), т. е. в три с лишним раза. Это позволяет автору вслед за Бевериджем говорить о своего рода «революции цен» между серединой XII в. и концом первого двадцатилетия XIV в., после чего цены начинают падать.

Мне кажется, что эти таблицы нуждаются в некоторых исправлениях. Наивысшей цифры средняя цена квартала пшеницы достигает в двадцатилетие 1300—1319 гг. лишь благодаря двум голодным годам — 1315 и 1316, — когда цена на хлеб поднялась до небывалых размеров. Если не считать этих двух лет, то таблица покажет несколько иную последовательность. Быстрый рост цен происходит в период от 1160—1179 гг. до 1260—1279 гг., повышаясь в общем за эти 120 лет в 2,6 раза; затем следует длительный период (опять примерно в 120 лет) более или менее равномерно высоких цен; о заметном их понижении можно говорить лишь с двадцатилетия, начинающегося 1380 г. (цены высчитаны с учетом падения стоимости монеты в XIV—XV вв.).

Можно предположить такую схему движения цен на пшеницу: 1160—1260 г. — период быстрого роста цен; 1260—1380 — период высоких цен; 1380—1480 — период постепенного падения цен; с 1480 г. — начало нового роста.

Во всяком случае, если довериться цифрам таблицы Поста́на за XII—XIII вв., то можно заключить, что в этот период для доменального хозяйства значительно возрастает возможность увеличения доходов от продажи хлеба, тем более, что повышение цен на хлеб не сопровождалось таким же ростом цен на другие продукты.

Нельзя пройти мимо вопроса о причинах этого роста. Поста́н объясняет его в мальтузианских терминах как ре-

⁹ M. Postan. The Trade of Medieval Europe: the North. В кн.: «Cambridge Economic History of Europe», vol. II. Cambridge, 1952, ch. IV, p. 166, 206. Я пока оставляю в стороне все сомнения, связанные с принципами, на которых построены эти таблицы.

зультат «давления населения на землю». Несомненно, рост населения мог содействовать росту цен на предметы питания. Но основной причиной был рост общественного разделения труда, рост неземледельческого населения и связанное с этим развитие внутреннего рынка. Рост хлебных цен должен был стимулировать товарность и крестьянского хозяйства, особенно платящего денежную ренту. В еще большей степени это относится к свободному крестьянству. На этой почве росла дифференциация в среде крестьянства, создавалась крестьянская верхушка, эксплуатировавшая труд малоземельных крестьян.

Многочисленными данными источников подтверждается, что в XIII в. в ряде случаев отработочные повинности вилланов возрастали. Из исследованных Постановом описей 800 маноров в 650 он нашел указания на увеличение барщинных работ и доменальной запашки. Барщинные маноры возникали и в тех районах, где их раньше не было. Вместе с тем делались более или менее успешные попытки ввести усовершенствования в доменальное хозяйство, заставить вилланов больше и лучше работать на барщине и т. д. Появляется посвященная этим вопросам сельскохозяйственная литература.

В своих исследованиях (особенно в «Английской деревне в XIII веке», 1935, стр. 215, 227 и многие другие) и отмечал, что развитие рынка для продуктов сельского хозяйства вызвало в Англии XIII в. попытки увеличить производительность доменального хозяйства и усилить барщинную эксплуатацию крепостных крестьян. Это явление, хорошо известное из истории Восточной Европы более позднего периода, наблюдается и в Англии, особенно в районах наибольшего развития товарности сельского хозяйства (восток и юг), преимущественно в крупных, особенно церковных вотчинах, владевших большим числом крепостных крестьян. Как раз такие вотчины оставили после себя наибольшее количество документального материала.

Это не значит, конечно, что XIII в. можно охарактеризовать как время господства отработочной ренты. Мои исследования показали, что денежная рента количественно преобладала в Англии во второй половине XIII в. Не всегда рост прибыльности зернового хозяйства вел к усилению доменального хозяйства и отработочной ренты. Иногда он вел к усилению денежной ренты, даже к сдаче частей домена за повышенную ренту (на это указывает

и Постан). На этой почве в XIII в. росли держания «по воле лорда» и на срок за денежную ренту.

Наконец, не следует забывать многозначительной приписки к описям барщинных работ: *omnia opera potest dominus pro voluntate sua ad censum ponere* (Рамзейский картулярий).

В XIII в. возникают или возрастают многие денежные платежи вилланов, которые не были результатом коммутации отработочных рент, как вступительные *finēs*, *auxilia*, поборы манориальной курии (*placita et perquisita*) и т. д.

В районах с преобладанием скотоводства, в частности овцеводства, не было достаточных условий для развития отработочной ренты, но были условия для развития денежной. Займки (*assarta*) и захваты общинных земель также являлись источником увеличения денежной ренты, если они не присоединялись к домениальному хозяйству. Во всяком случае, в XIII в. наряду с ростом отработочной наблюдается и значительный рост денежной ренты.

Признавая значительную роль в экономике Англии XIII в. крупного хозяйства, основанного на барщинном труде крепостных крестьян и уже производившего значительную часть своей продукции как товар, мы не должны, однако, эту роль преувеличивать. Даже в таких тесно связанных с рынком хозяйствах, как маноры епископства Винчестерского, денежная рента держателей преобладала над выручкой от продажи продуктов домениального хозяйства. Это свидетельствовало о том, что рынок снабжался в первую очередь крестьянскими хозяйствами.

Крупное феодальное хозяйство, основанное на барщинном труде несвободных крестьян и стремящееся получить возможно больше прибыли от продажи продукта, произведенного трудом этих крестьян, располагало все же очень ограниченными возможностями для достижения этой цели. Представляя собой крупную единицу по сравнению с крестьянским хозяйством, домениальное хозяйство было основано на технической базе мелкого крестьянского хозяйства и не имело над ним тех технических преимуществ, которые имеет крупное капиталистическое производство. В XIII в. «спекулятивные лорды» стремились увеличить продукцию своих хозяйств. Но осуществляли они это не столько путем улучшения техники и организации производства, сколько путем усиления «внеэкономического принуждения», о чем свидетельствует хотя бы юридическая

история вилланского состояния и вилланского держания в XII—XIII вв. Крепостной труд по своему существу был мало производителен. Его организация требовала больших затрат на администрацию (часто недобросовестную), надзор и учет. Доменальное хозяйство истощало крестьянское, требуя от него рабочую силу и перевозочные средства, особенно в горячее время уборки урожаев, отнимая у него удобрения, ограничивая его связи с рынком. Огромная часть дохода расходовалась феодалами непроизводительно: достаточно вспомнить огромную, связанную с непроизводительными расходами задолженность как светских, так и духовных феодалов; это суживало возможности «капиталовложений» и расширенного воспроизводства. «Ministers' Accounts» не показывают сколько-нибудь значительных расходов на улучшение доменального хозяйства. Все это делало ведение крепостнического доменального хозяйства, рассчитанного на рынок, прибыльным лишь при особо благоприятных условиях.

Такие условия, по-видимому, существовали в XIII в., по крайней мере, для определенных групп маноров. Это и было причиной возрастания отработочных повинностей. Но можно думать, что уже в середине века пачала сказываться невыгодность ведения доменального хозяйства, рассчитанного на рынок, руками несвободных вилланов. Уже во второй половине XIII в. все шире применяются практика *venditio operum* и эксплуатация наряду с вилланским полукрепостнического, полунаемного труда коттеров. Труд этих предшественников сельских рабочих приобретает еще большее значение в XIV в.¹⁰

О начавшемся кризисе доменального хозяйства говорит и наблюдающееся к концу XIII в. сокращение доменальной запашки в некоторых манорах (например,

¹⁰ Возникает вопрос, почему феодальная вотчина не могла перейти целиком на эксплуатацию наемного труда. Переход от барщинного манора к крупному хозяйству, эксплуатирующему наемный труд, был крайне затруднителен. Надо было изменить всю традиционную натурально-хозяйственную систему производства, администрации, надзора, заводить заново большой живой и мертвый инвентарь, гарантировать себе ежегодный наем значительного числа рабочих за низкую плату, найти способ заставить их интенсивно работать и т. д. Все это было трудно для крупного крепостного хозяйства и едва ли могло окупиться, хотя в эпоху кризиса барщинной системы делались попытки широкого применения наемного труда (обычно в соединении с барщинным).

епископа Винчестерского), по-видимому, связанное с ростом аренды на домене. В манорах Рамзейского монастыря после 1252 г. наблюдается медленное уменьшение земли *ad opus*. Впрочем, точные хронологические расчеты здесь едва ли возможны.

Часто говорят о перенаселенности Англии во второй половине XIII и в начале XIV в.

Несомненно, с XI по конец XIII в. население Англии увеличилось, хотя все цифровые выкладки, основанные на сопоставлении «Книги Страшного суда» с памятниками XIII—XIV вв., до крайности шатки, прежде всего потому, что нам неизвестны состав населения крестьянского двора и те изменения, которые в течение столетий могли здесь произойти. Но можно ли говорить о «перенаселении» Англии в XIII в.? Действительно ли «имевшиеся в стране средства к существованию были недостаточны для того, чтобы прокормить все увеличивавшееся население»? Факты, подтверждающие это предположение, как будто бы налицо. Это — прежде всего бедственное положение английского крестьянина в XIII в., о котором свидетельствует ряд исследователей (Каултон, Беннет, Нильсон, Хоменс); это — дробление наделов и рост мелких и мельчайших держаний. Это, особенно отмеченное Постановом, обращение под пахоту земель худшего качества, мало пригодных для земледелия. Это общий рост рент, цен на землю и на продукты питания, особенно на хлеб; это, наконец, низкая сравнительно с дальнейшим временем заработная плата, как будто свидетельствующая о большом предложении наемного труда.

Но все эти факты говорят не об «абсолютном», а лишь об относительном перенаселении, вызванном не столько ростом населения в целом, сколько особенностями господствующего способа производства. Прикрепляя крестьянина и рабочего (коттера) к манору, лишая его свободы передвижения, феодальный строй создавал условия, искусственно вызывавшие «перенаселение» в крепостнических, особенно барщинных, вотчинах.

«Перенаселение» и земельная теснота усиливались ростом феодальной ренты в XIII в. Типичный для этой эпохи крестьянин-полувиргатарий, не говоря уже о виргатарии, мог быть достаточно обеспечен, если бы ему не приходилось отдавать феодалам столь значительную часть своего труда и продукта.

Вероятно, даже при тогдашних условиях развития производительных сил Англия могла бы щедро кормить гораздо большее население, если бы феодалы, феодальная церковь и феодальное государство не высасывали соки из трудящихся масс, если бы значительная часть пахотной земли не была занята под доменное хозяйство феодалов, если бы скот лордов не занимал общинные пастбища, если бы лорды не захватывали в свое частное пользование общинные земли.

В этой связи можно ставить вопрос об истощении почвы на крестьянских наделах, лишенных удобрения и надлежащего ухода.

По-видимому, к концу XIII и началу XIV в. наивысшей точки достигают доход «спекулятивных лордов», феодальная рента, крепостная неволя и эксплуатация крестьянства¹¹. Классовые противоречия обостряются, обостряется и классовая борьба в феодальной деревне. Феодальные производственные отношения в их тогдашнем виде становятся тормозом для развития производительных сил, истощая крестьянское хозяйство, угрожая физическим истощением самому крестьянину.

Все эти явления были сильнее выражены в барщинных манорах, чем в оброчных, в которых было меньше препятствий к развитию производительных сил крестьянского хозяйства, связанного с рынком уже в силу характера ренты; но и там развитие производительных сил тормозилось ростом денежной ренты.

Наступает перелом в развитии феодального способа производства, выражающийся прежде всего в падении крепостнически-барщинной системы.

* * *

За периодом роста доменного хозяйства, крепостничества, феодальной ренты (как в отработочной, так и в денежной форме) последовал все еще недостаточно изученный период разложения и упадка крепостнически-барщинной системы, ликвидации доменного хозяйства и отработочной ренты, отмирания вилланства, фиксации

¹¹ Возможно, впрочем, что критическая точка была достигнута уже к середине XIII в.; ср. например, N. S. B. Gras. English Corn Market. Cambridge, 1926, p. 28. Но это вопрос, требующий специального изучения.

денежной ренты на сравнительно низком уровне, известного закрепления прав крестьянина на его надел (копигольд), появления предпосылок капиталистического перерождения деревни. Доппианская концепция, для которой не существует проблемы перехода от феодального хозяйства к капиталистическому, а существует лишь вопрос о временном падении крупного «капиталистического» сельского хозяйства между двумя периодами подъема, подчеркивает в аграрном развитии XIV—XV вв. явления упадка, депрессии-упадка крупного «капиталистического» хозяйства, который начинается в 20-х годах XIV в. и продолжается до 60-х или 70-х годов XV в., после чего наступает новый подъем. Этот упадок объясняется в первую очередь причинами демографического характера — значительным и продолжительным сокращением населения Англии в этот период. Сокращению населения отводится виднейшее место среди причин, вызвавших падение крепостнически-барщинной системы, и в работах некоторых из английских прогрессивных историков, рассматривающих убыль населения как результат развития противоречий, характерных для феодального способа производства.

М. Добб видит основную причину падения манориального строя в развитии внутреннего противоречия, присущего феодальному способу производства, а именно противоречия между низкой производительностью крепостного труда и ростом потребностей феодалов. При низкой производительности крепостного труда увеличение феодальной ренты происходит за счет необходимого продукта и влечет за собой истощение или даже вымирание несвободных производителей. Население, быстро выросшее за предыдущий период, начинает сокращаться еще до «Черной смерти». Да и сама «Черная смерть» является лишь одним из эпизодов (хотя и самым значительным) в веренице эпидемий и голодовок, и вызвана она плохим питанием и физическим истощением крепостного крестьянства. Сокращение населения в феодальных вотчинах происходит не только вследствие вымирания, но и вследствие бегства вилланов, принимающего катастрофический характер. Уменьшение населения приводит к недостатку рабочих рук, невозможности продолжать доменальное хозяйство, к его ликвидации и падению, таким образом, барщинной системы. Однако, помимо влияния убыли населения, кризис феодальной вотчины, по мнению Добба, вызывался еще рядом эконо-

мических причин, которые пока недостаточно выяснены наукой.

Р. Хилтон также приписывает убыли населения большую роль в том процессе, который он характеризует как «остановку в развитии способа производства, доведшего свои производительные ресурсы до крайних пределов и неспособного развиваться дальше» (см. Р. Хилтон и Г. Фаггн. Восстание английского народа в 1381 г. Москва, 1952, стр. 29). Мне кажется, что в этих утверждениях все же преувеличено значение убыли населения в цепи причин, вызвавших кризис XIV—XV вв. Учесть прямые и косвенные результаты убыли населения очень трудно, потому что у нас нет твердых данных о хронологии этой убыли, о ее начале и конце, о ее силе и значительности; кроме того, одновременно с фактором убыли населения действовали и другие, более существенные факторы. Почти все, что приписывается влиянию убыли населения, может быть объяснено действием и других причин.

Прежде всего необходимо учесть влияние, которое оказывала на весь процесс развития феодального строя классовая борьба крестьян против феодалов, борьба, порой выливавшаяся в большие восстания, но чаще выражающаяся в местных вспышках и в повседневном сопротивлении крестьян растущим требованиям феодалов. Этот фактор игнорируется современной буржуазной историографией.

Возрастание феодального давления на непосредственных производителей и особенно усиление барщинной системы не могли не вызвать усиления классовых противоречий и классовой борьбы в английской деревне.

Английские крестьяне не были инертной массой, с которой можно было делать все, что угодно. Они были людьми, способными отстаивать свои интересы. Община давала им некоторую организованность и сплоченность. На усиление давления они отвечали усилением сопротивления.

Еще не написана история английского крестьянства, в которой видное место должно принадлежать истории крестьянского сопротивления, но уже набросаны некоторые ее страницы, например, небольшой, но исключительно интересный и содержательный этюд Р. Г. Хилтона «Крестьянские движения в Англии до 1381 года»¹². В своей книге

¹² R. Hilton. Peasant Movements in England Before 1381.—«Economic History Review», 1949, 2-ser., vol. II, № 2 (о Р. Хилтоне см. прим. на стр. 196).

«Английская деревня в XIII в.» (1935) я пытался показать борьбу, которую вели английские крестьяне в XIII в. за землю, за ренту и за личный статус¹³.

В истории феодальной ренты необходимо учитывать все нарастающее движение сопротивления крестьян в XIII—XIV вв., нашедшее наиболее яркое выражение в восстании Уота Тайлера, но не прекратившееся и в дальнейшем. Крестьянское сопротивление возрастало не только потому, что усиливалось принимавшее разные формы внеэкономическое давление со стороны лордов, но и потому, что значительная часть крестьянства уже с XII в. стала все больше производить на рынок. А барщина была не только самой тяжелой формой эксплуатации, но и больше всего препятствовала крестьянину извлекать выгоду из торговли. Крестьянин не мог диктовать лорду желательную ему форму ренты. Но у крестьянина имелись средства сделать данную форму ренты невыгодной для лорда. В протоколах манориальных курий (Court Rolls) много данных о намеренно плохой работе, о приемах саботажа. Крестьяне вели борьбу за понижение денежной ренты путем «рентных забастовок», как назвал Хилтон нарастание неоплатных недоимок. Протоколы королевских судов рассказывают и о тщетных попытках крестьян найти судебную защиту, и об их прямом, даже вооруженном сопротивлении требованиям феодалов.

Одной из форм сопротивления крестьян крепостной эксплуатации являлось также бегство из маноров, уход в города и в малозаселенные части страны¹⁴. Мне кажется, что Постан сильно преуменьшает значение этого фактора.

¹³ В последнее время молодыми советскими исследователями был написан ряд диссертаций на тему о классовой борьбе английского крестьянства против феодальной эксплуатации: К. А. Вдееса. Ранние огораживания и борьба за общинные земли в Англии XIII в. (Л., 1951); А. Геллертов. Феодальная олигархия и гражданская война в Англии во второй половине XIII в. (Горький, 1954); Эм Чан Ден. Восстание Дикена Кэда в 1450 г. (Л., 1954). Рукописи хранятся в Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина.

¹⁴ F. W. Maitland. The History of a Cambridgeshire Manor.—«English Historical Review», vol. IX, № 35, July 1894; F. Davenport. The Economic Development of a Norfolk Manor, 1086—1565. Cambridge, 1906; И. Гранат. К вопросу об обезземелении крестьян в Англии. М., 1908; J. C. Russel. British Medieval Population. Albuquerque, 1948.

Источники дают много указаний на то, что население городов постоянно пополнялось беглецами из деревни. В то же время мы видим, что население районов Англии, где крепостническая эксплуатация достигла наибольшего развития, между концом XI и концом XIV в. выросло значительно меньше, чем в областях сравнительно слабого развития манориальной системы.

Однако в XIV в. шла, по-видимому, не только внеэкономическая, но и экономическая борьба между ведущими свое домениальное хозяйство феодалами и продававшими свои продукты крестьянами, которые уже и ранее были главными поставщиками городского рынка. Возможно, что эта борьба шла в области цен. Лучше известна борьба между феодалами и зажиточными крестьянами в области заработной платы сельскохозяйственных рабочих. Понижая цены и повышая заработную плату, крестьяне-«кулаки» имели возможность делать домениальное хозяйство невыгодным для феодалов.

Движения крестьян долго носили стихийный и разрозненный, но ясно выраженный антифеодальный характер.

Восстание Уота Тайлера дало четкую программу крестьянских требований. Подавление крестьянского восстания не помешало тому, что значительная часть этой программы была проведена в жизнь. Крестьянское движение, как могущественный фактор социально-экономических перемен, не прекращалось и после расправы с крестьянами в 1381 г. Требования крестьян, предъявленные в Майл-Энде, были почти полностью осуществлены в XV в. Отмена вилланства, отмена всех видов барщины, установление низкой денежной ренты, отмена феодальных ограничений крестьянской торговли — таковы были требования Майл-Эндской программы. Осуществились отчасти и некоторые требования более радикальной Смитфилдской программы. Крестьянам досталась значительная часть домена не только церковных, но и светских лордов, хотя и не в том виде, конечно, как это рисовалось тем, кто шел за Уотом Тайлером и Джоном Боллом.

Но требования крестьян могли осуществляться лишь потому, что они соответствовали всему ходу общественного развития феодальной Англии. Крепостное производство стало сковывать развитие производительных сил средневекового общества. Великая историческая борьба средневекового крестьянства за землю и волю, против своих угне-

тателей объективно была направлена на освобождение производительных сил от оков феодального производства. В этом — великое прогрессивное значение борьбы средневекового крестьянства. «В Англии крепостная зависимость исчезла фактически в конце XIV столетия. Преобладающее большинство населения состояло тогда — и еще больше в XV веке — из свободных крестьян, ведущих самостоятельное хозяйство, за какими бы феодальными вывесками ни скрывалась их собственность»¹⁵.

В XV в. основная часть крестьянства стала лично свободной, она была более обеспечена землей, чем раньше, ее владельческие права лучше охранялись, она платила феодальным собственникам земли более низкие и притом фиксированные ренты. Есть все основания предположить, что (как это допускает Постап) в это время производительность сельскохозяйственного труда повышается и пашни дают больший урожай, чем раньше. Несомненно, труд свободного крестьянина на своей земле был продуктивнее труда крепостного на барщине, и не только на барщине, но и на своем истощенном наделе. Исчезали явления «относительного перенаселения», заставлявшие создавать дробные наделы и пускать в обработку неудобные земли. Рост производительности сельского хозяйства вел к падению цен на зерно. Об этом росте говорит характерное для XV в «изобилие» сельскохозяйственных продуктов, большое число урожайных лет.

Постап видит признаки упадка хозяйственной деятельности в это время в том, что крестьянское хозяйство будто бы было менее товарным, чем прежнее, домениальное, что оно отдавало на рынок меньшую часть произведенного продукта. Это связано с общей концепцией Постапа о «капиталистическом» характере феодального манора и об общем сужении и внешнего и внутреннего рынка в XV в. Но крестьяне уже давно стали производить часть своего продукта на рынок, и не только «кулаки», но и «середняки», если можно употреблять эти термины иной эпохи. Товарность домениального хозяйства, связанная с развитием отработочной ренты, препятствовала развитию товарности крестьянских хозяйств, которая могла возрасти лишь после отмены барщины, крепостного права, высоких рент и феодальных ограничений крестьянской торговли.

¹⁵ К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 721.

Отмена ряда личных и поземельных феодальных ограничений приводила к усилению дифференциации крестьянства. В манориальных описях XIV—XV вв. отчетливо выделяется крестьянская верхушка. Крупное крестьянское хозяйство было, несомненно, более товарным по своему характеру, чем барщинное хозяйство феодалов. В частности, оно не было связано с огромными непроизводительными тратами, у него было гораздо больше возможностей расширенного воспроизводства. Конечно, вспышки эпидемий и особенно «гангстеризм» феодалов и гражданские войны должны были в той или иной мере дезорганизовать торговлю. Англия страдала от отравления общественного организма токсинами загнивающего феодального строя. Но это уже другая тема. Во всяком случае, в XV в. начинается глубокая перестройка всего характера и производства и рынка, значение которой трудно измерить одними количественными показателями.

Часть крестьян лишилась земли и перешла в число безземельных наемных рабочих. Но их заработная плата была выше, чем в предыдущий и последующий периоды. Наниматель, крупный крестьянин, мог с выгодой для себя платить рабочему плату более высокую, чем крупный помещик¹⁶. На этой почве уже в XIV в. разворачивается упорная борьба между зажиточными крестьянами и лордами. По наблюдениям Хилтона, высокая заработная плата, которую предлагали рабочим наниматели-крестьяне, служила последним единственным орудием в борьбе с лордами за рабочую силу.

В целом крестьянин и рабочий в XV в. были лучше обеспечены, чем в XIII в. Фортескью имел все основания сказать: «Простой народ в нашей стране лучше питается, а также лучше одевается, чем у какой-либо другой нации, христианской или языческой»¹⁷. Все это можно объяснить и без гипотезы о значительном и длительном падении численности населения Англии, без «мальтузианских» измышлений.

Значит ли это, что мы отрицаем факт сокращения населения Англии в указанный период или склонны думать,

¹⁶ Кулацкое хозяйство может платить рабочему на 15—20% больше, чем помещичье, и «выжимать» из него на 50% больше работы.— См. В. И. Ленин. Сочинения, т. 3, стр. 207—208.

¹⁷ J. Fortescue. The Works, vol. I. London, 1869, p. 552.

что он не оказал никакого влияния на процесс разложения барщинной системы и всего феодального хозяйства?

Но ведь самый факт начавшегося в 20-х годах XIV в. и продолжавшегося до 60-х или 70-х годов XV в. падения численности населения Англии не является прочно установленным. Даже опирающиеся на него историки считают его лишь гипотезой, которая, однако, по их мнению, хорошо объясняет ряд наблюдаемых в эту эпоху явлений. Нам кажется, что эти явления могут быть объяснены иначе.

Признавая недостаточность прямых демографических указаний, Постап приводит ряд косвенных доказательств значительной и продолжительной убыли населения в данный период.

Как один из наиболее убедительных косвенных аргументов, приводимых в доказательство теории упадка населения в XIV—XV вв., выдвигается рост заработной платы за этот период. С точки зрения мальтузианской теории, утверждающей, что величина заработной платы обратно пропорциональна абсолютному числу рабочего населения, этот рост можно объяснить только значительным сокращением числа рабочих. В статье, помещенной в «Economic History Review» за 1950 г., Постап приводит таблицу роста заработной платы по двадцатилетиям с 1300 до 1479 г. Он делает попытку показать движение реальной заработной платы. Если, по его вычислению, количество пшеницы, которое можно купить на заработок сельского рабочего в двадцатилетие 1300—1319, принять за 1,00, то для следующего двадцатилетия цифра повысится до 1,40 и затем, повышаясь с некоторыми колебаниями, дойдет в 1440—1459 гг. до 2,36, возросши, таким образом, за полтора столетия почти в $2\frac{1}{2}$ раза. Но характерно, что цифра для выраженной таким образом реальной заработной платы сельскохозяйственного рабочего почти не повышается в те два двадцатилетия, когда убыль населения была несомненной (1340—1379), а самый большой скачок вверх (на 81%!) она делает в двадцатилетие, начинающееся с 1380 г.¹⁸

Эти цифры нам кажутся несколько преувеличенными. Дело в том, что Постап принимает за 1,00 цифру для двадцатилетия 1300—1319, а на это двадцатилетие приходится, как было уже отмечено, два года (1315—1316) исключительно высоких цен на пшеницу. Если исключить

¹⁸ «Econ. Hist. Review», 2 ser., vol. II. № 3, 1950, p. 226. — *Прим. ред.*

эти годы, то повышение заработной платы окажется несколько меньшим. Кроме того, надо принять в расчет, что реальная заработная плата определялась не только ценой на хлеб, которая падала с 80-х годов XIV в., но и ценами на другие продукты, которые не испытывали такого падения.

На размер заработной платы влияют многие обстоятельства, в том числе не только предложение рабочих рук, но и спрос на них, а также способность рабочих отстаивать свои интересы. В этом отношении особенно примечательно резкое повышение заработной платы в двадцатилетие, начинающееся 1380 г. Повышение заработной платы со второго десятилетия XIV в. может быть объяснено возрасставшим спросом на рабочие руки ввиду начавшегося падения барщинной системы и попыток лордов более широко заменять несвободный труд вилланов наемным трудом. Высокая по сравнению с 1300 г. заработная плата в XV в. может быть объяснена дифференциацией крестьянства, отслоением крестьянской верхушки, нуждавшейся в наемном труде, а также различием между свободным безземельным рабочим XV в. и полукрепостным рабочим-коттером, получавшим часть своей «заработной платы» в натуральной форме падеда.

Освобождение части крестьян как от крепостной зависимости, так и от земли не могло не отозваться и на заработной плате. При этом надо иметь в виду и возрастание мобильности крестьян. Мы видели, кроме того, что типичный наниматель XV в. — крупный крестьянин — мог дать рабочему большую заработную плату, чем феодальный лорд, и требовать с него больше работы.

В вопросе о заработной плате мы не можем не принимать во внимание также того обстоятельства, что значительная часть малоземельных и безземельных могла в это время находить заработок в неземледельческом труде, особенно в распространявшейся в деревне шерстяной промышленности. Сделанный Постановом подсчет рабочих рук, занятых в шерстяной промышленности, явно занижен.

Нет необходимости прибегать к гипотезе о длительной убыли населения, чтобы объяснить уменьшение численности мелких держателей в манориальных описях XIV—XV вв. и начала XVI в. Часть их могла лишиться земли в процессе дифференциации крестьянства; при этом они исчезали из манориальных описей и легче уклонялись от

податных расследований. Другие могли уйти из манора. Наконец, часть малоземельных крестьян-коттеров могла увеличить размеры своих держаний и перейти в высшие разряды держателей. Постап отмечает это явление, объясняя его убылью населения. Но объяснением может служить также и возможность увеличить свое держание за счет сдававшейся доменальной земли.

Гипотеза о длительной убыли населения не нужна для объяснения таких явлений, как падение рент и цен на землю, как наличие известного процента вакантных держаний, не находящихся сразу съемщиков за требуемую плату, как прекращение обработки земель худшего качества, мало пригодных для земледелия и более пригодных для скотоводства. Во всех этих явлениях основную роль играла ликвидация доменального хозяйства, выбрасывавшая на земельный рынок большое количество земли, и отмена прикрепления крестьянина и «рабочего с наделом» к манору, не говоря уже о роли крестьянской борьбы. Падение цен на хлеб, которое началось не со второго двадцатилетия, а с 80-х годов XIV в., также не имеет прямого отношения к сокращению населения⁶⁹.

И без этой гипотезы понятен факт временного улучшения положения крестьян и рабочих в XV в., используемый Бевериджем для подтверждения «мальтузианских истин».

Наконец, вопрос об убыли населения нельзя рассматривать в отрыве от вопроса о перемещениях населения, которые должны были усилиться после падения крепостного права. У нас нет оснований преуменьшать подчеркнутое М. Доббом значение ухода крестьян в города и в менее населенные районы страны.

Мы вовсе не склонны отрицать значение демографического фактора, но не считаем возможным придавать ему решающее значение... Несомненно, рост населения в Англии между XI и началом XIV в. оказывал влияние на

⁶⁹ Нередко причину ликвидации доменального хозяйства видят в падении цен на хлеб в XIV—XV вв. Заметное падение цен на пшеницу (считая в гранах серебра) начинается, по-видимому, только в 80-е годы XIV в. До этого времени цены держатся в среднем на довольно высоком уровне, не обнаруживая, впрочем, тенденции к повышению. Падение цен вместе с крестьянским восстанием могло нанести системе доменального хозяйства лишь последний удар, но борьба доменального и крестьянского хозяйства за хлебный рынок могла расшатывать устой доменальной системы уже и раньше. Ограниченность наших источников затрудняет возможность определить, как отражалась эта борьба на хлебных ценах в этот период.

рост городов и развитие внутреннего рынка со всеми вытекающими отсюда последствиями. Также несомненно, что временные потери, которые население понесло в XIV в., должны были отозваться и на процессе разложения феодального манора.

Являющаяся одним из звеньев наступившего критического периода в истории английского феодализма временная убыль населения могла оказывать известное влияние и на процесс ликвидации доменального хозяйства могла ускорять или замедлять его. Вполне возможно, что то расстройство, которое она вносила в доменальное хозяйство, содействовало ликвидации последнего. Но не убыль населения являлась здесь основной причиной.

Глубина перемен, происшедших в XIV—XV вв. во всем строе английской деревни, позволяет говорить о переломе в развитии феодализма в эту эпоху. Этот перелом был началом упадка феодального способа производства, достигшего кульминационного развития в XII—XIII вв. В области феодальной ренты он выразился в падении ее нормы и массы и в установлении полного господства ее денежной формы. Последняя является уже формой разложения феодальной ренты.

Можно ли сказать, что в XV в. крестьяне выиграли борьбу за землю и за ренту? Конечно, такое заключение было бы неправильным. Во всяком случае, эта «победа» была и неполной и временной. Феодальный строй все еще оставался господствующим.

Феодальная собственность на землю и право на феодальную ренту остались за феодалами, освобождение крестьян от феодальной зависимости было далеко не полным; осталась, стало быть, возможность увеличивать ренту и сгонять крестьян с земли, когда для этого создадутся благоприятные условия. Сохранилось феодальное государство; это дало возможность феодалам отчасти компенсировать свои потери в маноральной ренте путем повышения централизованной ренты, включая сюда не только налоги, но и все виды легального (и нелегального) грабежа, которые предоставляла в их распоряжение государственная организация, как она сложилась в XIV—XV вв. Вопрос о централизованной ренте очень остро стоял уже во время восстания Уота Тайлера. Он стал основным вопросом в восстании Джека Кэда. Зарождалось государство феодального абсолютизма, неизменно враждебное крестьянам и

рабочим, несмотря на его демагогическое и лицемерное социальное законодательство.

Сама «победа» крестьянства носила в себе зародыши будущей гибели этого класса. В среде крестьянства усиливается и ускоряется процесс дифференциации. Мелкобуржуазное хозяйство крестьян-товаропроизводителей было переходом к капиталистическому хозяйству...

Ведущую роль в снабжении рынка сельскохозяйственными продуктами играли, по-видимому, крупные крестьяне-«кулаки», эксплуатировавшие труд наемных рабочих из крестьян, уже частично отрывавшихся от земли. Такие «кулаки» являлись по преимуществу арендаторами помещичьей земли. Из их среды выходили потом фермеры-капиталисты. Они пополняли отчасти ряды «нового дворянства» (как показывают письма Пасторов). Им принадлежала в XV в. активная роль в развитии коммерческого овцеводства и в начальной стадии «огораживаний». Аналогичную роль играло, по-видимому, мелкое дворянство, помещичье хозяйство которого уже в XIII в. в значительной мере опиралось на труд малоземельных крестьян-котов²⁰.

В английской деревне XV в. уже начинала складываться новая расстановка классовых сил, предвращавшая «эпоху первоначального капиталистического накопления».

* * *

Подведем некоторые итоги. Эволюция форм феодалной ренты в Англии в XI—XV вв. может быть схематически представлена так.

У нас мало прямых данных о формах ренты, господствовавших в XI в. Но есть основания предполагать, что важнейшую роль играла отработочная рента, по-видимому, наряду с рентой продуктами. Имелась (в незначительных размерах) и денежная рента. Преобладание натуральных форм ренты соответствует слабому развитию товарного хозяйства, незначительной емкости городского рынка.

С XII в. наблюдается рост денежной ренты, частично вытесняющей отработочную и ренту продуктами. Это связано с ростом общественного разделения труда, увеличением неземледельческого населения и развитием постоян-

²⁰ См. мои «Исследования по аграрной истории Англии XIII в.», гл. VI.

ного, главным образом городского, рынка для сельскохозяйственных продуктов, который обслуживался преимущественно крестьянскими хозяйствами. Частичное вытеснение отработочной ренты денежной сопровождалось некоторым сокращением доменального хозяйства феодалов и сдачей частей домена за денежную ренту. Денежная рента могла развиваться и помимо коммутации натуральных форм ренты, как дополнение к ним.

Одной из сторон роста общественного разделения труда было повышение производительности крестьянского хозяйства, увеличение его прибавочного продукта. Но те же причины вызывали рост потребностей феодалов и приводили к захвату ими возрастающего прибавочного продукта в виде феодальной ренты. С XII по XIV в. мы вправе предполагать общее возрастание и массы и нормы феодальной ренты.

По-видимому, денежная рента продолжает возрастать в течение всего этого периода. Но одновременно с этим преимущественно в XIII в. (точные хронологические грани установить трудно) известная часть феодалов, стремясь использовать выгоды от торговли сельскохозяйственными продуктами, увеличивает производство своего доменального хозяйства и с этой целью усиливает отработочную ренту или восстанавливает ее там, где она была заменена денежной.

Этот путь развития феодальной ренты избирают преимущественно крупные феодалы, располагающие большим числом крепостных, особенно в тех районах, где товарное хозяйство достигло наивысшего развития. Это придает усилению отработочной ренты в XIII в. особое значение. Количеством денежная рента делается преобладающей, хотя темп ее возрастания, возможно, замедлился.

Барщинная система, рассчитанная на производство для рынка, вызывает к жизни особо тяжелые формы эксплуатации и приводит к дальнейшему усилению крепостного права. Развивая доменальное хозяйство за счет крестьянского, барщинная система вела последнее к истощению и понижала жизненный уровень крестьянства. Но и рост денежной ренты тяжело ложился на крестьянство и усиливал его дифференциацию.

По-видимому, вторая половина XIII и начало XIV в. были временем наивысшего развития феодальной эксплуатации английского крестьянства, временем наивысшей

нормы и массы феодальной ренты, выступающей в отработочной и в денежной формах. Рост феодальной эксплуатации стал истощать крестьянское хозяйство и тем самым подтачивать производительные силы феодального общества, подрывая условия для воспроизводства рабочей силы.

Между феодалами и крестьянами усиливается (не прекращавшаяся и ранее) борьба за прибавочный продукт. Эта длительная борьба, проявлявшаяся в разных формах, нашла наиболее яркое выражение в восстании 1381 г., которое дало четкую формулировку крестьянских требований. Требования эти носили прогрессивный характер, так как они были направлены против тех препятствий, которые феодализм, особенно в форме возрожденной и усиленной барщинной системы, ставил на пути развития производительности крестьянского хозяйства — главной основы всего общественного производства той эпохи. Требования, выставленные крестьянами, были в той или иной мере осуществлены в XV в. Почти повсюду исчезло крепостное право, барщинная система уступила место денежной ренте, причем последняя была фиксирована на сравнительно низком уровне; доменальные земли феодалов были в основном присоединены к крестьянским хозяйствам за уплату денежной ренты.

Падение доменального хозяйства и отработочной ренты было вызвано не только прямой борьбой крестьянства, но и рядом условий, которые делали эту систему хозяйства невыгодной, — низкой производительностью подневольного труда, конкуренцией крестьянских, особенно крупнокрестьянских, а также и мелкопоместных хозяйств, эксплуатирующих наемный труд малоземельного крестьянства.

По-видимому, решающим периодом в падении доменального хозяйства и барщинной системы были последние десятилетия XIV и начало XV в. С этого времени можно говорить о полном господстве денежной ренты.

Установление окончательного господства денежной ренты протекало в условиях, невыгодных для ее получателей. Оно было в значительной степени вынужденным и развивалось в обстановке подъема народного движения, что заставляло феодалов быть более сговорчивыми. Ликвидация доменального хозяйства сильно увеличила предложение земельных участков. Все это привело к фиксации ренты на сравнительно низком уровне. Падение крепост-

ной зависимости и принудительной связи крестьян с землей было также благоприятным для крестьян условием в борьбе за снижение уровня ренты. Снабжение рынка продуктами сельского хозяйства сосредоточивается в основном в руках самостоятельных хозяев — крестьян, уплачивающих за свою землю сравнительно невысокую денежную ренту.

Значительность перемен, которые происходили в английской деревне в XIV—XV вв., их последствия для феодалов и крестьян, та обстановка обостренной классовой борьбы, в которой эти перемены происходили, позволяют говорить о критическом, переломном моменте в развитии феодализма, предшествующем периоду его разложения.

Несмотря на ряд явлений упадка, характеризующих феодализм в Англии XIV—XV вв., как, например, упадок доменального хозяйства, возможное замедление роста населения и даже временное его сокращение, политические смуты, феодальные войны и т. д., этот перелом в целом носил прогрессивный характер, так как в результате его был устранен ряд препятствий, которые феодальный строй ставил на пути дальнейшего развития производительных сил английского общества. Этот перелом не был еще крушением феодальной системы, которое наступило гораздо позднее, во время буржуазной революции. Он не может быть отнесен к «эпохе первоначального капиталистического накопления»: в нем складываются лишь предпосылки этого процесса. Критический период XIV—XV вв. всецело относится еще к эпохе господства феодализма, но знаменует начавшийся его спад после наивысшей точки развития, достигнутой в XII—XIII вв.; он привел к временному улучшению положения феодально-зависимого крестьянства.

Феодальное общество переживает в XIV—XV вв. перелом не только в области аграрных отношений, но и в сфере промышленности, государственного строя, права, религии, культуры. Тема о смене форм феодальной ренты в Англии, о ее росте и упадке — весьма широкая тема, захватывающая все стороны общественной жизни этой эпохи. Мы могли коснуться здесь лишь некоторых, основных вопросов этой темы.

БЫЛИ ЛИ XIV И XV ВЕКА ВРЕМЕНЕМ УПАДКА ЕВРОПЕЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ?

По поводу доклада

на X Международном Конгрессе историков:
«Европейская экономика в течение двух последних столетий
средневековья» *

На X Конгрессе историков в исторической науке Запада выявилась тенденция, в которой, пользуясь выражением автора заключительного доклада по проблемам истории средних веков проф. Веркаутерена, виден отказ от понимания истории как простого изложения событий, «*histoire purement événementielle*», «*l'histoire historisante*». «Все более распространяется убеждение, — говорит он, — что нет науки, кроме науки об общем»¹. Это значит, что в среде западных историков все более усиливается стремление видеть в истории человеческих обществ закономерный процесс, который требует научного изучения, стремящегося к раскрытию законов исторического развития.

Вместе с тем не раз отмечался особый интерес, проявленный X Конгрессом (как, впрочем, уже и IX Конгрессом) к вопросам социальной и экономической истории. Несомненно, между этими двумя тенденциями существует внутренняя связь. В области экономической истории закономерность развития может быть выявлена яснее и отчетливее, чем в надстроечных явлениях политической или культурной истории. Сознание большой и даже определяющей роли экономики в жизни человеческих обществ и че-

* Опубликовано: «Средние века», вып. X, 1958.

¹ F. Vercauteren. Rapport général sur les travaux d'histoire du Moyen âge dès 1945 à 1954. — «Comitato Internazionale di Scienze Storiche. X Congresso Internazionale di Scienze Storiche. Relazioni», vol. VI. Firenze [s. a.], p. 163.

ловечества в целом все больше проникает в ученую среду, даже очень далекую от принятия исторической концепции марксизма.

Это обстоятельство уже не раз заставляло некоторых зарубежных историков выражать опасения, как бы экономическая история не объявила себя «царицей науки». Такие опасения высказывались на Конгрессе и вне его (см., например, речь проф. Баттерфилда на юбилейной сессии Британской исторической ассоциации в январе 1956 г.)².

Экономическая история имеет возможность шире пользоваться более точными методами исследования, чем другие области исторического знания. В частности, в ней гораздо более широкое применение находит статистический метод. Отмечался также возрастающий интерес западных историков-экономистов к жизни не только господствующих классов, но и «большинства населения», т. е. трудящихся масс³, что выдвигает перед исследователем ряд новых задач, правильная постановка которых может подвести его к научному познанию истории. Все это свидетельствует о возрастающей потребности в обобщающих работах в области истории вообще и экономической истории в частности.

Первая половина XX в. была для исторической науки Запада временем преобладания скорее критики, чем положительного творчества, скорее деструктивных, чем конструктивных тенденций. Работа историков-экономистов была направлена главным образом на опровержение построений либерально-позитивистской школы, господствовавшей во второй половине XIX в., и на бесплодную борьбу с марксизмом (обычно ложно понятым). В этом нашли свое отражение характерные явления эпохи империализма — кризис либерализма и обострение классовой борьбы. На смену позитивистским конструкциям пришло неверие в закономерность исторического процесса и в самое историю как науку. Не было недостатка в попытках, вернее,

² См. «The Historical Association. Jubilee Addresses 1956». London, 1956, p. 23.

³ M. Mollat, M. Postan, P. Johansen, A. Saporì, Ch. Verlinden. L'économie européenne aux deux derniers siècles du Moyen âge.— «Comitato Internazionale di Scienze Storiche. X Congresso Internazionale di Scienze Storiche. Relazioni», vol. VI, p. 818.

призывах к «синтезу», но не они представляли главное направление исторической науки Запада, которая все более уходила в область специальных, локальных исследований, в изучение индивидуального, а не общего, в поиски исключений, а не правил.

Нельзя отрицать пользы, принесенной специальными исследованиями этой эпохи: они расставили знаки вопроса, требующие ответа, они содействовали накоплению огромного количества новых фактов и привлекли много новых источников. Но они не могли и обычно не стремились удовлетворить тех, кто спрашивал себя: зачем нужна эта колоссальная работа, если история не может стать наукой? И в наши дни научная мысль многих историков Запада начинает искать в нагромождаемых без системы фактах возможности установления новых, еще не совсем ясно обозначившихся связей и построения новых конструкций.

Следует отметить также проявившийся на IX и на X Конгрессах особый интерес современных историков к вопросам средневековой экономики. Этот интерес может быть прослежен и дальше в глубь десятилетий. В этой области разыгрывались наиболее знаменательные научные битвы уже в XIX и начале XX в. Здесь собрался большой клубок требующих разрешения вопросов. Здесь же мы наблюдаем, пожалуй, наиболее значительный рост вовлеченного в научный оборот фактического материала.

Молодая марксистско-ленинская медиевистика в Советском Союзе и за его пределами посвятила немало труда изучению экономической истории средневековья, в том числе и западного ⁴.

Это изучение шло в тесной связи с теоретической разработкой проблем средневековой экономики. Теоретические проблемы феодальной экономики были предметом дискуссии, организованной журналом «Вопросы истории» в 1953—1955 гг. вокруг темы об основном экономическом законе феодальной формации. Эта дискуссия нашла отражение и за границами Советского Союза. Независимо от вопроса, дала ли эта дискуссия правильное разрешение поставленной задачи — формулировать основной экономи-

⁴ Е. А. Косминский. Основные проблемы западноевропейского феодализма в советской исторической науке. — «X Международный конгресс историков в Риме. Доклады советской делегации». М., 1955.

ческий закон феодальной формации, — она содействовала выяснению характерных черт феодализма и поставила перед историками ряд новых задач, требующих дальнейшего анализа. Немалое научное значение имела проведенная рядом историков и экономистов Англии, Франции, Америки, Японии, Польши и других стран дискуссия о переходе от феодализма к капитализму ⁵.

Вполне понятно, что доклады на X Конгрессе, суммирующие большую работу, проделанную западными учеными в области экономической истории средних веков, и предлагающие известные выводы и обобщения из этой работы, привлекут особое внимание советских медиевистов.

Одним из самых интересных докладов, представленных X Конгрессу, был коллективный доклад под названием «Европейская экономика в течение двух последних столетий средневековья». Авторами доклада являются известные западные историки-экономисты М. Молла (Лилль), М. Постан (Кембридж), П. Иогансен (Гамбург), А. Сапори (Флоренция и Милан), Ш. Верлинден (Гент) ⁶. Надо, конечно, помнить, что последними столетиями средних веков считаются здесь четырнадцатое и пятнадцатое, согласно принятой на Западе периодизации.

Эта тема была намечена как очередная уже на IX Конгрессе историков в Париже (1950) и усиленно разрабатывалась между двумя Конгрессами. Она является одной из основных тем в вышедшем в 1952 г. втором томе «Кембриджской экономической истории». Наиболее яркое выражение в смысле постановки проблемы и теоретических выводов она получила в статье известного кембриджского историка-экономиста проф. М. Постана «Экономические основы средневекового общества» ⁷.

⁵ См. M. Dobb. *Studies in the Development of Capitalism*. London, 1947. Ряд статей собран в книге «Transition from Feudalism to Capitalism». A Symposium by P. M. Sweezy, H. K. Takahashi, M. Dobb, R. Hilton, C. Hill. London, 1954. Статьи на ту же тему печатались в «Annales», «Science and Society», «Kwartalnik Historyczny» и других журналах.

⁶ M. Mollat, M. Postan, P. Johansen, A. Saporì, Ch. Verlinden. *L'économie européenne aux deux derniers siècles du Moyen âge*. — «Relazioni», vol. VI, p. 801—957 (в дальнейшем при ссылках на доклад указываются только страницы в «Relazioni», vol. VI).

⁷ M. Postan. *Die wirtschaftlichen Grundlagen der mittelalterlichen Gesellschaft*. — «Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik», 1954, August.

Тема об европейской экономике XIV—XV вв. не случайно выдвинулась на первый план в работах западных историков-экономистов. С ней связан ряд важнейших проблем теоретического характера. Несомненно, экономика этой эпохи имеет большой интерес и для историков-марксистов, как это показала, между прочим, дискуссия по вопросу о переходе от феодализма к капитализму.

Но в трактовке буржуазных историков эта тема приняла своеобразный характер. Лежащий в ее основе вопрос может быть самым кратким образом формулирован так: «Были ли XIV и XV вв. временем упадка европейской экономики, лежащим между двумя периодами расцвета?» С разрешением этого вопроса у новейших историков-экономистов связывались большие надежды теоретического характера. Положительный ответ на него должен был испровергнуть гипотетические построения либеральных историков XIX в., сторонников идеи прогресса, которые видели в истории Европы от падения Римской империи до XIX в. непрерывно восходящую линию развития. В этом пытались найти и аргумент против марксизма, для которого якобы характерна идея фатального и автоматического развития человечества по пути прогресса⁸. Нечего и говорить, что марксизму такая идея совершенно чужда. К тому же идея прогрессивного развития человеческой истории нисколько не зависит от того, были ли XIV и XV вв. в истории Европы временем экономического подъема или упадка. Периоды временного и даже долговременного упадка и застоя, гораздо более тяжелые и несомненные, чем то, что некоторые историки находят в Европе XIV—XV вв., — слишком хорошо известное явление в истории человечества, и, однако, последнее, пользуясь сравнением проф. Поста, не находится в 1956 г. на том же уровне, что в 956 г. Но если оставить в стороне этот общий вопрос, то для истории Европы, и особенно Западной Европы, данная тема, несомненно, представляет большой интерес; ряд теоретических сторон этого вопроса не затрагивался разрабатывавшими его историками-немарксистами. Поставившим эту тему историкам надо было разрешить две тесно связанные задачи: 1) на основании изучения материала источников показать, что упадок действительно имел место, и определить его размеры; 2) объяснить этот упадок.

⁸ M. Postan. The Rise of a Money Economy. — «Economic History Review», vol. XIV, № 2, 1944.

Но, приступая к рассмотрению путей, выбранных для разрешения этих задач, мы сразу же наталкиваемся на важное расхождение между историками-марксистами и немарксистами в самых основных вопросах понимания исторического процесса. Говорили, что расхождения, бывшие на Конгрессе между марксистами и немарксистами, часто сводились к расхождениям в терминологии и что здесь вполне возможен простой «перевод»⁹. Такие случаи бывали, но чаще за терминологическими различиями оказываются глубокие принципиальные разногласия. Еще чаще за одинаковыми терминами скрываются далеко не одинаковые концепции. Если мы хотим понять друг друга, а мы хотим этого, нельзя пройти мимо этих расхождений.

Прежде всего, о чем трактует доклад, посвященный «Европейской экономике» XIV и XV вв.? Что надо здесь понимать под экономикой? По-видимому, основным показателем развития экономики для авторов доклада представляется развитие международной торговли. Из предварительных замечаний в начале доклада явствует, что сначала авторы думали ограничиться изучением международной торговли, в которой они видят наиболее полное проявление уровня экономики в целом (*un symptôme complet de l'économie générale*). Потом эта тема была расширена, и для ее изучения были рассмотрены и другие явления экономической жизни¹⁰. Но какие же это стороны? Их круг очертил проф. Постан в упомянутой статье в «Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik». Это — изменения в количестве населения, в площади, занятой под обработку земли, в технике производства и в «общих тенденциях развития хозяйства» (под последним понимается «общее развитие цен и продукции»). Эти явления представляют неразрывное единство и могут изучаться «без необходимости предварительно договориться о функциях правовых и социальных институтов и о взаимоотношениях классов». Таким образом, предметом того, что здесь разумеется под термином «экономика», является в основном рост населения, производительных сил и обмена,

⁹ «The Tenth International Congress of the Historical Sciences. Rome 1955» (Editorial). — «Past and Present», 1955, № 8, p. 85.

¹⁰ Надо, впрочем, сказать, что вопросы международной торговли остались в центре интересов авторов доклада, хотя нельзя не согласиться со словами Постана, что торговля не была главным занятием средневекового человека.

причем остаются в стороне производственные отношения. Для марксистской науки производительные силы и производственные отношения составляют единство, образующее способ производства. Производственные отношения оказывают огромное влияние на развитие производительных сил, либо стимулируя, либо тормозя их рост.

С точки зрения марксизма, каждое явление общественной жизни может изучаться только в связи с господствующим в данном обществе способом производства. Конечно, большую важность для историка имеет установление самих фактов ускорения или замедления роста населения, занятия земли под обработку, изменений в технике производства, развития или упадка международной торговли, — изучение количественной стороны этих явлений, сведения их воедино по группам стран — и в этом значение большой работы, сделанной в последнее время западными историками-экономистами. Но едва ли возможно объяснение этих явлений без установления их связи с изменениями в базиса общества. Особенно это относится к XIV—XV вв. в истории Западной Европы.

Вслед за Дюпшем и Пиренном эти историки дают капитализму широкое и неопределенное толкование, связанное преимущественно с некоторыми признаками торгового капитала и не включающее основного условия капиталистического производства — превращения рабочей силы в товар¹¹. Поэтому они считают возможным говорить о «средневековом капитализме». С другой стороны, они отвергают марксистское понимание феодализма как особого способа производства, господствовавшего в средневековой Европе¹². Авторам чужда идея периодизации истории, основанной на смене господствующих типов производственных отношений.

Перед нами попытка построить новую периодизацию экономической истории Европы, исходя из показателей подъема и упадка экономики (в том значении, которое придают этому термину авторы доклада).

Перестройкой периодизации экономической истории средневековой Европы занимались уже Дюпш и Пиренн. Однако поднятые ими вопросы о ходе экономического развития раннего средневековья все еще остаются спорными

¹¹ См. «Relazioni», vol. VI, p. 878—879.

¹² Ibid., p. 953.

в науке Запада. Интересы западных историков-экономистов переместились на более позднюю эпоху, где наличие материалов, часто допускающих статистическую обработку, обещает более точные результаты.

Впрочем, авторы доклада с должной осторожностью относятся к цифрам, извлекаемым из средневековых источников. Они отмечают разнородность этого материала, отрывочный характер большей его части, исключительную пестроту мер, весов, монетных единиц, соединяемую с необычайной пестротой и сложностью приемов счета, которые не всегда удается разгадать. Они отметили ненадежность даже, казалось бы, наиболее точных цифр в одних источниках, обнаруживаемую путем их сравнения с другими. Наконец, они отметили, что приводимые в средневековых источниках цифры редко дают прямой ответ на те вопросы, которые ставят современные исследователи, и требуют интерпретации. Все это заставляет в большинстве случаев отказаться от надежды на получение точных статистических данных из тех источников, которыми мы можем располагать, и позволяет рассчитывать лишь на приблизительные результаты, которые, однако, не могут быть получены никаким другим путем. Эти замечания, несомненно, правильны и могли бы быть еще более развиты и продолжены. Но они в то же время заставляют с сугубой осторожностью подходить ко всем ответам, основанным на цифровых выводах.

Авторы доклада не последовали принятому на Конгрессе образцу и не дали отдельных докладов на избранную ими тему. Их доклады объединены в один. Но во вводных замечаниях точно указаны принадлежащие каждому из них страницы и оговорено, что по некоторым вопросам мнения авторов, несомненно близких по своим методологическим воззрениям, не сходятся, а иногда даже прямо противоположны. Надо отметить, что и окончательные выводы построены очень осторожно и, пожалуй, неуверенно. Всячески подчеркивается их гипотетический характер, указывается на необходимость дальнейшей разработки как частных вопросов, так и общих проблем. Перед нами теория, еще не окончательно сложившаяся и находящаяся в процессе обсуждения и формирования.

К вопросу о новой периодизации истории средних веков авторы доклада подходят с большой сдержанностью. Они не говорят о периодах, а пользуются термином, полу

чившим в последнее время широкое хождение в исторической науке Запада, — «long term trends», «langfristige Trends», «phases de longue durée».

Этот еще не вполне определившийся термин обозначает долговременную фазу экономического развития, характеризующуюся определенной преобладающей тенденцией — в основном тенденцией к подъему или к упадку; такие фазы следует отличать как от катастроф, так и от кратковременных колебаний. В докладе речь идет о фазе экономического упадка, охватившего Европу в XIV—XV вв., точнее с 20-х годов XIV в. до последней четверти XV в. Эта «вековая» (séculaire) или даже полуторавековая фаза лежит между двумя фазами подъема, которые тоже можно охарактеризовать, как «long term trends», хотя пока не устанавливается их продолжительность. Первая из этих трех фаз идет во всяком случае от XI до XIII, или, точнее, до начала XIV в.; третья начинается с последней четверти XV в.¹³

Экономическое развитие Европы с XI до конца XV в. представляется с точки зрения этой теории в следующем виде. Время с XI до XIV в. характеризуется как время экономического подъема Западной Европы, несмотря на отдельные явления упадка. В это время наблюдается стремительный рост населения, расширяется площадь обработанной земли, развиваются города, возрастает продукция как сельского хозяйства, так и промышленности, наблюдается прогресс техники, усиливается внутренняя и внешняя торговля, растут цены.

С 20-х годов XIV в. (а может быть и ранее) начинается спад. Численность населения падает (эпидемии XIV в. не являются здесь основной причиной, а лишь усиливают начавшуюся раньше убыль). Обработанные земли частью забрасываются, города приходят в упадок, продукция сельского хозяйства и промышленности уменьшается, прогресс техники приостанавливается, сокращается торговля, особенно внешняя, падают цены. С последней четверти XV в. начинается новый подъем, сопровождаемый ростом цен.

¹³ Можно думать, что начало первой фазы относится (по крайней мере в Англии) к X в., конец последней — к середине XVII в. — См. M. Postan. *Italy and the Economic Development of England in the Middle Ages.* — «Journal of Economic History». New York, vol. XI, № 4, 1951; а то же. *The Rise of a Money Economy.* — «Economic History Review», vol. XIV, № 2, 1944.

Упадок наступает постепенно и не имеет катастрофического характера. Так же постепенно он изживается. Упадок не означает бедствия для населения — значительные его группы могли в это время даже повысить свое благосостояние.

В общем улучшили свое положение наемные рабочие и крестьянство, пострадали крупные землевладельцы. Фаза упадка не во всех странах приходилась на одни и те же годы, не везде она проявилась с одинаковой силой. Отдельные случаи подъема носили мелкий, скоропреходящий и локальный характер.

Большая часть доклада посвящена проверке этих положений на основании новых специальных исследований. Очень большая работа, приведенная в этой области, все еще оставляет много недостаточно обследованных вопросов. Доклад указывает, в каких направлениях необходимо продолжать и углублять начатые исследования и вести новые.

Изложение материала, на котором проверяется вопрос об упадке европейской экономики в XIV—XV вв., ведется в двух планах. Сначала идет рассмотрение отдельных отраслей производства и торговли, потом, в виде заключения, рассматривается экономика отдельных стран Европы.

На IX Конгрессе 1950 г. преобладало мнение, что время со второй четверти XIV в. до последней четверти XV в. характеризовалось приостановкой экономического развития Европы. В течение истекшего между IX и X Конгрессами периода это мнение, в общем, продолжало преобладать в западной науке, но даже и теперь, как признают авторы доклада, здесь гораздо больше проблем и гипотез, чем твердо установленных фактов. Процесс экономического развития Европы в это время отличался крайней сложностью, и лишь в результате сопоставления противоречивых фактов можно составить себе общее мнение о «господствующей тенденции». Неясны хронологические рамки упадка — некоторые исследователи относят его начало еще к последним десятилетиям XIII в. (даже к его середине) некоторые продолжают его до начала XVI в. Упадок охватывал не все страны Европы, и в тех, на которые он распространился, он сказался не в одинаковой степени. Его проявления были неодинаковы в различных районах каждой страны, в разных отраслях экономической деятельности. Нередко он сменялся частичными кратковременными

и локальными подъемами. В ряде случаев упадок старых традиционных центров промышленности и торговли означал лишь переход промышленности и торговли к новым центрам, иногда из города в деревню; упадок одной из отраслей промышленности иногда компенсировался развитием другой, родственной (например, местами наблюдалось вытеснение производства дорогих сортов сукон производством более дешевых сортов, а также бумажных и льняных тканей). Упадок старых путей нередко был связан с переходом к новым, более выгодным в смысле расходов на транспорт, на пошлины и т. д.

2) Таким образом, признание факта депрессии приходится сопровождать рядом весьма существенных оговорок. Дело осложняется еще тем, что соответствующие вопросы разработаны весьма неравномерно, и что в ряде случаев приходится судить на основании предположений или недостаточного и случайного материала.

Надо сказать, что рассмотрение этой проблемы по странам еще более усиливает впечатление неуверенности и вызывает вопрос: можно ли в самом деле говорить об упадке или хотя бы застое как о преобладающей тенденции в экономике Европы XIV—XV вв., даже если понимать экономику так узко, как ее понимают авторы доклада?

По отношению к странам Восточной Европы, по-видимому, даже не ставится вопрос об упадке в «последние столетия средневековья». Занимаясь преимущественно вопросами внешней торговли стран Северо-Восточной Европы (Россия, Швеция, Финляндия, Ливония, Польша), автор этого раздела (Йогансен) не отмечает явлений упадка.

Сложнее обстоит дело с Германией. Раздробленность национальной экономики мешает установлению единых этапов развития и определению общей его тенденции. Автор думает, что развитие экономических районов Германии определялось главным образом сельским хозяйством, а не промышленностью и торговлей. На севере и востоке Германии, несмотря на замедление колонизации и частичное запустение земель (Wüstungen), наблюдается достаточное производство зерна, чтобы поддерживать экспортную политику Ордена и Ганзы. Можно думать, что здесь депрессия не была значительной. Автору кажется, однако, что некоторые явления, как, например, последствия «Черной смерти», часто преувеличивались исследователями. В общем об экономике Германии этого периода приходится судить

лишь по некоторым районам. Автор думает, что и в Германии имели место явления депрессии, но они могли протекать несколько иначе, чем в странах Запада. Расцвет южногерманских городов кажется здесь стоящим в резком противоречии с развитием экономики остальных районов (некоторые исследователи полагают, что этот расцвет надо отнести к несколько более позднему времени). В целом в отношении Германии вопрос не получает окончательного решения и требует еще большей исследовательской работы.

Выпадает из общей картины экономического упадка Италия. Здесь во второй половине XIV в. наблюдается ряд явлений депрессии, вызванных «Черной смертью», потерей или перемещением некоторых рынков, войнами и общей депрессией в Западной Европе, но во всяком случае здесь нельзя говорить об общем упадке экономической деятельности. Италия быстро восстанавливает свои потери, и Кватроченто является временем нового расцвета ее экономики.

Вопрос о сельскохозяйственном производстве и хлебной торговле пока еще лишь поставлен, но совсем не разработан. В области текстильной промышленности не видно падения, а лишь частичное перемещение индустрии в деревню, переход к изготовлению других сортов тканей; частично распространяются новые отрасли текстильной индустрии (шелк).

В XV в. новых успехов достигает банковое дело. Итальянский денежный капитал стимулирует развитие хозяйства в других странах, в частности в странах Пиренейского полуострова.

Нет достаточных оснований говорить об упадке или депрессии в экономике другой передовой страны Европы — Нидерландов. Проф. Верлинден думает, что по отношению к Нидерландам необходимо пересмотреть теории о полной и продолжительной депрессии. Признавая недостаточную изученность вопроса в целом, он указывает на ряд явлений, не подходящих под характеристику общего упадка. И здесь то, что кажется упадком, на самом деле было перемещением экономической деятельности в другой район или в другую отрасль или перемещением рынка. Упадок старых центров компенсируется ростом новых. Верлинден полагает, что нельзя допустить возможность общего упадка накануне величайшего в истории страны экономического

подъема. Не поможет даже гипотеза о восстановлении хозяйства в середине XV в., если допустить, что это восстановление следовало за вековым упадком.

Нет оснований говорить об общем «вековом» упадке и в Пиренейских государствах. Проф. Верлинден обращает особое внимание на наблюдающуюся в Пиренейских государствах в XV в. — где раньше, где позже — тенденцию к понижению цен. Главную причину этого он видит во внутренних условиях — в росте населения, в развитии промышленности и торговли, наконец, в постепенном увеличении количества находящейся в обращении серебряной и золотой монеты. Происходившие в это время экономические перемены были благоприятны для получателей заработной платы, но невыгодны для крупного землевладения. Но все это не дает основания для характеристики этой эпохи как времени упадка.

Таким образом, характеристика XIV—XV вв. как времени упадка или хотя бы застоя экономики оказывается неприменимой или крайне сомнительной по отношению к большей части стран Европы. В конце концов эта характеристика остается как будто бы только за двумя странами — за Францией и за Англией. ⑤

Признаки депрессии и упадка во Франции несомненны. Но надо помнить, что ни одна страна в Европе, если не считать Византийской империи, не подвергалась в XIV—XV вв. таким опустошениям, как Франция. Нетрудно также видеть, что явления упадка всего отчетливее выступают в тех районах, которые были всего больше затронуты войной. Но и для Франции приходится говорить об упадке в «конце средних веков» лишь с большой осторожностью. Указав на крайнюю пестроту в движении цен, запутанность монетной системы, краткосрочные колебания в области экономики, различные в разных ее отраслях и в разных районах, проф. Молла отмечает, что «трудные времена» начались во Франции еще в XIII в. и выражались в смене ряда явлений упадка и «восстановления» под влиянием различных причин, коренящихся в области сельского хозяйства, монетного обращения, в политических условиях. Общий подъем во всех отраслях экономической жизни начался лишь с последних десятилетий XV в. «Сначала пестрота, потом общность развития». В этом автор усматривает переход от дробной и локальной к «открытой» экономике.

Таким образом, и здесь трудно говорить об общей долговременной тенденции, хотя ряд явлений упадка, несомненно, налицо. Но не определяются ли они главным образом политическими условиями (Столетняя война и внутренние столкновения)?

В сущности, классической страной экономического упадка в XIV—XV вв. остается как будто бы только Англия. Надо сказать при этом, что на Англию приходится наибольшее количество источников по истории средневекового хозяйства, в значительной части допускающих статистическую обработку, что Англия обладает единственными в европейской науке обработанными данными по истории цен и заработной платы и что самый вопрос об экономическом упадке здесь подвергнут наиболее тщательному исследованию благодаря главным образом трудам известного историка-экономиста М. Постана и его школы. Но все же и здесь остается немало гипотетического и спорного.

В основных чертах экономика Англии XIV—XV вв. рисуется проф. Постаном в следующем виде.

Рост населения, очень быстрый с XI в., начинает замедляться уже с середины XIII в. (как полагает Рассел, на которого ссылается проф. Постан в вопросах демографии)¹⁴; с 20-х годов XIV в. можно говорить о сокращении населения. Ряд эпидемий, начинающихся с «Черной смерти» 1348—1349 гг. и повторяющихся во второй половине XIV и начале XV в., значительно уменьшает население Англии. Новый рост начинается не ранее середины XV в., и его результаты делаются заметны лишь с последней четверти этого века.

Важнейшим последствием убыли населения является сокращение площади обрабатываемой земли (выросшей до предела в течение предшествующего периода). Это — важнейший симптом упадка, поскольку сельское хозяйство является основой экономики Англии, как и других стран средневековой Европы. Сокращению подвергается продукция не только земледелия, но и скотоводства. Это сокращение не было народным бедствием, поскольку общая площадь культурной земли и размеры сельскохозяйственной продукции на душу населения могли не падать и даже возрастать.

¹⁴ J. C. Russell. British Medieval Population. Albuquerque, 1948.

Важным показателем сокращения объема сельскохозяйственной деятельности являлось падение цен на продукты питания в 20-х годах XIV в., сменившее их рост, наблюдавшийся в течение предшествующего периода¹⁵.

Упадок численности населения привел к нехватке рабочей силы и к соответствующему возрастанию заработной платы наемных рабочих.

По-видимому, улучшило свое положение и крестьянство; проф. Постан считает XV в. если не «золотым», то «серебряным» веком для крестьян. Но доходы крупного феодального землевладения значительно упали.

В связи с сокращением производства сужается и внешний рынок. Вывоз шерсти, главного предмета английского экспорта, стремительно падает и не компенсируется вывозом сукна, который, правда, сильно возрастает в конце XIV в., но не обнаруживает постоянной тенденции к повышению в XV в. Вообще значение роста сукноделия, по мнению Постана, не следует преувеличивать; оно давало заработок лишь незначительному проценту населения. Не видно усиления и в других статьях английского экспорта, а в некоторых случаях наблюдается его сокращение. По мнению Постана, нет оснований предполагать, что падение экспорта компенсировалось ростом внутреннего рынка; сокращение населения, упадок городов (кроме Лондона, Бристоля и Саутгемптона) и многих деревень делают это предположение мало вероятным. Новый подъем хозяйственной деятельности начинается лишь с 70-х годов XV в.

Приведя в доказательство наличия экономической депрессии в Англии XIV—XV вв. значительный арсенал указаний источников и соображений теоретического характера, Постан все же оговаривается, что считает общую конструкцию гипотетической и требующей дальнейшей разработки.

Авторы доклада ставят вопрос о том, каковы причины, вызвавшие сложный комплекс явлений, который они в общем определяют как упадок экономической деятельности в Европе XIV—XV вв. Авторы доклада признают множественность причин, но стараются доискаться основ-

¹⁵ Надо припомнить, что проф. Верлинден считает падение цен в странах Пиренейского полуострова в XV в. результатом роста населения, развития промышленности и торговли, увеличения количества драгоценных металлов в обращении.

ной. Политические причины и прежде всего войны, в частности Столетняя война, играли известную роль, особенно, например, в упадке морской торговли, но авторы не решаются отнести их к основным причинам общего упадка. Не считают они удачными попытки объяснить этот упадок падением цен на сельскохозяйственные продукты и ростом цен на промышленные товары. Мало вероятным кажется им объяснение упадка кризисом международного рынка драгоценных металлов. Авторы доклада, особенно проф. По-стан, находят основную (но не единственную) причину упадка и объяснение его характерных особенностей в демографическом факторе — в убыли населения Европы в данную эпоху. Как было сказано, эту убыль не объясняют больше опустошениями, вызванными эпидемиями, свирепствовавшими в Европе с середины XIV до начала XV в. Эти эпидемии усилили процесс, начавшийся раньше, может быть, с середины XIII в., и их опустошающая сила объясняется тем, что они обрушились на население, уже находившееся в процессе упадка. Но в таком случае, чем же объясняется остановка и замедление прироста населения, а потом и его сокращение? Проф. Постан считает здесь возможным «мальтузианское» объяснение, «Природа наказывает людей за предъявляемые к ней чрезмерные требования». Быстрый рост населения в XI—XIII вв. привел к перенаселению, к «давлению населения на землю». Рост средств существования отставал от роста населения, что приводило к понижению жизненного уровня большей части населения, к приостановке роста его численности, а потом и к убыли. Все это еще обострялось «кризисами XIV в.» — сериями голодных годов во втором его десятилетии, войнами, «Черной смертью» и последовавшими эпидемиями. Убылью населения можно объяснять такие явления, как падение цен, сокращение земли под обработкой, общее сокращение сельскохозяйственной продукции, уменьшение объема вывоза, рост заработной платы, упадок доходов крупного землевладения при сохранении и даже частичном улучшении положения и повышении жизненного уровня большинства или, во всяком случае, значительной части трудового населения. Созданное убылью населения равновесие между его численностью и средствами существования привело к новому хозяйственному подъему и вместе с тем к росту населения, сказавшемуся в последней четверти XV в.

Проф. Постап отрицает связь устанавливаемых им для средних веков «long term trends» с идеей цикличности. Но все же такая связь существует¹⁶.

Впрочем, необходимо повторить, что авторы доклада, и особенно проф. Постап, настойчиво подчеркивают гипотетический характер своих выводов и необходимость дальнейшей разработки вопроса.

Мы также думаем, что решение вопроса о том, можно ли охарактеризовать основную «тенденцию» в экономической истории Европы в XI—XV вв. как тенденцию упадка или хотя бы застоя и каковы были действительные причины тех явлений депрессии, которые мы несомненно наблюдаем в это время, может быть получено лишь на основе дальнейшей разработки материала источников, которая еще, в сущности, лишь начата. Но в то же время нам кажется, что одновременно с этим следует ставить ряд вопросов общего характера, которые помогут определить направление исследовательской работы. Только такое значение имеют мои дальнейшие замечания.

Я останавлиюсь главным образом на вопросах, связанных с «упадком» экономики Англии, который, судя по итогам, подведенным в докладе, выступает в наиболее отчетливо выраженной и завершенной форме и при всем разнообразии местных условий обнаруживает более единообразные черты для всей страны. К тому же здесь он лучше всего изучен.

Нам приходится вернуться к поставленному в начале нашей статьи вопросу: можно ли рассматривать явления упадка в экономике Европы XIV—XV вв. вне связи с историческими судьбами господствовавшего тогда способа производства, с переменами в распределении и характере собственности, с взаимоотношением классов и классовой борьбы? Не является ли то, что рассматривается как упадок, в действительности показателем прогресса, который всегда совершается как упадок старого и рост нового?

¹⁶ В уже упоминавшейся статье «The Rise of a Money Economy» Постап устанавливает последовательную смену периодов подъема и упадка в экономической истории средневековой Англии: подъем в англосаксонский период, упадок в XI в.; подъем в XII—XIII вв., упадок в XIV—XV вв.; подъем в XVI в., упадок или замедление темпов роста в середине XVII в. В другой статье («Italy and the Economic Development of England in the Middle Ages») проф. Постап считает всю эпоху X—XIII вв. временем подъема.

Если подходить к вопросу с этой точки зрения, то в XIV—XV вв. в экономической жизни Англии происходят процессы, которые мы не можем расценивать иначе как прогрессивные: упадок крепостнически-барщинного строя и вилланства, упадок господского хозяйства феодалов, вытеснение отработочной ренты денежной, которая уже является формой разложения феодальной ренты; с этим связывается общее падение дохода землевладельцев-феодалов; большая часть земли переходит в «свободную собственность» (в условном смысле) крестьянства, в среде которого все больше развивается товарное хозяйство, усиливается дифференциация и складываются предпосылки для развития впоследствии капиталистического фермерства. Все это перед нами выступает при этом прогрессивная роль крестьянства, постепенно захватывающего рынок для сельскохозяйственных продуктов и ведущего упорную борьбу с феодальной эксплуатацией; XIV—XV вв. — классическая эпоха больших крестьянских восстаний, имевших, несомненно, прогрессивный характер.

Можно ли рассматривать эти процессы как побочный продукт сокращения населения и вызванных им таких явлений, как падение цен на пшеницу и рост заработной платы сельскохозяйственных рабочих, и включать все это в общую картину упадка экономики?

Да и самая убыль населения (в исчислении ее размеров и хронологии все еще доминируют гипотезы и предположения) может ли найти объяснение вне связи с распределением собственности и господствующими формами эксплуатации? Если действительно задолго до «Черной смерти» стал приостанавливаться рост населения (в результате растущей нужды), то объясняется ли это только «перенаселением» и «давлением населения на землю», или также усилением феодальной эксплуатации, отнимавшей у крестьянства все большую долю производимого им продукта?

Можно ли говорить о перенаселении Европы к концу XIII — началу XIV в. (или еще ранее)? Нам это представляется сомнительным. Прежде всего сомнителен необычайно быстрый рост населения в XII—XIII в. Для Англии — единственной страны, для которой имеется большой статистический материал относительно XI в., — большинство исследователей исчисляло этот рост неправильно. Здесь основным путем исследования является сравнение цифр

«Книги Страшного суда» 1086 г. с цифрами источников XIII и первой половины XIV в. Но этот метод далек от точности, особенно потому, что предметом сравнения является лишь число земельных наделов, а число живущих на наделах лиц остается неизвестным. Рост населения с 1086 до 1348 г. исчисляется разными исследователями по-разному. В книге Рассела население Англии в 1086 г. определяется в 1100 тыс., а в 1348 г. — в 3700 тыс., т. е. население увеличивается за это время в 3,36 раза. Эти цифры более чем сомнительны. Средний размер вилланского надела в «Книге Страшного суда» можно определить примерно в 3 боваты. В источниках XIII в. средний размер вилланского держания равен примерно $\frac{3}{4}$ виргаты (полтора боватам), т. е. вдвое меньше, чем в «Книге Страшного суда». Конечно, это вычислено крайне условно, принимая во внимание различие в значении термина «виллан» и в способе исчисления наделов в источниках XI и XIII вв. Но при всем том можно сказать, что вилланский надел в XIII в. был значительно меньше, чем в XI в. В «Книге Страшного суда» встречаются вилланские наделы в полный плуг, т. е. в 4 виргаты, между тем как в «Сотенных свитках» XIII в. вилланские наделы выше виргаты представляют незначительный процент. Весьма вероятно, что в эпоху «Книги Страшного суда» в среде вилланства распадение «большой семьи» еще не достигло завершения, между тем как в XIII в. этот процесс уже закончен или почти закончен. Во всяком случае большой надел XI в. предполагает и большее население. Между тем Рассел исчисляет население по числу земельных наделов, пользуясь и в том и в другом случае одним «коэффициентом» — 3,5, который для «Книги Страшного суда» безусловно является весьма заниженным. К тому же процент мелких наделов в «Книге Страшного суда» много меньше, чем в памятниках XIII в., и можно предполагать, что на коттерском наделе населения было меньше, чем на виргате или полувиргате.

Насколько выросло население с XI в. по начало XIV в., определить трудно и еще труднее определить, насколько рост культурной земли отставал от роста населения. Обилие мелких наделов в конце XIII в. еще не является достаточным доказательством возраставшей нужды: небольшие пахотные участки, особенно у свободных держателей, компенсировались иногда значительными пастбищными

правами, и притом среди мелких крестьян были развиты промыслы. Кроме того, мелкие крестьяне находили заработок в наемном труде. Во всяком случае крайне сомнительно, что население Европы в XIII в. выросло настолько, чтобы доступная для возделывания, распахки и колонизации земля не могла прокормить возросшего населения¹⁷.

Но последнее делается более правдоподобным, если мы учтем, какую часть крестьянского продукта поглощала растущая феодальная рента во всех ее видах, включая и церковные поборы и возросшее государственное обложение. Прибавим, что в XIII в., особенно в Англии, во многих местах усиливается наиболее тяжелый вид феодальной эксплуатации — барщина. Отмечаемое в это время некоторыми исследователями истощение почвы могло объясняться не столько «давлением населения на землю», сколько давлением феодальной эксплуатации (особенно в ее отработочной форме) на крестьянское хозяйство. При этом убыль населения в определенных пунктах (преимущественно в районах наибольшего развития крепостнической барщинной системы) могла связываться с бегством и переселением в города, в менее населенные районы, в новые центры деревенской промышленности.

Значит и демографический фактор (если он действительно играл ту роль, которую ему склонны приписывать) не может рассматриваться в отрыве от господствующих производственных отношений.

Нам кажется, что те явления «депрессии», о которых говорит Постан и другие исследователи, стоящие на его точке зрения, нельзя рассматривать отдельно от «социальных учреждений», т. е. от судеб господствующего феодального способа производства, переживающего в XIV в. в ряде европейских стран острый переломный момент. В чем же главная сущность этого перелома? В том, что изменились формы и методы эксплуатации, частью под влиянием общих экономических причин, частью же в результате крестьянского сопротивления, выступавшего в разных формах — от плохой работы на барщине до великих крестьянских восстаний. Взимаемая собственниками земли феодальная рента понизилась, значительная часть земли, занятой раньше под господское хозяйство, перешла в руки

¹⁷ Этот вопрос разбирался в нашей статье «Эволюция форм феодальной ренты в Англии в XI—XV веках». — «Вопросы истории», 1955, № 2; английский перевод в «Past and Present», 1955, № 7.

крестьян. Мы думаем, что не вымирание деревни, а ликвидация господского хозяйства и понижение феодальной ренты привели к улучшению положения крестьян и к росту простого товарного хозяйства, подготовившего почву для возникновения в дальнейшем капиталистических отношений. Сокращение населения (которое само едва ли может быть объяснено вне условий развития феодального способа производства) могло лишь обострять и видоизменять (не всегда одинаково) ход этого развития.

Имели ли при этом место явления упадка? Несомненно, имели. Упадок доменального хозяйства, т. е. крупного феодального сельскохозяйственного производства¹⁸, бедствия «Черной смерти» и других эпидемий, феодальная анархия, феодальные войны в условиях роста больших централизованных феодальных монархий могли вызывать ряд явлений упадка, в том числе и сокращение внешнего рынка.

Компенсировались ли они явлениями подъема в других сферах хозяйственной деятельности? В частности, можно ли думать, что сокращение внешнего рынка было компенсировано развитием внутреннего? Здесь очень трудно свести баланс, тем более что для внутреннего рынка мы не имеем сколько-нибудь точных цифр, да и для внешнего рынка цифры, считавшиеся прежде точными, ныне заподозрены¹⁹.

Такие явления, как упадок крупного феодального хозяйства, которое уже в значительной части строилось в расчете на рынок, сокращение доходов господствующего класса, феодальная анархия, упадок некоторых городов, сокращение населения, как будто бы говорят не за рост, а за сокращение и внутреннего рынка. Но, с другой стороны, рост доходов некоторых групп, если не всего крестьянства, развитие промышленности в деревне, переход почти всей феодальной ренты в денежную форму, рост государственных налогов (тоже в денежной форме) — все это говорит о росте внутреннего рынка.

Может быть, следовало бы раньше поставить другой вопрос: пришли ли в это время в упадок производительные силы и выросло или упало количество производимого продукта? Конечно, если исчислять это количество в общей

¹⁸ Впрочем, доменальное хозяйство не имело в то время значительных технических преимуществ над мелким хозяйством.

¹⁹ «Relazioni», vol. VI, p. 808—809.

сумме, то оно должно было упасть вместе с падением количества населения. Но если подсчитывать количество производимых благ на душу населения, то нет никаких оснований предполагать здесь упадок. Большинство исследователей допускает скорее рост. Особенно это вероятно в сельском хозяйстве, где малопроизводительный подневольный труд виллана-барщинника вытесняется трудом крестьянина-собственника (в условном смысле) и «наемного рабочего», получавшего сравнительно высокую заработную плату.

Мы не видим заметных технических улучшений в земледелии в это время. Но орудия сельскохозяйственного производства вообще мало изменялись в течение средних веков. В развитии производительных сил средневекового общества важнейшую роль играли люди, их производственные навыки, стимулы применения труда к земле и возможности такого применения. Можно думать, что эти стимулы и возможности должны были возрасти в хозяйстве свободных мелких товаропроизводителей. Те незначительные организационные и технические преимущества, которые в XII—XIII вв. создавались в крупном господском хозяйстве, в значительной степени парализовались понижением производительности подневольной работы.

Можно допустить, что количество шерсти, производившееся в Англии, на какой-то срок упало, и что вывоз сукна не вполне компенсировал своею стоимостью падение вывоза шерсти. Но если в XIV в. вывоз сукна, выраженный в денежных единицах, был ниже вывоза шерсти в середине XIV в., то все же именно в XIV—XV вв. было заложено начало английской суконной промышленности, рассчитанной на экспорт и сыгравшей такую крупную роль в развитии английского капитализма. Упадок средневековых городов часто говорит о перемещении промышленности в новые центры и начавшемся перерастании локального рынка в национальный. Упадок строительства церквей (если таковой имел место) и замков по сравнению с XII—XIII вв. может найти объяснение в общем оскудении класса феодалов. Что касается замедления в развитии техники, будто бы имевшего место в эту эпоху, то это вопрос очень сложный и методы доказательства, которыми пользуются сторонники этой гипотезы, представляются нам мало убедительными²⁰.

²⁰ См., например, S. Lilley. Men, Machines and History. London, 1948.

Так или иначе, английское общество после «упадка» XIV—XV вв. значительно отличалось от общества накануне этого «упадка». Это было еще феодальное общество, но с конца XV в. в нем уже начинался процесс «первоначального капиталистического накопления», подготовлялись предпосылки для развития капиталистических отношений и в области промышленности и в области сельского хозяйства. Этого достаточно для того, чтобы заключить, что, несмотря на те явления упадка, которые наблюдаются в XIV—XV вв., эти столетия не были в целом эпохой упадка или хотя бы приостановки в экономическом развитии Англии, а были временем, когда готовились решительные перемены, выдвинувшие Англию на первое место в процессе капиталистического развития Европы.

Характеристика экономики XIV—XV вв., основанная лишь на английском материале, еще не может дать ответа на вопросы, которые ставят перед нами судьбы экономики в других странах Европы в эту эпоху. Здесь еще предстоит большая работа. Но исследования последнего времени, итог которых дан в анализируемом докладе, уже в значительной степени поставили под вопрос самую теорию общеевропейского «упадка» экономики в XIV—XV вв. и во всяком случае не позволяют сделать из этой теории основу для новой периодизации европейской истории и тем более для опровержения концепции прогрессивного развития человечества.

РЕАКЦИОННАЯ ИСТОРИОСОФИЯ АРНОЛЬДА ТОЙНБИ *

На борьбу со всепобеждающей силой научного социализма общественная мысль буржуазного Запада двинула десятки «новых» социологических, историософских (лучше сказать историко-философских), экономических систем, в которых обычно очень мало нового. Одни из них предназначены для широкого пользования, другие рассчитаны на рафинированные умы, стоящие на вершине современного «западного» просвещения.

Среди попыток создания «нового» исторического мировоззрения наиболее шумным успехом у западной буржуазии пользуется одна, принадлежащая Арнольду Тойнби¹, маститому ученому, члену Британской Академии наук, почетному доктору Оксфордского, Бирмингемского и Принстонского университетов, в течение многих лет бывшему профессором истории международных отношений в Лондонском университете и директором Королевского института международных отношений. Он плодотворный писатель на исторические и политические темы. Тойнби не только ученый, он старый и опытный работник Форин оффис, специалист по делам Ближнего Востока; он много путешествовал, побывал в различных странах обоих полушарий, одно время был военным корреспондентом. Он имел возможность познать историю не только за своим письмен-

* Опубликовано: Сб. «Против фальсификации истории». М., 1959.

¹ На русском языке см. о нем: Э. А. Араб-оглы. Философия истории Арнольда Дж. Тойнби. — «Вопросы философии», 1955, № 4; его же. К критике культурно-исторической концепции Арнольда Тойнби. — «Вестник истории мировой культуры», 1957, № 4; Е. А. Косминский. Историософия Арнольда Тойнби. — «Вопросы истории», 1957, № 1.

ным столом, но и за столом международных конференций. Словом, это не кабинетный ученый, не отвлеченный мечтатель, а человек с большим жизненным и политическим опытом, приобретенным на службе у британского правительства.

Громкую славу в буржуазном мире доставили ему 10 объемистых томов его главного труда «Исследование истории» («A Study of History») ². Три первых тома вышли в 1934 г., три следующих — в 1939 г. Шум вокруг имени Тойнби начался, собственно, после окончания второй мировой войны. В 1946 г. вышло в свет сокращенное изложение этих шести томов, подготовленное Д. Сомервеллом ³ и получившее от Тойнби полное одобрение. Это сокращенное издание много содействовало славе Тойнби. В октябре 1954 г. вышли еще четыре тома (VII—X); сделанное тем же Сомервеллом сокращение этих томов появилось в 1957 г. ⁴ В вышедших 10 томах «Исследования истории» 6290 страниц, насчитывающих 3150 тыс. слов. Одни указатели к этим томам содержат 332 страницы и включают около 19 тыс. имен и предметов. Выпуская свой главный труд, Тойнби одновременно развивал и дополнял его содержание в ряде книг, статей, лекций ⁵.

Многогранное произведение Тойнби до сих пор не закончено. Им обещаны еще два тома, один из которых должен включать карты к вышедшим томам, в другом он намерен вернуться к некоторым обсуждавшимся ранее темам и дать ответ критикам.

Произведения Тойнби, как и «Сокращение» Сомервелла, вызвали в буржуазной печати нескончаемый поток откликов. Тойнби стал оракулом прессы и радиовещания. Его

² Arnold J. Toynbee. A Study of History, vol I—X. London, 1931—1954.

³ «A Study of History by A. J. Toynbee», Abridgement of vols. I—VI by D. C. Somervell. London, 1946. Цитируется дальше как «Abridgement of vols. I—VI». Сомервелл не только сократилopus Тойнби, сведя его к одному компактному тому, но и дополнил некоторыми новыми материалами и комментариями.

⁴ «A Study of History by A. J. Toynbee», Abridgement of vols. VII—X by D. C. Somervell. London, 1957. Цитируется дальше как «Abridgement of vols. VII—X».

⁵ См. особенно его книги «Civilization on Trial». New York, 1948; «The World and the West». London, 1953; «An Historian's Approach to Religion». London, 1956. См. библиографию его работ: M. Popper. A Bibliography of the Works in English of Arnold Toynbee, 1910—1954. London — New York, 1955.

лекции, передававшиеся в конце 1952 г. Би-би-си, вызвали своего рода сенсацию. Тойнби много раз бывал в Америке и выступал там с лекциями. В ряде журналов в США печатались его соображения относительно перспектив «западной цивилизации», которые сопровождалась помпезной рекламой⁶. Американский журнал «Look» в аннотации к его статье объявил, что Тойнби — величайший историк нашего времени и что имя его завершает список великих историков, начиная с Геродота. Поклонники Тойнби сравнивали его «открытие» с открытиями Коперника, Галилея, Ньютона и Дарвина⁷. Метод, введенный им в исследование истории, ставили по значению наряду с открытием квантовой механики⁸. Появление его произведений превозносилось как «замечательная дата в истории западной цивилизации». Тойнби восхваляли не только как творца совершенно нового понимания истории, но и как великого прозорливца, указавшего человечеству путь к лучшему будущему. Издатель сборника, посвященного Тойнби, выражает убеждение, что и будущие поколения будут заниматься экзегетикой и герменевтикой трудов Тойнби — эти термины обычно прилагают к толкованию священного писания⁹.

Не было, впрочем, недостатка и в остро критических выступлениях. Не говоря уже о статье редактора «Daily Worker» Д. Р. Кемпбелла¹⁰ и ряде отзывов в прогрессивной прессе¹¹, даже многие консервативные буржуазные

⁶ «Look», November 1952; «Atlantic», January 1953; «Foreign Affairs», January 1953; и др.

⁷ См., например, Tanguy Lean. A Study of Toynbee.— «Horizon», January 1947; Dominique Leca. Un historien universel A. Toynbee.— «La France Libre», 1946; E. Rothaker в «Deutsche Vierteljahrschrift für Literaturwissenschaft und Geistes-Geschichte», 1950, S. XXIV и др.

⁸ O. Anderle. Das Universalhistorische System Arnold Joseph Toynbees. Frankfurt a. M., 1955.

⁹ См. «Toynbee and History», под ред. M. F. Ashley-Montagu. Boston, 1956, p. 140 (далее цитируется — «Toynbee and History»), p. 140 (статья L. Mumford).

¹⁰ J. R. Campbell. Don't Let the Professor Fool You.— «Daily Worker», 25.XI 1952.

¹¹ См., например, C. Trinkaus. Toynbee Against History Science.— «Science and Society», vol. XII, № 2, 1948; A. Hansen. History and Mr. Toynbee.— «Science and Society», vol. XIII, № 2, 1949; J. Popperen. La philosophie de l'histoire d'Arnold J. Toynbee.— «La Pensée», № 42—43, 1952; R. Hilton. A. J. Toynbee's Reith Lectures.— «The Modern Quarterly», vol. 8, № 3, 1953; см.

историки указывали на полное отсутствие у Тойнби научного метода¹². Характерен тот холодный, можно сказать враждебный, прием, который книги Тойнби встретили у большинства историков-специалистов, отказывающихся принимать его всерьез как историка. Даже многие из благосклонных к Тойнби рецензентов не могли пройти мимо слабости его аргументации, восхваляя главным образом его необычайную эрудицию, его литературный дар, его «поэтическое прозрение» и «олимпийский полет над столетиями».

Но буржуазная публика на Западе высказалась за Тойнби. Его огромный и многотомный труд раскупался нарасхват. А между тем цена этому отлично изданному труду недешевая: в Англии он продается за 315 шиллингов. «Сокращение» Сомервелла расходилось в сотнях тысяч экземпляров и оказалось на одном из первых мест среди «bestsellers» в Америке. Голосование шиллингами и долларами оказалось в пользу Тойнби. Резкая критика даже содействовала его славе, вызывая полемику и создавая ему новую рекламу. Тойнби может не обращать внимания на неодобрительные отзывы ученых специалистов. Он сам невысокого мнения об этих «книжных червях», об этих «вагнерах, лишенных фаустовского прозрения». Им посвящены пренебрежительные страницы в его «Исследовании истории», с ними он обещает еще поспотеться в будущем XII томе.

Какого бы мнения ни держаться о научных достоинствах произведения Тойнби, — а они более чем сомнительны, — его труд представляет известный интерес, поскольку он отвечает настоящим запросам некоторой части «западного» (т. е. буржуазного) мира. «Тойнбизм носится в воздухе»¹³, — пишет один из критиков.

также статью М. Борушко-Аристовой «Idealistyczna Historiozofia A. Toynbeego» в «Kwartalnik Historyczny», № 1, 1953; G. J. Renier. Toynbee's A Study of History. — «Toynbee and History» и мн. др.

¹² См. особенно F. Hampl. Grundsätzliches zum Werke Arnolds Toynbees. — «Historische Zeitschrift», Bd. 173, II. 3, 1952; см. полемику Тойнби с П. Гейлом и Питиримом Сорокиным в «The Pattern of the Past», Boston, 1949; P. Geyl. From Ranke to Toynbee. Northampton, 1952; статьи P. Geyl и H. Trevor-Roper в сб. «Toynbee and History» и мн. др.

¹³ Georges Catlin. Toynbee A Study of History. — «Political Science Quarterly», vol. 70, № 1, 1955, p. 107.

В чем же заключается его «открытие»? Но, прежде чем ответить на этот вопрос, нам придется немного задержаться на его предыстории. Тойнби не раз рисует это «открытие» как результат своего «внутреннего» опыта. Впрочем, он вполне сознает и его зависимость от общественных настроений того времени, когда он выступил со своей проповедью.

Уже в детстве и в юные годы, рассказывает Тойнби, воздвиглись те два столпа, которые послужили потом опорой его историософии.

Он не раз выражает удовольствие по поводу того, что родился еще в то время, когда основами воспитания и образования (в состоятельных семьях Англии) были религия и изучение древних языков. Чтение библии и посещение церкви были, утверждает он, лучшими уроками истории, раскрывающими перед ребенком судьбы человечества от сотворения мира до светопреставления. Религия и библия остались с Тойнби на всю жизнь. Его труды, особенно «Исследование», переполнены цитатами, образами, метафорами, взятыми из священного писания. Влияние религиозных представлений и настроений не ослабевало, а возрастало в процессе его творчества.

Другим источником, из которого Тойнби черпал вдохновение, было изучение античных, особенно греческих, авторов. В закрытой аристократической школе в Винчестере, а потом в Оксфордском университете он заслужил свои первые лавры как образцовый «классик». О нем говорят, что он так же свободно думает по-древнегречески, как по-английски, и свои лирические настроения предпочитает изливать в латинских и греческих стихах. Античная поэзия и проза, история и мифология фигурируют у него наряду с библией.

К образам библии и античности присоединились впечатления от ряда творений западноевропейской литературы — «Потерянного рая» Мильтона, «Фауста» Гете, от Шекспира, Шелли, Блэка, Мередита. Из новых писателей особенно сильное впечатление произвел на него Поль Валери.

Меланхолические размышления на тему о преходящем характере всех земных цивилизаций возникли у Тойнби рано, во время его путешествий по Востоку, где он видел развалины дворцов венецианских вельмож неподалеку от памятников мидийской эпохи (II тысячелетие до н. э.)

и сравнивал эти талассократии¹⁴ прошлого с настоящим Англии — тогда еще «владычицы морей».

Потрясающее впечатление произвела на него первая мировая война. Видения классической древности встали перед ним, и страшное столкновение XX в. напомнило ему Пелопоннесскую войну. Он почувствовал себя современным Фукидидом, описавшего эту катастрофу греческого мира.

Настроения Тойнби были поддержаны ознакомлением с модной в то время в Оксфорде философией Бергсона (особенно с его «Творческой эволюцией» и «Двумя источниками морали и религии») и еще больше чтением пресловутой книги Освальда Шпенглера «Закат Европы», оказавшей огромное влияние и на его концепцию истории, и на метод его исторического исследования. Выдвинутая Шпенглером концепция всемирной истории как генезиса, развития, упадка и гибели отдельных цивилизаций становится надолго руководящей идеей Тойнби.

В заключении, помещенном в X томе «Исследования истории», Тойнби возвращается к вопросу о причинах, вызвавших появление его труда. Тойнби говорит о той растерянности, которая охватила либерально настроенных людей «среднего класса», веривших в то, что триумфальное шествие западноевропейской цивилизации в XIX в. привело человечество почти что к «воротам земного рая». XX век и особенно первая мировая война принесли им всем горькое разочарование. Гибель античной цивилизации напомнила о том, что такая же участь может ожидать и западноевропейскую. Вместо врат рая перед последней распахнулись «врата смерти». Суждено ей войти в эти врата или она может их избежать? Этот роковой вопрос побудил автора заняться изучением причин и симптомов падения цивилизаций, а это, естественно, привело к изучению их генезиса и развития.

Тойнби подчеркивает актуальность своей концепции для западноевропейской буржуазии, все более теряющей веру в прогресс и демократию, ищущей новые моральные и политические устои и не находящей их. Его основной темой, как и у Шпенглера, являются не столько исторические судьбы человеческих цивилизаций, сколько судьба

¹⁴ Талассократия (греч.) — государство, господствующее на море.

«западной цивилизации» и поиски пути к ее спасению. Эта тема звучит все сильнее с каждым вновь выходящим томом его «Исследования». История всех остальных цивилизаций должна помочь найти ответ на этот основной вопрос.

Уже в 1922 г. Тойнби набросал план задуманного им грандиозного произведения, которое должно было состоять из 13 разделов. Тойнби рассчитал, что это произведение должно заключать около 2 млн. слов и что на его завершение понадобится не меньше 40 лет. Тойнби, однако, недооценил свои писательские способности. Свой десятилетний труд он завершил в основном в течение 30 лет и даже меньше — систематическую работу над «A Study of History» он начал в 1927 г., а вторая мировая война отвлекла его на семь лет. Но план его «Исследования» остался таким, каким он его наметил.

Развивая этот план, Тойнби собрал поистине огромный материал, охватывающий все страны земного шара и все эпохи, — от возникновения цивилизаций до настоящего времени. К прежним источникам его рассуждений (библия, античная и западноевропейской литературе) прибавился еще новый — огромная историческая начитанность. Но этот источник явился едва ли не самым ненадежным из всех. Специалисты указывают на крупные пробелы в знаниях Тойнби, на поверхностный, дилетантский способ использования им исторических материалов, на его поразительную способность отыскивать в необозримой бездне свидетельств истории то, что подходит под его теорию или может быть как-нибудь под нее подогнано, и совершенно не замечать всего, что ей противоречит.

Надо еще напомнить, что работа над «Исследованием истории» велась автором параллельно с другой сложной работой — составлением ежегодных обзоров международных событий (Survey of International Affairs) по заданию Королевского института международных отношений. Хотя этот институт на своих изданиях печатает предупреждения, что он является не официальным и не политическим учреждением, что его устав запрещает ему выражать какое-либо мнение по вопросам внешней политики, однако его тесные связи с Форин-оффисом являются бесспорными. В течение ряда лет Тойнби был директором этого института. Во время обеих мировых войн он исполнял официальные поручения правительства, принимал участие в

дипломатических конференциях. Им был написан ряд политических памфлетов, особенно по делам Ближнего Востока. Тойнби находит, что работа на службе британской международной политики принесла ему немалую пользу для понимания истории.

Было бы несправедливо умолчать еще об одном источнике, который вдохновлял Тойнби, особенно в последний период его деятельности. Этот источник надо искать за океаном. Им была американская буржуазная пресса, создавшая Тойнби шумную рекламу, американская буржуазная публика, раскупавшая его произведения, американские научные учреждения, приглашавшие его для чтения лекций и подвигшие ему ученые степени, и, наконец (но не на последнем месте), Рокфеллеровский фонд, давший ему средства для окончания его труда ¹⁵.

* * *

В чем же заключается «открытие» профессора Тойнби?

Надо сказать, что оно не ново и в своей основной части следует за идеями, высказывавшимися уже много раз и получившими особенно яркое выражение в «Закате Европы» О. Шпенглера.

Тойнби пришел к грустной мысли, что история человечества не поднимается по прямой линии прогресса, а предстает в виде ряда «цивилизаций», каждая из которых зарождается, развивается, потом приходит в упадок и, наконец, погибает. История каждой цивилизации, совершившей свой путь до конца, проходит через одинаковые стадии. Это позволяет якобы не только понять прошлое, но и предвидеть будущее тех цивилизаций, которые еще не закончили своего жизненного пути. Эту идею Тойнби положил в основу своего главного труда.

Время существования всех человеческих «цивилизаций», говорит Тойнби, — всего каких-нибудь 6 тыс. или даже 5 тыс. лет. Это ничтожный срок по сравнению с периодом существования человека на земле (300 тыс. лет,

¹⁵ Arnold J. Toynbee. A Study of History, vol. VII, p. VIII—IX; «Мой долг Рокфеллеровскому фонду больше, чем я могу выразить словами». Рокфеллеровский фонд — специальный фонд, созданный американскими мультимиллионерами Рокфеллерами для «опечальничества» над наукой. С помощью этого фонда они осуществляют контроль над широкой сетью научных учреждений

по мнению Тойнби) и совсем уже краткое мгновение по сравнению с теми 2 млрд. лет, которые (по вычислениям Джинса) человечеству суждено еще прожить на нашей планете. Поэтому, по мнению Тойнби, с философской точки зрения правильно признать все эти «цивилизации» одновременными и не размещать их по восходящей хронологической линии. Аристотель (IV в. до н. э.) у него предшествует Агамемнону, который выступает как современник Теодориха¹⁶ (493—526), крестовые походы (XI—XIII вв.) происходят одновременно с греческой колонизацией¹⁷ (VIII—VI вв. до н. э.) и т. д., и т. д.

Но Тойнби хочет трактовать все цивилизации не только как одновременные, но и как равноценные¹⁸. Тойнби резко ополчается против тех, кто рассматривает западноевропейскую цивилизацию как единственную и в ее прогрессивном развитии видит содержание всей всемирной истории¹⁹. Тойнби считает такую точку зрения проявлением эгоцентризма и узкого провинциализма западных историков. Он уверяет, что смотрит на западную цивилизацию с точки зрения «не западных» обществ. Хорошее намерение! Но это лишь обещание, остающееся невыполненным.

Задача изучения истории, по Тойнби, заключается в том, чтобы «понять историю как целое» и тем самым открыть ее смысл и цель.

Средством для понимания истории и открытия ее смысла и цели он считает сравнительное изучение всех существующих и существовавших цивилизаций, или обществ. Тойнби не устает называть себя «историком-эмпириком», а свой метод — «научным», «эмпирическим». Он утверждает о «трезвом английском эмпиризме» (в отличие от априоризма Шпенглера, которого он именует «немецким априористом», «философом-нерофантом»)²⁰. Тойнби обрушивает на читателя груды томов, переполненных массой исторических фактов, дат, имен, из которых он хочет эмпирически вывести законы, определяющие зарождение, рост, упадок и гибель цивилизаций, вернее было бы сказать, которыми он хочет подтвердить схему, положенную в основу его построения всемирной истории.

¹⁶ Arnold J. Toynbee. A Study of History, vol. IV, p. 31.

¹⁷ Ibid., vol. III, p. 149.

¹⁸ «Abridgement of vols. I—IV», p. 40—42.

¹⁹ Ibid., p. 38.

²⁰ *Нерофант* (греч.) — жрец.

Но достаточно внимательно вчитаться в его труд, чтобы увидеть, что эмпиризм играет в его концепции всемирной истории подчиненную роль. Не все в истории, утверждает он, может быть объяснено эмпирически выведенными законами. Смысл и цель истории раскрываются, по его мнению, за пределами истории. «История — это зрелище творения божия в его движении от бога — своего источника к богу — своей цели». Такое определение (и ему подобные) автор дает в X — последнем из вышедших томов²¹. Но эта по существу теологическая концепция истории уже достаточно ясно сказывается и во всей его работе, начиная с первого тома. Религиозный, теологический элемент лишь усиливается по мере приближения к завершению его огромного труда, вместе с ростом личных религиозных переживаний автора. Но Тойнби не считает, что он вступает в противоречие с самим собой или что у него имеются две точки зрения на историю, ее смысл и цель. Цели бога — творца истории неисповедимы и могут быть лишь отчасти постигаемы мистическим, интуитивным путем. Но бог творит историю через людей, что позволяет, думает Тойнби, до некоторой степени понять божественный план, изучая действия людей.

Эмпиризм Тойнби не так уж сильно отличается от мистических интуиций. Тойнби стремится слить в своей концепции «божеское» и «человеческое», эмпирическую науку и теологию. Но если в первых томах он делает ударение на квазиэмпирической стороне «исследования истории», то в последующих (особенно начиная с VI тома) теологическая сторона выступает все откровеннее.

Последуем за Тойнби и посмотрим, как он чертит ту схему всемирной истории, которая лежит в основе всего его труда.

В основе всего построения Тойнби лежит понятие «цивилизации», или — что то же — «общества». Что понимает он под этими терминами?

Объединяющим признаком общества, или цивилизации, является у Тойнби не национальная, не политическая и не

²¹ Другие подобные определения: «История — это взаимодействие между богом и человеком»; «история есть явление бога, раскрывающего себя в действиях душам, которые его искренне ищут». История, уверяет он, бессмысленна, если не видеть в ней проявления действия единого истинного бога. — Ср. «Abridgement of vols. VII—X», p. 106.

расовая общность, а общность культуры, причем глубочайшей сущностью культуры является религия. Иногда он еще яснее обнаруживает теологический характер своей концепции, определяя цивилизации как общества, в которых «человечество надеется подняться над чисто человеческим».

Едва ли не всем писавшим о Тойнби бросилась в глаза крайняя неясность и расплывчатость в определении главного понятия, лежащего в основе его труда. Эта неопределенность допускает широкий простор для самых произвольных построений, в которых растекаются границы между нациями, государствами, социальными системами, хронологическими периодами.

В мировой истории сменилось уже много цивилизаций. Тойнби их насчитывает 26. Шпенглер говорил только о восьми подобных образованиях, но Тойнби оперирует в своих построениях и с такими сравнительно малоизвестными «цивилизациями», как андская, цивилизация майя, юкатанская, полинезийская и ряд других, манипуляции с которыми удобны именно тем, что об их истории известно очень мало. Один из цивилизаций, полагает Тойнби, оказались «неудавшимися» («abortive») и рано погибли, другие остановились в своем развитии («окаменели»), третьи проделали свой исторический путь до конца. Некоторые, наконец, и в настоящее время еще не закончили своего цикла.

Крайняя неясность самого определения цивилизаций позволяет Тойнби произвольно орудовать ими, объединять или разделять их по своему усмотрению.

Его концепция судеб цивилизаций в основном построена на истории классической древности — Греции и Рима или, вернее, той антиисторической смеси, которая составляла содержание так называемого классического образования в Англии и в других странах Европы — этого печального эпигона великой эры гуманизма. Поэтому Тойнби объединил Элладу и Рим в одну цивилизацию, которую он называет эллинской. Он сам обозначает эллинскую цивилизацию, как «образец сравнения» (standard of comparison) для других цивилизаций²². Но и эллинской цивилизацией Тойнби распоряжается весьма самоуправно, выхватывая факты то из греческой, то из римской истории для опреде-

²² Arnold J. Toynbee. A Study of History, vol. V, p. 58.

ления пути развития этой общей цивилизации. Так же произвольно обращается он и с другими цивилизациями, объединяя иногда в одну две цивилизации, отделенные одна от другой столетиями, если не тысячелетиями. Например, цивилизация Кореи объединяется у него с японской, а Тибета и Бирмы — с индийской. Персидская империя Ахеменидов объединена с арабским халифатом. Все это создает широчайшую свободу для оперирования понятием цивилизаций, которые он называет «реальными единицами исторического изучения» или «доступным пониманию полем исторического исследования»²³. Можно сказать, что цивилизации, как с ними оперирует Тойнби, являются полем для самых произвольных построений.

Цивилизации у Тойнби не являются такими замкнутыми в себе, как их представляет, например, Шпенглер; они влияют одна на другую, особенно некоторые из них, которые Тойнби называет «радиоактивными». Таковыми, по его мнению, являются эллинская и особенно западнохристианская, влияние которой распространилось на весь мир. Цивилизации, считает он, могут переходить одна в другую; так, западнохристианская цивилизация является «дочерней» (affiliated) по отношению к эллинской, а эта последняя — дочерней по отношению к минойской.

Все существовавшие до настоящего времени цивилизации (не считая «неудавшихся» и «окаменевших») прошли или проходят через одинаковые стадии. Это как будто бы центральная идея Тойнби. Все они совершают движение по одинаковому кругу — от рождения до гибели. Но Тойнби предупреждает, что он не разделяет фаталистической идеи цикличности, как она дана у Лукреция и у других античных писателей, или шпенглеровской теории, уподобляющей цивилизации живым организмам, рождающимся, растущим, стареющим и умирающим. «Открытый» им цикл развития, уверяет Тойнби, выведен эмпирически из сравнительного изучения истории цивилизаций. До настоящего времени этот цикл, как ему кажется, неизменно повторялся. Но он не является исторически неизбежным. Как мы увидим, такая оговорка играет весьма существенную роль во всем построении Тойнби.

Какие же стадии развития цивилизаций устанавливает Тойнби? Это рождение, рост, «поломка» — этим вольным

²³ Ibid., vol. I, p. 45.

переводом мы передаем его термин «брэкдаун» («break-down») ²⁴, разложение и гибель.

Раньше, чем перейти к раскрытию этих терминов, надо поставить другой вопрос: где видит Тойнби основные силы, движущие развитие общества? Все цивилизации, пишет он, «посеяны единым сеятелем в надежде на единую жатву». Вся история для него является выполнением некоего божественного плана. Но в пределах этого плана человеку предоставлена свобода воли, свобода выбора. Поэтому непосредственным творцом истории, т. е. творцом цивилизации, является человеческая личность. Здесь Тойнби следует за Бергсоном, приводя длинные цитаты из его «Двух источников морали и религии» ²⁵. Человек, говорит Тойнби, не может жить вне общества, но историю творит не общество, а индивидуум ²⁶. Общество — это только поле приложения деятельности индивидуумов, пространство, где встречаются их сферы действия. Отсюда вытекает характерное для Тойнби пренебрежение к анализу общественной структуры, к законам, не зависящим от воли человека, и это открывает ему свободный путь в область «психологического» метода, как его понимает современная «психологическая» школа в истории, т. е. в последнем счете к мистике.

Не приходится говорить, что это сугубо ошибочная и вредная точка зрения. Уже буржуазная историческая наука в пору своего расцвета стремилась познать объективные законы, определяющие развитие человеческого общества, стремилась тем самым превратить историю в науку; правда, буржуазным мыслителям в силу классовой ограниченности их мировоззрения эта задача оказалась не под силу. Только марксистская философия истории сумела показать, что общество — это не случайное скопление индивидуумов, по произволу творящих свою историю; что исторический процесс протекает согласно определенной закономерности, обусловленной в конечном счете развитием производительных сил и преодолением противоречий между производственными отношениями и производительными силами. Поэтому анализ общественных отношений на

²⁴ Право на такой перевод дает нам сам Тойнби, сравнивший «брэкдаун» цивилизации с автомобильной аварией.

²⁵ H. Bergson. Les deux sources de la morale et de la religion, 8-me ed. Paris, 1932.

²⁶ Arnold J. Toynbee. A Study of History, vol. III, p. 230.

дашном конкретном этапе — это единственный путь к познанию скрытых причин, определяющих направление исторического развития.

Но возвратимся к рассуждениям Тойнби. Не все индивидуумы, полагает он, способны творить историю. Это удел немногих избранных. Для Тойнби истинными творцами истории являются «творческие личности», способные совершать дела, которые обыкновенным людям кажутся чудом. Этих избранных людей Тойнби называет «высшими существами», «гениями», «сверхчеловеками», «привилегированными человеческими существами» и т. д. Источником их творческой деятельности является их «внутренний опыт». Великие люди выступают как мистики, святые, основатели религий, поэты, а так же как государственные деятели, полководцы, историки, философы, политические мыслители.

Великие люди создают цивилизации и двигают их вперед²⁷. Тойнби весьма произвольно и антиисторично использует мифологический и биографический материал, привлекая для доказательства своего тезиса и Моисея, и Мухаммеда, и Иисуса, и Будду, и Зороастра, и Бенедикта, и Маккиавелли, и Петра I, и Наполеона, и Канта, и многих других (всего 26 биографий). В деятельности «творческих личностей» Тойнби отмечает два момента: «уход» и «возвращение» (withdrawal — and — return). Они обычно сначала удаляются от мира и в одиночестве в состоянии мистического экстаза вынашивают свои идеи, а потом возвращаются к людям. К ним примыкают ученики и последователи, которые способны возвыситься до понимания их идей, и вместе с ними составляют «творческое меньшинство». Их удачи и ошибки определяют ход истории. Для Тойнби (цитирующего здесь Бергсона) великие люди, способные к «чуду творчества», являются сверхчеловеческими существами не в метафорическом, а в буквальном смысле²⁸. Все достижения «цивилизаций» кажутся ему делом великих людей, «творческих личностей», вождей и героев, но они же несут ответ за все прехи и ошибки, совершенные данным обществом.

Что же касается массы, то она по своей природе даже в самых «цивилизованных» обществах не отличается от

²⁷ «Abridgement of vols. I—VI», p. 214.

²⁸ Arnold J. Toynbee. A Study of History, vol. III, p. 232.

того человеческого типа, который характерен для первобытного общества ²⁹. Она лишена всякого творчества. Масса способна в лучшем случае лишь на поверхностное и механическое подражание (*mimesis*), являющееся «одним из наименее возвышенных свойств человеческой природы» ³⁰.

Подобное противопоставление «героев» и массы не ново и не оригинально. Апологеты буржуазного общества не один раз выдвигали эту теорию в противовес единственно научному, марксистскому решению вопроса о роли личности в историческом процессе. Выдающиеся исторические личности в действительности появляются тогда, когда в обществе уже созреют предпосылки для их появления, когда общественные процессы, воплощаемые в незаметной, но поистине героической деятельности народных масс, создадут объективную необходимость для выступления выдающихся личностей, способных организовать борьбу этих масс за светлое будущее или, наоборот, возглавить отчаянное сопротивление отмирающих классов прогрессивной поступи истории. Что же касается до стараний Тойнби подогнать биографии всех великих людей под единую схему «ухода» и «возвращения», то они просто смехотворны и напоминают известные попытки (которые, правда, предпринимались в шутку) изобразить биографии Александра Македонского, Цезаря и Наполеона по образцу мифа о солнечном божестве.

Тойнби мало интересуется историей первобытных обществ, хотя и признает, что именно в это время «человек становится человеком». Его мало занимает процесс подготовки появления цивилизации. Он старается изобразить это появление как чудо, как полный переворот в жизни людей, как выход их из первоначальной «оцепенелости». Сущность этого переворота он видит главным образом в переходе от статического состояния к динамическому ³¹. Возникновение цивилизаций есть отчасти дело сатаны, воспринимаемого не то как литературный образ, не то как реальная и персональная сила. К объяснению процесса возникновения цивилизаций Тойнби широко привлекает

²⁹ Ibid., p. 243.

³⁰ «Abridgement of vols. I—VI», p. 216.

³¹ Верный своему обычаю запутывать каждый простой вопрос, он любит здесь употреблять термины китайской философии: «Yin» — для статического состояния и «Yang» — для динамического.

мифологию, образы которой трактуются им на грани реальности. Цивилизация, говорит он, возникает, когда перед людьми встает задача (он предпочитает говорить «вызов» — «challenge»), которая требует для своего решения (он называет это «ответом» — «response») особых, еще небывалых усилий. За этим словесным туманом скрывается довольно тривиальная «эмпирическая» идея: цивилизации, крупные общественные объединения, обычно возникают там, где это вызывается природными условиями, особенно изменением природных условий, или ударами извне, или постоянным давлением со стороны опасных соседей. Вызов не должен быть слишком силен, иначе он может привести к гибели, но не должен быть и слишком слаб, ибо тогда он не вызовет достаточно активного ответа. В этом Тойнби видит действие «закона золотой середины». Но есть и другой путь возникновения цивилизаций — зарождение их на развалинах предшествующих обществ. Таким образом, развитая Тойнби концепция возникновения цивилизаций (мы бы сказали, классового общества) насквозь идеалистична: Тойнби не видит (и не хочет видеть в силу ограниченности своего классового сознания), что классовое общество возникает в результате распада первобытнообщинного строя, в результате обострения борьбы в недрах первобытного общества. Природные условия, удары извне, давление опасных соседей — все это может лишь ускорить или замедлить процесс формирования классового общества, процесс, обусловленный действием внутренних закономерностей исторического развития.

Вслед за возникновением «цивилизаций» идет период их роста. Процесс роста цивилизаций представляется Тойнби как ряд новых вызовов, возникающих перед данным обществом, и ответов на эти вызовы со стороны одаренных творческой силой людей. Каждый такой ответ создает перед обществом новый вызов, за которым следует новый ответ, и т. д.³² При этом Тойнби вводит в характеристику процесса роста общества мистическое начало, используя бергсоновское понятие «жизненного порыва» (*élan vital*)³³.

Период роста в изображении Тойнби является своего рода золотым веком в истории цивилизаций. Тойнби даже не ставит вопрос о том, что общества, вступившие на путь

³² Arnold J. Toynbee. A Study of History, vol. III, p. 248.

³³ Ibid., p. 114.

«цивилизации», были антагонистическими — рабовладельческими или феодальными — обществами. Он игнорирует внутреннюю борьбу в них. Пока продолжается рост, утверждает Тойнби, данное общество представляет внутреннее единство. Руководящее творческое меньшинство находит правильные ответы на вызовы, а масса добровольно, в силу подражания, следует за ним. Сущность роста цивилизаций заключается, по Тойнби, отнюдь не в развитии производительных сил. «Нет никакого соответствия между ростом техники и прогрессом цивилизации»³⁴, — говорит он. Чрезмерное развитие техники является даже препятствием к развитию цивилизации. В чем же сущность роста цивилизации? Тойнби видит ее в процессе «самоопределения и этернализации», т. е. в переходе вызовов из внешнего окружения данной цивилизации внутрь ее самой и из материальной области в область духовную. Он дает такое определение «этернализации»: это «обращение души от мира, от плоти, от дьявола в царство неба»³⁵. «Самоопределению» цивилизаций он дает еще более мудреное толкование: в движении цивилизаций к самоопределению он видит «прозаическую формулу для описания Чуда, путем которого жизнь входит в свое царство»³⁶.

Так каждая цивилизация в процессе роста раскрывает свою «душу». Вслед за Шпенглером Тойнби приписывает каждой цивилизации определяющую ее особенность — эстетическую у эллинской, религиозную у индийской, научно-техническую у западной и т. д.³⁷

Но, по схеме Тойнби, такое счастливое состояние роста длится лишь сравнительно короткое время. В жизни цивилизации наступает «бракдаун», своего рода грехопадение, за которым следует изгнание из рая. Фантастический «бракдаун» — одно из самых странных понятий в исторической концепции Тойнби, но оно является естественным порождением его мистических теорий о роли творческих личностей и о вызовах и ответах.

³⁴ Ibid., p. 173—174.

³⁵ Ibid., p. 192.

³⁶ Тойнби любит писать вводимые им термины с большой буквы, придавая им особый вес и желая показать, что они употребляются не в обычном смысле. Этим отмечается также характерная для Тойнби персонификация данных явлений (см. ниже).

³⁷ Arnold J. Toynbee, A Study of History, vol. III, p. 123.

«Брэкдаун» — это результат роковой ошибки, совершенной творческим меньшинством или творческой личностью в тот момент, когда перед обществом встал особо важный вызов. И после «брэкдауна» цивилизация может переживать эпохи блестящего подъема, но она неудержимо движется по пути к упадку, ей угрожает гибель или «окаменение» на долгие века. Такой роковой ошибкой, например, в истории греко-римской цивилизации, по мнению Тойнби, было начало Пелопоннесской войны. Тойнби называет «брэкдаун» самоубийством цивилизации³⁸.

Почему же творческая личность или творческое меньшинство, справлявшиеся со всеми вызовами, вдруг допускают роковую ошибку? «Брэкдаун» не вызывается внешними причинами — это надлом в духовном развитии цивилизации, и Тойнби выдвигает здесь преимущественно психологические объяснения. Причиной неспособности найти правильный ответ на вызов может быть «преклонение перед учреждением» (так, причину «брэкдауна» Византии он видит в преклонении императора Льва III перед «призраком Римской империи») ³⁹. Еще чаще причиной бывают гордость и упоение творческого меньшинства своими успехами. В «брэкдауне» проявляется также «Немезида творчества» — за победоносным творческим усилием следует потеря гибкости, истощение, самоудовлетворенность. Яркими выражениями, взятыми из эпоса и трагедии древней Греции (*koros*, *hybris*, *ate*), обозначает он роковое безумие, устремляющее общества на путь гибели. Тойнби предупреждает, что определить, когда и как происходит этот духовный надлом в развитии цивилизации, можно лишь в ходе веков, и потомство может расходиться в определении этого момента. Тем больше произвола предоставляется историку. Все приводимые Тойнби случаи «брэкдауна» являются насилием над фактами в угоду фантастической теории.

«Брэкдаун», по его мнению, не является фатальным предназначением для каждой цивилизации; это ошибка, совершенная свободными в своем выборе людьми. Но до сих пор все известные в истории цивилизации проходили через «брэкдаун»; только относительно одной из них еще может быть сомнение.

³⁸ Ibid., vol. IV, p. 120.

³⁹ «Abridgement of vols. I—VI», p. 320.

Последствием «бракдауна» является «дезинтеграция», разложение цивилизации. Что же характерно для общества, находящегося в процессе дезинтеграции? Творческое меньшинство, не сумевшее дать правильный ответ на исторический вызов, теряет свое «магическое» влияние на нетворческое большинство и удерживает власть над ним лишь силой. Его *élan vital* иссякает. Оно перестает быть «творческим меньшинством» и становится «правлящим меньшинством». Массы перестают добровольно подчиняться ему, встают против него. Таким образом, цивилизация теряет прежнее единство, в ней происходит раскол, и появляется «пролетариат».

Верный своему обычаю придавать словам необычное и неопределенное значение (что очень облегчает всякого рода произвольные сопоставления), Тойнби понимает под «пролетариатом» не то, что под ним понимают теперь, и даже не то, что под ним понимали в древности. В его понимании пролетариат — это все те общественные элементы, «которые находятся в данном обществе, но не принадлежат к нему»⁴⁰: все непослушные, все «несогласно мыслящие», все бунтовщики. Он говорит о преимущественно психологическом значении своего определения пролетариата: под ним он понимает всех чувствующих, что они не принадлежат к обществу, в которое они «физически» включены⁴¹. Основным признаком пролетариата является его недовольство, сознание, что он лишен своего законного места в обществе.

Тойнби различает «внутренний пролетариат», живущий внутри данного общества, и «внешний пролетариат», находящийся вне его, но в сфере его «радиации».

Варварские общества, находящиеся в сфере радиации данной цивилизации, подчиняются ее духовному влиянию лишь до тех пор, пока она находится в стадии роста. С началом ее падения очарование пропадает, и варвары делаются враждебны ей, образуют «внешний пролетариат».

Перед нами не простая игра слов, не простое употребление понятия в новом, необычном для него смысле. Словесная эквилибристика с понятием «пролетариат» всем своим острием направлена против основного производящего

⁴⁰ «Any social element or group which in some way is in, but not of any given society». — «Abridgement of vols. I—VI», p. 11, note.

⁴¹ Arnold J. Toynbee. A Study of History, vol. II, p. 316.

класса современного общества, против класса, руками которого создаются основные ценности и которому принадлежит будущее. Пролетариат — это определенная социальная категория, присущая капиталистической общественно-экономической формации; в условиях социалистического общества он, становясь хозяином общественных богатств, перестает быть пролетариатом. Тойнби же, фальсифицируя историческую действительность, рассматривает пролетариат как категорию извечную, отождествляя его со всеми внутренними и внешними силами, враждебными господствующему классу всякого общества. Логический вывод из этого построения может быть лишь один: Тойнби пытается успокоить буржуазию, говоря о том, что уже многие века пролетариат ведет наступление на «общество», на «цивилизацию» (этим словам придается, разумеется, особое значение: речь идет о классовом обществе и по существу даже уже — о буржуазной цивилизации), и однако это наступление, несмотря на возникновение некоторых опасных моментов для господствующих классов, ни к чему не привело; по Тойнби, уроки истории должны внушить буржуазному обществу уверенность в прочности «западной цивилизации». Марксистскому учению о смене капиталистической формации социализмом Тойнби противопоставляет ложную теорию о будто бы извечно существовавшем недовольстве пролетариата.

Если время роста является временем внутреннего единства и гармонии, то время дезинтеграции — это период раскола, внутренней борьбы и внешних столкновений. Раскол охватывает не только «тело», но и «душу» цивилизаций. Останавливается процесс «самоопределения». Если в эпоху роста творческое меньшинство может свободно принимать решения, возводящие общество на более высокую ступень, то в эпоху дезинтеграции правящее меньшинство может в крайнем случае лишь отсрочить грядущую гибель.

В процессе дезинтеграции общество может переживать эпохи подъема, расцвета, но это только кажущийся кратковременный расцвет, лишь временное замедление упадка. Первой стадией в процессе дезинтеграции является, по Тойнби, «смутное время»: это междоусобные войны народов данной цивилизации, войны их с другими обществами, революции и праждаиские войны. Смутное время может затянуться на ряд столетий (обычно около 400 лет, считает Тойнби). Оно, как правило, заканчивается тем, что за-

воеватель (он может явиться из среды данной цивилизации или пазне) силой оружия подчиняет весь круг стран, принадлежащий к данной цивилизации, основывает «универсальное государство» и устанавливает «универсальный мир», — «рах Романа», или «рах Mongolica», или «рах Ottomana» и т. д. Но это мир, навязанный силой. Духовная сущность цивилизации не получает при этом свободы развития. Религия теряет свое духовное содержание. Поэтому эпоха «универсального государства» и «универсального мира» даже при внешнем процветании все же относится ко времени упадка и не отвечает духовным потребностям людей. Тойнби описывает дезинтеграцию как период «раскола», болезни как общества, так и человеческих душ.

Дезинтеграция выражается в явлениях духовного упадка, в ощущении бессилия, греховности, в пессимизме, в варваризации общества, в вульгаризации и варваризации искусства. Деятельность великих людей, творческих личностей не прекращается и в эту эпоху. Но она направлена теперь на спасение падающего общества; великие люди выступают в роли «спасителей». На этой почве возникают новые философские системы. Одни «спасители» ищут выхода в возвращении к старине («архаизм», по выражению Тойнби); другие — в прыжке в неизведанное будущее (по терминологии Тойнби, «футуризм»); третьи — в уходе от действительности («detachment»). Но ни один из этих путей не дает выхода из тупика дезинтеграции. Выход, по мнению Тойнби, может быть найден лишь в «трансфигурации», в перенесении целей и ценностей в сверхчувственное царство бога, другими словами, в религиозном возрождении и в новой религии (создаваемой опять-таки великой творческой личностью и ее учениками). Так, на смену «универсальному государству» появляется «универсальная церковь». Но это уже конец старой и начало новой «цивилизации». «Универсальная церковь» овладевает душами сначала внутреннего пролетариата и инфильтрующегося в среду падающей цивилизации внешнего пролетариата, потом и правящего меньшинства, а «военные банды» внешнего пролетариата приводят к раздроблению «универсального государства». Наступает перерыв, «междударствие» (*interregnum*), после которого может начаться цикл развития новой, «дочерней» цивилизации, в основе которой лежит новая религия, являющаяся как бы звеном, соединяющим старую цивилизацию с новой.

Эта схема дезинтеграции явно выдает свое происхождение от истории Римской империи и возникновения христианства, истолкованных, конечно, в сугубо идеалистическом плане.

Рассматривая «interregnum» между эллинской и западнохристианской цивилизациями, Тойнби решительно отвергает влияние варваров (внешнего пролетариата, как он их именует) на новое западное общество. Новая цивилизация, уверяет он, создана исключительно западнохристианской церковью, вобравшей в себя ряд ценных элементов эллинской культуры. Так сплеча разрешен в сугубо клерикальном духе сложный вопрос о роли римских и варварских элементов в создании средневековой Европы.

* * *

Нельзя не видеть (и это отмечает сам Тойнби), что его схема одновременных и одинаково развивавшихся цивилизаций нарушается введением понятия дочерних цивилизаций. Некоторые из цивилизаций начинают выстраиваться в генетические ряды, и наследие предшествующих цивилизаций в области культуры, прежде всего религии, как будто призвано играть определяющую роль в развитии «дочерних» обществ. «Устарелая» схема прогрессивного развития начинает понемногу восстанавливаться. Мы увидим, что это возвращение к идее прогрессивного развития, правда в очень своеобразной форме, все сильнее звучит у Тойнби по мере продвижения его «Исследования истории».

Тойнби не раз повторяет, что все цивилизации «в философском смысле» равноценны, что он не выделяет цивилизацию современного Запада из среды других. Но на самом деле современная западная цивилизация занимает в его построении совершенно особое место. «Брэкдаун», дезинтеграция и прочий словесный туман поладобились ему для разрешения центрального вопроса, так резко поставленного Шпенглером, именно вопроса о «закате Европы».

Одной из центральных идей Библии (а Библия всегда оставалась существенной основой мировоззрения Тойнби) является идея избранного народа. С ним бог заключает договоры, карает его за грехи и награждает за добрые дела, спасает его от гибели и в конце концов обещает ему тор-

нество над всеми другими народами. Эта идея крепко вошла в сознание Тойнби, и его библия (если можно так назвать его главный труд) в основном озабочена судьбами не избранного «народа», конечно, а избранной «цивилизацией».

В настоящее время, по мнению Тойнби, сохранились всего пять цивилизаций: западнохристианская, восточнохристианская с ее «русской ветвью» (так он продолжает титуловать и Советский Союз), ислам, индийская и дальневосточная (охватывающая Китай, Корею и Японию). Четыре из них, утверждает он, уже пережили «брэкдаун» и находятся накануне гибели или ассимиляции с западной цивилизацией, и только одна западнохристианская сохранила «божественную искру творческой силы». В какой же стадии развития она теперь находится с точки зрения теории Тойнби?

В этом вопросе он занимает колеблющуюся позицию. То ему кажется, что западная цивилизация еще находится в процессе роста и еще не пережила «брэкдауна»⁴². То он думает, что она давно пережила роковой «брэкдаун» и находится в процессе дезинтеграции. Тойнби относит начало западнохристианской цивилизации (являющейся «дочерней» по отношению к эллинской) к VII в. н. э. Ее кульминационным пунктом кажется ему время расцвета папской теократии при Григории VII. Западный мир будто бы представлял тогда гармонично расчлененное единство, причем церковная власть была централизована в руках папы, а политическая власть на местах была поручена отдельным государям. Но за этим (существовавшим лишь в мечтах клонийцев⁴³) счастливым временем наступают события, которые имеют все признаки «брэкдауна», как это рисует Тойнби. Здесь Тойнби указывает даже точную дату — 1075 г., когда папа Григорий VII прибегнул к силе меча вместо «силы духа» и опрокинул возведенное им самим гармоничное здание. Упоенный своими успехами, Григорий начал борьбу с империей за инвеституру⁴⁴, и последствия этого для западной цивилизации были трагичны: борьба пап с Гогенштауфенами, «трагедия в Анаagni», Авиньонское пленение и великий раскол папства, собор-

⁴² «Abridgement of vols. I—VI», p. 245.

⁴³ *Клонийское движение* (X—XI вв.) — движение за реформу католической церкви в интересах класса феодалов.

⁴⁴ Имеется в виду право назначать епископов.

ное движение, паганизация⁴⁵ Ватикана во время Ренессанса, реформация, контрреформация⁴⁶ и т. д.

Искаженные Тойнби Возрождение, Реформация («так называемая Реформация») и Просвещение (с его «мефистофельской заразой разочарования и дилетантизма») все более удаляют западную цивилизацию от ее христианских истоков. В еще большей степени чертами «бракдауна» наделяет Тойнби конец XVII в., когда, как ему кажется, утомленное религиозными войнами западное человечество вообще отворачивается от всякой религии и создает новое мировоззрение, новую мораль, новые стандарты поведения, качественно отличающиеся от христианских. Западная цивилизация становится на путь «технологии» и поисков материальных благ, теряет свое религиозное содержание и тем лишается способности удовлетворить духовные запросы человека. Тойнби говорит о современной западной цивилизации как об «эксхристианской», о современном западном обществе как о «*plebs occidentalis nuper christiana*» («некогда христианский западный народ») ⁴⁷, о западном человеке как о «*post-christian man*». Наконец, французская революция положила, по его мнению, начало периоду внутренних смут и войн, к тому же обостренному появлением «демократии» и «индустриализма».

В современной западной цивилизации Тойнби видит несомненные признаки дезинтеграции, а именно той ее стадии, которую он называет «смутным временем» ⁴⁸. При этом ему кажется, что западная цивилизация уже далеко продвинулась по этому пути и находится накануне создания «универсального государства». Он отмечает в западной цивилизации такие явления упадка, как внутренний раскол, как появление правящего меньшинства, «внутреннего» и «внешнего» пролетариата. Как симптомы дезинте-

⁴⁵ Паганизация (от лат. *paganus*) — языческий. Имеется в виду проникновение новой культуры, основанной на античных традициях, в окружение римских пап в XV—XVI вв.

⁴⁶ Тойнби имеет в виду ряд событий из истории европейского средневековья, связанных с борьбой римских пап против германских и французских королей, с поражением и упадком папства, с началом антикатолического движения в XVI в., отражавшего в значительной мере рост классового сознания новых общественных слоев, в том числе буржуазии, и, наконец, с упорным сопротивлением католической церкви реформационному движению.

⁴⁷ Arnold J. Toynbee. *A Study of History*, vol. X, p. 5.

⁴⁸ *Ibid.*, vol. IV, p. 3—4. Он повторяет это и в последнем томе («*Abridgement of vols. VII—X*», p. 352).

грации, Тойнби особенно отмечает упадок религии и потерю социальной солидарности, которая, кажется ему, представляла драгоценнейшую часть прежнего достоинства западной цивилизации. Он отмечает упадок искусства⁴⁹, в котором он видит потерю стиля, бессмысленное подражание чуждым и варварским формам, тенденцию к архаизму и футуризму.

Видя вершину западной цивилизации в идеализированном образе «творческой деятельности» средневекового папства, Тойнби недоверчиво относится к господствующим силам современного Запада — «индустриализму» и «демократии». Индустриализм, по его мнению, привел к «потере человеческого естества» (dehumanization) у рабочих, которых он или превращает в машины, или выбрасывает на свалку безработицы, и у руководителей общества, которые стали вульгарно мелки во всех проявлениях душевной жизни; индустриализм подорвал веру в бога и заменил ее стремлением к богатству. К душевному измелчанию приводит также и демократия. Становясь достоянием широких масс, культура, по его мнению, неизменно мельчает и варваризуется. Он не скупится на картины упадочной и развращающей культуры, которая становится в современных условиях товаром, продающимся по дешевке приобщившимся к «образованности» народным массам в виде бульварных книжек и газет, кино, радиовещания и т. д.

И все же Тойнби часто повторяет избитые фразы о «свободе», «демократии», «западном образе жизни» как о великих ценностях западной цивилизации, которые необходимо охранять. Он считает, что западная цивилизация все же унаследовала от своего христианского прошлого некоторые непреходящие ценности. Так, он повторяет фальшиво звучащие фразы о том, что сущность западной цивилизации заключается в признании ею священных прав личности, абсолютной ценности индивидуума, что ей свойственна «философия свободы». Ей, думает он, присущ священный принцип частной собственности, с которым связано все лучшее, что есть в общественном строе Запада. Запад, кажется Тойнби, свойственны принципы «честной игры» и «умеренности» в политике. Но он и сам чувствует, что эти слова уже лишились всякого реального содержания. Демократия, пишет он, теперь стала обязательным

⁴⁹ Arnold J. Toynbee. A Study of History, vol. IV, p. 52.

лозуингом для каждого «уважающего себя политического алхимика». Современная «западная демократия» — это лишь прикрытие для «несовместимости свободы и равенства»; что же касается «братства», то оно вообще возможно лишь в сфере религии. Тойнби ближе к истине, чем многие из его критиков, когда он ставит фашизм и национал-социализм в вину не только Италии и Германии, но и всей современной «западной цивилизации» в целом. Он не решается дать прямой ответ на вопрос: к чему ведут «господствующие силы» современной западной цивилизации — к созданию Западом нового «вселенского общества» или к гибели?

Столь уверенный в себе при вынесении смертного приговора всем другим цивилизациям (недаром один из его критиков назвал его «могильщиком цивилизаций»), Тойнби проявляет крайнюю нерешительность и растерянность, когда дело идет о судьбе западной цивилизации. Ведь для него это последняя цивилизация, сохранившая «божественную искру творческой силы». Ее гибель была бы мировой катастрофой, провалом всего божественного плана истории.

Тойнби колеблется между страхом и надеждой. Ему кажется, что западная цивилизация и вместе с ней вся мировая история переживают решающий кризис, что для них пробил «одинадцатый час». Но он не теряет упования на милость божью.

Все известные нам цивилизации, рассуждает Тойнби, погибли или идут к гибели. Но эта гибель не является их фатальным предназначением. Она наступает лишь в результате роковых ошибок, допущенных людьми, и может быть предотвращена мудрыми морями других людей. Не может ли новый Гильдебранд исправить роковую ошибку, допущенную Григорием VII? Главная беда современной западной цивилизации, перерастающей в мировую, вселенскую цивилизацию, — это потеря ею религиозной основы. Поэтому исцеление может прийти только от возрождения религии. Тойнби приглашает всех молить бога о том, чтобы западной цивилизации дарована была «отмена приговора». Он выражает надежду, что эта молитва будет услышана, если она будет возноситься со смиренным духом и сокрушенным сердцем⁵⁰.

⁵⁰ Arnold J. Toynbee. A Study of History, vol. VI, p. 321, со ссылкой на псалом 34.

От чего же надо спасать западную цивилизацию? Тойнби кажется, что, помимо глубокого внутреннего кризиса, вызванного прежде всего потерей религиозной основы, ей угрожает страшная опасность и з в н е — от всего «остального мира». «Мир и Запад» — так озаглавлены его лекции, передававшиеся Би-би-си и вышедшие потом отдельной книжкой⁵¹. В этих лекциях и в ряде статей, помещенных в американских журналах в конце 1952 и начале 1953 г., Тойнби пытается изобразить отношения между Западом и «остальным миром» как состояние непрерывной войны. Сначала «не западные» страны нападали на Запад. Потом, в течение последних четырех столетий, Запад, используя свой технический перевес, вел наступление против «не западных» стран (в том числе и против России⁵²). В целях самосохранения Россия и некоторые другие «не западные» страны — одни раньше, другие позже — были принуждены заимствовать западную технику, особенно военную, с чем неизбежно связывалось и принятие известных элементов западной культуры.

Но теперь, уверяет Тойнби, положение переменилось. Теперь Западу приходится защищаться от агрессии России и «остального мира». «Не западное большинство человечества, — пишет он, — опять осаждают нашу „западную крепость“». Тойнби повторяет назойливые утверждения империалистической пропаганды, стремящейся изобразить агрессивную политику буржуазного Запада как оборону от мнимой агрессии Востока. Тойнби утверждает, что перед западным миром встал новый и страшный враг, угрожающий самым основам западной цивилизации и западного образа жизни. Этот враг тем страшнее, что он обладает идеологическим оружием огромной силы. Таким оружием является коммунизм. Борьба между Востоком и Западом переходит из сферы военной техники в сферу идеологии. В этой сфере, признает Тойнби, в данное время преимущество находится на стороне Востока. У Запада нет идейной силы, которую можно было бы противопоставить коммунизму.

⁵¹ Arnold J. Toynbee. The World and the West. London, 1953.

⁵² Говоря о «наступлении» Запада на Россию в течение последних столетий, Тойнби допускает ряд грубых ошибок (см. ниже).

Как же Тойнби представляет себе коммунизм? Для него это нечто вроде религии, точнее, религиозная ересь западного происхождения, созданная западными ересиархами Марксом и Энгельсом. Коммунизм, как он его понимает, явился в результате того, что лишившийся своей религиозной основы Запад не сумел применить христианские принципы к разрешению вопросов социальной и экономической жизни. В этом смысле Тойнби говорит о коммунизме как о «продукте беспокойной совести» Запада⁵³. Представляя собой обвинительный акт против западного образа жизни, коммунизм стал могучим оружием против всех основ западной цивилизации, величайшей для нее опасностью, угрожающей как изнутри, так и извне.

Главную направленность коммунизма Тойнби видит в его враждебности к западной цивилизации, в его стремлении подорвать самые ее основы. Это делает коммунизм страшным оружием в руках «антизападных сил» и прежде всего в руках Советского Союза.

Коммунизм, признает Тойнби, отличается необычайной притягательностью для «внутреннего» и «внешнего» пролетариата западной цивилизации (а в состав ее внешнего пролетариата он включает едва ли не все колониальные и полуколониальные народы мира). Коммунистическое мировоззрение может «заменить людям религию» (хотя бы временно и отчасти, слешит он добавить). Коммунизм апеллирует к интеллигенции своей проповедью высоких идеалов мира и справедливости, он привлекает идеалистов, стремящихся к великому «сверхличному делу». Но самое страшное — коммунизм привлекает обездоленных людей всех стран как Запада, так и Востока.

Тойнби поддерживает пропаганду государственного департамента и НАТО, старающихся всех уверить, что основным стремлением Советской России является насаждение коммунизма во всем мире любыми средствами. Это, по его мнению, основной догмат марксизма-ленинизма⁵⁴. Причем опаснейшим оружием в руках Советского Союза он считает не столько военную технику, сколько «коммунистическую пропаганду».

Россия, по его словам, не может по самой своей природе отказаться от этого догмата. Но объективные условия

⁵³ Arnold J. Toynbee. The World and the West, p. 12—13.

⁵⁴ «New York Times Magazine», 22.VII.1955.

могут вынудить ее воздержаться от применения его на практике. Так, в данное время России нужно заняться своими внутренними делами, особенно в области экономики. Для этого ей нужен мир. Но все же в этом Тойнби видит лишь временный отказ от «коммунистической агрессии» и оставляет открытым вопрос о возможности длительного мирного сосуществования. При этом он старается связать воображаемые козни Советского Союза с якобы историческими традициями царской России, с экспансией Московского государства, с учением о «третьем Риме».

Пожалуй, нигде так ярко не раскрывается реакционная сущность концепции Тойнби, как в этом извращении роли Советского государства. Весь мир знает, что именно Советский Союз ведет борьбу за предотвращение новой войны; руководители Советского государства многократно подчеркивали, что они руководствуются принципом мирного сосуществования между государствами, несмотря на различие их политических систем, и предлагали большое число конкретных мероприятий, направленных на поддержание мира во всем мире. Мирная политика Советского Союза — не временный отказ от мнимой «коммунистической агрессии», она вытекает из самой сущности советского общественного строя, подобно тому как кризисы и войны вытекали и вытекают из самой сущности капиталистических общественных порядков.

Неумны и политически вредны рассуждения Тойнби, выводящего «коммунистическую агрессию» из того факта, что царская Россия последовательно проводила экспансию. Известно, что внешняя политика того или иного государства определяется в конечном счете его внутренним строем и экспансионистская политика царской России определялась особенностями внутреннего строя помещичьего государства. Советский Союз, где давно уже уничтожена эксплуатация человека человеком, по самой природе своего общественного строя не стремится к агрессии, к разрешению политических противоречий с помощью оружия. Залугивание военной прозой, будто бы исходящей от «традиционной политики» России, объективно в настоящих условиях на руку только тем, кто старается держать человечество «на грани войны».

Тойнби беспокоят успехи мирной политики Советского Союза и возрастающее его влияние в странах, не охвачен-

ных или недостаточно охваченных «западной цивилизацией». Тойнби беспокоит близорукая политика современных руководителей западного мира; в то время как коммунизм обещает обездоленным массам колоний хлеб (как в буквальном, так и в переносном смысле), «западная цивилизация» по-прежнему подсовывает им вместо хлеба камень.

Слабость Запада в его борьбе с остальным миром заключается, по мнению Тойнби, еще и в том, что Западная Европа раздроблена на 40 суверенных государств, между тем как ей противостоят огромные «коммунистические империи». Поэтому настоятельной очередной задачей Запада является, с его точки зрения, политическое объединение. Страх перед общей опасностью должен заставить все западные страны политически сплотиться⁵⁵. Для объединения Запада, по мнению Тойнби, недостаточно обычных договоров и соглашений. Необходимо создание единой государственной организации для всего Запада.

Так снова приподнимается над сущностью писания Тойнби туманная завеса, сплетенная из шумерской цивилизации, библейской мифологии и греко-римской философии. Горы фактов и реверансы в сторону объективности робко жмутся к стене, уступая дорогу главному: созданию наукообразных обоснований для политики империалистических держав Запада, для их борьбы против СССР. Идея создания единого государства, объединяющего весь Запад, — это идея американских монополий, стремящихся подчинить своему влиянию Европу и Латинскую Америку, африканские и азиатские колониальные и полуколониальные страны. Единственное реальное обоснование этой идеи — жадность американских монополий, их страх перед растущим влиянием Советского Союза. Как они должны быть благодарны Тойнби, сумевшему найти для этой весьма материальной идеи «исторические» обоснования, сумевшему мобилизовать с этой целью колоссальную премудрость, даже и не свившуюся дельцам из Чикаго и Нью-Йорка!

Для Тойнби нет вопроса о том, кто должен возглавлять западное общество. Он думает, что Англия и Франция,

⁵⁵ Эти идеи выдвинуты Тойнби уже в первых томах «A Study of History» и подчеркнуты в «The World and the West». Дальнейшее их развитие находим в IX томе «A Study of History», в главе «Перспективы западной цивилизации».

бывшие великие державы, уже отошли на задний план перед такой «сверхдержавой», как Соединенные Штаты. Только Америка, утверждает Тойнби, защищает западный мир от «коммунистической агрессии», без этой защиты он был бы обречен.

В изложении Тойнби ряд вопросов обойден или извращен. Конечно, он не хочет признать, что объединение Запада призвано преследовать вовсе не оборонительные, а агрессивные цели. В его трактовке военное и политическое объединение стран Запада для «обороны» от Востока необходимо для охраны мира. В этом отношении Тойнби вполне солидаризируется с пропагандой государственного департамента и Форин оффис. Тойнби утверждает, что создавшееся теперь напряженное международное положение не является кратковременным, а может затянуться на очень долгое время. Запад должен объединиться, вооружаться и защищать свои границы от «агрессии». На этих границах еще долго будет литься кровь. Где же границы Запада? Тойнби называет некоторые из них. Эти границы проходят в Корее, Малайе, в Индокитае... Иначе говоря, «оборона» в сущности ничем не отличается от агрессии, слово «оборона» лишь прикрывает подготовку агрессии и самое aggression.

Но Тойнби надеется и на мирное расширение границ Запада. К западному сообществу должны постепенно присоединяться те не западные страны, которые находятся под влиянием Запада и созрели для «демократии» и других «западных ценностей». Здесь на первом месте стоит особенно любезная сердцу Тойнби Турция и другие страны Ближнего и Среднего Востока. За ними, надеется Тойнби, могли бы последовать Индия и Китай, в присоединении которых к Западу могла бы сыграть крупную роль проповедь христианства. Он ссылается на опыт иезуитов в XVI—XVII вв., который, думает он, мог бы быть очень удачным, если бы он не провалился из-за монашеской свары и консерватизма Ватикана.

Какие же отношения должны, по мнению Тойнби, установиться между объединенным и расширенным западным миром, с одной стороны, и коммунистическими странами — с другой? Тойнби надеется, что их мирное сосуществование возможно; он ссылается при этом на отношения, существовавшие между Римской империей и Парфянской державой.

По-видимому, перспективы «атлантической» политики и «рах Америка» все же не разрешают для Тойнби вопроса об исторической миссии западной цивилизации. Его лекции заканчивались пессимистической нотой. В последней из них прозвучала тема грядущей гибели западной цивилизации. Тойнби вспомнил об историческом уроке эллинской цивилизации, о конце Римского универсального государства, которое, по его концепции, уступило место универсальной церкви и пало под ударами «внешнего» пролетариата. Эта лекция вызвала негодование известной части английской прессы. На Тойнби посыпались самые страшные обвинения, его обвиняли в подрыве авторитета западной цивилизации, в философской капитуляции перед коммунизмом. Раздавались голоса, упрекавшие администрацию Би-би-си в том, что она предоставила свою трибуну «внутреннему врагу»⁵⁶.

Тему о необходимости объединения западного мира под эгидой США для защиты от Востока Тойнби продолжает развивать и в IX томе своего главного труда под заглавием «Перспективы западной цивилизации».

В последних томах «Исследования истории» Тойнби заменяет прежнее понятие «Western Society» (западное общество) новым — «Westernizing Society» (западническое общество), т. е. общество, усвоившее западный образ жизни. Он решается, хотя и неуверенно, назвать строй этого общества его настоящим именем — «капитализм». По словам Тойнби, в пределах капиталистического строя могли бы быть разрешены многие задачи, встающие перед этим «западническим» обществом в связи с его «распространением на весь мир» (он говорит о «World Wide Westernizing Society»). Отношения с колониальными народами могли бы быть установлены в духе гуманности (прямотаки кощунственно звучат слова об отношениях «в духе гуманности» с колониальными народами, свежие раны на теле которых напоминают им каждый день не столько о гуманности, сколько о дубинке и пуле американского,

⁵⁶ «Times Literary Supplement», передовая в номере от 9 апреля 1954 г.; J. G. de Beus. The Future of the West. New York, 1953 (очень почтительная и мягкая критика; написано до появления книги Тойнби «The World and the West»); D. Lerrold. The Lie About the West. A Response to Professor Toynbee's Challenge. New York, 1954 (очень резкий памфлет в стиле маккартизма).

английского или французского происхождения). Гигантский рост западной техники позволил бы разрешить вопрос о более справедливом распределении благ между людьми и улучшить положение народных масс, в том числе и живущих на грани голода крестьянских масс в отсталых странах. Но, с другой стороны, эти перспективы его пугают. Ему кажется, что рост техники вызовет усиление государственного регулирования экономической жизни в ущерб свободе предпринимательства. А это, думает он, приведет к упадку в среде буржуазии того «аппетита к работе», который будто бы был главным двигателем технического прогресса в XIX в. Тойнби боится, что психическая энергия буржуазии исчерпывается, он повторяет модные теории о том, что руководители предприятий делаются все более «чиновниками», «государственными служащими» (civil service), машиной высокоорганизованного государства. Чем же заменить эту потерю энергии?

Тойнби не думает, что возмещения можно было искать в возрастающей энергии и самостоятельности рабочего класса. Из «роботов», подчиненных капиталисту, рабочие могут стать лишь роботами профессиональных союзов и государственного регулирования.

Другая опасность, по мнению Тойнби, отдающего здесь дань неомальтузианству, заключается в том, что мир и более справедливое распределение благ приведут к росту рождаемости в массах «крестьянства», составляющего большинство населения земли, и это поставит ряд стран, а то и все человечество перед проблемой перенаселения.

Наконец, если даже удастся избежать войны, классовой борьбы и разрешить проблему перенаселения, то перед людьми возникает проблема... досуга (leisure). Досуг становится общим достоянием. Но в наш век радио и телевидения (как они знакомы Тойнби по западным образцам) это будет монотонный и пресный, лишенный духовного содержания досуг, сменяющий монотонную, механическую работу.

Итак, Тойнби рисует перед капиталистическим западным миром довольно грустные перспективы, а главное — так страстно призываемое им объединение Запада под руководством Америки и грядущее «универсальное государство» и «крах Американа» все же не гарантируют прочного мира. Ответы его на прямо поставленный вопрос о том, будет или не будет третья мировая война, несмотря на весь

их кажущийся оптимизм, звучат как известный прогноз погоды: «либо будет, либо нет». Эта неопределенность в ответе на вопрос, волнующий сейчас все человечество, опять-таки выгодна тем, кто заинтересован в сохранении «холодной войны»: миним оптимистический ответ на деле должен вселить в буржуазного обывателя уверенность в том, что угроза войны (разумеется, из-за «козней Советского Союза!») не исчезла, что противники ослабления международной напряженности правы, постоянно призывая к вооружению западного мира. Мы можем заявить прямо, что народы мира сейчас в состоянии сказать «нет!» войне, не допустить вспышку новой мировой войны. Человечество имеет все основания, чтобы смело смотреть вперед: Советский Союз и страны социалистического лагеря зорко стоят на страже мира во всем мире.

Из всех опасностей Тойнби видит один выход. Психическая энергия, не находящая себе исхода, должна обратиться в сторону религии. Религиозное возрождение должно разрешить все задачи, стоящие перед западной цивилизацией и перед всем миром, в том числе и задачу перенаселения. Только религия, кажется ему, может внушить непросвещенным массам «крестьянства» принципы неомальтузианства. Тогда души западного человечества обратятся к истинной цели человека — к прославлению бога и радостному общению с ним. Тойнби видит в этом для упавшего духом поколения «западных мужчин и женщин» возможность «удовить малайзий отблеск благодатного света».

А если западная цивилизация не сумеет воспользоваться советами Тойнби и ей не удастся возродить религию? Тогда, предупреждает Тойнби, ей грозит не столько анархия, сколько еще худшее: потеря свободы духа, тоталитарное государство, глубокий моральный упадок, нечто худшее, чем то, что было в поздней Римской империи или в средневековом Китае, так как новая правящая группа будет обладать более совершенными орудиями принуждения.

* * *

Но все же Тойнби хочет верить, что западная цивилизация преодолест все стоящие перед ней опасности и ей предстоит великое и светлое будущее.

Оценивая судьбы западной цивилизации, Тойнби рисует самые оптимистические перспективы⁵⁷. Он не раз высказывал мысль, что перед Западом стоит историческая цель установления «рах оесимениса» — «всемирного мира». Западная цивилизация уже подчинила в той или иной степени своему влиянию, своей радиации все страны мира, ей надо закончить свое дело. В современном мире аэроплана, уничтожившего расстояния между странами, и атомной бомбы, угрожающей самому существованию жизни на земле, всем людям необходимо объединиться и составить одну семью под одной крышей. Тойнби призывает к тому, чтобы распространение западной цивилизации приняло (и в не столь уж далеком времени) форму универсального государства, охватывающего всю планету без всяких границ⁵⁸.

В этом Тойнби видит великую миссию западной цивилизации. Объединение человечества должно основываться на «западных» принципах свободы и демократии. Это объединение, однако, не должно быть результатом завоевания мира западной цивилизацией. Задача Запада — не распространение своей власти на весь мир, а сооружение руками Запада «лесов» для здания, в котором все отдельные цивилизации сольются в одну. При этом западная цивилизация должна сама вобрать в себя лучшие элементы других цивилизаций и перестать быть только западной цивилизацией, чтобы стать цивилизацией всемирной. Таково предназначение Запада: творя свою историю, он решает величайшую задачу для всего человечества; и в этом процессе «провинциальная» история Запада будет поглощена всемирной. «Творя свою историю, мы выходим за пределы своей истории». Здесь уже начинаются пророческие видения. Эта всемирная цивилизация будет наследницей всех культур, сплавленных в одном тигле: в ней должны гармонически слиться наследия Конфуция, Лао-цзы, Сократа, Платона, Плотина, Гаутамы-Будды, Христа, Зороастра, Мухаммеда, библейских пророков, Петра и Павла, отцов восточной церкви, Августина, Бенедикта Нурсийского, Климента, Оригена, Ибн-Халдуна, Боссюэ. Список

⁵⁷ См. особенно его статьи «The Unification of the World and the Change in Historical Perspective». — «History», vol. 33, № 117, 118, February, June 1948; «The Revolution We Are Living Through». — «New York Times Magazine», 25.VII.1954.

⁵⁸ «Abridgement of vols. VII—X», p. 118.

достаточно выразительный! К чему несколько неожиданно прибавлены имена Ленина, Ганди, Сун Ят-сена, Кромвеля, Вашингтона, Мадзини. Этот список, где имена христианских святых оказываются бок о бок с именами революционеров, весьма показателен для тактики нынешних идеологов буржуазии. Они уже не могут по-старому замалчивать или отвергать идеи ленинизма: слишком популярно ленинское учение в широких кругах трудящихся, в том числе и в капиталистических странах! Идеологи буржуазии занимают теперь поэтому иную позицию: они, оказывается, признают Ленина выдающимся мыслителем и политическим деятелем, они даже готовы допустить его в число творцов мировой культуры, они уделяют ему местечко где-то между Августином и Кромвелем. Но тем самым они по сути дела неизмеримо принижают историческую роль великого пролетарского вождя, подлинного выразителя нужд и чаяний народных масс. Учение марксизма-ленинизма — это научная теория, прокладывающая путь к построению бесклассового общества, к созданию подлинного счастья на земле. Конунство смешивать это учение, отражающее интересы миллионов тружеников, с идеалистическими мудрствованиями Плотина, с проповедью ловиновения властям, предержащим, приписанной никогда не существовавшему апостолу Павлу, с монашеским уставом бенедиктинцев.

В мире будущего, продолжает свои предсказания Тойнби, будет создано мировое правительство, основанное на мировом сотрудничестве (мы уже говорили о политическом смысле, который приобрели в настоящее время призывы к «единому государству»). В мире будущего сухопутный и морской транспорт уступят место воздушному и столица мира будет не в Лондоне и не в Нью-Йорке, а в центре распределения населения по земному шару. Он помещает эту будущую столицу в окрестностях Вавилона или в Ферганской долине, где, по его мнению, некогда сталкивались великие религии и философские системы Индии, Китая, Ирана, Сирии и Греции.

Будущее братство, думает Тойнби, должно сопровождаться и социальным переустройством. Все прежние цивилизации были созданы незначительным правящим меньшинством, восседавшим на спине крестьянских масс, которые находились на ступени развития неолитического человека. Но эти массы пробуждаются. Важнейшую роль в этом пробуждении сыграли промышленный переворот в

Англии, французская и русская революции. Полтора миллиарда людей спят, но их пробуждение — дело времени. Новое общество должно сочетать принципы частной собственности и «свободного хозяйства» с принципами социализма. Тойнби думает, что Западная Европа могла бы сыграть здесь примиряющую роль между противоположными принципами России и Америки.

Каков же смысл этой эклектической мешанины, зачем нужно Тойнби творить это фантастическое общество будущего, где лев возляжет рядом с ягненком и частная собственность примирится с принципами социалистического строя? Мы уже говорили, что нынешние апологеты буржуазного порядка не могут просто игнорировать учение марксизма-ленинизма. И вот они делают вид, что принимают социалистические идеалы; но тут же они лишают это признание всякого реального смысла, ибо, признавая социалистические идеалы, они вместе с тем признают и идеалы капиталистического мира... Ясно, что все это у Тойнби лишь маска, нужная, чтобы повеличаться своим высоким беспристрастием и вместе с тем показать ничтожество «земных» дел перед высшими ценностями религии, а кетати унижить несколько исторических имен, отведя им скромный уголок в новом пантеоне, где они должны померкнуть за сияющими нимбами основателей религий, святых и пророков.

Но как достигнуть такого счастливого состояния? Тойнби советует западной буржуазии быть мудрой и великодушной. Он призывает помнить о либеральных лозунгах свободы, равенства и братства (над которыми сам не раз иронизировал) и признавать человеческое достоинство за пеевропейскими народами.

Но Тойнби не надеется, что такими полумерами и еще другими предлагаемыми им умеренными реформами (увеличение налогов на богатых, национализация некоторых ключевых отраслей индустрии, государственная помощь бедным) удастся осуществить создание утопического строя, о котором он мечтает. Он приходит к заключению, что создание такого строя может быть лишь делом чуда и это чудо должна сотворить религия. Истинную цель земной жизни человечества Тойнби видит в приготовлении души к будущей жизни, а не в установлении лучшего общественного порядка на земле («Civilization on Trial»). Социальный строй является для него второстепенным и подчиненным вопросом.

Подлинную основу нового общества Тойнби видит в религии. Новое, «вселенское общество» должно быть воздвигнуто не на «песке экономики», а на гранитном фундаменте веры.

Обращение к религии — вот то чудо, которое может спасти людей и, в частности, потерявшую свою религиозную сущность западную цивилизацию и сделать ее основой (или хотя бы лесами) нового, всемирного общества.

Но какая вера призвана обновить человечество? Тойнби признает, что в этом вопросе его взгляды претерпели некоторые изменения. В шести томах «Исследования истории» и в статьях, написанных в начале второй мировой войны, он, отдавая должное другим «высшим религиям», считал единой истинной верой христианство, или, точнее, католичество. Хотя Запад в значительной мере потерял свое религиозное сокровище, но, по его мнению, старая религия в виде западного христианства пустила глубокие, иногда скрытые и незримые корни в душе людей Запада, и это вселяет в него надежду на спасение. Можно ожидать в грядущем возвращения к вере отцов — католичеству, что обещает продление и западной цивилизации, поскольку католичество представляет, по Тойнби, ее глубочайшую основу.

Тойнби изменяет своей схеме смены цивилизаций, допуская, что развитие религии, несмотря на падение и гибель цивилизаций, шло по постоянно восходящей линии и достигло, наконец, своего завершения в западном христианстве. В божественном плане всемирной истории «цивилизации являются служанками религии» (*civilizations are handmaids of religion*)⁵⁹. Их падение и гибель — это ступени к высшим достижениям религиозного сознания. Христианская религия выросла, по его мнению, на развалинах шумерской, египетской, сирийской и греко-римской цивилизаций. Высшая ступень в виде римского католичества уже достигнута. Таким образом, дальнейшая смена цивилизаций и дальнейшее развитие религий делаются уже ненужными. Как эллинская цивилизация и универсальная Римская империя подготовили распространение христианства по странам Средиземного моря, так западная цивили-

⁵⁹ Arnold J. Toynbee. *Civilization on Trial*, статья «Christianity and Civilization».

зация и грядущая «универсальная империя» распространят его на весь мир. При этом, думает Тойнби, христианство может обогатиться некоторыми элементами индийской и китайской философии. Тойнби пишет: «Надо пересмотреть нынешнюю систему исторических исследований. Надо смотреть на историю Запада с точки зрения той роли, которую она сыграла в объединении мира, отодвинув на задний план экономическую и политическую историю и признав примат истории религии, так как только религия может принести спасение»⁶⁰.

Исполнив свою историческую миссию, универсальная империя может уступить место универсальной христианской теократии, «*Res publica christiana*» с папой во главе. «Церковь в ее традиционной форме, вооруженная копьем литургии, щитом иерархии и шлемом папства», крепче всех цивилизаций и может пережить их все. Это грядущее царство «наместника Христова» будет если еще не царством небесным, то во всяком случае «провинцией царства небесного». Но здесь уже, провозглашает Тойнби, «история переходит в теологию».

Так писал Тойнби в 1940 г. Но потом он отказался от мысли, что «западное христианство» представляет единственную истинную религию; он стал думать, что все «высшие религии» — христианство, мусульманство, индуизм, буддизм — являются путями к познанию бога и общению с ним, что и представляет высшую цель мировой истории.

Тойнби перестраивает свой план всемирной истории. История цивилизаций, в которой он раньше видел основное содержание истории человечества, теперь кажется ему лишь ступенью в процессе, восходящем от первобытных обществ — через цивилизации — к высшим религиям.

Он отказывается от прежней концепции, согласно которой в истории доминирующая роль принадлежит цивилизациям, а церкви (хотя бы и универсальные) занимают подчиненное место в истории цивилизаций. На историю цивилизаций следует смотреть с точки зрения не их собственных судеб, а их роли в истории религии. Возникновение церквей — это не этап дезинтеграции цивилизаций, а оправдание всей предшествующей истории породивших их обществ. Так, думает Тойнби, подходит к истории и то «собрание книг, которое мы называем Библией»⁶¹. В связи

⁶⁰ Ibidem.

⁶¹ «Abridgement of vols. VII—X», p. 87.

с этим цивилизации не представляются уже одновременными и равноценными, они располагаются в последовательном порядке по степени их участия в создании «высших религий». У него история религий разворачивается в единый прогрессивный процесс в отличие от истории цивилизаций, которой свойственны множественность и повторяемость.

В приложенной к VII тому «A Study of History» таблице он дает новую схему всемирной истории. Передаем ее в сокращенном виде:

1. Первобытные общества.

2. Первичные цивилизации (происшедшие непосредственно из первобытных обществ): египетская, шумерская, древнейшая цивилизация долины Инда, минойская, древнекитайская (Шан) и др.

3. Дочерние цивилизации: вавилонская (из шумерской), индийская (из древней культуры Инда), сирийская и эллинская (из минойской), китайская (из культуры Шан) и др.

4. Высшие религии (возникшие из вторичных цивилизаций): иудаизм и зороастризм (из вавилонской), индуизм (из индийской), ислам (из сирийской), христианство (из эллинской), буддизм в форме Махайана и др.

5. Третичные цивилизации (возникшие из вторичных цивилизаций через посредство высших религий): хинду (из индийской), иранская, арабская (из сирийской через ислам), христианская — западная и восточная с «русской» ветвью (из эллинской через христианство), дальневосточная (из китайской через буддизм).

«Высшие религии» (а их возрождением Тойнби обуславливает «спасение человечества») становятся теперь центральным пунктом всего плана истории. Им принадлежит особое место в истории цивилизации. Высшие религии возникают между вторичной и третичной цивилизациями как своего рода связь между ними. Возникнув, по схеме Тойнби, в универсальных государствах вторичных цивилизаций как религии пролетариата, они перерастают в универсальные церкви и делаются основой для новых третичных цивилизаций.

Но третичные цивилизации не породили ничего похожего на высшую религию или универсальную церковь. Универсальная церковь будущего, которая должна охватить весь мир, рисуется Тойнби не как синкретизм, а скорее

как симбиоз «высших религий», выросших на основе вторичных цивилизаций. Впрочем, он делает отбор высших религий, отводя, например, нудаизм⁶². Свой отбор Тойнби старается оправдать соответствием, якобы существующим между четырьмя отобранными им «высшими религиями и четырьмя основными психологическими типами»⁶³. Тойнби считает «доминантой» индуизма «мышление», христианства — «чувство», ислама — «ощущение» (*sensation*), буддизма — «интуицию». Он видит в четырех высших религиях четыре гармонически звучащих варианта одной темы, которые дополняют друг друга в понимании бога.

Так путем нового чуда цивилизации третьего поколения (и прежде всего западнохристианская) спасутся от гибели, объединятся и направят свою энергию на борьбу с «идолопоклонством» в его самой порочной форме — форме «коллективного самопоклонения человека» (*man's cotrorgate worship of himself*)⁶⁴.

Тойнби представляет себе общество будущего как церковь, обладающую, впрочем, известными функциями государства. Мы оставляем в стороне мистические видения Тойнби относительно дальнейших судеб человечества, разрешающихся уже не на земле, а в «ином мире», когда человечество включится в «Град божий», в «общество святых»...

К религии, вере, к интуитивному познанию бога и общению с ним как к последней цели истории, к превращению истории в теологию приводит в конце концов «здравый английский эмпиризм» Тойнби. Цивилизации делают у него служанками религии, история — служанкой богословия. Жалкий конец!

«Чудо», которое должно объединить человечество и привести его к «спасению», предполагает, согласно учению Тойнби, появление нового спасителя, мессии, основателя новой религии или вернее, новой церкви, в которой должны

⁶² Представляющийся Тойнби ископаемой окаменелостью (*fossil*), за что ему жестоко досталось от сионистов и их присных. — Maurice Samuel. *The Professor and the Fossil*. New York, 1956; Abba Eban (посланник Израиля в США). — *The Toynbee Heresy*; F. E. Robin. *The Professor and the Fossil*. — «Toynbee and History».

⁶³ Arnold J. Toynbee. *A Study of History*, vol. VII, p. 716—731.

⁶⁴ «Abridgement of vols. VII—X», p. 90—93.

объединиться четыре «высшие религии», очищенные от своих случайных элементов и прежде всего от нетерпимости, от притязаний на исключительное право обладания истиной.

Вполне естественным является предположение, высказанное оксфордским историком Тревор-Ропером, что таким мессией Тойнби считает самого себя и что его огромный труд представляет своего рода Библию «от Тойнби»⁶⁵, причем первые шесть томов представляют «Ветхий завет», где проповедь идей религии идет еще в скрытом виде и в прообразах, а последние четыре являются «Новым Заветом», где раскрывается новая религия, которую Тревор-Ропер называет «религией Миш-Маш» (смесь, путаница). Помещенные в X томе «Исследования истории» автобиографические сведения действительно написаны в торжественном стиле жития мессии. Возможно, Тойнби не ставит себя в один ряд с Буддой, Христом и Мухаммедом, а скорее довольствуется более скромной ролью пророка — провозвестника грядущей религии. И все-таки конец его огромного труда производит почти комическое впечатление.

* * *

Как-то странно заниматься критикой писаний Тойнби с точки зрения требований научного метода⁶⁶. Метод Тойнби, как и его учителей Шпенглера и Бергсона, представляет собой отрицание научного метода, отрицание рационального познания истории, поворот к иррациональному, интуиции, лишь прикрытым научной фразой. Но Шпенглер открыто высказывал презрение к критическому методу «профессиональных» историков и выдвигал «метод» интуиции, воображения, смелых дедукций из догматических положений. Тойнби же стремится представить свой метод как «трезвый английский эмпиризм» и уверяет, что его выводы основаны на твердо установленных фактах. Он говорит о нормах и законах исторического процесса, будто бы найденных им эмпирическим путем. Тойнби засыпает читателя фактами, набранными из истории всех стран и эпох. Но все они нарочито подобраны и представлены для

⁶⁵ H. R. Trevor-Roper. Arnold Toynbee's Millenium.— «Encounter», June 1957.

⁶⁶ Ср. Е. А. Росмыслский. Историософия Арнольда Тойнби.— «Вопросы истории», 1957, № 1, стр. 138.

доказательства догматических положений, полученных интуитивным путем. Его метод является столь же априористическим и иррациональным, как метод Шпенглера. Главный опус Тойнби со всеми его дополнениями — это не история, не наука, а геолого-метафизическая фантазия на тему о судьбах человечества, чудовищно многословная, загроможденная невероятным количеством имен, названий, дат, цитат, дополнений, примечаний, экскурсов, непроверенных фактов, необоснованных гипотез, исторических анекдотов, библейских и мифологических образов, мистических видений, вычурных модернистических словечек; фантазия, местами занимательная, но с точки зрения науки совершенно бесплодная, более того, вредная. Но опус Тойнби претендует на научность, даже больше, на новое слово в науке. Поэтому нам все-таки придется сказать несколько слов о методологии, лежащей в основе «Исследования истории» профессора Тойнби.

Тойнби упорно называет свой метод трезвым английским эмпиризмом. Термин эмпиризм получал весьма различные значения. В данном случае, противопоставив его априоризму Шпенглера, Тойнби, очевидно, хочет сказать, что его теория генезиса развития и гибели цивилизаций выведена индуктивным путем, на основе изучения фактов. Действительно, фактов в книгах Тойнби собрано много, даже, можно сказать, слишком много. Но каковы эти факты и как они используются?

Эрудиция Тойнби огромна. Едва ли найдется другой историк, оперирующий таким огромным материалом. Но стоит только присмотреться к фактическому материалу, привлекаемому Тойнби, и сразу же бросается в глаза крайняя неравномерность его эрудиции. Тойнби необычайно эрудирован в Библии, истории, литературе и в мифологии эллинистической цивилизации, отчасти западной, поверхностно и неравномерно — в истории других цивилизаций, сущность которых он излагает совершенно произвольно. Совершенно поверхностно, можно сказать, дилетантски, он знаком с экономической историей, с историей права, искусства, философии⁶⁷. Много раз «критикуя», вернее отгульно понося марксизм, он не обнаруживает даже поверхностного знакомства с трудами Маркса, Энгельса, Ленина.

⁶⁷ «Toynbee and History», p. 178.

Элементарным требованием, предъявляемым к историку, является использование им лишь твердо установленных фактов. Конечно, нельзя требовать от историка, берущегося охватить всю всемирную историю от начала цивилизаций до видов на будущее, чтобы он всегда пользовался первоисточниками и сам проверял все используемые им материалы. Тойнби в огромном большинстве случаев пользуется материалом, взятым из вторых рук. Но неразборчивость его в этом отношении поразительна. Для доказательства своих положений он пользуется любым, даже явно недостоверным материалом, а достоверный подвергает истолкованию или, точнее, перетолковыванию, совершенно искажающему, затемняющему его содержание; рядом с историческими фактами он приводит груды доказательств «от писания», из мифологии, из произведений поэтов. При этом граница между фактами (по большей части мистифицированными), мифами и поэтическими образами обычно остается крайне зыбкой. Библия и христианская мифология часто трактуются им как «слово истины». Свои теории о происхождении цивилизации и о вызовах и ответах он базирует на «Прологе на небе» из «Фауста», на книге Бытия, евангелиях, книге Иова, скандинавской «Voluspa», эврипидовском «Ипполите», мифах о Данае, Европе и быке, Семеле, Креузе и Аполлоне, Эросе и Психее и на теории происхождения солнечной системы в версии Джинса ⁶⁸.

Даже когда Тойнби придерживается более строгого отбора исторических доказательств, они ничего не доказывают в силу своеобразного их применения.

Критики Тойнби говорят об удивительном «выкраивании» им исторических фактов ⁶⁹. Вот как формулирует свое впечатление от чтения Тойнби его оксфордский коллега Г. Тревор-Ропер: «Сначала выдвигаются теории, часто интересные и наводящие на размышление, потом подбираются факты, чтобы их иллюстрировать (потому что нет теории, которую нельзя было бы иллюстрировать подобранными фактами); потом волшебник взмахивает своей палочкой, наш ум ослеплен массой учесных деталей, и нам

⁶⁸ Arnold J. Toynbee. A Study of History, vol. I, p. 271—272.

⁶⁹ R. H. Hilton, A. J. Toynbee's Reith Lectures.— «The Modern Quarterly», vol. 8, № 3, 1953, p. 183.

объявляют, что тезисы «эмпирически» доказаны фактами и теперь можно перейти к дальнейшему»⁷⁰.

Нет ничего легче, чем находить у Тойнби фактические ошибки, неточности, неверные или по крайней мере сомнительные, истолкования фактов, непоследовательность, постоянные противоречия, недоказанные утверждения и т. д. Указанием ошибок такого рода усердно занимались почти все его критики, и надо сказать, что им удалось собрать множество подобных упреков. Почти каждый специалист в той или иной области истории находил у Тойнби ряд явно недопустимых с научной точки зрения утверждений. Даже история эллинской цивилизации, по образцу которой он выкраивает историю всех остальных, изобилует у Тойнби грубейшими искажениями, многочисленными примерами которых приводятся в работах буржуазных историков⁷¹.

Еще более странные вещи находим мы в трактовке Тойнби истории России. Как говорит американский историк Кларксон⁷², если бы выбрать из «Исследования истории» Тойнби то, что относится к России, и расположить это в хронологическом порядке, то получилась бы фантастическая карикатура на русскую историю. Тойнби относит «бракдаун» русской цивилизации (или, по его терминологии, русской ветви восточнохристианской цивилизации) к концу XI в., к распадению Киевской державы. С таким же основанием он мог бы отнести «бракдаун» западнохристианской цивилизации к Верденскому договору 843 г.! Иван IV в его изображении — просто кровожадный палач, а Петр I — гений, проникнутый «чисто западным духом». Тойнби кажется, что в течение последних четырех столетий Россия была жертвой агрессии со стороны Запада. Он забывает о том, что попытки «наступления» Запада на Россию (польско-шведская агрессия в начале XVII в., Великая Северная война в XVIII в., война 1812 г.,

⁷⁰ H. R. Trevor-Roper. Testing the Toynbee's System.—«Sunday Times», 17.X.1954.

⁷¹ J. Vogt. Die antike Kultur in Toynbees Geschichtslehre.—«Saeculum», II, H. 4, 1951, S. 564 f. Грубые ошибки допускает он в истории Китая, Индии, Египта, Месопотамии.—R. Coulborn. Fact and Fiction in Toynbee's Study of History.—«Ethics», July 1956.

⁷² J. D. Clarkson. Toynbee on Slavic and Russian History.—«The Russian Review», July 1956, p. 165; cp. G. Barracough в «Listener», 14.X.1954, p. 639.

интервенция Запада в 1918—1920 гг., о которой он, впрочем, по вполне понятным причинам умалчивает, агрессия гитлеровской Германии) оканчивались провалами. Странно трактует он роль русской «*intelligentsia*», приписывая ей общую «антипетровскую» и «антизападную» направленность начиная с декабристов. В 1825 г., полагает он, была объявлена война петровской системе⁷³.

Историческая роль Великой Октябрьской социалистической революции принижена Тойнби: он признает за ней лишь некоторое значение в деле пробуждения масс и ставит ее в один ряд с таким явлением, как промышленный переворот в Англии. Тойнби как верный сын своего класса не хочет видеть, что в отличие от всех предшествующих революций, которые лишь заменяли одних эксплуататоров другими, Великая Октябрьская революция вообще покончила с эксплуатацией человека человеком. В соответствии с этим Тойнби стремится преуменьшить и значение второй мировой войны, которая кажется ему «второстепенной войной», «дополнительной» к первой мировой войне. Этим путем он пытается зачеркнуть ту роль, которую сыграл советский народ в освобождении Европы от гитлеровской тирании; он не хочет видеть и того, что после второй мировой войны новые массы трудящихся в Азии и Восточной Европе были вовлечены в героическую работу по строительству социализма. Зато таким ничтожным событиям, как парламентские выборы в Турции в 1950 г., он приписывает значение поворотного момента в мировой истории⁷⁴.

Много самых странных истолкований фактов можно найти в трактовке им истории Запада. Ограничимся лишь несколькими примерами.

Тойнби утверждает, что в XVIII в. войны в странах Запада были сведены к минимуму, к которому никогда не приближались ни в предшествующие, ни в последующие времена⁷⁵. На самом деле XVIII в. не менее других столетий изобиловал войнами.

Перенося свою теорию «уходов» и «возвращений» с отдельных личностей на целые государства, Тойнби утверждает, что Англия готовилась к своей великой историче-

⁷³ «*Abridgement of vols. VII—X*», p. 186.

⁷⁴ Arnold J. Toynbee. *The World and the West*, p. 29.

⁷⁵ Arnold J. Toynbee. *A Study of History*, vol. IV, p. 143.

ской роли путем ухода от европейской политики и изоляции на своем острове. Этот период ухода продолжался, по его мнению, от какого-то момента между 1429 г. и 1558 г.⁷⁶ и до 1914 г. (или по крайней мере до 1870 г.). Но ведь в это время Англия самым активным образом вмешивалась в дела континента!

Еще более удивительное искажение событий мы находим в приложенной к VII тому таблице «Универсальных государств». В ней говорится, что наполеоновская империя (1797—1814) была временем «универсального мира» для Западной Европы! Подобных примеров можно было бы привести очень много.

Тойнби большой мастер жонглировать фактами. Но иногда, по выражению одного из его критиков, он жонглирует, стоя на голове. Не удивительно, что историки, привыкшие относиться к фактам с большим почтением, прилагали к Тойнби весьма непочтительные сравнения. Его характеризовали как фокусника, производящего свои трюки при приспущенном свете, с отвлекающими зрителя шутками⁷⁷, как проворную обезьяну, ловко прыгающую с ветки на ветку по дереву истории⁷⁸, как невероятно смелого и ловкого канатоходца. «Это не история, это чудовищное извращение истории», «все это висит в воздухе»! — такие выводы следуют за подобного рода сравнениями. «Автор обманывает себя, если он думает, что его система основана на эмпирическом методе», — восклицает один из критиков Тойнби — голландский историк П. Гейл⁷⁹.

Но, может быть, автор вовсе не обманывает себя. Может быть, под «трезвым английским эмпиризмом» надо понимать совсем не то, что понимают его критики. Ведь Тойнби приучил нас понимать многие его слова не так, как это обычно принято. Тойнби производит переворот не только в истории, но и в семантике. У него свое понимание «опыта», «эмпиризма», «факта», «доказательства». Он об этом не говорит прямо, вводя в заблуждение своих критиков. Но достаточно взглянуть в его приемы, чтобы увидеть, что перед нами не неумение владеть научным

⁷⁶ Ibid., vol. III, p. 366.

⁷⁷ «Toynbee and History», p. 124.

⁷⁸ L. Stone. — «Spectator», 29.X 1954.

⁷⁹ P. Geyl. Toynbee as Prophet. — «Toynbee and History», p. 360.

методом, не самообман, а настойчивое, вполне сознательное и последовательное проведение своего метода. Тойнби не шарлатанит, не паясничает, не жонглирует фактами. Как это кажется его коллегам, придерживающимся другой позиции.

Некоторые из рецензентов Тойнби ставят ему в особую заслугу то, что он отказался от «идолов так называемой научной и объективной мысли». Но, повергая этих «идолов», Тойнби преклоняется перед идолами религии, мистики, интуиции и т. д., которые требуют от своих адептов совершенно иных методов «исследования истории».

Совершенно очевидно, что его общая концепция смысла и целей истории, концепция по существу теологическая; требует совершенно иного понимания «опыта», факта, причинной связи, закономерности, чем те, которые установлены «научной и объективной мыслью». И его «эмпиризм» есть эмпиризм особого рода.

«Эмпиризм», как его понимает Тойнби, заключается в том, что все свои положения он доказывает бесчисленными фактами, соответствующим образом подобранными и истолкованными. Этот отбор и истолкование не являются ни случайными, ни произвольными. Тойнби отбирает те факты, которые кажутся ему существенными для понимания истории, оставляя в стороне или касаясь лишь случайно тех, которые кажутся ему несущественными. Отсюда его олимпийское пренебрежение к крупнейшим областям исторического изучения, игнорирование важнейших и твердо установленных фактов и витание в расплывчатой, туманной и обманчивой области, которая лежит между историей и мифом. Отсюда его презрение к профессиональным историкам, указывающим на его поистине бесчисленные ошибки в освещении и изложении фактов. «Тем хуже для фактов» — для тех фактов, которые приводятся против его построений. Очевидно, это несущественные, не заслуживающие внимания факты.

Его цель, достаточно ясная уже с самого начала и все более раскрывающаяся в дальнейших томах (начиная с VI), — обосновать «эмпирическим» исследованием хода истории истинность религиозного представления о судьбах человечества.

Вера в бога, представляющего некую «абсолютную реальность» и вмешивающегося в ход истории через по-

средство избранных им великих людей (оставляя, впрочем, им свободу не следовать за его «вызовами»), открывает автору самую широкую возможность оперировать понятиями «причинности» и «закона». «Причинность» в основном сводится к психологии «элиты». «Закон» по мере необходимости может быть связывающим человека «законом природы» или «законом бога», якобы освобождающим человека, но прежде всего освобождающим автора от следования требованиям научного метода.

Через распахнутые религией двери в историю врывается бесчисленный рой туманных призраков, за которыми уже трудно рассмотреть истинные очертания предметов, интуиция, модная психология бессознательного, мистика. Затуманивается и терлется разница между фактами и самими фантастическими видениями.

Вольно и просторно полуисторику-полупровидцу в этой атмосфере, где история сплетается с мифом, образами поэзии, снами и видениями, где по его велению любой исторический факт переносится в любую эпоху, принимает любую форму.

А цель достигнута заранее,
Победа предваряет бой —

его вера в «живого», личного бога, который любит сотворенных им людей и особенно свою избранную «западную цивилизацию» и не даст им погибнуть, заранее рисует путь, предназначенный вывести человечество из всех бед, в которые оно было вовлечено происками сатаны и «первородным грехом». Надо усердно молиться богу, чтобы он сотворил великое чудо — вернул людей к вере.

Тойнби не одинок. Он представляет в области истории то течение, которое распространяется во всех областях современной буржуазной науки и выражается в переходе в исследовании явлений природы и общества в область иррационального, интуитивного — в последнем счете в область религии. Этот отход прикрывается квазинаучной терминологией.

Нам толкуют о новом методе, введенном Тойнби в историческую науку (правда, при этом имя Тойнби соединяется с именем Шпенглера, от метода которого Тойнби отмежевывается).

Комментаторы Тойнби указывают на связь этого нового «метода» с поворотом, якобы происходящим и в ряде

других наук, особенно в теоретической физике. Нам серьезно толкуют о том, будто Шпенглер и Тойнби открыли квантовую структуру мировой истории. Они якобы покоńczyли с идеей «континуума» — непрерывного прогрессивного развития человечества — и показали, что это развитие совершается путем «квантообразных» толчков энергии. В идеях Тойнби комментаторы ищут аналогию современным представлениям о природе атома...

Но все эти странные уподобления обнаруживают лишь родство Тойнби с теми реакционными течениями в буржуазном естествознании, которые спешат отказаться от научного метода и открыть двери иррационализму и фидеизму.

У Тойнби нет недостатка в квазинаучных приемах — в классификации, специальной терминологии, в видимости установления причинной связи между явлениями и общими законами хода истории. Но все это лишь видимость.

«Изгнание законов из науки есть на деле лишь протаскивание законов религии», — пишет Ленин⁸⁰.

Тойнби не протаскивает законы религии, а сознательно открывает перед ними двери, вводя в историю двойное понимание «закона» — как «закона природы» и «закона бога». Ход истории определяется отчасти «безличными законами единообразной и неумолимой природы». Человек лишь в очень малой степени может на них воздействовать в своих целях. По-видимому, такими «законами» Тойнби сначала считал выведенные им «эмпирически» неотвратимые законы возникновения, роста и гибели цивилизаций. Это дало повод его оппонентам (особенно П. Гейлу) усматривать в его концепции фатализм. Но потом это понимание «закона» у Тойнби меняется. После III тома «A Study of History» он редко употребляет этот термин в данном смысле. Он решительно отказывается признать себя «детерминистом»⁸¹. Под законами природы в применении к истории он скорее понимает веления подсознательной психики человека.⁸² Но главное — в истории действует «закон всемогущего бога». В отличие от

⁸⁰ В. И. Ленин. Сочинения, т. 20, стр. 182.

⁸¹ «New York Times Magazine», 20.II.1955.

⁸² «Abridgement of vols. VII—X», p. 299—300.

безличного закона природы это закон, определяемый разумом и волей личного бога ⁸³.

В противоположность неумолимой принудительности закона природы закон идентичного с любовью бога есть «закон свободы человека». Но и закон природы — закон регулярно повторяющегося движения — создан богом, как колеса повозки созданы колесником по заказу возчика и должны двигать повозку к определенной цели. Так, вся система «законов» приобретает теоцентрический характер, а историку открывает самый широкий простор для балансирования «законами» бога и природы. И здесь «эмпиризм» Тойнби все более переходит в теологию.

Некоторые из критиков Тойнби сравнивали изображаемую им роль бога в истории с ролью «*deus ex machina*», который в античной драме приводит запутавшееся положение к благополучному концу ⁸⁴.

Как пишет журнал «*Time*» (широко рекламировавший «открытия» Тойнби) «Тойнби вновь восстановил бога в исторических правах» ⁸⁵.

У Тойнби есть попытки разграничить сферы науки и религии, отводя одной сферу «рациональной истины», а другой — сферу «интуитивной истины», но самостоятельное значение науки у него немедленно меркнет в свете религии, поскольку он считает общей задачей и той и другой найти тот глубоко лежащий гранит *основной истины*, на котором утверждается и интуитивная, и рациональная истина, т. е. более полного познания бога ⁸⁶. Таким образом, наука, в частности историческая наука, все же в конце концов оказывается служанкой теологии.

На практике у Тойнби не проводится разграничения между религией и наукой, между интуитивным и рациональным методом.

В его «эмпиризме» сливаются, следовательно, «две разные формы опыта» ⁸⁷. И логика и язык интуитивной истины иные, чем истины «рациональной». Кроме того, в са-

⁸³ Ibid., p. 262—263.

⁸⁴ J. Popper en. La philosophie de l'histoire d'Arnold J. Toynbee. — «La Pensée», 1952, № 42—43, p. 145; Э. А. Араб-оглы. Философия истории Арнольда Дж. Тойнби. — «Вопросы философии», 1955, № 4, стр. 118.

⁸⁵ «Time», 18.X.1954; «Вопросы философии», 1955, № 4, стр. 118.

⁸⁶ «Abridgement of vols. VII—X», p. 101—103.

⁸⁷ Ibid., p. 97.

мой человеческой психике, по его мнению, значительно перевешивают элементы иррационального. Иррациональное, интуиция все более доминирует в «Исследовании истории». Историк все более превращается в визионера, в прорицателя. Это путь вырождения буржуазной историографии.

В помещенной в X томе автобиографии не то историк, не то пророка Тойнби вполне серьезно рассказывает, как не менее семи раз (он дает точные указания места и времени) он был «перенесен» («transported») или «вознесен в общение» («rapt into communion») с тем или иным историческим событием или лицом. Один случай особенно характерен, и его стоит привести.

В Лондоне, в южной части Бекингем Палас Род, близ станции Виктория, пополудни вскоре после первой мировой войны он внезапно почувствовал себя в общении не с каким-либо отдельным историческим событием или лицом, а со всем, что есть, было или будет. В это время он чувствовал, как история протекала сквозь него подобно могучему потоку, и его собственная жизнь казалась ему волдой в этом потоке⁸⁸.

Он видит пророческие сны и не стесняется рассказывать об этом читателям. Однажды Тойнби видел во сне, как он обнимал подножие распятия в старинном аббатстве и слышал голос (не сказано, чей), который вещал ему по латыни: «Amplexus excreta!» (держись и яди!)⁸⁹.

Что же, и это может быть зачислено в счет «здорового английского эмпиризма» и сочтено за «внутренний опыт»!

Несомненно, интуиция, способность угадывать то, что еще не может быть точно доказано, предвидеть новые, еще не изведенные пути, строить смелые гипотезы — большое достоинство в ученом, если все это вырастает на почве строгого научного метода и сочетается с ним, связано с умением отличать лишь угадываемое, предполагаемое, гипотезу от точно доказанного. Но у Тойнби как раз этого и нет. Интуиция является у него ведущим принципом всего его «Исследования истории».

В истории, по его мнению, вообще многое не может быть постигнуто разумом, и эта сфера непознаваемого разумом очень обширна. В таких случаях выступает на

⁸⁸ Arnold J. Toynbee. A Study of History, vol. X, p. 139.

⁸⁹ Ibid., vol. IX, p. 634—635.

помощь мифологии, сохранившая в своих образах память человечества. Несомненно, изучение мифов является важнейшим источником для понимания истории, но у Тойнби мифология приобретает совсем особое значение. У него мифологические образы не отделены от исторических лиц и событий. «Как драма и роман, так и история выросла из мифологии»⁹⁰, — говорит он. Но у него история не выросла из мифологии, не отделилась от нее. Всякого, читающего Тойнби, поражает число ссылок на мифологию всех времен и народов, особенно на греческую и христианскую.

У Тойнби нет ясной границы между историческим фактом и мифологическим образом, они постоянно сменяют друг друга и непосредственно переходят одни в другие⁹¹. В мифологии, вернее, в символическом перетолковывании мифов, он ищет понимания исторических явлений, неуловимых путем научного исследования. Интуитивное восприятие мира для него — метод познания иррационального содержания истории. В мифе он видит «интуитивную форму понимания и выражения универсальных истин»⁹². Так, основная для концепции Тойнби идея «вызовов» и «ответов» с самого начала трактуется на основе мифа о борьбе двух мировых начал — бога и сатаны (в разных мифологических вариантах). Его идея «ухода» и «возвращения» иллюстрируется не только и не столько биографиями действительно существовавших людей, сколько мифами о Персефоне, Эвридике, Дионисе, Адописе, Осирисе, Моисее и особенно Христе.

Миф позволяет прикрыть туманной дымкой то, чего не хочется (или, вернее, что невыгодно) выразить слишком простыми и прямыми средствами научного языка. В изложении и символическом перетолковывании мифов Тойнби чувствует себя, естественно, еще свободнее, чем в распоряжении историческими фактами.

Тойнби играет мифологическими образами, и эта игра переходит в мифотворчество. Он свободно решает вопрос о том, что бы сделал Зевс на заре греческой истории, если бы вопреки его воле его не спас от этого Прометей⁹³.

⁹⁰ «Abridgement of vols. I—VI», p. 44.

⁹¹ O. Anderle. Das universalhistorische System A. J. Toynbees, S. 40.

⁹² Arnold J. Toynbee. A Study of History, vol. II, p. 259.

⁹³ Ibid., vol. III, p. 255.

Игра мифами начинает соприкасаться и частью сливаться со сферой религии, когда Тойнби переходит к образам библейской мифологии. Христианские (и отчасти ветхозаветные) мифы трактуются им как «слово истины».

Если область мифологии у Тойнби одной своей стороной граничит с областью религии и даже переходит в эту область, то другой стороной она переходит в область поэзии, художественного творчества, где для «историка» открываются еще более широкие просторы, еще менее стесненные контролем строгого научного метода.

Тойнби отмечает три метода изучения и изложения объектов нашей мысли и в том числе феноменов человеческой жизни: 1) установление и регистрация фактов; 2) объяснение установленных фактов общими законами путем их сравнения; 3) художественное воспроизведение фактов в форме fiction⁹⁴. Fiction имеет в английском языке два значения: вымысел и беллетристическое произведение. Мы видели, как Тойнби понимает два первых «метода», после этого и третий не может показаться неожиданностью, скорее он является неизбежным дополнением.

«Фикция», выдумка играет в историческом творчестве Тойнби крупнейшую роль. Его предшественник Шпенглер заявлял: «Природу надо рассматривать научно, но историю надо сочинять»⁹⁵.

Несомненно, Тойнби, как и Шпенглер, «сочинил» свою историю. Он написал удивительную поэму-мистерию в десяти томах, в которой выступает огромное число действующих лиц — бог и сатана, Христос и святые, боги и божки всех религий, герои и сверхчеловеки всех племен и народов и еще какие-то странные символические фигуры во вкусе второй части «Фауста» Гете. Они носят необыкновенные имена, как будто обозначающие отвлеченные понятия, но эти понятия персонифицированы и для пущей убедительности пишутся с большой буквы и действуют как самостоятельные духовные сущности. Они называются Цивилизациями, Дезинтеграциями, Трансфигурациями, Палингенезиями и т. д. Иногда у них греческие,

⁹⁴ «Abridgement of vols. I—VI», p. 43.

⁹⁵ O. Spengler. Der Untergang des Abendlandes, Bd. I. München, 1923, S. 131.

египетские, китайские имена, но это не придает жизни этим бледным, колеблющимся образам. Они выдают свою явную сочиненность.

Эти страшные фигуры движутся по мановению автора, произносят какие-то слова, образуют сочетания, выстраиваются в ряды... Но разве это наука? Это выдумка, фикция, *Dichtung*.

И, может быть, правы те критики, которые видят в Тойнби не историка, а поэта и думают, что его произведение выиграло бы, если бы было написано в стихах, предпочтительно греческих⁹⁶.

Фикция вводится в «Исследование истории» Тойнби двумя путями. Одним является собственное творчество автора, творимая им легенда, другим — широкое использование произведений великих поэтов всех времен не для каких-либо экскурсов в область истории литературы, а для подкрепления своих выводов их пророческими прозрениями. Так он использует греческий эпос и трагедию, где поэзия сплетена с мифом, так он обращается к образам Гете (особенно к «Фаусту»), Шекспира, Блэка и др. При этом он свободно вкладывает в чужие произведения тот смысл, какой ему желателен.

«Фикция» имеет свои законы и приемы, одним из которых Тойнби широко пользуется как методом познания исторической истины. Таким приемом является метафора. Этот прием был широко использован О. Шпенглером, Тойнби идет по его стопам. То, что вначале было лишь метафорой, делается для него «законом», непоколебимым догматом, из которого выводятся дальнейшие следствия. Его концепция «вызовов» и «ответов» в значительной мере выведена из образа человека, карабкающегося на скалу от выступа до выступа. Вот как он обосновывает «закон» неодинакового влияния различных сторон одной культуры на другую. Что случается, когда «луч» культуры «радиоактивной» цивилизации ударяет в постороннее социальное тело? Соппротивление получившего удар постороннего тела производит дифракцию «луча» на составные части, подобно тому как луч света распадается на

⁹⁶ «Toynbee and History», p. 76; R. Coulborn. Fact and Fiction in Toynbee's Study of History.—«Ethics», July 1956; E. Finess. Toynbee as Poet.—«Journal of the History of Ideas», vol. XVI, № 2, 1955.

спектр вследствие сопротивления призмы, поскольку некоторые лучи, как утверждает оптика, обладают большей силой проникновения, чем другие. Так, говорит Тойнби, «технология» обладает большей силой проникновения, чем религия. Сила проникновения обратно пропорциональна культурной ценности проникающей части луча. Это один из законов культурной радиации. На этом законе (кстати сказать, совершенно фантастическом) строят Тойнби свою концепцию отношений между «Западом и остальным миром»⁹⁷.

Мы рассмотрели «методологию» Тойнби. Какую научную ценность может иметь произведение, основанное на такой методологии? Можно с полной уверенностью ответить: никакой.

А что сказать о сравнительно-историческом методе Тойнби? Ведь это как бы его основной метод, и его поклонники находят его несравненным в этой области.

Но метод «сравнений», которым пользуется Тойнби, не имеет ничего общего со сравнительно-историческим методом, который, несомненно, оказал и оказывает исторической науке немалые услуги. Применение сравнительно-исторического метода требует большей осторожности. Прежде всего необходимо точное определение сравниваемых объектов, в данном случае цивилизаций. Но уже была отмечена крайняя неопределенность и расплывчатость этого понятия у Тойнби, искусственность комбинаций, при помощи которых он создавал эти основные объекты своего «Исследования истории». Во-вторых, нужно установить сравнимость этих объектов и границы этой сравнимости. Между тем у Тойнби заранее принята за аксиому полная аналогичность развития всех цивилизаций, и дело «сравнения» в конце концов сводится к тому, чтобы путем всевозможных натяжек и искажений подобрать исторические или квазиисторические иллюстрации к этой теме.

Тойнби заранее лишает себя возможности плодотворного применения сравнительно-исторического метода, отвергая основной, определяющий фактор для каждого общества, а именно его социально-экономическую структуру, и сваливая в одну кучу рабовладельческие, феодаль-

⁹⁷ Arnold J. Toynbee. The World and the West, p. 67—68.

ные и капиталистическое общества. Так, он берет за стандарт историю рабовладельческой «греко-римской» цивилизации и пользуется им при изучении феодального и буржуазного общества «западной» цивилизации. При такой принципиальной неразборчивости сравнение может дать в результате лишь трюизм, либо, как это принято у Тойнби, свестись к поверхностному сопоставлению явлений, лишь внешне отдаленно схожих, но в действительности имеющих совершенно разное значение в обществах разной социальной структуры. Особенно это относится к явлениям надстроечного характера, в частности, к религиям, которые положены автором в основу определения «цивилизаций». И совершенно несобоснованной является претензия Тойнби путем своего «метода» сравнений устанавливать общие законы развития цивилизаций, якобы позволяющие восстанавливать недостающие звенья в истории отдельных цивилизаций и предсказывать судьбу тех из них, которые еще не завершили своего цикла.

Метод сравнений является у Тойнби лишь одним из приемов квазинаучного прикрития его «исторических» фантазий и пророчеств. В связь с ним можно поставить другой его прием, который можно назвать приемом «если бы». Если бы Италия в 1493 г. объединилась... если бы Петр I принял католичество..., если бы Тимур напал вместо Ирана на Россию...⁹⁸ Тем самым Тойнби стремится представить исторический процесс как совокупность случайных событий, которые могли быть, а могли бы и не произойти. Но, если движение истории не определяется имманентными закономерностями, значит, могло бы случиться и так, что не было бы французской буржуазной революции и «старый порядок» дожил бы во Франции до нашего времени, или — что для Тойнби куда более важно — падение капиталистического мира вовсе не обязательно... Таков политический смысл этих, казалось бы, невинных гаданий о том, что было бы.

Историк судит о фактах, которые произошли; его дело — найти закономерности, объясняющие эти факты.

В фантастической поэме Тойнби, которую он назвал «Исследованием истории», «научный» метод сплошь и ря-

⁹⁸ См. Э. А. Араб-оглы. *Философия истории Арнольда Дж. Тойнби*. — «Вопросы философии», 1955, № 4, стр. 115, 116.

дом оказываются лишь стилистическим приемом, а стилистический прием выступает как метод познания истины. Чтобы понять «методологию» Тойнби, необходимо остановиться на его стиле.

Стиль является одним из важнейших орудий Тойнби в его проповеди «нового» понимания истории. Тойнби, однако, совсем, не стилист. Чудовищные размеры его главного труда, многословие, доходящее до болтливости, перегруженность мелочами и отступлениями, приложениями и примечаниями, цитатами и мудреными словечками уродуют его архитеконику. Тойнби терзает свой синтаксис, заставляя его нести непосильную нагрузку. Он писал, что современный язык неадекватен для выражения его мыслей⁹⁹. О нем говорили, что его английский язык с длинными периодами, нагромождением придаточных и вводных предложений похож на перевод с иностранного¹⁰⁰. Самые обычные слова он употребляет в необычном смысле... Недаром в нем видят сходство с Прустом и фрейдистами — мастерами замены смысла словесными вывертами. Несомненными его учителями по части словотворчества были также Шпенглер и Бергсон.

Рецензенты отмечали его риторический, почти апокалиптический стиль, его манерность, ненужное щегольство греческими или восточными терминами там, где был бы вполне уместен простой английский язык. Особенно все это относится к последним четырем томам. «Ужасный стиль (Frightful style!)»¹⁰¹, — восклицает его американский рецензент. И все-таки это тот стиль, который больше всего подходит к труду Тойнби. В простые и ясные слова невозможно было бы уложить запутанные, уклончивые, увертливые мысли Тойнби. В путанице стиля легко теряются противоречия и несообразности, которых так много у Тойнби. Расплывчатость и часто загадочность терминологии, злоупотребление метафорами, сравнениями и символами, литературными и мифологическими образами, бесчисленные цитаты и тексты «от писания» вперемежку с квазинаучными словами — все это создает впечатление

⁹⁹ Arnold J. Toynbee. A Study of History, vol. VIII, p. 421.

¹⁰⁰ E. Barker. Dr. Toynbee's Study of History.— «International Affairs», vol. 31, № 1, 1955, p. 8.

¹⁰¹ «American Historical Review», vol. LX, № 4, July 1955, p. 852.

густого тумана, под покровом которого можно провести все, что угодно.

Тойнби и трудно и легко читать. Трудно, если смотреть на него, как на ученого, следить за его аргументацией, пытаться понять смысл его терминологии, проверять убедительность его выводов. Трудно потому, что аргументация его запутана или вовсе фантастична, терминология его едва ли ясна ему самому и выводы ни на чем не основаны. Один из его излюбленных приемов: наворотив десятки страниц примеров, обычно весьма сомнительных, идущих из разных стран и эпох, с отступлениями и экскурсами и многочисленными примечаниями, часто имеющими весьма отдаленное отношение к делу, он внезапно примет: «как мы видели»... (as we have seen) — и считает свою цель достигнутой.

Другое дело, если принимать его писания как беллетристику, как легкое чтение. А для сочувствующего и доверчивого читателя сочинения Тойнби могут быть легким и занятным чтением. Как бывалый путешественник по векам и странам он рассказывает много любопытного (хотя, подобно многим путешественникам, не всегда достоверного). Он легко перескакивает с сюжета на сюжет, из века в век, с одного конца земли в другой: то расскажет анекдот о том, как в 1839 г. в Александрии родильный дом помещался в морском арсенале, то поразит неожиданным сравнением, развеселит острым словом, приведет эффектную цитату. Зачем задумываться над мудреными словами, можно их принять как они есть, от них остается в голове легкий туман, как от сигары или от рюмки вина... А в результате вдруг вытекает вывод, как будто твердо обоснованный наукой, раскрывающий перед читателем «новые» горизонты. И если Тойнби иногда пугает читателя, то все же в конце концов старается его утешить и успокоить. Насколько он приятнее сухих историков-специалистов, требующих от читателя напряженного внимания! Недаром его манеру письма часто сравнивали с дружеской болтовней у камина.

Тойнби гипнотизирует доверчивого читателя магией зыбких слов, песяных образов и эмоций, легко скользящих по поверхности сознания, и ведет его за собой туда, куда влечет и самого читателя. Трудный путь изучения истории заменен «творимой легендой». Правда, нелегко прочитать десять толстых томов. Но кто же из читателей

Тойнби прочитал их все? Критики Тойнби выражают уверенность, что даже многие из самых ревностных почитателей Тойнби только подлистали это колоссальное произведение¹⁰². А некоторым профессиональным ученым импонируют бесчисленные и длиннейшие примечания и приложения, потрясающая эрудиция автора, и они не находят в себе решимости выступить против него.

Тойнби действует на своих ученых и неученых читателей своей смелостью и самоуверенностью. Правда, он говорит, что никому не навязывает своих взглядов, что они могут быть исправлены и изменены, но он никогда не прислушивался к голосу критики и ничего не изменял под ее влиянием.

Но своим шумным успехом Тойнби обязан не ученым-историкам, а читательской массе. Из кого же состоит эта «масса»? Кто составляет ту толпу, которая покупает и читает произведения Тойнби? К кому обращаются те журналисты, которые рекламируют Тойнби как гениального историка и провидца? Послушаем англичан и американцев, которые лучше знают читательскую массу своих стран. Оксфордский историк Л. Стоун полагает, что вся батарея учености Тойнби годится скорее для того, чтобы ослеплять невежд, чем для обогащения науки¹⁰³. Американский историк Кауфман называет Тойнби «одним из идолов нашего нового невежества (one of the idols of our new illiteracy)»¹⁰⁴.

Конечно, ни рабочие, ни даже люди среднего достатка не читают и не покупают Тойнби. Его читателей надо искать в среде высших и средних слоев европейской и американской буржуазии, зараженных интеллектуальным снобизмом. Но что же могло так привлечь эту публику к Тойнби? Очевидно, не только его литературная манера. По-видимому, он пишет как раз то, что нравится его читателям. Здесь мы вплотную подошли к вопросу: что такое «тойнбизм»? Чего он хочет? Кому он нужен и какую позицию занимает он в той великой борьбе, которая сотрясает мир в наши дни?

¹⁰² «Toynbee and History», p. 73.

¹⁰³ Ibid., p. 112.

¹⁰⁴ Ibid., p. 315.

Сущность воззрений того или иного лица часто легче определяется тем, что он ненавидит, чем тем, что он любит. Положительная программа Тойнби несколько запутана. Но не подлежит никакому сомнению его резко враждебное отношение к материализму, к марксизму, к коммунизму. Тойнби сам не однажды заявлял, что его точка зрения противоположна теории исторического материализма¹⁰⁵.

Считая религию основой каждой цивилизации, видя в истории религий главное содержание истории человечества, Тойнби отводит материальному фактору совершенно второстепенное место. В развитии техники и власти человека над природой он склонен видеть скорее отрицательный факт. «Духовные достижения и материальные достижения представляют антитезу»¹⁰⁶. Тойнби не интересуется классовой структурой изображаемых им обществ. Его концепции органически чужда идея прогрессивной смены общественных формаций. Силась представить «западную цивилизацию» как одно целое и считать ее сущностью «западное христианство», Тойнби не хочет видеть, что в Западной Европе (начиная с гибели римского рабовладельческого строя с его культурой) одна формация, феодальная, со своей культурой, сменилась другой, буржуазной, и складываются предпосылки третьей — социалистической.

Как уже было указано, это непонимание лишает всякого научного значения его метод «сравнительного» изучения цивилизаций.

В противоположность материалистическому пониманию истории Тойнби отрицает творческую роль народных масс. Эта роль, по его мнению, принадлежит только избранным — элите, классовый характер которой он всячески затемняет. Цивилизация не только исходит от элиты, но ею может обладать только элита. Масса может лишь внешним образом приспособляться к цивилизации. Приобщение масс к культуре будто бы приводит к порче и

¹⁰⁵ Например, в полемике с П. Гейлом. — «The Pattern of the Past». Boston, 1949, p. 76.

¹⁰⁶ Arnold J. Toynbee. A Study of History, vol. VII, p. 701—703, со ссылками на евангелие, Шпенглера и Бердяева.

развращению масс и к обеднению и бесплодию самой культуры.

Тойнби обходит вопрос о классовом характере отношений между «меньшинством» и «большинством». Он не хочет понять исторического значения борьбы между эксплуатируемыми и эксплуататорами. Всякая революция возбуждает в нем страх. С отвращением говорит он о крестьянской войне XVI в. в Германии. Парижская коммуна для него — злобещий варв в дикости в среде подонков парижского населения¹⁰⁷.

Разрешения социальных конфликтов надо, по его мнению, искать в духовном плане. Отказ народных масс от борьбы за свои права, «единение» их с эксплуатирующим меньшинством в духе мягкости (Gentleness) и «христианской любви» — это как раз то, что нужно современной буржуазии.

Вся концепция истории у Тойнби направлена против исторического материализма, раскрывающего отношения между классами. Он стремится как можно плотнее закрыть эти отношения идеалистическим, мифологическим, теологическим туманом.

Игнорируя смену общественных формаций и выдвигая вместо этого круговорот цивилизаций, Тойнби включает в модную в современной буржуазной науке кампанию против идеи прогрессивного развития человечества. Даже в пределах каждой отдельной цивилизации он старается показать краткость периода роста и длительность периода упадка, дезинтеграции. Так, «бракдаун» египетской цивилизации Тойнби относит приблизительно к 2424 г. до н. э., греко-римской — к 431 г., русской — к концу XI в. и т. д. Таким образом, большая часть истории каждой цивилизации представляется ему периодом дезинтеграции, упадка. Прогрессивное развитие он допускает лишь в истории религии, складывающейся на обломках цивилизаций. Но высшая точка «западного христианства» достигнута, по-видимому, в XI в. перед началом борьбы за инвеституру. И, если «западной цивилизации» предназначается не гибель, а вечное существование, то оно в общем рисуется как возвращение назад, как осуществление несколько подновленных идеалов Гильдебранда.

¹⁰⁷ «Abridgement of vols. VII—X», p. 309.

Исторический материализм отвергает ненаучную идею циклически повторяющихся цивилизаций, равно как и идею прямолинейно восходящего прогресса, возникшую в среде идеологов буржуазии в эпоху ее подъема. История сменяющих одна другую антагонистических формаций, переживающих эпохи зарождения, подъема, упадка и гибели, представляет в плане всемирной истории сложную восходящую «спиральную» линию от первобытно-общинного строя к социализму и коммунизму. Марксистское учение о смене общественных формаций страшно для современного буржуа: оно напоминает ему о грядущем смертном часе капиталистического строя. И он ищет убежища у призраков прошлого, выдуманного им самим.

Материализм рисуется Тойнби как своего рода «религия человечества» в противоположность «религии бога», как культ «человеческого муравейника», культ, который неизбежно приводит к полному порабощению человеческой личности возведенным в божество коллективом. Он не устает повторять, что «религия бога» обозначает свободу, «религия человечества» — рабство. Материализм связывается в его представлении с фаталистическим детерминизмом, не оставляющим в истории места свободной человеческой воле. Он видит в материализме измелечение и сужение духовной жизни, господство узкого практицизма, направленного исключительно на удовлетворение грубо материальных потребностей. Тойнби решительно осуждает всякую философию или общественное движение, которые ставят своей целью благополучие (well being) человечества. Он негодует против всех, кто ставит в основу своего мировоззрения «гуманизм» — благо людей — на место бога¹⁰⁸. В лепелой диаграмме, приложенной к VII тому «A Study of History», он считает конечной целью (objective) материалистического мировоззрения «государство свиней» (конечной целью христианского, а также иудейского и мусульманского мировоззрений он считает «небо», целью эллинского и индийского — «пирвану») ¹⁰⁹.

Ему особенно ненавистен материализм, который нашел наиболее полное развитие в научном социализме, в преоб-

¹⁰⁸ Arnold J. Toynbee. A Study of History, vol. IV, p. 302

¹⁰⁹ Ibid., vol. VII, p. 772.

разующем мир учении Маркса — Ленина. В этом учении Тойнби видит самую страшную угрозу тому обществу, к которому он принадлежит, которому он служит и которое он лишь наредка и невятно решается назвать его настоящим именем — капитализм, предпочитая употреблять неясный и расплывчатый термин «западная цивилизация». Революционное учение коммунизма он считает «семенем сатаны». Всякое насильственное свержение существующего общественного строя кажется ему «сатанинским» делом. Сочувственно ссылаясь на слова Жозефа де Местра: «*La révolution est satanique dans son essence*» (Революция по своей сущности — дело сатаны), он уверяет, что таково мнение всех «благомыслящих мужчин и женщин»¹¹⁰. Сущность «сатаны» он видит именно в восстании против установленного порядка. Борьба двух общественных систем, двух мировоззрений переносится у Тойнби в область теологии и рассматривается как борьба двух мировых начал — духа и материи, бога и сатаны, зла и добра, свободы и рабства.

Если говорить о том, что наш автор ненавидит, то нельзя не вспомнить его нетерпимого отношения к патриотизму, к стремлению народов завоевать или сохранить свою независимость, к стремлению национальных государств сохранить свой суверенитет. В патриотизме Тойнби видит нечестивое перенесение на светское государство тех чувств преданности и самопожертвования, которые приличествуют только по отношению к церкви. Он с ужасом говорит о распространяющейся замене религии «примитивным языческим культом обожествленного человеческого общества, прикрытым именем патриотизма»¹¹¹. В патриотизме Тойнби готов видеть причину всех войн и раздоров, главного врага человеческого рода. Можно подумать, гневное обличение «национализма» и патриотизма вызвано тем, что идеалом Тойнби является объединение всех народов и государств в «одну братскую семью», в единое «вселенское государство» под управлением церкви. Но контекст, в котором обычно встречаются эти обличения, указывает на другие мотивы, не столь отдаленного и возвышенного характера. Стремление национальных государств к сохранению своего суверенитета ненавистно Тойнби потому, что оно является препятствием

¹¹⁰ Ibid., vol. V, p. 387.

¹¹¹ «Abridgement of vols. VII—X», p. 98—99.

к объединению «западного мира» в одно политическое целое под руководством США. Он поет в унисон с той пропагандой «отказа от государственного суверенитета» (или хотя бы от «части суверенитета»), пропагандой космополитизма, которая исходит и от госдепартамента, и от известных официальных и неофициальных кругов ряда западноевропейских стран, от вдохновителей НАТО и других подобных агрессивных организаций.

Тойнби встревожен и тем, что «вирус национализма» заразил и колониальные страны, что колониальные народы ведут упорную борьбу за независимость, добиваясь нередко значительных успехов. Впрочем, Тойнби исполнен благожелательности по отношению к цветным и колониальным народам и приветствует предоставление им самостоятельности в расчете на то, что они примкнут к «западному» или «западническому» миру, т. е. сами откажутся от своей самостоятельности, войдя в Багдадский пакт, в СЕАТО или в какое-либо другое объединение в таком роде.

Итак, что ненавидит Тойнби, против чего он борется? Говоря кратко, он выступает против передовой материалистической науки, против коммунизма, против права народов на самостоятельное существование.

Что же он любит, чего он хочет, к чему зовет?

Его историософская поэма посвящена больше всего прославлению бога и «высших религий».

Ко временам Боссиоз, если не Орозия и Августина, возвращает нас теологическая точка зрения, рассматривающая всемирную историю как некую космическую драму, действующими лицами которой являются бог, сотворивший людей, чтобы они могли достигнуть вечного блаженства, и люди; постоянно сбывающиеся с этого пути и несущие за это кару, причем божество может отменять свой приговор и миловать согрешивших людей, если они раскаются.

Возвращение к христианству и к другим «высшим» религиям — вот к чему зовет Тойнби, вот в чем он видит спасение «западной цивилизации» и всего человечества. Тойнби сам сознает, что все эти религии и, в частности христианство, зародились в определенный исторический момент (в процессе дезинтеграции «вторичных» цивилизаций, думает он). Он сознает, что религии уже потеряли свою прежнюю власть над людьми (по крайней мере это

относится к христианству как в западном, так и в «русском» варианте) и что современные общества («цивилизации третьей формации») не создали и не обещают пока создать ничего, что могло бы быть похоже на новую «универсальную» религию. Напротив, кажется ему, среди «пролетариата» (как он понимает это слово) распространяются материалистические учения. Казалось бы, даже становясь на точку зрения самого Тойнби, можно сделать вывод, что религии, как низшие, так и высшие, отжили свое время и что наступает эра материалистического мировоззрения. Но эта мысль ужасает Тойнби, и он все свои силы посвящает проповеди реставрации ушедших или уходящих в прошлое религиозных мировоззрений. С маниакальным упорством повторяет он нелепый и недоказуемый тезис, что религия — это духовная свобода.

История человечества свидетельствует о том, что религия и церковь стремились заковать человеческий дух в тяжкие цепи, а духовная свобода с тяжелыми жертвами отвоевывалась наукой в борьбе с религией. И здесь незабываемая заслуга принадлежит западной цивилизации, в том числе и ненавистным Тойнби эпохам Возрождения и Просвещения¹¹².

Тойнби хотел бы опять загнать людей в старую тюрьму духа, подремонтировав ее так, чтобы трудней было из нее вырваться.

С этой целью он попытается приручить непокорную науку, заставить забыть ее материалистическую основу, сделать ее «служанкой теологии». С наукой уже нельзя по считаться, и реставрацию религии приходится прикрывать квазинаучными фразами.

Мы видели как бесцеремонно пытается Тойнби насильствовать историческую науку. В этом отношении он не одинок. Это одно из модных течений в среде «нового невежества». Не только историческая наука, но и достижения современного естествознания перетолковываются *ad maiorem gloriam dei*¹¹³.

¹¹² Тойнби пробует доказать, что наука вела борьбу не против религии, а против элементов эллинской философии в учении христианства. Но это неудачная увертка. Против учения Коперника аргументировали не столько от Птолемея, сколько от Библии.

¹¹³ Пример подали папа Пий XII, выступавший с докладами на темы вроде «О доказательствах существования бога в свете современных естественных наук». — См. «Вопросы философии», 1956, № 4, стр. 227; «Вопросы философии», 1957, № 3, стр. 72 и др.

Надо, впрочем, сказать, что его дилетантская теология не удовлетворила испытанных специалистов и мастеров по части реставрации религии. Его писания получили широкий отклик в католической прессе. Католики в общем одобряют Тойнби за то, что он порвал с «секуляризированным» подходом к истории, признал существование личного бога, восстановил историческую роль религии, но осуждают его «релятивистское и рационалистическое» отношение к христианству. Они называют нечестивой его попытку рассматривать христианство как одну из «высших религий» и продукт эволюции предшествующих религий, а не как единственное откровение истины, и считают неммыслимым слияние христианства, ислама, буддизма и индуизма¹¹⁴.

Кому и зачем нужна эта реставрация отмирающей религии? Ответ на это нетруден. Она нужна прежде всего тем, кто заинтересован в том, чтобы освятить авторитетом религии эксплуатацию человека человеком, эксплуатацию отсталых народов колонизаторами, кто жаждет крестового похода против стран, сбросивших с себя ярмо капитализма. Каковы бы ни были утопические картины и мистические видения будущего у Тойнби, его стремление к реставрации религии направлено также и на очень конкретные задачи сегодняшнего дня, стоящие перед капиталистическим миром: заковать умы трудящихся в старые испытанные цепи, отвлечь их обещаниями небесных благ от борьбы за лучшее будущее на земле и не на последнем месте — найти такое мировоззрение, которое можно было бы противопоставить учению марксизма-ленинизма и которого, как сознает сам Тойнби, не хватало у «Запада». Не надо быть пророком для того, чтобы предсказать, что попытка Тойнби имеет мало шансов на успех у народных масс, каков бы ни был успех его книг у буржуазных читателей, и что «западному», или, точнее, капиталистическому, миру в сфере идеологии по-прежнему нечего противопоставить марксизму и коммунизму.

¹¹⁴ Linus Walker. Toynbee and Religion. A Catholic View. — «The Thomist», vol. 18, 1955; «Catholic Review», October 1956. Любопытные материалы об отношении католиков к его религиозным идеям даны Тойнби в приложениях к VII тому «A Study of History». Свою точку зрения на религию Тойнби излагает в курсе лекций, читавшихся им в Эдинбургском университете в 1952/53 г. Изданы особой книжкой «An Historian's Approach to Religion». London, 1956

Проповедь спасения человечества через возрождение религии тесно сплетена у Тойнби с вопросом о судьбах «западноевропейской цивилизации», которая якобы стала или становится мировой цивилизацией и история которой становится, по Тойнби, историей человечества. Вслед за Шпенглером Тойнби остро ставит вопрос о «закате Европы». Идеализируя западное средневековье, он самыми мрачными красками рисует тот общественный строй и «образ жизни», которые установились в западном и «западническом» (westernizing) мире, начиная с конца XVII в. в результате отхода от религии и возобладания новых сил — «индустриализма» и «демократии», развитие которых, кажется ему, поставило западную цивилизацию на край гибели. Пожалуй, наиболее патетическими страницами в сочинениях Тойнби являются те, где он рисует кризис «западной» культуры и перечисляет все опасности, угрожающие ей как изнутри, в результате ее разложения, так и извне, под действием тех впусов, которые она сама породила и передала в окружающий мир.

Тойнби по-своему обличает современный «западный» (капиталистический) мир, угрожает ему гибелью и уверяет, что его может спасти только чудо. Аполотеты современного «западного образа жизни» с негодованием обвиняли его в том, что он злорадно подбирает каждый признак кризиса, отмечает каждое пятнышко на поверхности западной цивилизации и в то же время лишь мельком и нехотя упоминает о ее достижениях. Его обвиняли в богохульстве против западной цивилизации, в том, что он ее «плохой сын», что он к ней равнодушен, что она «ничто в его глазах». Ему бросали обвинение в пренебрежении к величайшим благам современности — «свободе и демократии». Другие шли еще дальше и уверяли, что Тойнби ненавидит «западную цивилизацию», что он жаждет ее гибели. Некоторые доходили до того, что считали его представителем «пятой колонны» внутри западной цивилизации и в стиле самого Тойнби именовали его чуть ли не «ангелом сатаны»¹¹⁵.

Можно ли признать эти обвинения заслуженными? Действительно ли Тойнби настроен враждебно (или хотя бы равнодушен) к «западной цивилизации» и желает ее ги-

¹¹⁵ «Toynbee and History», p. 363, 368, 377 и др.; G. Hudson. Toynbee versus Gibbon.— «The Twentieth Century», November 1954; «Encounter», June 1957, p. 26—27.

бели? Конечно, нет. Как пророк и провозвестник религиозного возрождения он громит погрязшую в грехе и пороках современность для того, чтобы тем спасительнее и привлекательнее показался проповедуемый им исход. Но обличения его крайне поверхностны.

Ему присуще широко распространенное в западном мире инстинктивное ощущение опасности, кризиса, надвигающейся гибели, но мало понятны действительные причины глубоких противоречий, раздирающих капиталистическую систему в эпоху империализма.

Видя причины всех бед в утрате религиозной основы, отводя социально-экономическим отношениям совершенно второстепенную роль, Тойнби фальсифицирует истинную природу капитализма, искажает смысл происходящий на его глазах смены двух общественно-экономических формаций.

Тойнби — верный и любящий сын «западной цивилизации», даже в ее современной форме; он больше всего думает о том, как бы ее спасти, и оптимистически верит в то, что она будет спасена божьим чудом и что ей принадлежит великое будущее в мировом плане.

Обличая некоторые пороки современного Запада, Тойнби остается верен «западной цивилизации». Его приверженность хорошо видна из его анализа современного ее положения и тех непосредственных задач, которые, как он считает, перед ней стоят. Борьба против коммунизма, против воображаемой «русской агрессии», против народно-освободительных движений колониальных народов, объединение западных и «западнических» стран в одно целое под господством США — вот, по его мнению, очередные задачи «западной цивилизации». Вот, оказывается, какому богу молится Тойнби.

Объединение мира под господством Америки, установление «Pax Americana» — вот в чем он видит спасение «западной цивилизации». И он спешит успокоить всех колеблющихся. Вопреки очевидным фактам он утверждает, что Америка вовсе не стремится к мировому господству. Она бескорыстна и великодушна, предоставляет помощь всем, кто в ней нуждается, даже побежденным врагам. Америка — всемирный благодетель. Правда, говорит Тойнби, благодетели редко встречают благодарность. Думается, что в данном случае Америке не приходится жаловаться на неблагодарность своего ученого апологета.

Из исторических фантазий Тойнби на тему о «западной цивилизации» получается очень конкретная программа на ближайшее время, программа, которая может вполне рассчитывать на одобрение таких «неофициальных» учреждений, как британский Институт международных отношений и Рокфеллеровский фонд.

Можно ли обвинять Тойнби в презрении к «свободе» и «демократии» как основам «западного образа жизни»? Тойнби не однажды отмечает, какой фальшью звучат эти слова в применении к западному обществу. Но нередко он и сам пробует использовать их для оправдания «Запада». Лучшее всего его отношение к демократии видно из теории «элиты», которая творит историю, и масс, уделом которых является лишь подражание, «*mimesis*». Но не таков ли действительный характер «западной демократии»?

И ученые критики (П. Гейл) и журналисты из «New York Times Magazine» ставили перед Тойнби вопрос: пессимист он или оптимист? Тойнби решительно отводит от себя упрек в пессимизме. Ведь его концепция истории западной цивилизации и истории человечества в целом заканчивается торжественной панорамой царства божия на земле и на небе. И все же у читателя остается недоверие к его оптимизму. Уже зрелище вереницы похоронных процессий всех бывших на земле цивилизаций, кроме одной, включает в себе мало оптимистического. Но и для единственной «избранной» цивилизации Тойнби рисует не слишком оптимистические перспективы. Ведь «спасение» западной цивилизации и всего человечества ставится в зависимость от возрождения религии. Тойнби верит, что оно наступит. Но основания для такой веры очень шатки. Надо горячо молить бога, и бог услышит. А если молитва будет недостаточно горяча, и он не услышит? Тогда — гибель.

Тойнби оставляет своего «западного» читателя в состоянии колебаний между надеждой и отчаянием.

Его идеи прижились как нельзя более к стати в той атмосфере неуверенности, страха, искания выхода и утешения, в которой живет значительная часть буржуазии Запада. В этой атмосфере рождается страх перед разумом, перед подлинной наукой, перед логикой истории. Испуганное сознание западного буржуа бросается в объятия иррационализма, веры, если перед ним мерцает обещание

спасения. Историческая Тойнби, которая сначала томит страхом и колебаниями между неизбежностью гибели и надеждой на спасение, а в конце концов ищет разрешения всех вопросов в религии, в «общении с богом», как нельзя более подходит к настроениям тех кругов буржуазии Запада, которые ищут спасения в вере, особенно если она подкреплена авторитетом «науки». В ней не критическому буржуазному читателю нетрудно найти мысли и настроения, соответствующие его собственным. И все же, несмотря на провозглашение веры в возможность счастливого конца, опус Тойнби проникнут страхом перед опасностью, угрожающей «западной цивилизации», тревогой за ее судьбу, сознанием необходимости каких-то экстренных мер для ее спасения. Надежду приходится, по его мнению, возлагать главным образом на помощь свыше. Буржуазия действительно чувствует опасность, она мечется в поисках спасения. Эсхатологические ¹¹⁶ настроения широко разлиты в «западном мире»; они нашли достаточно четкое отражение и у Тойнби. Это настроения господствующего класса эпохи падения — не «цивилизации» в том путаном смысле, в каком употребляет это слово Тойнби, а общественно-экономической формации. И произведения Тойнби являются одним из признаков и показателей этого падения. Насколько буржуазная идеология была оптимистична в эру подъема капитализма, настолько она теряет былую веру в свое будущее в эпоху упадка ¹¹⁷.

Мы оптимистически уверены, что западную и мировую цивилизацию ждет не гибель, а переход на высшую ступень, но не на ту, о которой молит бога автор. Если понимать под «западной цивилизацией» не то, что включает в это понятие Тойнби, а тот великий вклад, который западные народы внесли в сокровищницу человеческой культуры, то эта цивилизация действительно находится под угрозой, но угроза эта исходит не от мнимой «коммунистической агрессии», а совсем с другой стороны. Главная опасность для западной цивилизации исходит от господства монополистического капитализма. С этим связана

¹¹⁶ Эсхатология (греч.) — мистическое ожидание конца мира.

¹¹⁷ G. Hudson. Toynbee versus Gibbon. — «The Twentieth Century», November 1954; Э. А. Араб-оглы. Философия истории Арнольда Дж. Тойнби. — «Вопросы философии», 1955, № 4, стр. 120.

гонка вооружений, угроза атомной войны, безумные планы всемирного господства, подавление демократических свобод, сокращение расходов на культурные нужды, гонение на свободную мысль, на науку, растление искусства, распространение всевозможных мистических и антинаучных доктрин.

Нет ничего более ложного, чем утверждение, будто «коммунистический мир» органически чужд и враждебен западной цивилизации. Народы тех стран, которые Тойнби именует «коммунистическими», включили и включают в свое культурное достояние все истинно ценное, что создано и создается западной наукой, философией, искусством, опытом борьбы народов за свободу и демократию. Но они решительно отбрасывают продукты гниения современной капиталистической «цивилизации», безразлично, выступают ли они в виде «новейших» теорий или в виде попыток воскрешения давно мертвых божков. И у западных народов найдется достаточно сил, чтобы преодолеть ту опасность, которая нависла над культурой Запада как результат загнивания капитализма. Но, конечно, прогрессивные силы Запада найдут выход не там, где его указывает профессор Тойнби.

О НЕКОТОРЫХ ХАРАКТЕРНЫХ ЧЕРТАХ АНГЛИЙСКОГО ФЕОДАЛИЗМА *

Эта статья представляет в несколько переработанном виде мое выступление на англо-советской конференции историков в Лондоне осенью 1958 г. Я выступал по докладу профессора Элен Кем, члена Британской Академии, президента Международной комиссии по истории парламентских учреждений.

В своем докладе «Quality of English Feudalism» проф. Э. Кем развивала в основном идеи современной английской «критической» историографии (критической по отношению к либеральной — «витской» историографии, доминировавшей в XIX в.). Я хотел противопоставить развитой в докладе концепции английского феодализма результаты последних работ советских медиевистов.

Чтобы сделать понятным построение моего выступления, я предпосылаю ему краткое резюме доклада Э. Кем.

Проф. Э. Кем начинает доклад с вопроса, что такое феодализм. Она цитирует родоначальника «критической» школы Ф. Мэтланда, определяющего феодализм как такой общественный строй, в котором главной общественной связью является связь между лордом и вассалом (*man*); эта связь предполагает со стороны лорда покровительство, со стороны вассала — службу и уважение (*deference*). Это личное отношение неразрывно связывается с держанием земли. «Национальная организация» представляет систему таких отношений с королем во главе.

Мэтланд полагал, что феодальные отношения фактически появились уже в англосаксонскую эпоху. Не хватало лишь юридической теории, которая выражала бы эти

* Опубликовано: «Средние века», вып. XVII, 1960.

отношения. Такая теория была привнесена нормандским завоеванием, утвердившим «великий феодальный принцип зависимого земельного держания за определенную службу».

Какие же элементы феодализма имелись в англосаксонскую эпоху и что принесли в Англию завоеватели? Проф. Э. Кем перечисляет три главных черты англосаксонского феодализма: 1) общие для всего тевтонского мира отношения между лордом и вассалом, создаваемые коммендацией и освященные традицией «верности» (*loyalty*), как они отразились в поэмах и хрониках; 2) санкция этих отношений королевскими законами, что создало для лорда ответственность за поведение его людей и дало ему право и обязанность отправлять в своих судах правосудие для них и над ними (сака и сока); 3) пожалование королем многим крупным землевладельцам принадлежавших ему прав на пошлины, подати и судебные доходы, с чем связывалось выполнение лордом правительственных функций.

Наличие всех этих фактов в англосаксонскую эпоху обусловило «непрерывность» развития, несмотря на катастрофический характер нормандского завоевания. В данном случае проф. Э. Кем расходится с рядом английских историков (в том числе со Стентоном), которые находят возможным говорить о феодализме лишь со времен нормандского завоевания.

Что же было внесено нормандским завоеванием? Проф. Э. Кем думает, что оформлению английского феодализма больше содействовал самый факт завоевания, чем какие-либо новые принципы, внесенные нормандскими завоевателями.

Здесь проф. Э. Кем отмечает следующее.

1. «Стратегическая позиция» Вильгельма Завоевателя позволила провести до конца правило, в силу которого все землевладельцы держат землю от короля, — прямо или через посредствующие звенья. 2. Из Нормандии была перенесена система держаний за рыцарскую службу, которая внесла определенность и стандартизацию в отношения между королем и магнатами. Для того чтобы эта система могла войти в силу, феодальный договор должен был осуществляться и на нисходящих ступенях феодальной иерархии. 3. Земля стала характерным вознаграждением за службу, конфискация земли стала санкцией феодального

договора. Так создавался «фьеф» или «рыцарский фео́д» и установилась лестница держаний. Централизация системы держаний вместе со старыми административными и финансовыми учреждениями усилила монархию. 4. В отношении между королем и его непосредственными вассалами со стороны вассалов входит примыкающая к англосаксонским традициям обязанность давать королю «совет и помощь», а со стороны короля — обычай обращаться к ним за помощью и советом в вопросах войны, законодательства и налогообложения. Вместе с тем участие феодальных баронов в королевском совете постепенно втягивало их в дела управления государством и давало им политическое воспитание. 5. Политическое воспитание бароны получали также и в отношениях со своими вассалами, которым они должны были обеспечить правосудие и которые составляли их курию. В баронских куриях, путем слияния англосаксонских и нормандских судебных обычаев, вырабатывалась система обычного права, на основе которой великие юристы XII—XIII вв., могли строить свои нововведения.

Полного развития феодализм достигает в Англии в XII и XIII вв. Именно в эти века с наибольшей ясностью сказываются его характерные черты. Каковы же они?

1. В эту эпоху «общее право», созданное для охраны права собственности подданных, основывается на полностью феодализированном земельном праве, которое сохраняет феодальный характер вплоть до нового времени.

2. Бароны — непосредственные вассалы короля — превратили свою обязанность «совета и помощи» в «политическую ответственность»: они стали требовать права давать королю советы и в известных случаях отказывать ему в помощи.

Применение условий феодального договора к легализации сопротивления короне было началом английской традиции «оппозиции его величества» — признания за советом права критиковать политику правительства и оказывать ей сопротивление и тем самым брать на себя ответственность за решение национальных проблем (события 1215, 1264, 1297 гг.).

3. С другой стороны, короли, продолжая англосаксонскую практику раздачи королевских привилегий, применяют к ней принцип феодального договора, превращая таким образом «обладателей привилегий» (*franchise holders*) фактически в агентов короны.

Но под влиянием экономических, социальных, правовых и политических причин характерные черты английского феодализма осложняются. В «позднее средневековье» (т. е. в XIV—XV вв., но уже отчасти в XIII в.) английский феодализм претерпевает значительные изменения под влиянием ряда причин.

1. Рост денежного хозяйства, особенно в XIII в., ведет к замене натуральной службы денежными платежами и к оплате службы деньгами, а не землей (здесь имеется в виду прежде всего военная служба). Вместо пожалования земли входит в употребление *military indenture* — обязательство за денежное вознаграждение нести военную службу и поставлять известное число вооруженных людей в течение определенного срока. 2. Развитие военной техники делает неприменимыми старые договоры о рыцарской службе. 3. Дробление рыцарского феода в процессе отчуждения (субинфеодации) ведет к запутанности отношений держания. 4. Королевская система администрации и суда распространяется на всю страну.

Результатом всего этого является так называемый *ублюдочный феодализм (bastard feudalism)* XIV—XV вв. Его отличительными чертами являются замена отношений между сеньором и вассалом, основанных на земельном держании и наследственных связях, системой наемной военной службы по контракту, не обеспеченному ни земельным держанием, ни личными отношениями «верности»; замена старых сеньориальных прав эксплуатацией магнатами королевской правительственной машины. «Ублюдочный» феодализм был политическим злом, оставившим дурную репутацию за всей феодальной системой.

В целом, по мнению проф. Э. Кем, *наиболее характерной чертой английского феодализма была его тесная связь с королевской властью*. Рыцарская служба, баронские курии и феодальные доходы (короны) в англо-нормандский период; феодальное земельное право как базис национального общего права; традиции «совета» и «согласия», переданные Великими советами нормандских и анжуйских королей парламентам позднего средневековья; включение *franchise holders* в национальную систему «управления на основе ответственности»; даже паразитический захват государственной машины «ублюдочным» феодализмом — все это свидетельствует о том, что можно назвать «браком» (*marriage*) между феодализмом и *нефео-*

бальной системой монархии, унаследованной Вильгельмом Завоевателем от Эдуарда Исповедника. Даже когда Генрих Тюдор принялся за упразднение «ублюдочного феодализма», он использовал для пополнения казны не только Звездную палату, но и старые феодальные прерогативы короны, возродив и беспощадно взимая полузабытые феодальные поборы.

* * *

Выступая по докладу проф. Э. Кем, я отметил, что целью настоящей англо-советской конференции является укрепление взаимопонимания и научного сотрудничества между историками обеих стран. Но именно с этой целью лучше сразу выяснить, в чем заключаются принципиальные разногласия между советскими историками-марксистами и английскими историками, в подавляющем большинстве немарксистами. Тогда нам легче будет понять друг друга и увидеть, чем и как мы можем быть друг другу полезны. А что мы можем извлечь из взаимного общения немалую пользу — в этом я не сомневаюсь, так как это уже доказано на практике. Ведь мы часто разрабатываем одинаковые или во всяком случае очень близкие темы, мы пользуемся, хоть не всегда в одинаковой степени, одним кругом источников. И никакая наука невозможна без борьбы мнений.

Наша сравнительно молодая советская медиевистика не может сослаться на столько известных имен, сколько их было названо в докладе проф. Э. Кем. Но у нас есть историки, работающие над вопросами истории феодализма, в частности английского феодализма. Я могу сослаться на работы А. Я. Гуревича и М. Н. Соколовой по истории англосаксонского периода, работы мон. Е. В. Гутновой, М. А. Барга и Я. А. Левицкого, К. Д. Авдеевой по истории XI—XIII вв. У нас немало работ по истории XVI—XVII вв., которые на Западе, впрочем, причисляются к новому времени. Стоя на одинаковых методологических позициях, советские историки, однако, не во всем согласны между собой в ряде конкретных вопросов, и мы не хотим этого скрывать. Наши споры и искания продолжаются, и мы с интересом следим за тем, что делают в данной области английские историки, располагающие более широкими возможностями работы над первоисточниками. Я думаю, что наши работы дают нам доста-

точный материал для того, чтобы раскрыть нашу точку зрения на проблемы, которые были поставлены в докладе проф. Э. Кем.

Я начал свой ответ с указания на то, что марксистско-ленинское понимание феодализма коренным образом отличается от того, которое было развито в докладе проф. Э. Кем. В современной буржуазной науке Запада термин «феодализм» не получил твердо установленного значения. В докладе феодализм определяется как система институтов, регулирующих отношения внутри господствующего класса. Для нас же основным вопросом является характер отношений между господствующим классом и классом непосредственных производителей, т. е. характер господствующих в данном обществе производственных отношений.

Последние у большинства буржуазных историков отрываются от проблем «феодализма» как системы политико-юридических отношений и включаются в особую сферу «манориализма» (как у Мэтланда); или проводится разделение сфер «политического» и «экономического» феодализма (как у Адамса). Мы считаем такой отрыв методологически несправедливым, и исследования наших медиевистов идут по пути его преодоления. Этот отрыв, между прочим, позволяет историкам английского государства оставлять без должного внимания факт бесправия основной части английского народа. Для нас феодализм представляет единую общественную систему, или, точнее, ступень общественного развития, общественную формацию, базисом которой являются господствующие в ней производственные отношения, а государство и право представляют надстройку над этим базисом. Мы несколько не отрицаем значения политических и правовых институтов, регулирующих отношения внутри господствующего класса, но считаем, что они могут быть поняты лишь как надстроечное явление. При этом, конечно, мы считаем необходимым учитывать также обратное влияние надстроек на базис.

Не менее глубоки наши расхождения в понимании сущности государства. С марксистской точки зрения, государство в антагонистическом обществе является органом классового господства, органом угнетения одного класса другим. Его главная (хотя и не единственная) функция — держать трудящееся большинство в подчинении. Такое понимание государства в корне расходится с

идеалистической концепцией, которая видит главную функцию государства, в том числе и английской средневековой монархии, в поддержании «мира», «порядка» и «правосудия».

Поэтому для нас не приемлема одна из основных концепций, выдвинутых в докладе проф. Э. Кем, — концепция «нефеодальной монархии», будто бы унаследованной Вильгельмом Завоевателем от Эдуарда Исповедника. Если английская средневековая монархия была не феодальной, то какой же? Очевидно, «неклассовой», «надклассовой», «доклассовой». Но такая «монархия» является абстрактным, вневременным, идеалистическим построением, имеющим мало общего с исторической действительностью. Всякая монархия, всякое государство возникает лишь в классовом обществе, в данном случае она возникала в феодализирующемся обществе и в дальнейшем развивалась как феодальная монархия. Она находилась не в «союзе» с феодализмом, а феодализм составлял ее реальную историческую основу.

Конечно, и в феодальной монархии можно найти известные черты, кажущиеся «нефеодальными» или «менее феодальными», как в любой исторической формации можно выделить черты, не вполне подходящие под общую характеристику данного господствующего строя. Это объясняется прежде всего тем, что государство в интересах господствующего класса принуждено сглаживать классовые противоречия и в какой-то мере выступать в роли надклассового охранителя «мира и порядка»; государству выгодно надевать эту маску и поддерживать в народе веру в короля как защитника народа против его угнетателей. Народу — не в одной только Англии — приходилось дорого платить за эту веру. Далее, право и законодательство часто запаздывают в своем развитии по сравнению с изменениями в социальных отношениях. Поэтому государство сохраняет некоторые следы более ранних, в данном случае дофеодальных или, вернее, раннефеодальных порядков. Наконец, каждый общественный строй несет в себе некоторые элементы прошлого и будущего в виде подчиненных укладов, с которыми государство, в данном случае феодальное государство, не может не считаться, и которое оно старается использовать в интересах господствующего класса. Все эти моменты могут создать некую иллюзию надклассовой государственности.

В этом аспекте мы можем поставить вопрос: что же завещал Эдуард Исповедник Вильгельму Завоевателю?

Мы можем согласиться с тем, что в англосаксонскую эпоху фактически складываются феодальные отношения, которым, однако, не хватало еще юридического завершения. Но в это утверждение мы вкладываем иной смысл, чем тот, который был дан в докладе. Под складыванием феодальных отношений мы понимаем прежде всего процесс образования классов, т. е. подчинения трудящегося (в основном земледельческого) большинства — власти меньшинства (преимущественно военного). Это подчинение возникает в ходе образования феодальной собственности на землю и отчасти на личность крестьян и в ходе становления феодальной ренты как экономического выражения этой собственности. В тесной связи с этим процессом идут процессы организации господствующего класса, формирующегося как класс феодалов, и складывания феодального государства как органа этого класса.

Процесс феодализации происходит не мирным путем, а в борьбе между двумя формирующимися классами — феодалами и закрепощаемым крестьянством — и между отдельными группировками внутри складывающегося класса феодалов.

Как далеко зашел процесс феодализации англосаксонского общества?

Здесь у нас нет еще вполне установившегося решения. Прежде всего надо ответить на вопрос: как далеко зашел процесс формирования базиса феодального общества, процесс закрепощения крестьянства? Некоторые исследователи (Косминский) находили возможным говорить о незавершенности английского феодализма ко времени нормандского завоевания не только в юридическом, но и в социально-экономическом отношении, что выражалось в сохранении значительного слоя свободного крестьянства и базирующихся на свободном крестьянстве элементов общественной организации. Другие (Гуревич, Барр), исследовавшие памятники конца англосаксонской и ранненормандской эпохи, пришли к выводу, что фактически крепостной строй восторжествовал уже ранее нормандского завоевания, хотя еще и не получил завершенной юридической санкции. Впрочем, эти исследования относятся к определенным районам Англии — к Уэссексу и английской Мерсии — и не могут отвечать за Денло и

другие районы Востока и Севера, где мы вправе предполагать мощные пласты свободного крестьянства.

В какой мере можно говорить о феодализации англосаксонского государства и права ко времени завоевания?

Мы не можем согласиться с проф. Э. Кем, которая рассматривает королевскую власть как нефеодальную силу, унаследованную Вильгельмом Завоевателем от Эдуарда Исповедника. Государство в Англии формировалось как феодальное государство вместе с формированием феодализма в целом, и его деятельность была немаловажным фактором феодализации английского общества. И проф. Э. Кем указала, что королевские законы легализовали судебные права лордов над их вассалами (права, с которыми были связаны не только «обязанности», но и власть над людьми и доходы) и что королевская власть вела политику феодализации путем пожалования крупным землевладельцам ряда прав, принадлежащих королю.

Советские исследователи (А. Я. Гуревич) подчеркивают роль государства в процессе феодализации англосаксонского общества, отмечая важнейшую роль в этом процессе пожалования «бокленда». На феодальной основе шел и процесс развития англосаксонского государства и политического объединения Англии через все изгибы и превратности «гептархии» и борьбы с датчанами.

Мы не будем возражать и против того, что основы феодального строя были заложены еще в англосаксонский период, но феодализм, как зрелая система социальных, политических и правовых отношений выступает в Англии между нормандским завоеванием и концом царствования Эдуарда I. Это в равной степени относится и к базису, и к надстройке.

Начнем с надстройки. С политической точки зрения, главная характерная черта английского феодализма в это время — это общая тенденция к усилению государственной власти и к централизации всей государственной системы. И это — тенденция не только «королевской власти». Она обуславливается интересами класса феодалов в целом, хотя данный процесс нередко протекает в условиях борьбы между феодалами и короной и между отдельными слоями внутри класса феодалов.

Укрепление королевской власти и централизация государственной системы (начавшиеся уже в англосаксонскую эпоху) получили сильный импульс от нормандского завое-

вания. И здесь мы можем согласиться с тем, что самый факт завоевания сыграл гораздо большую роль, чем новые принципы, якобы внесенные норманнами. Перед государством встала задача укрепления власти завоевателей над завоеванным населением. Эта задача стояла перед наиболее влиятельной частью класса феодалов, каковы бы ни были центробежные силы в его среде. Главным средством была военная организация господствующего класса. Здесь надо иметь в виду не только строгое проведение системы рыцарских держаний, но и такие факты, как Сольсберийская присяга, укрепившая связь низших ступеней феодальной иерархии с ее вершиной.

Но завоевание и вызванное им укрепление центральной власти имели целью и следствием не только господство над покоренным населением, но и усиление давления господствующего класса на основной производящий класс — крестьянство.

Я думаю, никто не будет возражать против того, что период от конца XI до начала XIV в. был временем наивысшего развития «манориализма», равно как и наивысшего развития феодализма в области политической и правовой. Исследования как английских, так и советских историков приводят к выводу, что эти столетия были временем усиления эксплуатации крепостного крестьянства (Постан, Косминский, Барг).

При анализе как социально-экономического, так и политического развития этой эпохи мы должны считаться еще с одним фактором, в значительной мере определившим характерные особенности английского феодализма.

Доклад рисует money economy как силу, разлагающую феодализм. Но прежде чем выступить в этой роли, товарное (точнее, простое товарное) хозяйство было одним из факторов усиления и консолидации феодального строя. Об этом говорят реформы Генриха II и Эдуарда I. Но этот вопрос имеет и другую сторону. Рост товарного хозяйства (вместе с другими факторами) усиливал давление господствующего класса на крестьянство. Исследования Барга показывают, что в течение XII и XIII вв. значительно возрастают повинности вилланов (феодальная рента) и происходит общее ухудшение их юридического статуса. Последнее было возможно на почве централизации феодального государства и развития общего права, установившего принцип *exemptio villenagii*. Здесь есть спорные во-

просы, но, по-видимому, положение большей части вилланов значительно ухудшается за данный период.

Работы Косминского, Поршнева, Гутновой, Барга, Авдеевой (и Хилтона в Англии) показали, что рост давления на крестьян вызывал рост ответного сопротивления. Классовая гармония между крестьянами и лордами в Англии XIII в., как ее изображали некоторые историки (Петрушевский, Хомец), оказалась иллюзией. Если до 1381 г. и не было больших восстаний, то источники полны указаний на повседневные проявления крестьянского сопротивления (побеги, уклонение от повинностей, «рентные забастовки», разрушение изгородей — иногда вооруженной толпой, судебные дела, обычно оканчивавшиеся для крестьян неудачно, акты насилий над господскими агентами и т. д.) Государство активно выступает в защиту интересов господ. Давление, с одной стороны, и сопротивление, с другой, возрастали по мере развития товарного хозяйства и его воздействия на класс феодалов и на феодальное государство (перемены в военной организации, мобилизация земли, новые принципы обложения и т. д.). Хозяйство феодалов все более связывается с рынком, сами они часто делаются скорее помещиками, чем рыцарями. Они все более заинтересованы в политической централизации, которая является не только орудием порабощения крестьянства, но и важным условием регулярного производства и обмена.

Таковы главные причины, которые побудили господствующий класс с королем во главе создавать сильное централизованное государство со своим «общим правом», системой судов, администрации и финансов. Я думаю, не будет ошибкой применить к этому государству его старое, давно установившееся в исторической литературе название «феодальная монархия».

Феодальная монархия существовала и в других странах Европы. Но в Англии она отличалась определенными особенностями. Если стремление к централизации государственного строя характерно для всех феодальных государств на определенном этапе их развития, то Англия в этом отношении опередила другие. В силу ряда причин в Англии складываются особо благоприятные условия для возникновения централизованного государства. Здесь надо учесть, что этот процесс начался еще до завоевания, в его развитии сыграли немалую роль само

завоевание, раннее развитие товарно-денежного хозяйства и внутреннего рынка (Я. А. Левицкий), специфический состав феодального класса, в среде которого все более выдвигается роль мелкого и среднего дворянства, развитие городов, рост эксплуатации крестьянства и крестьянского сопротивления, рост свободного крестьянства и т. д. Может быть, кроме того, задачи политического объединения и централизации в «маленькой» Англии, где не было значительных территориальных княжеств, были менее трудны, чем в больших и сложных по своему составу государствах континента.

В Англии XI—XIII вв. мы видим феодальное государство, созданное классом феодалов и в интересах класса феодалов, и это отчетливо показано в самом докладе проф. Э. Кем. Проф. Э. Кем развивает концепцию тесного союза (*marriage*) между «нефеодальной монархией» и феодализмом, союза, проходящего через всю историю средневековой Англии, включая время Генриха VII. Но в этой концепции остается недоказанным «нефеодальный» характер монархии. Наоборот, все доказывает ее феодальный характер, и ссылка на Эдуарда Исповедника звучит необедительно. Нужно сделать еще один шаг и признать классовый, феодальный характер королевской власти и расстаться с дорогой для докладчика идеей надклассовой государственности, воплощенной в традиционной английской монархии. Но этого шага докладчик сделать не хочет или не может.

Несомненно, централизованное феодальное государство было политической формой, прогрессивной по сравнению с той «феодальной анархией», которая представляла такое бедствие для континентальной Европы. Централизованное государство гарантировало в большей степени «внутренний мир», судебную охрану личных и имущественных прав, хотя бы для некоторой части населения, рост общественного разделения труда, торговый оборот, безопасность границ. Все это, впрочем, надо понимать в очень ограниченном смысле. Не надо преувеличивать эту прогрессивность и придавать централизованной феодальной монархии, как она установилась в Англии XII—XIII вв., вовсе несвойственный ей характер «правового государства» (*Rechtsstaat*). Очень трудно видеть «правовое государство» там, где большинство населения составляют крепостные (*villani, servi*).

Далеко не новы попытки превозношения «манориализма» как системы, которая будто бы поставила Англию так же высоко среди других европейских стран в социальном отношении, как это сделал парламент в отношении политическом. Некоторые исследователи утверждали, что личные и имущественные права вилланов ограждались манориальной курией и манориальным обычаем не хуже, чем права свободных — королевскими судами (Петрушевский). С этим нельзя согласиться. Начать с того, что самый термин «манориализм» уже теряет значение определенной системы, характерной для всей страны.

Важнейшим моментом в истории феодального государства и права в Англии было законодательство Генриха II и созданное им резкое разграничение между свободными и несвободными. Развитие системы королевских судов, общего права и юридической теории расширяли этот разрыв. Королевское законодательство всегда было на стороне феодальных лордов в их столкновениях с крестьянством, то же можно сказать о судах и администрации. Манориальные курии не могли обеспечить юридической защиты крестьянину уже потому, что их решения не были обязательны для лордов маноров. Даже «привилегированные» крестьяне старинного домена короны на практике редко могли пользоваться своими судебными привилегиями (Барг). Вилланские повинности росли, несмотря на «обычай манора».

Некоторые из наших историков (Барг) высказывают даже мысль, что именно существование в Англии сильного централизованного государства и общего права было одной из причин не только юридического бесправия крепостных крестьян, но и их жестокой эксплуатации, какой будто бы не знала тогда ни одна страна в Европе (это утверждение, впрочем, нуждается в проверке).

Но Англия даже в эпоху наиболее полного расцвета феодализма — в XI—XIII вв. — состояла не только из феодалов и крепостных крестьян. В ней были слои населения, не принадлежавшие к господствующему классу, но тем не менее пользовавшиеся привилегиями «свободного» состояния — свободные крестьяне, горожане.

Я не буду здесь поднимать сложного вопроса о численности свободного крестьянства в пору наивысшего развития феодального строя и о его происхождении. Важно, что в этой среде существовала резкая поляризация; в ней был

верхний слой, приближавшийся к мелким феодалам и игравший известную роль в системе местного управления, и масса мелкого народа, которая не могла пользоваться королевской юстицией, не имея средств для ее оплаты и подкупа чиновников.

Союз между феодальной монархией и городами существовал в Англии, как и в других европейских странах. Но этот союз дорого обходился городам. Королевские хартии стоили больших денег и создавали прецедент для дальнейших вымогательств. В тех случаях, когда интересы феодалов и городов сталкивались, король принимал сторону феодалов (см. исследование Е. В. Гутновой). И все королевские милости имели значение лишь для высших слоев городского населения, но не для трудящейся массы.

Тяжелое иго было наложено на свободное крестьянство и на все города ростом государственных расходов. Давление этого ига усугублялось бесчестностью судов и бюрократии. Об этом хорошо знает проф. Э. Кем, автор замечательной работы «*Studies in the Hundred Rolls*» (1921).

В то же время правительство освобождало феодалов от ряда финансовых повинностей, налагая их на другие классы. Государство поддерживало феодальных лордов пенсиями, дарениями земли и денег, прощало им их огромные долги (Гутнова). Государственная машина стала средством для извлечения из массы населения того, что мы называем «централизованной феодальной рентой» — дополнительной ренты в пользу феодалов, падавшей отчасти и на свободные слои населения.

Тем не менее хорошо известны частые столкновения между королевской властью и феодалами и между различными слоями класса феодалов. Король и его окружение нередко использовали силу централизованного государства, требуя от феодалов больше денег и служб, чем это было установлено обычаем, или как-либо иначе, нарушая их привилегии.

Класс феодалов не был однородным, в нем существовали группы, интересы которых порой расходились. Короне приходилось маневрировать между этими группами. Но надо отметить, что, как правило, даже крупные бароны не выставляли сепаратистских планов и не нападали на принцип централизации (за незначительными исключениями). Они стремились использовать силу централизованного государства в собственных интересах.

И все же столкновения между феодальной монархией и феодалами и между отдельными группами феодалов представляли опасность для феодального класса в целом — особенно в виду народных движений, пробуждавшихся во время этих столкновений (см. исследования проф. Э. Ф. Джекоба). Все это выдвигало настоятельную задачу найти более или менее устойчивую форму компромисса между сталкивающимися интересами в среде господствующего класса. После ряда попыток такой компромисс был найден в виде новой формы феодальной монархии — «сословной монархии» или «монархии с сословным представительством» (Гутнова).

Компромисс, заключенный в конце XIII в., показал растущее значение мелких и средних феодалов, а также городов.

Тем не менее парламент не сообщил нового качества английскому государству. «Сословная монархия» преследовала цели укрепления феодального государства и была новой стадией в процессе его централизации.

Вопрос о парламенте и его значении в истории английского феодализма не был поставлен в докладе проф. Э. Кем. Поэтому я не буду его обсуждать. Исследования Е. В. Гутновой достаточно ясно показали феодальный характер парламента (особенно важны ее наблюдения над деятельностью парламента) и слабость в нем нефеодальных элементов. Главной силой в парламенте оставались светские и духовные магнаты. Парламент не изменил феодального характера государства, а увеличил организованную силу класса феодалов, сделав представителей всех его слоев постоянно действующим органом государства и дав ему известный контроль над деятельностью правительства. Роль горожан в парламенте долго оставалась второстепенной.

У меня не было возможности остановиться на интересных проблемах «ублюдочного» феодализма, получивших яркое, хотя и одностороннее освещение в докладе проф. Э. Кем. Я хотел бы лишь подчеркнуть, что это кризисное явление в истории английского феодализма может быть понято лишь в связи с общим кризисом феодального способа производства, разложением манориальной системы, крестьянскими движениями и упадком феодальной ренты в XIV—XV вв. Все, что говорит докладчик в своем заключении, лишь подчеркивает феодальный характер

английской монархии в эпоху этого кризиса, из которого вышла монархия Тюдоров, возродившая и усилившая централизаторские тенденции английского государственного устройства в виде «абсолютной монархии», основанной на более сложной, но феодальной по своему преобладающему характеру базе.

* * *

К сожалению, за недостатком времени прения по докладу проф. Э. Кем и по моему выступлению не могли развернуться. Выступавшие после меня английские историки говорили, что данная мною характеристика английского феодализма является для них новостью, и выражали желание, чтобы в Англии шире была поставлена информация о новых трудах советских историков.

Проф. Э. Кем нашла, что я чрезмерно сгустил темные краски в изображении феодализма вообще и английского феодализма в особенности. В частности, она утверждала, что положение виллана не было бесправным и что королевские суды давали защиту не только состоятельным, но и бедным свободным людям. Но она согласилась, что для характеристики феодализма следует привлечь и «монархализм».

У меня не было возможности взять на конференции заключительное слово. Мне приходится сделать это теперь.

Мы можем констатировать, что английская «критическая» историография, насколько ее взгляды выражены в докладе проф. Э. Кем, сделала в понимании характера феодального общества и государства средневековой Англии известный шаг вперед по сравнению со старой либеральной историографией, строившей идеализированную картину исторического развития средневековой Англии, отправляясь от «вигской» концепции традиционной «свободы» английского народа. «Критическая» историография выдвигает на первый план определяющее значение «феодализма» и «монархии».

Но если «вигская» историография старалась извлечь из англосаксонского прошлого традиции «исконной английской свободы» и возвести их в ведущий принцип исторического развития Англии, то «критическая» школа производит подобную же операцию с традицией «монархии», «монархии Эдуарда Исповедника», являющейся якобы по-

сительницей истинной государственности. В этом нельзя не видеть некоторого перехода от «вигской» к «торийской» концепции исторического развития средневековой (и не только средневековой) Англии. Такой переход характерен для английской буржуазии XIX в., переживающей период глубокого кризиса Британской империи и в связи с этим разочарования в идеалах вигизма.

Нельзя не видеть совершенной абстрактности и нереальности представления о «монархии» и «феодализме» как о каких-то особых силах, существующих отдельно и в то же время в неразрывном союзе, «неслиянно и нераздельно» (пользуясь богословской терминологией), рассматриваемых притом вне связи с социально-экономическим базисом общества. Но именно последнее дает возможность идеализировать и монархию, и «воспитываемый» ею феодализм.

В связи с этим надо дать классовую расшифровку таким благозвучным выражениям, как «политическое воспитание», «политическая ответственность», «ответственность за решение национальных проблем», «оппозиция его величества», в применении к баронам XIII в. Такие выражения напоминают фразеологию современного буржуазного государственного права и только затемняют истинный смысл скрывающихся за ними реальных отношений.

Участие в королевском феодальном совете, сменявшем после завоевания полуфеодальный утиенагемот, несомненно давало баронам «политическое воспитание», но в каком смысле? Они учились отстаивать свои классовые интересы совместно, а не порознь, они учились управлять в интересах своего класса в целом, и в общем больше сами «воспитывали» монархию, чем получали воспитание от нее. Также чисто классовый характер носило «политическое воспитание» баронов в их куриях. Судебные права баронов не только налагали на них «обязанности», но в еще большей степени были источником доходов и власти над людьми.

Трудно говорить об «ответственности за решение национальных проблем» и об «оппозиции его величества», когда дело идет о сопротивлении (притом вооруженном) баронов поборам и ущемлению их прав и материальных интересов со стороны короля. Здесь дело шло об отстаивании феодалами своих классовых привилегий (прежде всего своей доли в феодальной ренте, понимаемой в широком

смысле этого слова), от покушений со стороны своего слишком сильного и порой непокорного органа — короля.

Я не сказал бы, что *franchise holders* превращались в «агентов короны». Их привилегии не столько налагали обязанности, сколько давали высоко ценявшиеся права на доходы и власть над людьми, были дополнительным средством «внеэкономического принуждения». Правительство пробовало провести проверку иммунитетных прав и установить контроль над их осуществлением (преимущественно в фискальных целях), но, по-видимому, не очень успешно.

Еще больше, чем «вигская» историография, историки «критического» направления забывают о подлинном английском народе, сосредоточиваясь на проблемах права и управления. Не следует ли, однако, помнить не только о тех, кто господствовал и управлял, но и о тех, над кем господствовали и кем управляли? В какой мере те «блага», которые давало господствующим классам централизованное государство, распространялись на основную массу английского народа?

Все же в эпоху развития феодальной монархии большинство населения было оставлено на произвол крупных и мелких феодалов, которые могли соблюдать или не соблюдать «манориальные обычаи» (там, где такие обычаи существовали), смотря по тому, что для них было выгодней. Такое положение вилланов было закреплено и практикой королевских судов и теориями «великих юристов» XII—XIII вв. И правительство всегда было готово карать непослушных.

Конечно, и виллан не был лишен всех гражданских прав, несмотря на *exemptio villenagii*. И на него в некоторой степени распространялась охрана «мира и справедливости», осуществлявшаяся органами администрации и правосудия феодального государства и иммунитетных округов. Но *каково* было качество этой охраны мира и справедливости на местах, а также контроля над ней со стороны центрального правительства, показала проф. Э. Кем в упоминавшемся выше исследовании. Приводимые ею данные правительственных расследований 1274—1275 гг. (как и многих других источников) вносят немало реалистических подробностей в подлинную характеристику английской феодальной монархии в пору ее наивысшего расцвета.

АНРИ ПИРЕНН — ИСТОРИК БЕЛЬГИИ *

До сих пор наши историки часто сосредоточивали все внимание на истории немногих народов, которые играли важнейшую роль в истории позднейшей Европы, и упускали из виду историю других народов, оказавших, однако, крупнейшее влияние на европейскую историю в прошлом. Сплошь и рядом преподавание истории сводится к истории Франции, Англии и Германии. Италия выступает спорадически с большими пробелами, Испания появляется только в эпоху великих открытий и ранних колониальных захватов, Скандинавские страны — и то краем — только во время Реформации и Тридцатилетней войны. Нидерланды мелькают в виде Брюгге и Антверпена, потом — в эпоху Нидерландской революции, причем почти все внимание сосредоточивается на северных провинциях, на Голландии. Южные Нидерланды и испанская Бельгия остаются неосвещенными. С таким положением пора покончить. Ряд самых коренных проблем средневековой истории выступит перед нами в новом свете, если мы к их изучению привлечем материал по истории тех стран, которые до сих пор нами пренебрежительно обходились. Необычайно обогащается содержание феодализма, если его изучают не только в английском, французском, немецком, но и в скандинавском, итальянском, западнославянском вариантах. Необычайно обогащается история городов введением в нее истории Фландрии. Бургундское герцогство и его судьбы должны занять в истории средневековой Европы место, соответствующее той роли, которую оно сыграло в свое время в ее истории. Переводом важнейшей

* Опубликовано в кн.: А. Пиренн. Нидерландская революция. М., 1937.

части «Истории Бельгии» Пиренна мы хотим обратить внимание наших студентов, преподавателей и всех, интересующихся историей, на ту большую роль, которую Нидерланды сыграли в истории Европы. Мы начинаем с самого драматического момента в истории Нидерландов — с революции XVI в.

* * *

Апри Пиренн (1862—1935) — бесспорно крупнейший из историков современной буржуазной Европы, один из последних классиков буржуазной исторической науки.

Он родился в семье фабриканта в Вербье — одном из самых важных центров шерстяной мануфактуры и торговли Бельгии. Университетский курс Пиренн прошел в Льеже, а в 1886 г., 23 лет, он получил кафедру в Генте и занимал ее 44 года.

Пиренн прошел хорошую историческую школу. Его учителями в Льежском университете были Готфрид Курт и Поль Фредерик. Готфрид Курт, историк франков, автор жизнеописания Хлодвиг, замечательный знаток источников, привил Пиренну вкус к проблемам источниковедения, к вспомогательным историческим дисциплинам, приучил к точной технике исторического исследования. Фредерик, специалист по истории Бельгии в эпоху Бургундского герцогства и перехода к испанскому владычеству, историк инквизиции в Нидерландах, неутомимый издатель текстов, также оказал немалое влияние на молодого историка. Еще важнее были влияния, исходившие от немецких и французских ученых.

Пиренн работал в больших германских университетах и в Париже. В Берлине он учился у известного историка-экономиста Густава Шмоллера, лучшие работы которого посвящены городскому ремеслу средневековья. В Париже больше всего дал ему Жири, также много работавший по истории средневековых городов, крупный авторитет в области вспомогательных дисциплин. От своих учителей Пиренн приобрел превосходное знание источников, точные приемы их критики, вкус к экономической истории средневековья и особенно к истории городов. В эту сторону толкали его и впечатления окружающей бельгийской действительности и прошлое Бельгии — классической страны городского развития.

Преподавательская деятельность Пиренна не ограничивалась Гентом. Он преподавал в Париже, в Дижоне, где имел возможность наблюдать много следов бургундской культуры, в Монпелье, в Алжире. В Бельгии Пиренн был признанным главой исторической науки. Он стоял во главе ряда научных учреждений Бельгии. Он был председателем комиссии по изданию Национального биографического словаря, председателем комитета Бельгийского исторического института в Риме, секретарем королевской исторической комиссии. Под его редакцией проходило печатание текстов и монографий по истории Бельгии. Он был одним из главных инициаторов и организаторов международных начинаний в области изучения истории. Под его председательством прошел в Брюсселе в 1923 г. V международный конгресс историков, первый после войны.

Научные работы Пиренна создали ему широкую известность. Он был членом французского Института, членом 13 академий, имел 16 почетных ученых степеней. Не только достоинства его научных исследований создали ему мировое имя. Он был блестящим популяризатором, умевшим каждую свою работу облечь в живую и интересную форму. Ему в высокой степени присуща та яркость, ясность и прозрачность стиля, которая отличает истинных мастеров. Пиренн принадлежит к числу тех немногих мастеров, которые всегда увлекательны и интересны, о чем бы они ни писали. Как несравненный лектор и оратор он увлекал своих учеников, зажигал в них энтузиазм, пробуждал в них призвание. Он создал в Бельгии школу историков социальных отношений. Можно сказать, что почти все историки современной Бельгии — ученики Пиренна.

Поражает исключительно широкий размах исторической работы Пиренна. Список его трудов, составленный в Льеже в 1926 г. по случаю 40-летия его профессорской деятельности, включает свыше 300 больших и мелких работ. С тех пор прошло еще девять лет творческой работы. Но Пиренн не может быть причислен к довольно распространенному и среди историков типу ученого графомана, одержимого страстью к писанию, непрерывно разводящего водой небольшой запас идей и знаний. Все, что он пишет, ново, веско, содержательно, основано на зрелом исследовании и размышлении. Пиренн прежде всего медиевист. Но у него есть работы, посвященные и современной истории. Среди тем его ранних работ мы находим и архиво-

ведение, и палеографию, и дипломатику, и латинскую филологию средневековья, и историческую географию. Его привлекает критическое издание текстов. Но уже рано сказывается интерес к истории средневековых городов. В 1889 г. вышла его работа «*Histoire de la constitution de la ville de Dinant au moyen âge*», положившая начало ряду ценнейших исследований по городской истории, составляющих его главный вклад в науку. Мировой известностью пользуются также его книги, как «*Les anciennes démocraties des Pays-Bas*» (Старинные демократии Нидерландов), 1910, и «*Les villes au moyen âge*» (Средневековые города), 1927. Но главным своим трудом, делом своей жизни Пиренн считал свою «Историю Бельгии», первый том которой появился в 1900 г., а последний, седьмой, в 1932 г. Этот труд был подготовлен множеством этюдов и специальных исследований по истории Фландрии, Генегау, Льежа, Гента, по истории отдельных эпох, особенно Бургундской, по истории революции XVI в., по истории Бельгии в эпоху Великой буржуазной революции во Франции, по истории революции 1830 г. Можно сказать, что вместе с подготовительными работами «История Бельгии» заполнила большую часть ученой жизни Пиренна.

Работы Пиренна выделяются глубоким знанием источников, точностью документации, необычайно широким охватом тем и материала. Его отличает тонкое чувство конкретного факта; он большой мастер исторического портрета, исторической живописи. Люди и события оживают под его пером. В своей исторической работе Пиренн большое место отводил частному, индивидуальному, личностям, историческим событиям.

Но наряду со специальными конкретными исследованиями в трудах Пиренна большую роль играют также смелые гипотезы, широкие построения, иногда бросающие новый своеобразный свет на темные и трудные вопросы, но почти всегда парадоксальные, лишенные надлежащей теоретической основы. Именно здесь сказались отрицательные результаты эмпиризма Пиренна. Он разделяет здесь участь большинства буржуазных историков.

Его критики отмечают, что он не принадлежал к какой-нибудь определенной исторической школе; он многому учился у разных школ и в основном остался плюралистом и эклектиком. В своих трудах он считал необходимым подробно выяснять социальный и экономический строй

изучаемого им общества. Лучшие его страницы посвящены социально-экономическим проблемам. Но и здесь в нем говорило чутье талантливого историка-реалиста, а не правильное историческое мировоззрение. Его ученик Гансгоф, думается, верно определил те основания, которые заставляли Пиренна выдвигать на первое место социально-экономические факторы. По мнению Пиренна социально-экономические явления отличаются сравнительной простотой и притом допускают статистическую обработку, исключая субъективные моменты; наконец, это — коллективные, массовые явления. Индивидуальные влияния сведены здесь к минимуму, и поэтому здесь более, чем в других отделах истории, возможно научное изучение. Далее, социально-экономические явления имеют интернациональный характер; по сравнению с политическими событиями они поднимаются над национальной ограниченностью. Наконец, социально-экономическая история облегчает понимание прошлого с всемирно-исторической точки зрения. На этом Пиренн особенно настаивал в последние годы своей деятельности.

«Экономизм» Пиренна таким образом весьма далек не только от марксизма, но и от экономического материализма. Его экономизм вырастает на чисто идеалистической основе современной буржуазной социологии. Именно отсюда указанный эклектизм Пиренна. Отсюда, несмотря на неизменную оригинальность и индивидуальность его отдельных исторических концепций, несмотря на непосредственные конкретные расхождения с такими теоретиками современной антимарксистской историографии, как Зомбарт или Дошп, Пиренн в конечном счете нередко сближается с ними в своих принципиальных установках.

Своеобразная психологическая транспонировка социально-экономических отношений в конечном счете сближает его с Зомбартом. В этом плане лежит его определение капитализма признаками индивидуальной предприимчивости, кредита, спекуляции. Крайний психологизм вообще характерен для всей методологии Пиренна. В этом отношении особенно характерны исторические параллели, к которым так охотно прибегает Пиренн и в которых внешне-психологический облик механически отрывается от исторического, социального содержания. Так, сентябрьские события 1792 г. сопоставляются с Варфоломеевской ночью, герцог Альба — с Робеспьером и т. д.

Точно так же, как будто разойдясь с Допшем в вопросе о капитализме, поскольку он противопоставляет натуральное хозяйство средневековья хозяйству капиталистическому, Пиренн в дальнейшем переходит на позиции, довольно близкие к допшианству. «Капитализм много древнее, чем принято думать, — пишет он. — Разница между средними веками и нашим временем лежит в количестве, а не в качестве, разница в интенсивности, а не в природе».

Читателю Пиренна необходимо об этом помнить и подходить к его работам с определенной критичностью.

* * *

В центре экономических исследований Пиренна стоят — поставленные во взаимную связь — проблемы начала средних веков, происхождения городов и этапов развития капитализма.

Одним из самых дискуссионных вопросов в современной буржуазной исторической науке является вопрос о смене античности средневековьем. Едва ли есть надобность напоминать читателю о целой лавине теорий, выстроенных здесь буржуазной наукой. Основным вопросом все же остается старый, поставленный еще «романистами» и «германистами», — имеем ли мы здесь катастрофу, революцию, переворот, или же мирное перерастание античного мира в средневековый?

Пиренн занял в этом вопросе своеобразную позицию. Он признает неразрывную связь той эпохи, которую обозначает как раннее средневековье, с античным миром. Он отмечает как основную черту античной истории ее средиземноморский характер. Эта характерная черта еще усилилась, когда столица империи из континентального Рима была перенесена в приморский Константинополь. Общий упадок культуры, начавшийся с III в., не нарушил средиземноморской торговли. Не нарушило средиземноморского характера европейской истории и нашествие германцев. Они стремятся к Средиземному морю, и оно остается центром германо-римского европейского мира. Пиренн отрицает возвращение в эту эпоху к натуральному хозяйству, падение торговли и городов.

Ислам и арабские завоевания начинают новую страницу в истории. Арабы завладевают Средиземным морем и оттесняют от него европейцев. Цивилизация Европы

принимает континентальный характер. Торговля замирает, замыкается в местных рамках. Вся экономическая жизнь перестраивается на натурально-хозяйственных основах. IX век и особенно конец его — эпоха наибольшего упадка торговли. XI век — эпоха нового подъема, прежде всего проявляющаяся в росте городов. Таким образом начало средневековья следует связывать с завоеваниями арабов.

Едва ли надо говорить о том, что эта теория Пиренна совершенно неверна. Она теоретически порочна, совершенно игнорируя глубочайшие перемены, происшедшие в жизни Европы в IV—V вв. Торговля ставится ею в центр экономической истории. И при этом аргументы в пользу сохранения средиземноморского характера европейской культуры в меровингскую эпоху явно недостаточны. Арабы не столько отрезали Европу от Средиземного моря, сколько связали ее с восточными рынками. Теория Пиренна получила поддержку со стороны некоторых ученых, в том числе от Фердинанда Лота, но в общем не встретила сочувствия, несмотря на энергичную и красноречивую защиту ее Пиренном на V и VI конгрессах историков¹.

Если характеристика меровингской эпохи у Пиренна возбуждает много сомнений, то гораздо вернее охарактеризована им эпоха каролингов. Здесь он резко расходится с Доппшем и его школой, настаивая на натурально-хозяйственном характере всей экономической жизни этой эпохи.

«Раннее средневековье, — по его словам, — вовсе не знает силы капитала». Особенно ярко натурально-хозяйственные порядки выступают в каролингском поместье. Города в это время не играют никакой роли. Торговые пункты по морским берегам, как Марсель, Руан, Квентовик, имеют мало общего с городами — это пристани и места зимовки судов.

/ Эпоха экономического подъема начинается с XI в. Это — век возникновения городов. Среди многочисленных в буржуазной науке теорий о происхождении городов

¹ Скоро должна выйти книга Пиренна по этому вопросу, оставленная им в рукописи. Проблеме начала средневековья он посвятил ряд статей и две первые главы в своих знаменитых «Городах средневековья». (Упомянутая здесь Е. А. Косминским книга Пиренна, оставшаяся в рукописи, была опубликована в 1936 г. под названием: «Histoire de l'Europe des invasions au XVI-e siècle». Bruxelles — Paris, 1936. — *Прим. ред.*).

теория Пиренна занимает особое место. Происхождения городов надо искать не в местных рынках, не в торговых селах, не в замках, не в римских городах. Первые городские поселения были колониями купцов и ремесленников (port, faubourg) вокруг более ранних укрепленных пунктов — замков или епископских резиденций. Это два разных типа поселения, с разным населением, и их слияние не завершается до XIII в. В предисловии к другой книге Пиренна о фландрских городах будут даны более подробный анализ его теории происхождения городов и ее критика². Здесь надо отметить, что эта теория выведена им из изучения истории нидерландских, главным образом фландрских городов. Попытка применить ее, например, к истории английских городов, сделанная Карлом Стивенсоном, оказалась неудачной.

Теория Пиренна выгодно отличается от большинства буржуазных теорий о происхождении городов тем, что она ставит вопрос не на формально юридическую почву, а стремится разрешить его на основе общих социально-экономических перемен XI в. Основы отделения города от деревни он видит не в чисто правовых признаках, а в том, что городское население жило главным образом торговлей и промышленностью, а не сельским хозяйством. До конца XII в. количество городов в Западной Европе незначительно. Это преимущественно торговые, а не индустриальные города. Торговля предметами индустрии долго базируется главным образом на деревенской промышленности.

К концепции о происхождении и развитии городов у Пиренна тесно примыкает его своеобразная теория ступенчатого развития капитализма. Надо сказать, что подобно большинству буржуазных историков, Пиренн не проводит достаточно ясного различия между торговым и промышленным капиталом и часто говорит о «капитализме» там, где имеется налицо лишь более или менее крупный размах торговых операций.

Раннее развитие «капитализма» связано у Пиренна с ранним развитием средневековых городов. Городское население в Европе — пришлое. Это — торговцы; mercatores значит то же, что burgenzes. Откуда они пришли? — Из деревень. Что они принесли с собой? — Только физи-

² См. А. Пиренн. Средневековые города Бельгии. М., 1937.— *Прим. ред.*

ческую силу, силу воли, ум и расчет. Это — деклассированные элементы деревни: безземельные, бродяги, грабители. Откуда их богатства? Удача, предприимчивость, прямой грабеж, а также большие различия в ценах в разных местах Европы дают возможность быстрого обогащения. Но купец мало живет в городе, и живет там главным образом зимой. Купец этого времени — главным образом странствующий купец; гильдии, ганзы — это организация для странствующей торговли. Здесь имеет место не медленное накопление, а стремительное обогащение. Таким образом первые «капиталисты» вышли из среды деклассированных элементов, искавших в торговле обогащения, соединявших ее с грабежом и вкладывавших в нее только свой ум, энергию и отсутствие нравственных стеснений. В истории городов и торговли до XIII в. Пиренн видит эпоху «свободной капиталистической экспансии».

Добытые таким путем богатства вкладываются не только в торговлю, но и в ростовщичество, в откуп пошлин и т. д., но особенно в приобретение земли, главным образом в городах. Так с начала XIII в. образуется патрициат — *virī hereditarii, divites, maiores*. В противность Зомбарту Пиренн полагает, что не аккумуляция городской земельной ренты создает капитал, а что последний предшествует этой аккумуляции. Пиренн не колеблется назвать капиталистами фламандских и брабантских импортеров шерсти и торговцев сукном, продающих сотни кусков, венецианских, генуэзских и пизанских судовладельцев, торгующих с Левантом, лангобардских и флорентийских банкиров. Помещая капитал в приобретенные земли, потомки первоначальных купцов постепенно покидают торговлю и превращаются в рантье. Они рождаются с феодальной знатью и начинают жить, как рыцари.

Новый этап в развитии «капитализма» начинается в XIII в. XIII век — эпоха создания индустриальных городов. Сельские ремесленники массами устремляются в города. Растет множество новых городов. Большинство из них — мелкие города местного значения; большие города Италии и Фландрии работают на экспорт, на европейский рынок. К первым вполне применима бюхеровская характеристика городского хозяйства; но во вторых развиваются «капиталистические» порядки. Здесь Пиренн опять имеет в виду прежде всего торговый капитал. Торговля широко развивается и вместе с тем конкуренция между

городами приводит к ее ограничениям. Там, где ремесленные цехи берут власть, муниципальные статуты ограничивают независимость купца даже в чисто коммерческих делах. Церковь нападает на его прибыль своим учением о справедливой цене. В то же время купец, ранее записывавшийся торговлей любыми товарами, начинает специализироваться на определенной отрасли торговли. Теперь на место прежнего патрициата, превратившегося в класс рантье, нарождается новое поколение купцов «капиталистов». И у них основой обогащения являются ум и расчет. Но теперь эти свойства обращаются главным образом на обход муниципальных и церковных ограничений. В то же время новые капиталисты начинают эксплуатировать мелкое ремесленное производство, закабалая его путем кредита. Маклерство, ростовщичество в крупном масштабе являются наряду с торговлей источником обогащения новых «капиталистов». Откуда же берется этот класс новых «капиталистов», сменяющих прежний патрициат? Это по большей части торговые агенты, преуспевшие ремесленники, чиновники, преуспевшие на службе у князей. Всюду новые «капиталисты» вступают в непосредственную связь с княжеской властью.

Но с конца XV в. начинается опять новый этап.

Выдвинувшийся на место патрициата класс «капиталистов» — купцов и финансистов — начинает приходить в упадок. Рост колониальных открытий, создание больших монархий — все это изменяет характер торговли. С этим связаны Возрождение с его духом индивидуализма, большие войны, вызывающие спекуляцию, революция цен. Государство подчиняет себе город. Появляются новые отрасли промышленности, стоящие вне городского контроля. Создаются новые промышленные центры в деревне. Индивидуализм, свобода конкуренции — вот основы нового экономического строя. Быстро создаются новые крупные состояния. «Капиталист» средневековья уступает место новым людям. Опасаясь рисковать своим накопленным богатством, многие из старых «капиталистов» обращаются к административной карьере, покупают должности, делаются членами судебных палат, составляют *noblesse de robe*, рождаются со знатью. Новые «капиталисты» — это опять-таки «*parvenus*»; таковы Жак Кер, и Фуггеры, и Фрескобальди, и много других. Выдвинутый эпохой Возрождения принцип экономической свободы не удержи-

вается. Его скоро смещает протекционизм и меркантилизм, система правительственной регламентации.

Промышленный переворот в Англии, машинное производство опять отодвигает купцов старой меркантилистической складки. Они превращаются в рантье, в держателей бумаг, скупают земли, переходят в ряды аристократии. Поднимаются зато новые люди, предприимчивые характеры, «*self made men*». Как в эпоху Возрождения, они верят только в свободу и индивидуальную предприимчивость. Торжествует принцип «*laissez faire, laissez passer*». Но и здесь рост пролетариата вызывает государственное вмешательство, ограничения экономической свободы, социальное законодательство.

Таким образом Пирени выдвигает теорию четырех эпох, сменявших друг друга в развитии европейского «капитализма». Развитие «капитализма» представляется ему в виде отдельных импульсов, отстранявших старое поколение и ставивших на его место новое. «Капиталисты», поднимавшиеся из «низов», начинают каждую новую стадию как прогрессивный класс, но потом делаются консерваторами, сливаются со знатью. Точно так же сменяют друг друга эпохи экономической свободы и экономического регулирования.

Нет никакого сомнения в том, что построения Пиренна навеяны судьбами современного капитализма, и в своей модернизации и схематизации исторического прошлого они, как указано, так или иначе смыкаются с ходячими в буржуазной историографии схемами Зомбарта и Долша. Смена поколений «капиталистов» дана в типичном и для Пиренна психологическом плане. Уже было сказано, как расплывчато понимает Пиренн самый термин — капитализм, как стираются в его изображении исторические грани социально-экономических формаций.

Но, касаясь спора старой, «бюхеровской», концепции с теориями «новой» школы, утверждающей исконность капитализма в Европе и его непрерывное развитие, начиная с раннего средневековья и глубже, со времен античности — Пиренн решительно говорит о натурально-хозяйственном характере каролингской эпохи, о каролингском поместье как классическом примере натурально-хозяйственной организации. Он утверждает, что до XII в. не может быть и речи о прибыли, о коммерческом характере поместья. Хозяйство ставит себе чисто потребительские

цели. И для дальнейшего развития в основном верна теория ограниченных размеров торговли и городского рынка, в частности. Пиренн отказывается признать преобладающее влияние капитализма в экономике XII—XV вв. С другой стороны, выступая против теории Бюхера и Зомбарта, он настаивает на наличии «торгового капитализма» (*le capitalisme commercial*) уже в XII в. По его мнению, немецкие ученые пропагандировали теорию мелкого городского рынка, потому что их отечество отставало в экономическом развитии от других стран Европы, в частности от Италии и Фландрии. Это наблюдение не совсем верно, потому что именно немецкие ученые выступили потом застрельщиками «новой» школы. Если от изучения мелких немецких городов перейти к таким, как Флоренция, Венеция, Генуя и даже Гент, Брюссель, Ипр, Дуэ или Турна, то здесь не может быть речи о замкнутом «городском хозяйстве» в стиле Бюхера. Здесь, согласно Пиренну, можно говорить не только о купеческом капитале, но с XIV в. и о развитии капитализма в области промышленности. Впрочем Пиренн считает Италию и Фландрию исключением в Европе.

* * *

Главной работой Пиренна, главным делом его жизни была семитомная «*Histoire de Belgique*». Его статьи и отдельные исследования представляли главным образом подготовку к этому огромному труду. Пиренн был принципиальным противником «всеобщих историй», написанных коллективно, хотя впоследствии ему не раз приходилось принимать участие в такого рода коллективных работах. Он был одним из немногих ученых, которым по плечу было единоличное выполнение такой огромной работы. Первый том «Истории Бельгии» вышел в 1900 г. Он доведен до начала XIV в.

В первом томе Пиренн выступает в первую очередь как историк-экономист, как мастер истории социальных отношений и политического развития. Со второго тома разворачивается пестрое полотно событий и лиц. Здесь Пиренн пробует себя на новом поприще — как исторический портретист, как увлекательный рассказчик. Второй том доведен до смерти Карла Смелого и вышел в 1902 г. Третий том, доведенный до прибытия в Нидерланды

герцога Альбы, вышел в 1907 г. В 1911 г. вышел четвертый том, доведенный до Мюнстерского мира 1648 г. После долгого перерыва, вызванного войной, в 1921 г. вышел пятый том, доведенный до 1792 г., шестой том посвящен периоду 1792—1830 гг. и седьмой — 1830—1914 гг. Издание завершилось в 1932 г.

«История Бельгии» представляет монументальное произведение по массе изученного материала, ширине охвата, разнообразию тем. Все стороны национальной жизни от экономики до искусства охвачены здесь в живой картине мастером, в совершенстве овладевшим своим предметом. В этой сложной и многотемной работе есть основная ведущая тема. Такой темой является постепенное создание бельгийской нации. Бельгийская нация представляет некоторые своеобразные особенности; у бельгийской нации отсутствует общность языка. Бельгия со времен франкского завоевания была и поныне остается двуязычной. И территория ее складывается исторически очень сложно, долго не представляя ни географического, ни политического единства.

«Бельгия — и в этом оригинальность и красота ее истории — является продуктом воли ее граждан», — так заявляет Пиренн. «У нас есть родина не потому, что ее нам дала природа, а потому, что мы так захотели» («Histoire de Belgique», т. V, стр. XI, XII). Уже из этих цитат видно, как далек Пиренн со своей наивно волюнтаристической формулой от марксистской проблемы этногенеза и исторического формирования нации и национальных государств. Основная схема истории Бельгии по Пиренну следующая.

Пиренн со всей присущей ему страстностью протестует против распространенного представления о том, что бельгийской нации как исторического единства не существует, что Бельгия есть искусственное создание дипломатии и что ее прошлое не заходит далее 1830 г. Если начинать историю Бельгии с трактата, то не с Лондонского трактата 1830 г., а с Верденского трактата 843 г. Впрочем, он возводит начало ее истории даже к временам германского завоевания римской Галлии. Специфическое положение Бельгии между Францией и Германией, между романской и германской культурой, между французскими и германскими влияниями сделали из нее своего рода «микрокосм Европы», «лотарингскую нацию». Но Верден-

ский договор по всю Бельгию отдал Лотарю. Земли к западу от Шельды перешли к Карлу Лысому и связаны с Францией. Земли к востоку от Шельды с конца IX в. связаны с Германией. По Шельде прошла граница между Германией и Францией. Между народами, жившими в бассейне Мааса и Шельды, между потомками латинизированных галло- и германо-римлян — валлонами — с одной стороны, и потомками салических и рипуарских франков — с другой, никогда не было национальной вражды, хотя и не было национального и расового смешения.

Линия от Дюнкверхеда до Маастрихта представляет непрерывную и устойчивую границу между валлонскими и фламандскими областями. Обе нации мирно жили рядом. Что же объединило их? Пиренн отмечает, что политические границы, делившие Бельгию пополам, никогда не совпадали с лингвистическими. Последние идут, как правило, с запада на восток, первые — с севера на юг. Так было при разделении Австразии и Нейстрии, при разделах по Верденскому и Мерсенскому договорам. Даже феодальные владения в Нидерландах обычно двуязычны. Фландрия имеет большой романский привесок в Аррасе, Лилле, Дуэ. Двуязычен Брабант, Льеж. И церковные территориальные деления (епископства) не обращали внимания на лингвистическую границу. Наоборот, религия была здесь фактором объединения: христианизация франков объединила их с римлянами. В свою очередь римляне восприняли право франков. Кутюмы романских частей Нидерландов — германского происхождения и связаны с Салической правдой. Таким образом, помимо политических и лингвистических границ, здесь складывается общая культура (или «цивилизация» — Пиренн предпочитает этот термин), представляющая слияние германских и романских элементов, но в то же время имеющая свое своеобразие. Пиренн считает характерным для этой цивилизации синкретизм двух великих «рас», открытый для всех новых идей и влияний. От Эльбы до Пиренсес всякое новое явление в области мысли, искусства, религии находит в Нидерландах живой отклик и отражение.

Но решающим моментом все же был момент экономический. Пиренн отмечает необычайно выгодное географическое положение Нидерландов. Это — место встречи судов из двух морей Европы — Средиземного и Балтийского — и естественное складочное место для товаров, идущих

щих с континента в Англию. Здесь с древнейших пор развивается шерстяная промышленность: уже в римскую эпоху пользуются известностью сукна морингов и менапиев, с V в. фризы продолжают эту традицию. С XI в. общее оживление торговли и промышленности в Европе особенно ярко сказывается в Бельгии. Ее реки покрываются купеческими ладьями, всюду возникают пристани, торговые пункты, склады — *portus*. Это — начало развития нидерландских городов. С XII в. Бельгия делается тем, чем она осталась и до сих пор, — страной городов.

Особые условия создали в Бельгии почву для необычайного расцвета городской жизни. В то время как в остальной Европе город обычно обслуживает лишь ограниченный рынок, произведения нидерландской шерстяной промышленности вывозились на все европейские рынки. Сырье для нее доставляла Англия. Нидерландские суконщики добиваются монопольного положения в производстве лучших сортов сукна. Еще до XIII в. они находят сбыт на Востоке. Результатом этого является быстрый рост промышленного населения, огромный спрос на рабочие руки, на ткачей, валяльщиков, красильщиков, стригалей. Пряденье дает работу тысячам женщин и детей. Все это вызывает огромную иммиграцию из деревень, образование в городах больших предместий, заселенных ремесленным людом, и наконец, к XIII в. образование «почти современного пролетариата». На этой почве разгорается крайне обостренная социальная борьба в XIII—XV вв.

Сначала во главе городского управления становится олигархия крупных купцов и городских землевладельцев, патрициат. Необычайно активный, энергичный и практичный, он отличается эгоизмом, исключительной привязанностью к своим привилегиям, чувством касты, безжалостным отношением к простому народу. Патрициям принадлежала власть в городах, над ними не было никакого контроля, они назначали налоги и определяли заработную плату.

С первых же годов XIII в. возникают волнения среди ремесленников. Начинается ряд стачек, сначала в Дуэ, потом и в других фламандских городах. Возникают тайные споры, заговоры против городских властей. Патрициат отвечает на это мерами террора. Изгнание, смертная казнь должны карать за забастовки. Рабочим воспрещается иметь оружие. Воспрещается собираться на улице

более, чем трем людям. На забастовки отвечают локаутами. Городские власти отдельных городов договариваются между собой не принимать к себе лиц, изгнанных из одного из этих городов.

Социальная борьба осложняется борьбой политической. В борьбу патрициев и ремесленных цехов вмешиваются князья. В Льеже, Генегау, Фландрии они более или менее решительно берут сторону цехов. Их толкает на это вражда к патрициату. Они хотят использовать социальную борьбу, чтобы подчинить себе города. Но на союз фландрских графов с ремесленниками городской патрициат отвечает союзом с французскими королями. Опираясь на французских королей, патрициат усиливает эксплуатацию ремесленников; французские короли стали в глазах народа покровителями ненавистного режима эксплуатации. Французская оккупация при Филиппе IV была эпохой усиления городских олигархий. В результате разразились страшные восстания. Всюду, кроме Гента, торжествует «демократия». Цеховыми восстаниями пользуются графы фландрские, которые ведут городские «демократии» к победе над французами. Борьбу фламандских ремесленников с французским рыцарством Пиренн сравнивает с борьбой французских санкюлотов с австрийцами. «Демократии» бились не только за свою страну, но и за свой политический идеал. Битва при Куртре принесла фламандским ремесленникам не только победу над французами, но и над патрициатом. В то же время это начало независимости Бельгии, которой угрожала политика французских королей. «Фламандский пролетариат», по словам Пиренна, спас независимость Фландрии. Несомненно, эта модернизация имеет в виду поднять в современном бельгийском пролетариате патриотические чувства по отношению к своему буржуазному отечеству.

Пиренн с любовью описывает городские цеховые демократии. Но и он принужден подчеркнуть, что это демократии особого рода, привилегированные, проникнутые духом кастовой исключительности. Эта «демократия» не устраняла резкого классового деления на «капиталистов» и «рабочих».

Рост городов и особенно городских демократий, торговое и промышленное развитие, рост городской культуры создают почву для экономического и культурного объединения Нидерландов. Этот процесс завершается их полити-

ческим объединением. Между городами заключаются договоры, торговые трактаты, монетные соглашения. Так объединяются эти отдельные герцогства и графства, управляемые разными государями, говорящие на разных языках. Начало политического объединения относится уже к XIII в. К середине XV в. окончательно создается новое государство между Германией и Францией — герцогство Бургундское. В деле создания национального государства герцоги Бургундские в известном смысле продолжали дело победителей при Куртре. Правда, у них не было национального идеала, они хлопотали лишь об интересах своего дома, но их заслуги перед историей Бельгии огромны. Бургундский дом мог объединить Нидерланды, потому что страны по обоим берегам Шельды, несмотря на двуязычие, представляли одну страну в смысле экономической солидарности и духовной культуры. История Нидерландов как государства восходит к Бургундскому герцогству, но история нидерландского народа начинается много раньше.

В начале XVI в. власть попадает в руки сильнейшего государя Европы Карла V. В то же время Нидерланды делаются коммерческим центром Европы. Антверпен приобретает в европейской торговле значение, какого до этого времени не имел ни один город. Нидерланды стали международным рынком (*terre commune à toutes les nations*).

В то же время промышленность Нидерландов стала перестраиваться на новой, более широкой, национальной базе, преодолевая партикуляризм привилегированных городов. Антверпен делается ее главным рынком. Местные рынки пустеют, ряд городов приходит в упадок. Развитие новой индустрии происходит в деревне. Расцвет ее относится к тридцатым годам XVI в. Развивается свободная от цеховых стеснений новая шерстяная промышленность, металлургия, добыча угля. В деревне начинает развиваться промышленный пролетариат. Но и в городе возникают новые отрасли промышленности на капиталистической основе. Пролетариат бесправен и угнетен. Временами он заявляет о себе волнениями, вызываемыми нуждой, особенно же ростом цен. Но эти волнения без труда подавляются. В третьем томе «Истории Бельгии» Ширенн дает классическое изображение роста новой шерстяной промышленности, перехода ее в деревню, потери

вследствие этого городами их руководящей роли, что ведет к укреплению системы провинций (штатов).

К проблеме Нидерландской революции Пиренн подходит главным образом с точки зрения создания бельгийской нации. Больше всего его интересует вопрос, каким образом создававшаяся в бургундскую эпоху нидерландская нация распалась на две — голландскую на севере и бельгийскую на юге.

Бельгийская нация отделилась, по его мнению, от голландской потому, что Южные Нидерланды остались под властью Испании и католичества, в то время как Северные стали протестантскими и добились независимости. Надо сказать, что то сравнение, которое здесь приходится делать Пиренну, далеко не лестно для национальной гордости бельгийцев. Освободившаяся от испанского владычества протестантская Голландия переживает эпоху небывалого экономического расцвета и принимает все меры к тому, чтобы подорвать хозяйство испанской Бельгии. В то же время испанский деспотизм встречает в Бельгии пассивное повиновение. Политическая жизнь замирает. Испанские короли интересуются только поступлением налогов. Начинается общий упадок культуры. Руководство духовной жизнью в Южных Нидерландах переходит в руки церкви, которая сама скоро впадает в состояние маразма. Для католических Нидерландов наступает пора долгого упадка. Их испанские, а потом австрийские государи пренебрегают их интересами и втягивают их во все европейские войны. Их разоряет Голландия, расчленяет Франция, отобравшая Артуа и часть Фландрии.

Но все же Пиренн старается показать, что Бельгия сохранила «независимость». Нельзя говорить об иностранном владычестве в Бельгии до ее аннексии Французской республикой. Как испанские, так и австрийские Габсбурги — государи Бельгии — прямые наследники бургундских герцогов. Они владеют страной в силу законного права, которого никто у них не оспаривает. Но они пренебрегают интересами страны, не считают с интересами населения, разрушают национальное сознание. Опять торжествует партикуляризм, опять падает сознание общего отечества.

Огромное значение для Бельгии имел факт французского завоевания (1794 г.), которое Пиренн по его результатам сравнивает с римским завоеванием. Бельгия централизована и унифицирована. Она резко отличается от

прежних австрийских Нидерландов и Льежской области с их почти суверенными провинциями с пестротой привилегий, учреждений и кутюмов.

Создание Нидерландского королевства из Бельгии и Голландии (1815 г.) как бы возродило Бургундское государство. Но к XIX в. между обеими странами уже не было ничего общего. Их разделили и религия и исторические судьбы. Богатство Голландии выросло на бедности Бельгии. Бельгийская революция 1830 г. разорвала это искусственное объединение и тем завершила создание бельгийской нации.

Последний — седьмой — том «Истории Бельгии» посвящен изображению экономического и культурного расцвета бельгийской нации после 1830 г. Пиренн сам соглашается, что он несколько приукрасил этот период, дал его «en beau». Он обходит темные и позорные пятна в истории бельгийской буржуазии, как например страшную эксплуатацию населения бельгийского Конго. Он подробно останавливается на борьбе партий — либералов, католиков и социалистов, стараясь занять объективную позицию. В основном его симпатии на стороне либеральной идеологии. Либеральная партия кажется ему партией ума и образованности. Но он считает ее недемократической, цензовой, которая неизбежно должна уступить место демократии. Он отрицательно относится к идеям, которые он обозначает как «экономический либерализм» — к идеям «закона спроса и предложения», Фритреда, манчестерства. Он иронизирует над попытками смягчить социальное зло путем частной благотворительности, религиозного патроната и «просветительных мероприятий». Носителями новой демократии для Пиренна являются католическая и социалистическая партии, поставленные им рядом. Последнюю Пиренн одобряет за ее умеренность и оппортунизм, за ее сопротивление коммунистическим идеям.

Пиренну прекрасно известна печальная роль, сыгранная католичеством в истории его народа. Но он находит слова симпатии и для современной католической партии как партии «демократической»; с симпатией он перечисляет заслуги католичества и в прошлом...

С либерализмом Пиренн сочетает монархизм и легитимизм. Для него не только идеализируемые им бургундские герцоги, не только Карл V, но и Филипп II, и последующие испанские и австрийские Габсбурги — законные

государи Бельгии. Леопольд II для него не «коронованный купец», не бесчеловечный эксплуататор черных рабов, а благодетельный монарх. «Никогда не было государя, посвятившего себя благу своего народа с большим пониманием, преданностью и патриотизмом», «эра демократии и эра... Леопольда начались одновременно». С энтузиазмом говорит он об общении короля Альберта с народом...

При всех своих огромных, исключительных знаниях, большом историческом чутье, несомненном демократизме, широкой гуманности и космополитизме Пиренн все же оставался бельгийским буржуа и не в силах был вырваться из своего ограниченного круга.

* * *

Историю Нидерландской революции Пиренн берет в том же плане истории бельгийской нации. Собственно говоря, почти можно сказать, что у Пиренна отсутствует самая тема: он дает не «Нидерландскую революцию», а «Нидерландскую революцию в бельгийских провинциях». В его изложении отсутствует история северных провинций, которые были главным центром революционной борьбы, потому что для него это уже история Голландии, не имеющая прямого отношения к истории Бельгии.

Вместе с тем для Пиренна по сути дела не существует самой проблемы Нидерландской революции, как революции буржуазной. Характерно даже внешнее построение изложения: тема Нидерландской революции не выделена в отдельный том, а входит частично в III том, частично в IV том; подразделение на главы также дается не по внутреннему ходу борьбы, а сообразно смене правителей бельгийских провинций.

Пиренн выясняет ряд причин, вызвавших революционное движение в Нидерландах. Он указывает на экономическую причину — эксплуатацию Нидерландов Испанией, на политическую — стремление Нидерландов (особенно нидерландской знати) к восстановлению «бургундских вольностей», ущемленных политикой испанского абсолютизма, не говоря уже о множестве второстепенных обстоятельств, вплоть до «психологических» мотивов — бестактной и неискренней политики Филиппа II, неспособной

Маргариты Пармской и т. д. Но главным стержнем революции является для Пиренна религиозный вопрос.

Нидерландская революция протекала в сложной исторической обстановке. Самая передовая по капиталистическому развитию страна Европы, Нидерланды, была политически подчинена одной из самых феодально отсталых стран — Испании. Борьба против феодализма здесь неизбежно сливалась с национально-освободительной войной против Испании. В условиях той эпохи социальное и национальное движение в Нидерландах так же, как и потом в Англии, приняло резко выраженную религиозную окраску, как борьба кальвинизма и анабаптизма против господствующей католической церкви. В глазах буржуазных историков политическая и религиозная борьба заслонили социальную, как мы видим это и в историографии английской революции, которая даже для передовых английских историков все еще остается в первую очередь «пуританской». Поэтому борьба между Нидерландами и Испанией, борьба между протестантами и католиками, изучена гораздо лучше, чем классовая борьба в самих Нидерландах.

И у Пиренна социальная сторона Нидерландской революции заслонена политической и особенно религиозной. При этом, хорошо понимая социальную сущность анабаптизма, Пиренн не выясняет классового характера кальвинизма. Он видит в нем лишь религиозную и политическую сторону. Кальвинизм обращается, в изображении Пиренна, ко всем классам и особый успех имеет у «промышленного пролетариата». Классовый характер кальвинизма как религии буржуазии остается невыясненным, невыясненным остается и общий характер движения, как буржуазной революции. Пиренн не уклоняется от аналогий между Нидерландской революцией и Великой буржуазной революцией во Франции, но как раз эти аналогии показывают, как далек он от понимания их действительного содержания и исторического родства. Он сравнивает — и не однажды — герцога Альбу с... Робеспьером, испанский террор в Нидерландах с террором французской революции, казнь Эгмонта и Горна с казнью Людовика XVI. Гезов он сравнивает с вандейцами, резню гезов с сентябрьскими казнями во Франции. Другими словами, он считает возможным проводить аналогию между революционным террором и жестокостями феодальной контрреволюции. И здесь и там он видит жажду человекоубийства под давлением

долго сдерживаемой ненависти. Стоя на позициях расплывчатой буржуазной «гуманности», Пиренн допускает грубые исторические ошибки, сближая факты, совершенно противоположные по своей исторической сущности.

Религиозный момент выдвинут у Пиренна на первый план не случайно. Он служит развитию основной его темы — истории образования бельгийской нации. Религиозная борьба провела резкую границу в самих Нидерландах, границу между католическим югом и протестантским севером. Бельгия осталась верной католицизму. Социальная борьба у Пиренна покрывается борьбой религиозной. Восстания плебейства в бельгийских городах рассматриваются как захват власти кальвинистским меньшинством, опирающимся на «разнузданную толпу», преследующим католичество и стремящимся восстановить городской партикуляризм. Но это ведет в последнем счете к восстановлению испанского владычества в Бельгии и к торжеству католицизма.

Мы уже отмечали выше католицизм и легитимизм Пиренна как непосредственное продолжение его национализма. Эти положения широко отражены и в настоящем томе, где автор всячески спешит «воздать должное» личным качествам и соблюсти «справедливость» по отношению и к Филиппу II, и к Гравелле, и к герцогу Альбе и к «эригерцогской чете».

Однако Пиренн широко воспроизводит конкретный материал, и факты говорят за себя под его мастерским пером, делающим его книгу доступной для широкого круга читателей...

ВОЛЬТЕР И ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА *

Этапы в истории научной мысли не укладываются в рамки столетий. И все же у каждого столетия есть своя характеристика, или, правильнее, своя репутация, иногда не вполне заслуженная. XVII век часто называют «веком Эрудиции». За XVIII в. прочно утвердилось название «века Просвещения». «Век Просвещения» пользуется незаслуженной репутацией «неисторичного» и даже «антиисторичного» века, в противоположность «историзму» XIX в. А между тем именно в XVIII в. складываются основы буржуазной исторической науки и прогрессивная буржуазная наука XIX в. лишь осуществляет программу, созданную «веком Просвещения». И главная заслуга в деле создания новой исторической науки принадлежит тому гениальному человеку, в котором всего ярче выразились главные черты «века Просвещения», — Вольтеру.

«Век Эрудиции» оставил «веку Просвещения» объемистое наследие, заключенное в бесчисленных фоллиантах, приводивших в ужас Вольтера. Вольтер говорил, что по одной истории Франции написано 20 тыс. трудов, причем большинство из них — многотомные, так что самый прилежный человек не сможет прочесть их даже если он проживет 100 лет. Это тяжеловесное создание бенедиктинско-иезуитско-академической учености заключало огромные массы материалов, подобранных в хронологическом порядке. Оно заключало увесистые томы очень добросовестно составленных справочников и словарей. Оно заключало, наконец, целые вспомогательные исторические

* Доклад, прочитанный на объединенном заседании Отделения истории и философии и литературы и языка АН СССР 27 ноября 1944 г. Опубликовано в «Известиях АН СССР», серия истории и философии, 1945, т. 2, № 1.

дисциплины, возникшие в процессе огромной собирательской работы, — дипломатику, палеографию, хронологию, историческую географию. «Эрудиты» установили правила, по которым можно было безошибочно отличить подлинную рукопись от подложной, точно ее датировать, но все это была не история. Мастера критики рукописей, «эрудиты», были бессильны в критике исторических источников и принимали на веру невероятнейшие происшествия, если они были засвидетельствованы подлинными старинными рукописями. Да и целью их было не критиковать, а сохранять и укреплять традицию. Не ради чистой «эрудиции» создавались церковью большие «научные» организации, вроде конгрегации мавристов или общества болландистов, не для этого короли и министры учреждали академии, не для этого был затрачен колоссальный труд. Эта работа, по крайней мере, ее большая часть, велась *ad maiorem gloriam ecclesiae* и еще следовало бы добавить *ad maiorem gloriam regis*. Не даром французские короли щедро субсидировали эти предприятия.

Весь этот пышный расцвет эрудиции тесно связан с католицизмом и абсолютизмом, с последней яркой вспышкой феодальной культуры накануне ее угасания. Это — своего рода завещание феодальной эпохи. Ученые, монахи и академики тщательно собирают, систематизируют, каталогизируют, расставляют по полкам бесчисленные материалы, накопившиеся за тысячелетие феодальной культуры. Они приводят в порядок феодальный архив в тот момент, когда история уже готовится сдать в архив их самих.

Но разве «век Эрудиции» оставил только груды материалов? Разве не было попыток обобщить эти материалы, дать цельное построение истории, связанное общей идеей? Конечно, в таких попытках недостатка не было. Католицизм и абсолютизм оставили в своем завещании последующей эпохе книжку Боссюэ «*Discours sur l'histoire universelle*» — всемирную историю от сотворения мира до Карла Великого. В ней чисто теологическое мировоззрение средневековья слегка подправлено модными идеями века — теориями естественного права и общественного договора. Вся книга направлена к прославлению церкви и монархии. Монархия — опора церкви и церковь — опора монархии. Монарх — представитель бога на земле. Боссюэ дает свою теорию преемства империи. Императорская

власть древнего Рима перешла в 800 г. к Карлу Великому, а от него не к императорам Священной Римской империи, как учила теория четырех монархий, а к французским королям. Вся история человечества представлена как выполнение божественного плана. В истории не может быть случайностей, ибо все вытекает из этого плана. Именно этот высший план вносит в историю «закономерность»... Такого рода «закономерность» заранее исключает возможность научного объяснения истории. В действительности никакой закономерности мы у Боссюэ не находим, книжка его представляет напыщенное и некритическое изложение библейской, античной и летописной средневековой традиции.

Таково завещание, оставленное «веком Эрудиции» в классической стране феодального абсолютизма — во Франции. Но XVII в. оставил и другое наследие, идущее от совсем еще молодой буржуазной науки передовых стран Европы, только что переживших буржуазные революции, — Голландии и Англии. Здесь мы видим смелые — слишком смелые — попытки создать новую науку об обществе наподобие естественных наук, наподобие физики или, вернее, механики, науку, которую можно было бы свести к простейшим математическим формулам и построить дедуктивно, как строится геометрия. Огромные усилия математики, позволившие Ньютону построить *Principia mathematica philosophiae naturalis*, казалось позволяли построить также же *Principia philosophiae civilis*.

Юная буржуазная наука приступает к своей задаче с большой смелостью. Она разлагает человеческое общество на атомы — на равные друг другу человеческие индивиды. Здесь научная мысль декларирует то, что совершалось развитием нового буржуазного общества, разрывавшим прежние общественные связи, прежнюю иерархию, разлагавшим сословное феодальное общество, вносившим начала индивидуализма. Общественный атом, индивид наделялся простыми свойствами. Человеческие атомы либо взаимно притягиваются, либо отталкиваются, их свойством является либо стремление к общению, как думал Гроций, либо борьба, как думал Гоббс. Строение общества очень просто, надо только найти его составляющие элементы, определить их отношение друг к другу, и тогда можно путем дедукции создать учение о человеческом обществе. На основе этого учения можно и управлять

человеческим обществом и определить лучшие его формы. Для этого нет надобности утруждать себя изучением того, что называли историей. Философы и юристы, создававшие новую теорию, с презрением смотрели на это нагромождение фактов, нанизанных случайно, без общей мысли и общего закона. История представлялась им бессмысленной путаницей, в которой нельзя отличить истину от лжи, нельзя найти общую ведущую линию. Гоббс исключал историю из области научного знания, видя в ней только хаотическое собрание эмпирических фактов.

С одной стороны, хаотическое накопление исторических материалов, с другой — механистическое построение общественной науки, с презрением отворачивающейся от этого накопления, но по существу бессильное преодолеть этот хаос и найти в нем внутренние закономерности, — таковы итоги работы мысли над историческими проблемами в XVII в. Результатом этого противоречия нередко является скептицизм, полная потеря надежды на какую-либо возможность познать прошлое.

В этом отношении особый интерес представляет знаменитый «Исторический и критический словарь» Бейля (начал выходить в 1696 г.). Бейль не отворачивается от исторических материалов — он в них необычайно начитан, но он не может найти в них ничего достоверного. Сведения о каждом событии, о каждом историческом лице слишком скудны, неясны, противоречивы. Чем больше изучать источники, тем запутаннее делается любой вопрос. В конце концов Бейль начинает пронизывать и над источниками, и над людьми, и над событиями, в которых он не может найти никакого общего смысла. Ему доставляет удовольствие развенчивать признанных героев истории и показывать руководившие ими низменные мотивы. Это еще более подчеркивает впечатление разочарования и безнадежности в истории. Результатом скепсиса, которым проникнута вся работа Бейля, является глубокий пессимизм. Преодолеть этот скепсис, осмыслить всю эту хаотическую груду фактов, построить научную или, как тогда говорили, «философскую» историю, — вот та грандиозная задача, которая стояла перед «веком Просвещения». И эта задача была им выполнена, и выполнена прежде всего Вольтером.

Вольтер не был профессиональным историком. Исторические труды не составляют главной части его колос-

сальной просветительской работы. Но и то, что он сделал в области истории, поистине огромно и изумительно.

Назовем его важнейшие работы. Одним из самых ранних его исторических произведений была «История Карла XII» — занимательно написанная биография короля-авантюриста. В этой случайной работе не сказались еще отличительные черты Вольтера-историка. Вторым крупным историческим произведением Вольтера был «Век Людовика XIV» (1739). (Второе, совершенно переработанное его издание вышло в Париже в 1752 г.). В этом труде, который многие называют лучшим из исторических трудов Вольтера, его талант историка развернулся вполне. Третьим и, пожалуй, главным историческим трудом Вольтера является его знаменитый «Опыт о нравах и духе наций и о главных исторических событиях», который выходил частями, охватывая время от Карла Великого до Людовика XIII. К нему было присоединено введение под заглавием «Философия истории от древнейших времен до Карла Великого». Вместе с «Веком Людовика XIV» и «Веком Людовика XV» этот труд составил всемирную историю от древнейших времен до начала царствования Людовика XVI. Сюда надо добавить еще «Историю России», точнее историю Петра Великого, злую «Историю Парижского парламента», который Вольтер ненавидел как главного гонителя свободной мысли во Франции, сухую, совсем не вольтеровскую «Летопись Империи», написанную по заказу герцогини Саксен-Готской, и необозримое число статей, полемических заметок, критических этюдов, писем, посвященных всевозможным историческим вопросам. Вольтер редко говорит об использованных им источниках и литературе. Но начитанность его в области истории поистине колоссальна.

К Вольтеру больше, чем к кому бы то ни было из представителей его времени, приложимо название «просветителя». Его историческая работа — лишь часть его просветительской деятельности. От философов XVII в. и от скептика Бейля его отличает убеждение в глубокой ценности истории именно для целей политической и философской пропаганды. В истории он ищет самых сильных доводов для нападения на угнетение и несправедливость феодального строя, и особенно для обличения всевозможных глупостей, жестокостей, суеверий церкви и эксплуатации ею народного невежества.

Перед Вольтером стояли две задачи. Первой из них было проложить путь через необозримый хаос фактов, оставленный «веком Эрудиции». Ученая подруга Вольтера маркиза Дю Шатле чувствовала отвращение к истории. «Я никогда не могла окончить, — говорила она, — ни одной истории новых народов. Я встречаю в ней лишь путаницу событий, массу мелких фактов без последовательности и связи, тысячи битв, которые ничего не решают... Я отказываюсь от этого изучения столь же сухого, как и обширного, которое утомляет ум, не просвещая его». Нужно было найти принципы, на основании которых можно было бы отделить главное от второстепенного и написать «философскую историю».

Другой задачей было отделить правду от выдумки (*la fable*), которой были переполнены исторические источники; перед этой задачей оказались совершенно бессильными «эрудиты» XVII в.

Какие же вопросы интересуют в первую очередь молодую буржуазную мысль? Чего она ищет в историческом материале?

«Цель моего труда, — пишет Вольтер, — не в том, чтобы показать, что такой-то не стоящий внимания государь следовал за таким-то правителем-варваром. Нужно изучать дух, нравы, обычаи народов». Вольтер набрасывает широкую программу истории культуры. В нее входит история открытий в области науки, развития техники, история искусства, история культурных заимствований; его интересует история экономического развития народов, особенно история торговли и финансов, история военного и морского дела и, наконец, то, что в XIX в. стали называть «социальной историей». Все это «имеет в тысячу раз большую цену, чем вся масса летописей двора и все рассказы о военных кампаниях». Оставляя в стороне обычное хронологическое распределение материала, он вводит в «Век Людовика XIV» тематическое его распределение. В оглавлении этого труда мы видим такие темы, как «Внутреннее управление, юстиция, торговля. Полиция, законы, военное дело, флот. Финансы. Науки, искусства. Церковные дела, кальвинизм, яansenизм, pietизм». В «Опыте о нравах и духе народов» Вольтер наряду с прогрессом знаний и техники, внутренним устройством государств, их финансами, нравами и обычаями народов интересуется вопросами экономики и «социальной исто-

рией» — историей общественных классов: крестьян, горожан, феодалов, духовенства.

Новый подход к историческому материалу дал Вольтеру возможность набросать широчайшую картину истории человечества. В своем «Опыте» Вольтер отказывается от обычного европоцентризма и стремится охватить историю всех народов мира. Европа занимает в его труде главное место, потому что он лучше знает Европу и у него здесь больше материалов, а не потому, что он ей отдает предпочтение. Нередко используя сравнительный метод, сопоставляя внеевропейские народы с европейскими, он делает это сравнение не в пользу европейцев. Один из первых он показал, как много дали арабы для европейской культуры.

Перед Вольтером стояла и вторая задача — недостаточно было только наметить план работы, указать те вопросы, которые она должна разрешить. Отбор фактов и распределение их по темам должны были сопровождаться отделением правды от лжи, достоверного от того моря «выдумок», которыми заполняли историю все историки, «пока философия не стала просвещать людей». Главная сила Вольтера как историка и как просветителя, та сила, которая приковывает нас к его страницам, несмотря на то, что наука уже далеко ушла от его построений, заключается прежде всего в его сокрушающей критике. Вольтер видит свое призвание в том, чтобы построить новую, еще небывалую историю и для этого разбить всю старую традицию. Стремительным ураганом пронесется он по всей традиционной истории, не оставляя в ней камня на камне. Библия представляется ему собранием нелепостей и ужасов, произведением фанатизма и магии величия ничтожного народа. Полному разгрому подвергается историческая традиция греков и римлян. Впрочем, здесь у Вольтера были предшественники, например Боффор («Dissertation sur l'incertitude des cinq premiers siècles de l'histoire romaine», 1738). До Геродота у греков, до Пунических войн у римлян не было настоящей истории. Все, что относится к более раннему периоду, исполнено неправдоподобных мифов. Ранняя история у Тита Ливия полна невероятностей и противоречий. Но и более поздняя история подверглась грубому искажению. Тацит в «Германии» рассказывает морализующие сказки в поучение римлянам. Тот же Тацит и Светоний передают слепые

и недостоверные слухи об императорах. Все сведения о раннем христианстве — грубая подделка. Происхождение христианства теряется во мраке, несомненно лишь невежество, фанатизм и сервилизм ранних писателей, списывавших у первого обманщика. Григорий Турский и другие варварские монахи-летописцы передают неправдоподобные басни и, что хуже всего, скучные басни. Они превозносят дурных государей, которые дарили им земли, и порицают хороших, от которых не получали ничего. Католическая церковь расплодила множество фальшивых документов, принимавшихся доверчивыми или корыстными историками за истину. Вольтер решительно не верит в беспристрастие средневековых хронистов, находившихся во власти невежества и корыстных интересов. Хорошо знакомый с литературными нравами своего времени он полагает, что таковы же были нравы историков в прошлом. Он ставит насмешливый вопрос о том, как бы писалась история Франции, если бы во время Столетней войны английским королям удалось утвердиться на французском троне. «Если бы преемники Генриха V удержали здание, воздвигнутое их отцом, если бы они были теперь королями Франции, то нашелся ли бы хоть один историк, который не подтвердил бы, что право на их стороне? Не посылали ли бы им папы буллу за буллой? Не объявили бы Салический закон химерой? Сколько бенедиктинцев стало бы представлять королю династии Генриха V старые грамоты в опровержение Салического закона! Сколько остроумцев стало бы над этим законом издеваться! Сколько проповедников стало бы превозносить до небес Генриха V, мстителя за убийство, освободителя Франции!» Мемуарная литература полна глупостей, непроверенных слухов и пристрастной лжи. Не лучше и ученые историки нового времени. Ученнейшие иезуиты Болланд, Папенбрук, бенедиктинцы, не краснея, передают самые невероятные вещи.

Вольтер требует строгой проверки каждого исторического факта, каждого свидетельства исторических источников. В статье «Histoire», написанной для «Философского Словаря», он ставит вопрос о достоверности исторического знания. Вольтер полагает, что всякая достоверность, не доказанная математически, не есть достоверность в полном смысле этого слова, а лишь «крайняя вероятность». На большую достоверность история не может рас-

считывать. Достоверность исторического факта должна быть подтверждена показаниями достаточного числа свидетелей. Но и этот критерий может быть недостаточным, если сообщаемый факт невероятен с точки зрения обычного и естественного хода вещей. «Кроме тех случаев, — ядовито замечает Вольтер, — когда он сообщается людьми, явно боговдохновенными, причем нет возможности сомневаться в их боговдохновенности». Как же определить вероятие факта? Здесь для Вольтера мерилом является здравый смысл. «Le puéril ne doit être cité, et l'absurde ne peut être cité», — пишет он в «Всёмо Людовика XIV».

В конце концов достоверность исторических фактов определяется критическим чутьем историка, стоящего на высоте философского развития. Историю должны писать философы и для философов. В этих необходимых для историка качествах — в здравом смысле, критическом чутье и «философском», т. е. научном, взгляде на вещи, — у Вольтера недостатка не было. Его огромный политический опыт, его знание государственных дел и деятелей, его истинно энциклопедические научные сведения изобразили его зрение историка-реалиста и критика.

Вольтер ставит перед собой задачу вымести из истории все, что противоречит научному пониманию и здравому смыслу, все те огромные кучи сора, которыми загромодила историю некритическая традиция как теологической, так и гуманистической школы, выбросить из нее божественный план, чудеса, легенды, мифы, хотя бы и рационалистически истолкованные, христианскую и патристическую легенду, сорвать с традиционных героев незаслуженные венки, разоблачить вековую ложь. Вся его историческая работа — непрерывный бой с установившимися авторитетами. Он устремляет на укоренившиеся в науке мнения весь свой арсенал универсальных знаний, огромного опыта, злого остроумия, и оставляет после себя дымящиеся развалины старых твердынь.

Вольтер изгнал из истории божественное провидение, изгнал божественный план, изгнал чудесное. Что же он дал взамен? Если не бог определяет ход истории, то каковы ее действительные движущие силы?

Нередко указывают, что Вольтер не сумел дать ясный ответ на этот вопрос. Иногда кажется, что история пред-

ставляется ему игрой случайностей. Такое впечатление рождается от его передкой манеры объяснить великие события мелкими и случайными причинами. Он пишет, например, о крестовых походах: «Один паломник из Амьена поднял крестовые походы. Этот житель Пикардии, отправившись из Амьена на Восток, был причиной того, что Запад вооружился против Востока и что миллионы европейцев погибли в Азии. Так сцепляются между собой 'мировые события'. Он так объясняет начало реформации: «Когда доминиканцам была отдана на откуп продажа индульгенций в Германии, августинцы, издавна пользовавшиеся этим правом, почувствовали зависть, и этот ничтожный интерес монахов саксонского захолустья дал в результате более ста лет раздора, вражды и бедствий у тридцати наций». Но эта точка зрения не проводится последовательно, а выступает лишь изредка — да и какая «философская» история была бы возможна при последовательном ее применении? Скорее у Вольтера это полемический прием, направленный против теологической идеи о божественном плане, не оставляющем в истории места для случайностей, а также средство унижить крайне несимпатичные ему явления, как крестовые походы и реформация, указав на их ничтожные и низменные причины.

Указывают на то, что движущей силой истории у Вольтера является воля великих людей, особенно монархов, направляющая судьбы народов. Приведем цитату из «Опытов» о развитии России в XVIII в. «Поистине достойно восхищения, что один человек в двадцать лет изменил нравы, законы, дух самой обширной на земле монархии, и что все искусства явились толпой украшать пустыни. Женщина, не умевшая ни читать, ни писать, довершила то, что было начато Петром Великим. Другая женщина еще более распространила эти благородные начинания. Еще одна императрица пошла дальше, чем две другие. Ее гений передался ее подданным. Дворцовые перевороты ни на миг не задержали прогресса и благоденствия империи. И по истечении полувека двор Скифии представил зрелище более высокого просвещения, чем Греция и Рим». Как и некоторые другие просветители, Вольтер не освободился от механистического представления философии XVII в. об обществе как о совокупности человеческих атомов, которые могут подвергаться переме-

щениям и перестановкам по воле правителей. Это представление соединяется с теми надеждами, которые связывались в это время у верхушки французской буржуазии с «просвещенным абсолютизмом». Надо сказать, что вера в просвещенного монарха доставила Вольтеру немало разочарований. В истории очень немногих личностей, заслуживающих такого названия, и эпох, которые определяются их деятельностью. Людовик XIV представлялся сначала Вольтеру образцом «просвещенного монарха», так как он содействовал расцвету наук и искусств в своем государстве. Но уже во втором издании «Века» он отходит от этого представления. Он иронизирует над теми, кто только в расцвете искусств видит величие эпохи. Политика Людовика XIV и его вмешательство в религиозные раздоры привели к экономическому упадку Франции. В заключительной, несколько неожиданной, но вполне соответствующей главной мысли Вольтера, главе «Споры о китайских церемониях» в пример французскому королю ставится китайский император, который разрешил споры между иезуитскими и доминиканскими миссионерами тем, что выгнал из Китая и тех и других, как зачинщиков смут. Вольтер искренен, когда он говорит о деятельности Петра Великого. Но тон иронии начинает звучать уже в его словах о «женщине, не умевшей ни читать, ни писать», и не случайна фраза о дворцовых переворотах. В гиперболических восхвалениях, которыми Вольтер осыпает монархов, среди которых были его «друзья» и покровители, чувствуется иногда презрительная насмешка...

Но все же у Вольтера нередко выступает наивно механическое представление о сознательной воле руководящих личностей, создающих или изменяющих основные элементы человеческого общества. Так, язык, по его мнению, был изобретен людьми «исключительного таланта», и им пришлось долго обучать этому искусству других. В религии для него решающую роль играет сознательный обман своекорыстных жрецов. Кто первый изобрел гадания и пророчества, спрашивает он, и отвечает: «Ce fut le premier fripon qui rencontra un imbécile» («Это был первый мошенник, встретивший дурака»). Хитрость обманщиков и глупость масс — вот что лежит в основе религии. Поэтому вся область религиозных представлений, мифов остается для Вольтера совершенно непонятной. «Можно было

бы написать на эту тему целые томы. Но эти томы можно свести и к двум словам: человеческий род в своем большинстве очень долго был бессмыслен и глуп». Целые эпохи в жизни человечества кажутся ему сплошной глупостью. Это слово «глупость» (*sottise*) непрерывно повторяется в истории Византии, в истории Английской революции. Вольтер видит прежде всего нелепую религиозную распрю. Но это — не неумение понять, а непримиримая вражда, исключаяющая всякое желание понять врага. Здесь не беспристрастное историческое изучение, а беспощадная борьба с еще живым и сильным противником, борьба на уничтожение...

Но, кроме механистических представлений об историческом развитии человека, у Вольтера имеются и другие объяснения хода истории. Вольтер нередко подчеркивает то влияние, которое географические условия оказывают на судьбы народов, — мысль, которая гораздо подробнее была развита Монтескье, а до него Боденом. Он нередко говорит — даже в заглавии своего главного труда — о «духе» или «гении» народов, о заложенных в них особых свойствах, определяющих их историю, о «духе времени», который «производит важнейшие события». Он знает о большом значении экономики в жизни государства, он понимает органическую связь между отдельными сторонами общественной жизни. Большую роль в развитии человечества он приписывает прогрессу естественных наук и особенно техники. Говоря о переходе от первобытных орудий, камня и дубины, к более современным, он ссылается на «инстинкт механики», который также свойственен человеку, как «инстинкт морали». Этот инстинкт заложен в человеке богом — не христианским богом, конечно, а философским богом деистической религии Вольтера. Еще на один могучий инстинкт указывает Вольтер — это «*amour de l'ordre*» («любовь к порядку») или, точнее «инстинкт устройства», инстинкт, который спасает человечество среди всех исторических превращений, — «один из природных мотивов, который всегда возвращается с новой силой». Среди этих неясных и порой противоречивых представлений все же можно уловить, хотя и облеченную в смутную идеалистическую форму, идею роста производительных сил.

Вольтера упрекают в том, что его взгляды на движущие силы истории отличаются неясностью и порой про-

тиворечивостью, что он избегает ставить основные проблемы методологии истории и ограничивается практическими решениями, неглубоким эмпиризмом. Но позволено задать вопрос — разрешены ли эти вопросы буржуазной исторической наукой и далеко ли она ушла в своих решениях от Вольтера? Несомненно, у Вольтера имеется и идея органического развития человеческих обществ, и идея прогрессивного развития человечества в целом. Идея «народного духа», легшая в основу «органических» теорий романтизма XIX в., имеется и у Вольтера, и в менее мистическом виде, чем у романтиков.

«Опыт» Вольтера рисует картину прогрессивного развития человечества. Но это прогрессивное развитие совершается с чрезвычайным трудом, преодолевая сильнейшие препятствия, в непрерывной и напряженной борьбе с глупостью, невежеством и насилием.

Вольтер начинает свое «философское» введение к «Опыту», свою «Философию истории» с геологических переворотов. Он не говорит о возникновении человечества на земле. Но замечательна его мысль, что человек тысячи столетий провел в первобытном состоянии. Вольтер делает большой шаг вперед, отрицая дообщественное состояние человека. «Человек в общем был всегда тем, что он есть теперь». Семья была первой ячейкой общества и естественный инстинкт семьи первой его спайкой. Древнейшей формой правления представляется ему теократия. «Теократия не только долго господствовала, но она довела тиранию до самых ужасных пределов, каких только может достигнуть человеческое безумие. И чем более это правление считало себя божественным, тем омерзительней оно было». Среди народов, неправильно называемых цивилизованными, только китайцы набегали этих странных нелепостей.

Вольтер дает беглый обзор истории народов древности. Он резко лорыкает с обычным трактованием этой истории, которой придерживается Боссюэ, объединяющий теологическую и гуманистическую традиции и выдвигающий на главное место библейскую и античную историю. История евреев для Вольтера — история маленького арабского племени. Вся она полна фанатизма, изуверства, жестокости. «Почти каждое человеческое событие в этой истории представляет верх ужаса. Все божественное, — издевается он, — выше наших слабых идей». Не щадит он и римлян, этот

маленький разбойничий народ («un petit peuple des brigands»). Этот народ отличают два свойства — разбой и любовь к отечеству. Впрочем, о последнем свойстве Вольтер замечает, что у римлян оно представляло «добродетель воров» — «la vertu des voleurs». Любить отечество у римлян значило убивать и грабить других людей. Но несомненным достоинством римлян была их религиозная терпимость.

К Греции Вольтер благосклоннее. Свобода мысли сделала греков самым умным народом в мире. Так, прибавляет он, и в наши дни английская нация стала самой просвещенной, потому что у англичан можно думать безнаказанно. Но в общем греческая философия показывает одновременно и величие и слабость человеческого духа, и ум, и глупость. Вольтер издевается над темнотой Платона. Читатели Локка не будут тратить времени на Платона, на «сe galimatias de bon Platon». Греки были так умны, что им было позволительно злоупотреблять своим умом.

Античный мир достиг сравнительно высокой ступени цивилизации. И все же он пал. Вольтер подробно останавливается на причинах его падения. Почему варвары разрушили Рим? Потому что они были сильнее и воинственнее, чем втавшие в изнеженность римляне. Но главная причина — это теологические споры и раздоры, взаимная ненависть старой и новой религии, многочисленное монашество, вытеснившее земледельцев и солдат. Все это дало легкую победу варварам, которые не могли победить республику, но победили монархический Рим, ослабевший при «жестоких, изнеженных и благочестивых императорах...»

Переход к средневековью рисуется Вольтеру как глубокое падение. «Двадцать варварских наречий сменили прекрасный латинский язык... Вместо мудрых законов — только варварские обычаи, вместо цирков и амфитеатров — хижины, крытые соломой... Прекрасные дороги покрылись стоячими водами. Такой же переворот произошел и в умах — Григорий Турский и Фредегар — это наши Полибий и Титы Ливий. Человеческий разум огрубел среди самых подлых и бессмысленных суеверий». Вся Европа коснеет в этом унижительном состоянии до XVI в. и освобождается от него лишь путем крайних усилий.

Излагая историю средневековой Европы, Вольтер не забывает стран Ближнего и Дальнего Востока: Персии, Турции, Индии, Китая, Японии, монголов, Абиссинии, Марок-

но. Историю крестовых походов он начинает с описания положения на Востоке. Великие географические открытия дают ему повод остановиться на цивилизации Америки до прихода европейцев. Первоначально, до прибавления введённой части, изложение всемирной истории начиналось у Вольтера с Востока — с Китая, где впервые зародилась цивилизация, в то время как Запад пребывал в полном варварстве.

Все различно у азиатских и европейских народов, пишет Вольтер, и религия, и культура (*police*), и правление, и нравы, и пища, и одежда, и манера писать, выражаться и мыслить. «Наибольшее сходство между нами и ими заключается в этом духе войны, убийства и разрушения, который всегда опустошал землю». Впрочем, исключение представляют миролюбивые страны — Индия и особенно Китай.

Китаю принадлежит своеобразное место в историческом построении Вольтера. В противоположность древнему Израилю и государствам нового времени — эта страна обретенной мудрости, справедливости и внутреннего мира. Это объясняется тем, что во главе государства стоит мудрец — император, окруженный философами-мандаринами. Они исповедуют конфуцианство, которое представляет чисто философскую религию — деизм. Народная масса, правда, коснеет в грубых религиозных предрассудках, но император и мандарины мудро используют удобные случаи, чтобы подрынуть в народе пружины верования и культы. Используя сентиментальные, идеализированные описания путешественников и миссионеров, Вольтер незаметно для себя создал из китайской истории морализующую басню в поучение европейцам.

В противоположность счастливому Китаю развитие Европы идет мучительным и трудным путем. Но в ней виден значительный прогресс в области нравов по сравнению с временем варварских завоеваний. Искусства, смягчающие и просвещающие человеческий дух, начинают понемногу возрождаться в XII в. Но самые нелепые и гнусные суеверия продолжают низводить людей до степени животных, заглушая ростки цивилизации. Эти суеверия, распространенные всюду среди «невежественных и свирепых» народов Европы, представляют смесь смешного и варварского.

Арабы цивилизовали (*polirent*) Азию, Африку и часть Испании, пока их не покорили турки и не изгнали

испанцы. И тогда невежество распространилось по этим прекрасным странам.

В Европе устанавливаются грубые, смешные и кровавые феодальные обычаи. Вечная война пап с императорами и королями заливают Европу кровью. Постоянным источником кровопролития была также «догматическая ярость» (*fureur dogmatique*). «Кровь лилась на полях и эшафотах то в одной стране, то в другой, в течение 500 лет — и все это из-за богословских доказательств». «Надо признать, — говорит Вольтер, — что вся эта история представляет нагромождение преступлений, безумий и несчастий».

И все же, Европа в настоящее время гораздо более густо населена, гораздо цивилизованнее, богаче, просвещеннее, чем она была во времена Карла Великого; она стоит теперь гораздо выше даже по сравнению с временами Римской империи (если не считать Италии). Вольтер указывает на множество цветущих городов, возникших на прежде пустых местах, на расчистку лесов, на развитие земледелия и торговли. Какого же процветания достигла бы Европа, если бы не было этих вечных распрей и войн, вызывавшихся часто ничтожными интересами, мелкими капризами; если бы не было монастырей, которые отнимают у полезного труда столько мужчин и женщин!

В последнее время в Европе стал распространяться свет истинной философии и настало время относительного спокойствия и благополучия. Но опасности все еще грозят со всех сторон, и больше всего от суеверия и невежества.

Итак, развитие человечества в общем движется по пути прогресса; но прогрессу приходится с большим трудом прокладывать себе дорогу среди враждебных сил. Развитие человечества не идет мирным и спокойным путем. Вольтер называет историю мира от Карла Великого до XVIII в. «*le vaste théâtre des révolutions*». Это не следует, конечно, понимать в том смысле, что развитие человечества движется революционным путем. *Révolutions* здесь значит скорее «перевороты» или даже «превратности», но не революции, как мы понимаем это слово. Творческая работа непрерывно идет в области сельского хозяйства, промышленности, торговли, науки, техники, философии, но результаты этой работы разрушаются враждебными силами.

Кто же является двигателем прогрессивного развития человечества и кто его разрушителем?

Ответ на этот вопрос у Вольтера совершенно ясен. Движателем является *le peuple*. Что же такое народ? Он отвечает: «Это самая многочисленная, самая полезная и даже самая добродетельная часть людей, состоящих из тех, кто изучает право и науки, из промышленников, купцов, ремесленников и, наконец, земледельцев, которые занимаются первойшей и в то же время самой презираемой профессией (*«Lettres sur les Anglais»*). Вольтер на первом месте ставит интеллигенцию — ученых и юристов, затем — буржуазию, наконец ремесленников и земледельцев. Итак, под народом он понимает те группы населения, которые объединялись тогда термином «третье сословие». Вольтер подчеркивает роль городской буржуазии в истории Европы. Эти купцы и ремесленники, неизвестные люди, работают в тиши, как муравьи, в то время как коршуны рвут друг друга. Они сохранили кое-что из римского наследия и приумножили это наследие новыми техническими изобретениями. В городах, и прежде всего в городах Италии начинает складываться новая культура.

Итак, «народ» — двигатель прогресса. Кто же препятствует прогрессивному развитию человечества? И на этот вопрос ответ совершенно ясен. Это — знатные, *nobles*, это — привилегированные классы как духовные, так и светские. Эти разбойники, *brigands*, как их называет Вольтер, не составляют и одной пяти тысячной части населения. Своими насилиями, войнами, раздорами, своей «догматической яростью» они засоряют землю и разрушают плоды труда производительной части населения.

В средние века все население делилось на эти две основные группы — *peuple*, народ и *nobles*, знатные, причем знатым принадлежали «труд и кровь» народа. До известной степени это деление сохранилось и до последнего времени.

У Вольтера, несомненно, имеется идея борьбы классов — в ее буржуазной форме. Да она и не была новостью в его время. Не говоря уже о Макиавелли (а Вольтер считал, что Макиавелли и Гвиччардини являются зачинателями новой исторической науки), эта идея ясно выступает у Дюбо, которого Вольтер очень ценил. Это не значит, конечно, что Вольтер вполне сочувствовал революционным движениям народных масс. Он говорит о восстаниях крепостных крестьян, о Жакерии, о восстании Уота Тайлера. Он подчеркивает, что эти восстания имели причиной угне-

тении крестьян знанию и с этой стороны их оправдывает. Но все же они внушают ему страх и антипатию. Особенно раздражают его те движения, которые ставят вопрос об общности имущества или об имущественном равенстве, как движения Мюнцера, анабаптистов, левеллеров (*aplanisseurs*). Идея равенства кажется ему «химерической». Когда ему случается высказываться в пользу равенства, он имеет в виду политическое равенство, равенство перед законом, а не такое, «когда слуга равен господину». Вольтер убежден, что на нашем несчастном земном шаре невозможно, чтобы люди, живущие в обществе, не были разделены на два класса — класс богатых, которые повелевают, и класс бедных, которые служат. Надо лишь, чтобы бедным было предоставлено право продавать свой труд, кому они захотят. Другими словами, надо, чтобы феодальная эксплуатация сменилась буржуазной. Несомненно, Вольтер ясно сознавал интересы своего класса, и, ненавидя всеми силами души феодализм, с опасением и недоверием смотрел на народные массы, когда они сами пробовали взять свою судьбу в свои руки.

У Вольтера находят много фраз, выражающих недоверие к народным массам, даже высокомерное презрение к ним. Не меньше можно найти и таких, которые выражают глубокое сочувствие к ним, к их страданиям. Но во всяком случае массы не должны рассуждать, не должны идти самостоятельным путем. Буржуазия охотно говорила о своем единстве с «народом», об общем происхождении, об общих врагах. Она считала себя представительницей общенародных интересов. Но самостоятельные движения темных и непросвещенных масс опасны. Вольтер говорит о восстании Уота Тайлера: «Один кровельщик и один священник (Уот Тайлер и Джон Болл) наделали Англии не меньше вреда, чем могут наделать раздоры королей и парламента».

Но, относясь со страхом и недоверием к движениям народных масс, Вольтер, при всей своей политической умеренности, не является принципиальным противником революции, если эта революция в интересах буржуазии. Он высоко ставит идеал просвещенного абсолютизма. Но этот идеал редко воплощается в истории. Как же быть с недостойным монархом, с монархом-деспотом?

Вольтер посвящает немало страниц недалеким по времени событиям Английской революции, с которыми он был

хорошо знаком и по Кларендону и по Юму. Отношение его к этим событиям колеблющееся. Он то сочувствовал революции, то видел в ней лишь безобразную и ненужную борьбу, вызванную религиозными разногласиями. В «Опыте» он пытается быть беспристрастным. Несомненно, он сочувствует парламенту в его борьбе с королевским деспотизмом.

Рассказ о казни короля выдержан в очень спокойном тоне, за которым можно почувствовать, что этот акт был целесообразен. С чувством удовлетворения говорит он о низвержении статуи Карла I и о сделанной на ее месте надписи: «Карл, последний король, первый тиран». Вольтер подчеркивает, что «никогда Англия не была так могущественна, как с того времени, когда она стала республикой». К Кромвелю он возвращается много раз. Рисуя его как узурпатора, покрытого кровью захватчика, религиозного лицемера, «чья власть была цементирована кровью, поддерживалась силой и хитростью», он признает за ним исключительные военные и политические таланты, отмечает его редкую веротерпимость. Узурпатор Кромвель заставил всех уважать свою нацию.

Но Вольтеру совершенно чужда и непонятна вся сложная религиозная борьба Английской революции, тот «*figure de la liberté*», который овладел нацией, уравнительные тенденции индепендентов и «*arpanisseurs*». О малом парламенте он говорит с величайшим пренебрежением. Ему непонятно значение Английской революции в деле развития культуры.

«Во времена Кромвеля, — говорит он, — не знали другой науки и другой литературы, кроме применения текстов из ветхого и нового заветов к общественным раздорам и самым свирепым революционным актам». В этом отношении он отдаст предпочтение Реставрации, когда на престоле оказался Карл II, исповедывавший, по мнению Вольтера, чистую религию деизма, эту религию философов, единственную из всех религий, никогда не потрясавшую общество своими раздорами. При нем расцветают в Англии науки и «дух нации приобретает бессмертную славу, чего нельзя сказать о государстве», которое Карл в течение долгого времени продает Франции.

Вполне сочувственно относится Вольтер к низложению короля — деспота и фанатика Якова II. Переворот 1688 г. гарантировал Англии истинную свободу.

С полным сочувствием говорит Вольтер о швейцарской революции и об установлении республики. В этой стране укрепилось равенство, эта естественная доля людей, *partage naturel des hommes*, — но не то абсурдное и невозможное равенство, которое приравнивает слугу господину, а то, при котором каждый гражданин зависит только от законов. Швейцария могла бы считаться счастливой, если бы и ее не раздирали религиозные споры. «Очень мало республик на земле, — пишет Вольтер. — И то они обязаны своей свободой скалам или морю, которые их защищают. Люди редко достойны управлять сами собою». Так же сочувственно он говорит о Нидерландской революции и о голландской республике.

Мы можем подвести некоторые итоги тому, что сделал Вольтер для исторической науки.

Он изгнал бога из истории. Он ясно показал, что возможно «философское» построение всемирной истории вне всяких представлений о божественном плане. Конечно, у нас нет оснований называть его историком-материалистом. Культура, идеи играют у него основную творческую роль. Но он понимает огромное значение материальных факторов в истории. Его можно назвать великим историком-реалистом, проникнутым глубоким чувством действительности.

Он предъявлял новые, строгие требования к критике источников, которая до него была лишь формальной критикой рукописей.

Он выдвинул в истории на первый план новые проблемы — историю культуры, науки, техники; он поставил на очередь вопросы социальной истории.

Он поставил на новый путь проблему всеобщей истории, отказавшись от европоцентризма, стремясь охватить развитие человечества в целом.

Он построил всемирную историю с точки зрения своего класса — буржуазии. Он сделал историю сильнейшим оружием в борьбе буржуазии с враждебными силами феодализма и феодальной церкви.

Не будет преувеличением сказать, что Вольтер является создателем новой, буржуазной исторической науки. Те отдельные попытки, которые делались в этом направлении до него, совершенно меркнут по сравнению с его колоссальными заслугами.

Слишком легко указывать на многочисленные ошибки Вольтера, на его плохую осведомленность в ряде вопросов, на то, что в некоторых отношениях он не стоял на высоте знаний своего времени, что о многом он трактует слегка и поверхностно. История не была главным предметом его занятий. Если бы он вздумал прорабатывать весь материал всемирной истории равномерно и исследовательским путем, его великий труд никогда не был бы выполнен. Если у него немало ошибок, немало недодуманного и незрелого, *то он дал буржуазной исторической литературе XIX в. гениальную программу исследовательской работы. И почти все лучшее и прогрессивное в этой работе может быть возведено к Вольтеру.*

ПАМЯТИ Т. Н. ГРАНОВСКОГО¹

Среди профессоров Московского университета немало таких, которые оставили более глубокий след в науке, больше продвинули ее вперед, чем Тимофей Николаевич Грановский. Его печатное наследие невелико и лишь в малой степени отражает подвиг его короткой жизни. Но 16 лет его университетского преподавания, с 1839 г., когда он начал чтение курса истории средних веков, до 1855 г. — года его смерти, остались яркой страницей в истории Московского университета и в истории русского просвещения. С именем Грановского, окруженным любовью, долгое время были связаны лучшие традиции Московского университета. И теперь, через 100 лет после его смерти, нам, живущим уже в другом мире, в совершенно иную историческую эпоху, близко и дорого это имя. Мы стали лучше знать и понимать Грановского, извлекая из архивов и изучая его университетские курсы, сохранившиеся только в записях его слушателей². Кстати, еще в 1856 г. Чернышевский выражал надежду увидеть эти университетские курсы в печати³. К сожалению, приходится повторить это пожелание и в 1955 г.⁴

¹ Доклад, прочитанный 22 октября 1955 г. на торжественном заседании, посвященном столетию со дня смерти Т. Н. Грановского. Опубликован в «Вестнике МГУ», серия общественных наук, вып. 2, 1956, № 4, под названием «Жизнь и деятельность Т. Н. Грановского».

² Этот материал широко использован в новой работе С. А. Асповской «Из истории передовых идей в русской медиевистике (Т. Н. Грановский)». М., 1955.

³ См. Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. III, М., 1947, стр. 347.

⁴ В 1961 г. Институтом истории АН СССР начата публикация лекций Т. Н. Грановского. — «Лекции Т. Н. Грановского по исто-

Что же дало Грановскому это трудно приобретаемое право не только на память, но и на любовь последующих поколений? Что обеспечило ему особое место в блестящем пантеоне Московского университета?

Деятельность Грановского, которую Чернышевский не поколебался назвать «общественным служением», «подвигом»⁵, протекала в обстановке деспотического режима николаевской эпохи, когда крепостное право справляло свои последние оргии, когда, по выражению Герцена, каждый частный пристав был императором и император был частным приставом. Мертвящим грузом было придавлено просвещение, особенно от этого страдали общественная мысль и тесно связанные с ней гуманитарные науки. Но все выше вздымалась волна народного движения и общественного протеста, несмотря ни на какие репрессии со стороны правительства. Развивалась борьба между старым и новым, между охранительными элементами, стоявшими на страже старой, крепостнической России и начавшими свою пропаганду представителями прогрессивных течений. Свежим воздухом повеяло и в Московском университете. На гуманитарных кафедрах появились молодые преподаватели, открывавшие перед слушателями новые горизонты, — Редкин, Чивилев, Крюков и др.

В 1839 г. вернулся из трехлетней заграничной командировки Грановский. Ему было тогда всего 26 лет. Он хорошо использовал эти три года: слушал лекции знаменитых немецких профессоров — Савиньи, Раумера, Риттера; участвовал в знаменитом семинарии Ранке, много читал. Понимая всю важность обобщающей мысли в работе историка, он изучал господствовавшую тогда философию Гегеля. Как показывает его переписка, он уже тогда старался критически отнестись и к историческим изысканиям и к философской мысли Запада; работая за границей, он все время думал о применении своих знаний в России. Он побывал в Праге, где познакомился с выдающимися представителями чешского национального Возрождения. С большим запасом знаний, мыслей и личных впечатлений Грановский вернулся в Москву. С чувством глубокой

рия средних веков (Авторский конспект и записи слушателей)». Предисловие, подготовка текста и примечания С. А. Асиновской. М., 1961. — *Прим. ред.*

⁵ См. Н. Г. Чернышевский. Рецензия «Сочинения Т. Н. Грановского». Полн. собр. соч., т. III, стр. 346—368.

общественной ответственности он приступил к чтению лекций в Московском университете.

Грановский начал чтение своего первого курса по истории средних веков 24 сентября 1839 г. На его первую лекцию собралось около 250 студентов, число по тому времени очень большое. Грановский настолько смутился, что несколько минут не мог произнести ни одного слова. А что он читал дальше, могли расслышать очень немногие: так тихо и невнятно он говорил. Но уже на следующих лекциях он вполне овладел собой и овладел своей аудиторией. Грановский стал самым любимым преподавателем университета. Его лекции слушались с глубоким вниманием и горячим сочувствием студенческой аудитории. Настоящим триумфом были его публичные лекции, о которых Герцен дал восторженный отзыв⁶. Чаадаев, выходя из аудитории, сказал: «Лекции Грановского имеют историческое значение». С этими словами вполне солидаризировался и Герцен⁷.

В чем же заключалось «историческое значение» лекций Грановского?

Здесь надо прежде всего возразить тем, кто отказывался видеть в Грановском настоящего ученого-исследователя, а усматривал в нем лишь талантливого, но поверхностного популяризатора западноевропейской науки. Такое мнение поддерживалось некоторыми современниками Грановского, высказывалось оно и позднейшими историками. Чем бы ни диктовалось подобное мнение — оно совершенно ложно. Грановский сравнительно мало писал, еще меньше печатался. Это объясняется не только гнетом цензуры, которая запрещала или уродовала всякое проявление свободной мысли, но и крайне щепетильным отношением Грановского к печатному слову и большой требовательностью к себе. К тому же усилившему писанию мешала увлекающаяся и многосторонняя натура Грановского. Планы работ теснились в его голове, часто сменяя друг друга и не доходя до осуществления. Но, по-видимому, главной причиной, почему Грановский мало писал, было то, что он предпочитал передавать свои знания и свои взгляды не бумаге, а аудитории, облекать их не в печатную, а живую, устную речь. Это больше соответствовало особенностям

⁶ А. И. Герцен. Полн. собр. соч., т. III, Пг., 1919, стр. 143.

⁷ Его же. Былое и думы, Л., 1947, стр. 280.

его таланта и отвечало его представлению о роли профессора как просветителя или, выражаясь словами Чернышевского, посредника между наукой и русским обществом⁸, а это лучше достигалось путем живого слова на лекциях, чем путем толстых томов специальных исследований. Грановский писал мало. Но и того, что он написал, достаточно, чтобы не оставалось никаких сомнений, что перед нами крупный ученый, стоявший на высоте современной ему науки, один из наиболее передовых ученых своего времени. Он прекрасно знал исторические источники и умел работать над ними. Его статья «О родовом быте у древних германцев»⁹ может быть признана образцом точного исследования для своего времени, ряд его аргументов не утратил своего значения и в наши дни. Его обзоры зарубежной исторической литературы обнаруживают не только прекрасную осведомленность, но и острый критический взгляд. Это соединялось с чрезвычайной широтой его исторического кругозора. Специально работая в области истории средневековья, он интересовался историей античности и нового времени, историей Востока, историей Византии и славянства, этнографией и антропологией... О широте его интересов свидетельствует его библиотека, ныне входящая в состав фундаментальной библиотеки Московского университета.

Очень рано, еще в период своей работы за границей, Грановский осознал необходимость для историка философского мирозерцания. Его не удовлетворяла голая фактология, которой занимались — занимаются и теперь — многие западные, особенно немецкие, историки. Он раздраженно говорит о «нечестивом поклонении факту»¹⁰. В философии Гегеля он стремился найти основы для своего исторического мировоззрения. Но философия Гегеля таила в себе столько противоречивых элементов, что из нее каждый мог черпать то, что хотел. Грановский отвергал реакционную «философию истории» Гегеля, которая отказывала большинству народов, в том числе и славянам, в праве называться историческими народами и считала прусскую монархию венцом сознания мировым духом своей свободы. Но он воспринял ряд положений гегелевской диалек-

⁸ См. Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. III, стр. 352.

⁹ См. Т. Н. Грановский. Соч. М., 1900, стр. 92—109.

¹⁰ Там же, стр. 29.

тики, развитой главным образом в «Феноменологии духа». По словам Герцена, Грановский не имел ни любви, ни таланта к отвлеченному мышлению. Грановский был прежде всего историком¹¹. По словам того же Герцена, он думал историей, учился историей, историей делал пропаганду¹². Конечно, он умел поставить диалектику Гегеля с головы на ноги. В его философских взглядах, как он их излагает, нетрудно найти много противоречий. Сомнительно, чтобы идеи объективного идеализма Гегеля глубоко вошли в его сознание. Однако ряд идей гегелевской диалектики, которая для Герцена была «алгеброй революции»¹³, несомненно, оказали сильное влияние на историческое мировоззрение Грановского, особенно в том истолковании, которое эти идеи получили у русских революционных демократов — у Белинского и Герцена, чье влияние на Грановского было очень сильно. Значительно было также влияние, которое оказывали на Грановского идеи западноевропейского, особенно французского, либерализма, в частности идеи Гизо и Тьерри. Но, может быть, важнейшую роль в формировании мировоззрения ученого играло глубокое изучение истории и еще больше — живое ощущение переходного периода, в котором находилась тогда Россия, ощущение, осознанию которого много содействовало общение Грановского с русскими революционными демократами.

Очищая исторические взгляды Грановского от чуждых ему словесных настоений, мы можем сказать, что в их основе лежала идея «всеобщей истории», т. е. идея закономерности исторического процесса в целом и его прогрессивного характера. История рисовалась Грановскому в виде ряда сменяющих друг друга прогрессивных периодов, причем эта смена происходила в процессе острой борьбы старого и нового. Грановский не употреблял терминов «классы», «классовая борьба», но он в ряде случаев изображал классовую борьбу угнетенных народных масс как творческий фактор в прогрессивном развитии человечества. Признавая творческую роль народных масс, указывая иногда на значение материального фактора в истории, Грановский все же оставался на почве идеализма. Борьбу старого и нового он понимал прежде всего как борьбу

¹¹ См. А. И. Герцен. Былое и думы, стр. 278.

¹² См. там же, стр. 279.

¹³ См. там же, стр. 219.

идей, главное содержание истории составляли, по его мнению, развитие и смена государственных и религиозных форм. Так, видя одну из причин падения античного мира в глубоком внутреннем кризисе рабовладельческого мира, сопровождавшемся борьбой угнетенных масс, Грановский все же усматривал глубочайшую сущность перехода от античности к средним векам в смене языческой религии христианством. Реформация представляется ему важнейшим моментом в смене средних веков новым временем.

Вслед за Гегелем Грановский думал, что человечество, развиваясь по определенным законам, тем самым стремится к осуществлению некоей высокой моральной цели, определяемой идеей свободы. Путь к ее достижению он видел в распространении просвещения и гуманности — человечности, как тогда говорили. В связи с этим Грановский преувеличивал значение личности в истории, видя сущность прогресса в «разложении масс мыслью», что может быть достигнуто «просвещенной, независимой от роковых определений личностью»¹⁴. Но и личность есть, по его мнению, создание среды, она не мыслится в отрыве от масс. Глубокое сочувствие народу, глубокое уважение к массам, к их труду, сострадание к их бедствиям, негодование на их угнетение, призыв к их освобождению — в этом заключается если не главное содержание, то главный пафос лекций Грановского. «Тот не историк, — писал он, — кто не способен перенести в прошедшее живое чувство любви к ближнему и узнать брата в отдаленном от него веками иноплеменнике»¹⁵. Некрасов уточнил последние слова. В своей «Медвежьей охоте» он так говорит о Грановском: «Ты... брата узнавал в рабе иноплеменном, от нас веками отдаленном»¹⁶.

Всегда глубоко сочувствуя страданиям народных масс, признавая закономерность и прогрессивный характер борьбы угнетенного народа против угнетателей, отмечая, что при определенных условиях только насилие может привести к победе нового над старым, Грановский не роптал сделать из этих посылок тех выводов, которые делали революционные демократы. Он не симпатизировал революционному решению общественных конфликтов. Ему казалось, что мудрая государственная власть, что пер-

¹⁴ Т. Н. Грановский. Соч., стр. 445.

¹⁵ Там же, стр. 29.

¹⁶ Н. А. Некрасов. Полн. собр. соч., т. II. М., 1948, стр. 280.

ковь, особенно христианская церковь, распространение просвещения и гуманности должны смягчить остроту этих столкновений. Впрочем, это не мешало ему видеть преступления средневековой церкви и подчеркивать, даже преувеличивать исторические заслуги личностей, которые вели борьбу с ней.

Герцен говорил о Грановском, что он не любил крайностей, что он был бы скорей гугенотом, чем анабаптистом, скорей жирондистом, чем монтаньяром¹⁷. В самом деле, отмечая историческое значение гуситских войн, он симпатизировал скорей чашникам, чем таборитам, он не понимал Томаса Мюнцера, у него было двойственное и колеблющееся отношение к выступлению пролетариата в революции 1848 г., хотя он признавал историческую правоту пролетариата, глубоко сочувствовал его страданиям и клеймил его палачей. И в области политической взгляды Грановского отличались умеренностью — он не шел дальше идей конституционной монархии в той форме, в какой она устанавливалась в западноевропейских странах.

Правда, нелегко точно установить политические взгляды Грановского, и не только потому, что они не всегда были ясны и не всегда были одни и те же, но и потому, что в условиях николаевского режима не только не было возможности высказывать их сколько-нибудь отчетливо, но и иногда приходилось их маскировать в надежде на то, что аудитория поймет все как надо. Грановскому приходилось одобрять русский абсолютизм для того, чтобы иметь возможность выступить против него, порицая абсолютизм на Западе; ему приходилось молчать о крепостном праве в России, чтобы иметь возможность нападать на него, обличая крепостное право в средневековой Европе.

При всем том умеренность и половинчатость общественно-политических взглядов Грановского по сравнению со взглядами русской революционной демократии очевидны, и отчасти правы те, кто называет его «либералом». Но как-то неловко применять к Грановскому это название, связывающееся с ярко выраженным классовым эгоизмом, лицемерно прикрытым народолюбивой фразой, с предательством по отношению к народным массам, с готовностью на любой компромисс с силами реакции. Почему

¹⁷ См. А. И. Герцен. Былое и думы, стр. 278.

также чистые и искренние революционные демократы, как Белинский и Герцен, так высоко ставили Грановского именно за его общественно-политическую деятельность? Почему беспощадный обличитель либерализма Чернышевский дал такую проникновенную характеристику его подвига, его общественного служения?

Деятельность Грановского проходила в то время, когда либерализм в России еще не перешел на реакционные позиции, когда еще не произошло решительного размежевания между ним и революционной демократией. В ту эпоху, по словам Ленина, «все общественные вопросы сводились к борьбе с крепостным правом»¹⁸. В этой борьбе антифеодальные элементы могли находить общий язык, пока вопрос о путях ликвидации крепостного права не привел к непреодолимым разногласиям. Такая близость создавала почву и для влияния революционных демократов на Грановского. И несомненно, они щедро вливали в его мировоззрение и его деятельность если не революционную, то демократическую струю. В условиях русской действительности сороковых и первой половины пятидесятых годов, в условиях царившего деспотизма, грубого помещичьего и полицейского произвола проповедь гуманности, сочувствия к угнетенным народным массам, протест против крепостничества и самодержавия, в какую бы форму он ни облакался, были важным прогрессивным делом, вызывавшим горячее сочувствие всех живых сил русского общества.

По словам Герцена, Грановский историей делал пропаганду¹⁹. Он не принадлежал к числу тех ученых, которые считают, что наука существует только для науки. Для него научная и преподавательская работа была общественным служением. Он презрительно отвечал жрецам «чистой науки»: «Меня обвиняют в том, что история служит мне только для высказывания моего воззрения. Я имею убеждения и привожу их в моих лекциях, и если бы не имел их, я не вышел бы перед вами, чтобы рассказывать более или менее занимательный ряд событий»²⁰. Чернышевский особенно отмечал в Грановском отсутствие академической

¹⁸ В. И. Ленин. Сочинения, т. 2, стр. 473.

¹⁹ А. И. Герцен. Былое и думы, стр. 279.

²⁰ А. Станкевич. Т. Н. Грановский. Биографический очерк, т. I, М., 1897, стр. 130.

замкнутости и цеховщины, его стремление поставить науку на службу обществу²¹.

Да, у Грановского были убеждения, он проводил их в своих лекциях, он пропагандировал их. Он делал пропаганду историей. В истории он видел «самую популярную из всех наук, призывающую к себе всех и каждого»²². Он полагал, что история помогает понять современность, но в то же время он подчеркивал, что и историю можно понять только через современность; изучение истории было у него теснейшим образом связано с важнейшими вопросами современной действительности.

Свою «пропаганду историей» Грановский вел преимущественно путем чтения лекций по истории западного средневековья, по истории феодализма. И здесь история отдаленных веков была тесно связана с современностью. По его словам, «окончательный приговор феодальной эпохе принадлежит нашему времени»²³. Из курсов лекций и статей Грановского вытекает, что в феодализме он видел не только определенную систему политических учреждений, как огромное большинство западных историков, но и, — пожалуй, в первую очередь — определенные отношения между классами, прежде всего между феодалами и крестьянством. Здесь изучение западного средневековья тесно переплеталось с самой актуальной темой тогдашней русской действительности — с обличением крепостного права. Бесправие, бедность, угнетение, страдания средневековых крестьян в изображении Грановского заставляли слушателей думать об участи русских крепостных. Грановский жестоко обрушивался на тех западных историков, которые пытались романтически идеализировать средневековье. Отношения между феодалами и крепостными он охарактеризовал как «самое ужасное насилие»²⁴. Грановский называл средние века «самой бедственной эпохой»²⁵. Это, говорил он, был «деспотизм самый тяжелый и безотрадней»²⁶. Он видел в отношениях сеньора к виллану «своеволье частной прихоти, презрение к человечеству»²⁷.

²¹ Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. III, стр. 650.

²² Т. Н. Грановский. Соч., стр. 26.

²³ Цит. по кн.: П. Миллюков. Из истории русской интеллигенции. СПб., 1902, стр. 252.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же, стр. 253.

²⁶ Там же, стр. 252.

²⁷ Там же, стр. 253.

Феодализм рисовался ему как система бесчеловечного угнетения народных масс. Он подчеркивал глубокую вражду, разделявшую феодалов и крестьян. Грановский считал, что рыцарские замки, рыцарские доспехи были предназначены прежде всего для защиты феодалов от ненавидевших их крестьян. Он противопоставляет рыцарскую литературу и писания средневековых летописцев с их презрением и ненавистью к крестьянам народной поэзии, которая почти не дошла до нас, но «страшные тоны» которой все же можно различать.

Вслед за Тьерри Грановский сочувственно говорил о городских восстаниях против феодалов, когда в XI в. было впервые произнесено слово «коммуна», столь страшное для феодалных владельцев.

Чувством глубокого морального возмущения проникнуто изображение угнетенного положения рабов и всех трудящихся классов в древнем Риме. В этом угнетении Грановский видел одну из причин падения античного мира. Когда он говорил о поруганном достоинстве человека в древнем рабе и о средневековом крепостном, это звучало действительно как пропаганда в развращенном крепостническом обществе, где людьми торговали как скотом.

Пропаганда Грановского доходила до сердца слушателей. Он был не просто любимым профессором, он был истинным учителем жизни, признанным носителем высоких идеалов свободы и гуманности, своего рода символом той прогрессивной роли, которую играл в то время Московский университет, вокруг которого группировалась прогрессивная профессура.

Чтобы узнать человека, надо узнать его друзей. Все русские прогрессивные деятели того времени принадлежали к числу друзей и почитателей Грановского. Мы уже называли революционных демократов Белинского, Герцена, можно было бы назвать еще десятки имен. Нельзя не назвать имя, дорогое всем, кому дорого русское искусство, — имя великого артиста и деятеля театра М. С. Щепкина, который дарил Грановского самой нежной дружбой.

Преданными друзьями Грановского были его ученики, и он был их верным другом. «Все, что было в Москве благороднейшего между людьми молодого поколения, соединялось вокруг него»²⁸, — писал Чернышевский. Гранов-

²⁸ Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. III, стр. 222.

ский относился к своей преподавательской работе с крайней требовательностью. Он тщательно готовился к каждой лекции и приносил с собой подробный конспект, но редко заглядывал в него. Он не был оратором в обычном смысле слова: голос его был слабым, он слегка шепелявил, и студенты окружали его тесным кольцом, садились на ступенях его кафедры, чтобы лучше слышать и записывать. Он никогда не прибегал к внешним эффектам, не допускал никакого ученого щегольства, но он обладал редким даром создавать среди слушателей атмосферу близости и понимания. Секрет этого дара заключался в его глубокой искренности и убежденности. Грановскому верили, его любили. Каждое его слово слушатели жадно ловили, и каждое его слово вызывало в них бурю ответных мыслей и эмоций. Его речь была строга, чрезвычайно серьезна, исполнена силы, смелости и поэзии, которые мощно потрясали слушателей, будили их, как говорил Герцен²⁹. При всей своей занятости и плохом здоровье он всегда был готов помочь студенту, никогда не отказывал в совете и консультации. Иногда он читал лекции на дому для нескольких своих учеников. Его слушатели на всю жизнь сохраняли светлое и чистое воспоминание об общении с ним.

Это были друзья Грановского. Но достоинство человека измеряется не только тем, кто его друзья, но и тем, кто его враги. У Грановского было немало врагов. К числу их принадлежала прежде всего реакционная профессура, платные идеологи крепостничества и самодержавия, всякие Шевыревы, Давыдовы, Баршевы. Их Грановский глубоко презирал, и они платили ему лютой ненавистью, всячески травили его, доносили на него по начальству. «И что за люди большая часть врагов моих! — писал Грановский. — Люди мелкие душою и талантом... Можно ли спорить с ними?»³⁰.

Идейными врагами Грановского были славянофилы, среди которых находились, несомненно, бескорыстные и искренне убежденные люди. С ними можно было и следовало спорить. «Постараюсь, — писал Грановский, — оправдать и заслужить вражду моих врагов... Вообще хочу polemизировать, ругаться и оскорблять»³¹. Грановский ясно

²⁹ См. А. И. Герцен. Былое и думы, стр. 280.

³⁰ Цит. по кн.: А. Станкевич. Т. Н. Грановский. М., 1899, стр. 152.

³¹ «Т. Н. Грановский и его переписка». М., 1897, стр. 459.

видел нелепость их реакционных теорий. Он не раз вступал с ними в острую полемику в своих научных статьях, в лекциях. Нельзя не привести его слов, обращенных к слушателям 24 февраля 1845 г.: «И вам и мне предстоит благородное и, надеюсь, долгое служение нашей великой России, идущей вперед, и с равным презрением внимающей и клеветам иноземцев... и старческим жалобам тех людей, которые любят не живую Русь, а ветхий призрак, вызванный ими из могилы, и нечестиво преклоняются перед кумиром, созданным их праздным воображением»³².

Славянофилы обвиняли Грановского в недостатке патриотизма, в слепом преклонении перед Западом. Но Грановский меньше всего был склонен к слепой идеализации Западной Европы как в прошлом, так и в настоящем. Он писал: «Мы принимаем от Европы только чистейший результат ее духовного развития, устраняя все сторонние и случайные примеси»³³.

И в современной ему буржуазной Европе, еще педшей по линии прогресса, Грановский уже различал черты усталости и упадка. В то же время он глубоко верил в силы и в будущее русского народа. России была посвящена вся его деятельность. Вне России он ее не мыслил.

К числу врагов Грановского надо причислить также и все вышнее чиновничество, ведавшее народным просвещением или имевшее к нему какое-либо отношение, — лучше сказать, всю официальную Россию. Это были назойливые враги, стеснениями и преследованиями мешавшие его деятельности, отравлявшие ему жизнь.

Особенно тяжелым стало положение Грановского после 1848 г., в наступившие годы беспросветной реакции. Имя Грановского значилось в документах по делу петрашевцев, он находился под надзором полиции. Умер Белинский, эмигрировал Герцен. Многие из друзей Грановского оробели, притихли, измелъчали. Свиная цензура отняла последние остатки свободы и у печати и у устного слова. На Грановского сыпались доносы. Его положение в университете делалось все более невыносимым. Для того, чтобы иметь возможность говорить с кафедры и писать, ему еще больше, чем раньше, приходилось прибегать к умолчаниям и иносказаниям. Грановского преследовали че

³² Там же, стр. 138.

³³ Т. Н. Грановский. Соч., стр. 406.

только за то, что он говорил, но и за то, о чем он умалчивал. «Есть от чего сойти с ума, — писал он. — Благо Белинскому, умершему во-время»³⁴. Но у Грановского не хватало сил расстаться с университетом. Ему казалось, что его пребывание на кафедре все же позволит сохранить какие-то остатки свободной мысли, все же удержит университет от скатывания в ту темную яму, в которую его толкали гонители просвещения. Это решение находило поддержку и в обществе. Многим казалось, что если Грановский на кафедре, то не все еще погибло, что есть еще надежда³⁵. Из подобных же соображений, в надежде, что удастся спасти что-либо для школы, Грановский согласился взять на себя составление школьной программы по всеобщей истории. Но какую тяжелую маду пришлось за это уплатить! В конце концов, из этих насилий Грановского над самим собой ничего не вышло, его программа не была принята.

Грановскому пришлось увидеть развал университета, которому он не мог воспрепятствовать. Унижение следовало за унижением. Известный душитель мысли митрополит Филарет вызывал его к себе. Митрополит кричал на знаменитого ученого, обличая его в том, что в своих трудах он не упоминает о божестве и о божественном промысле³⁶. Черная реакция торжествовала как в университете, так и вне его, пока не разразилась Крымская война, показавшая и героизм русского народа и глубокую гнилость господствующего класса и всего режима самодержавия и крепостничества.

Однако и в эти мучительные годы Грановский, по словам Герцена, сумел сохранить не только кафедру, но и свой независимый образ мыслей³⁷. Научная мысль Грановского продолжала усиленно работать. По-видимому, в это время начался его отход от романтического идеализма молодости. Он преодолел в себе остатки романтической религиозности, которые прежде привели его к известному расхождению с Герценом. Он начал усиленно интересоваться землеведением, исторической географией, этнографией, антропологией (что дало ему повод выступить про-

³⁴ Письмо Грановского Герцену. — «Звенья», 1936, № 6, стр. 359.

³⁵ См. А. И. Герцен. Былое и думы, стр. 277.

³⁶ См. Письмо Грановского Неверову. — «Звенья», 1935, № 5, стр. 752.

³⁷ См. А. И. Герцен. Былое и думы, стр. 278.

тив теории неравноценности рас), политической экономией, его привлекали естественные науки, в круг которых он хотел бы включить историю. В этих исканиях, нашедших наиболее ясное выражение в его известной актовой речи «О современном состоянии и значении всеобщей истории»³⁸, произнесенной в 1852 г., некоторые хотят увидеть признаки «поправления», будто бы характерного для Грановского после 1848 г. В его речи усматривают переход от революционной гегелевской диалектики к реакционному позитивизму. Нельзя с этим согласиться. Сходство идей Грановского с реакционными идеями контовского позитивизма весьма поверхностно. Инкриминируемая Грановскому в этой связи мысль (повторяющаяся во введении к учебнику всеобщей истории), будто перенесение законов природы на развитие общества позволяет доказать закономерность революций, явно использована Грановским как своего рода прикрытие, под которым он надеялся провести естественнонаучное направление в изучение и преподавание истории. Грановскому чужда идея фаталистического подчинения человека природе; борьба человека с природой и ее изменение составляют для него важнейшее содержание истории. Стремясь включить историю в круг естественных наук, он отмечал и специфику ее метода. Грановский в своей речи критиковал Гегеля, но это не означало отхода от диалектического понимания истории. Грановский критиковал не гегелевскую диалектику, а гегелевскую «философию истории», реакционный характер которой ему был давно ясен. Не отход от диалектики в сторону реакционного позитивизма, а еще не уверенные искания материалистического истолкования законов истории можем мы видеть в этих высказываниях Грановского. Так они были поняты и современниками.

Великий революционный демократ Чернышевский, считавший, что «материальные условия быта играют едва ли не первую роль в жизни и составляют коренную причину явлений в других высших сферах жизни»³⁹, не только не усмотрел в речи Грановского ничего реакционного, но и назвал ее «произведением, каких немного в целой нашей литературе»⁴⁰. Чернышевский солидаризировался с глав-

³⁸ См. Т. Н. Грановский. Соч., стр. 13—30.

³⁹ Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. III, стр. 357.

⁴⁰ Там же, стр. 361.

ными положениями статьи Грановского и посвятил ей значительную часть своей замечательной рецензии на первый том сочинений Грановского, вышедший в 1856 г.⁴¹ Как ни квалифицировать поиски Грановского — в данных исторических условиях они имели прогрессивный характер.

В тяжелой обстановке последних лет жизни Грановского здоровье его все больше расстраивалось, и среди причин этого нравственным мучениям принадлежало первое место. Николаевский режим безжалостно губил Грановского, как он погубил многих лучших людей России. За все страдания вознаграждала Грановского любовь слушателей и то глубокое уважение, которым было окружено его имя во всей передовой России. Защита докторской диссертации Грановского, которой его враги хотели воспользоваться, чтобы посчитаться с ним, превратилась в его триумф. Во время празднования в 1855 г. столетнего юбилея Московского университета, в котором Грановский даже не принимал официального участия, внимание прибывших в Москву делегаций было обращено больше всего на него. Грановский умер в том же году. До самой смерти он продолжал работать. В день смерти, 16 октября, в постели он читал книгу Перренса о Савонароле, делая отметки на полях, строил планы публичных лекций, которые он собирался читать в 1856 г., ждал приглашенных в этот день студентов... Вдруг он приподнялся на постели и опять упал на подушку. Началась агония. Смерть застала его на 43-м году жизни. «Он умер, — писал Герцен, — окруженный любовью молодого поколения, сочувствием всей образованной России»⁴². Мы знаем, как высоко ценили «общественное служение» Грановского лучшие русские люди: Белинский, Герцен, Чернышевский. Некрасов ставит его в один ряд с его великими современниками:

Белинский жил тогда, Грановский, Гоголь жил,
Еще найдется славных двое, трое —
У них тогда училось все живое⁴³.

С глубоким уважением говорил о Грановском великий сатирик Салтыков-Щедрин, беспощадно разоблачавший лицемерие русского либерализма.

⁴¹ См. там же, стр. 346—368.

⁴² А. И. Герцен. Былое и думы, стр. 282.

⁴³ Н. А. Некрасов. Полн. собр. соч., т. II, стр. 279.

Поколения буржуазных историков и мемуаристов — Чичерин, Герье, Кареев, Виноградов, Милюков и многие другие — пытались исказить память о Грановском, выставляя в нем черты «умеренного либерализма». В наши дни мы можем восстановить истинный образ этого замечательного ученого, вся жизнь которого была посвящена великой цели — служению отечественному просвещению. «Благословенна память его, как одного из могущественнейших и благороднейших деятелей на этом священном поприще» ⁴⁴.

⁴⁴ Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. III, стр. 365.

БИБЛИОГРАФИЯ ТРУДОВ Е. А. КОСМИНСКОГО

1918

1. Предки западноевропейского рабочего. [Подпись: Е. К.].— «Рабочий мир», 1918, № 10, стр. 14—19; № 12—13, стр. 36—40.

1919

2. Восстание английских батраков.— «Рабочий мир», 1919, № 7—9, стр. 25—29.

3. Обезземеление крестьян в Англии.— «Рабочий мир», 1919, № 6, стр. 19—21.

1924

4. Великая французская революция. Конспект лекций. М., Изд-во диапозитивов, [1924], 12 стр.

5. Парижская Коммуна. Конспект лекций. М., Изд-во диапозитивов, [1924].

6. Революция 1848 г. во Франции. Конспект лекций. М., Изд-во диапозитивов, [1924], 10 стр.

7. Феодализм. Конспект лекций. М., Изд-во диапозитивов, [1924], 6(1) стр.

8. Ред. и подготовка к печати: А. Н. Савиц. Лекции по истории английской революции. М., Госиздат, 1924. VI, 428 стр. Предисловие редактора стр. IV—VI.

То же, 2-е изд., под общ. ред. Е. А. Косминского. М., Соцэкгиз, 1937, 388 стр.

9. Рец. на два издания кн.: Эд. Бернштейн: а) Английская революция XVII века. (История социализма в монографиях. Предшественники новейшего социализма). Иваново-Вознесенск, «Основа», 1924, 181 стр.; б) Социализм и демократия в великой Английской революции. М.—Л., Госиздат, 1924, 314 стр.— «Печать и революция», 1924, кн. 4, стр. 192, 193.

1925

10. Рец.: Н. Петров. Английский капитализм на заре своего развития. (История торгового капитала в Англии). М.—Л., Госиздат, 1925. 60 стр.— «Печать и революция», 1925, кн. 5—6, стр. 399—400.

11. Аграрная история средних веков.— Большая советская энциклопедия (БСЭ), 1-е изд., т. 1, 1926, стб. 445—455.

12. Альфред Великий (848—900). [Подпись: Е. К.].— БЭС, т. 2, 1926, стб. 353.

13. Армия спасения.— БСЭ, т. 3, 1926, стб. 401—403.

14. Исследования А. Н. Савина по истории Англии.— В кн.: Памяти А. Н. Савина. 1873—1923. Сборник статей. (Труды Ин-та истории Росс. асоц. научно-иссл. ин-тов обществ. наук [РАНИОН], вып. 1, М., 1926, стр. 19—42.

15. Новые проблемы в аграрной истории Англии.— «Историк-марксист», 1926, № 2, стр. 257—262.

Историографический обзор. Начало статьи (окончание см. № 28).

16. Очерки по аграрной истории Англии в средние века. I. Сотенные святки 1279—1280 гг. как исторический источник.— В кн.: «Памяти А. Н. Савина. 1873—1923». Сборник статей. Труды Ин-та истории РАНИОН, вып. 1, М., 1926, стр. 247—277. Литература, стр. 275—277.

Второй очерк вышел в 1929 г. под заглавием: «Очерки по истории английской деревни в средние века. К вопросу о коммунах рабочих повинностей» (см. № 42). Первый очерк был переведен на английский язык проф. Постаном (см. № 57).

17. Der englische Arbeiter im Zeitalter der industriellen Revolution. Übersicht der neueren Literatur.— Marx — Engels Archiv, Bd. 1. Frankfurt a. M., 1926, S. 387—407.

Статья вышла также отдельным оттиском (Frankfurt a. M. [1926], 21 S.); на русском языке вышла под заглавием: «Английский рабочий в эпоху промышленного переворота» (см. № 20).

18. Рец.: Н. Грацианский. Западная Европа в средние века. Источники по социально-экономической истории. М.—Л., Госиздат, 1925, 92 стр.— «Историк-марксист», 1926, № 2, стр. 285.

1927

19. Английская деревня в XI—XIV вв.— В кн.: «Социальная история средневековья», т. 2. М.—Л., 1927, стр. 57—193. (История в источниках. Пособие для практических занятий).

Перевод и комментированная публикация документов с соответствующим научным аппаратом.

Рец.: «Летописи марксизма», 1929, IX—X, стр. 190.

20. Английский рабочий в эпоху промышленного переворота.— Архив Маркса и Энгельса, кн. 3. М.—Л., Госиздат, 1927, стр. 421—439. Литература 8 назв.

Вышло ранее на немецком языке (см. № 17).

21. Бекингем Джордж (1592—1628).— БСЭ, т. 5, 1927, стб. 265, 266

22. Бекингем Джордж Вильерс (1628—1687).— Там же, стб. 266.

23. Брайтон (Brighton). [Подпись: Е. К.].— БСЭ, т. 7, 1927, стб. 354. Литература 4 назв.

24. Бургундия.— БСЭ, т. 8, 1927, стб. 139—141. Литература 2 назв.

25. Буржуазия. [Подпись: Е. К.].— Там же, стб. 162—171. Литература 7 назв.

26. Вайц Георг (1813—1886).— Там же, стб. 590—591. Литература 3 назв.

27. Книга протоколов Генерального совета Первого Интернационала (1866—1869). Дополнение к сообщению Р. В. Постгейта.— Архив Маркса и Энгельса, кн. 3. М.—Л., Госиздат, 1927, стр. 320—323.

28. Новые проблемы в аграрной истории Англии.— «Историк-марксист», 1927, № 3, стр. 196—201; № 4, стр. 214—218.

Окончание статьи (начало см. № 15).

29. Рец.: Социальная история средневековья, под ред. Е. А. Косминского и А. Д. Удадьцова, т. 1—2. М.—Л., Госиздат, 1927. (История в источниках. Пособие для практических занятий).

Предисловие Е. А. Косминского ко 2-му тому: «Деревня и город позднего средневековья».

Рец.: В. Д. Преображенский.— «Историк-марксист», 1927, № 6, стр. 268—271; «Летописи марксизма», 1928, VII—VIII, стр. 203—204; 1929, IX—X, стр. 190.

1928

30. Об источниках «Положения рабочего класса в Англии». [Вступительная статья].— В кн.: Ф. Энгельс. Положение рабочего класса в Англии в 1844 г. М.—Л., Госиздат, 1928, стр. 7—37.

31. Диспут о кн.: Д. М. Петрушевский. Очерки по экономической истории средневековой Европы. (М.—Л., Госиздат, 1928, 323 стр.).— «Историк-марксист», 1928, № 8, стр. 90—95, 117—119.

32. Великобритания. Исторический очерк. Ранняя история и средневековье. Новое время.— БСЭ, т. 9, 1928, стб. 397—458.

33. Великобритания. Религия и церковь. [Псевдоним: X. Дарвинский].— Там же, стб. 632—648. Литература 12 назв.

34. Вильгельм I Завоеватель (1027—1087).— БСЭ, т. 10, 1928, стб. 787. Литература 2 назв.

35. Вильгельм III Оранский (1650—1702).— Там же, стб. 795—796.

36. Возрождение. История термина и общая характеристика.— БСЭ, т. 12, 1928, стб. 486—490.

37. Средние века и новое время.— Сб. «Общественные науки СССР», под ред. В. П. Волгина [и др.]. 1917—1927. М., «Работник просвещения», 1928, стр. 107—115.

Историографический обзор трудов русских историков за 10 лет по средневековой и новой истории Западной Европы.

38. English Village in the Thirteenth Century.— In: VI-e Congrès international des sciences historiques. Résumés des communications présentées au Congrès. Oslo, 1928, p. 270—271.

39. Russian Work on the English Economic History.— «Econom. Hist. Review», London, 1928, vol. 4, № 2, p. 208—233.

Историографический обзор.

1929

40. Энгельс и Бюре.— Архив Маркса и Энгельса, кн. 4. М.—Л., 1929, стр. 424—431.

41. Огораживания в Англии в XVI в. и восстание Кета в Норфолке.— В кн.: «Хрестоматия по социально-экономической истории

Европы в новое и новейшее время», под ред. В. П. Волгина. М.—Л., Госиздат, 1929, стр. 166—192.

Комментированная публикация документов. Предисловие там же, стр. 166, 167.

42. Очерки по истории английской деревни в средние века. [III]. К вопросу о коммутации рабочих повинностей.— «Уч. зап. Ин-та истории РАНИОН», т. 3, М., 1929, стр. 236—247 (см. № 16).

43. Промышленность и торговля в Англии XVI—XVII вв. Рабочий класс и социальное законодательство.— В кн.: «Хрестоматия по социально-экономической истории Европы в новое и новейшее время», под ред. В. П. Волгина. М.—Л., Госиздат, 1929, стр. 193—273.

Комментированная публикация документов. Предисловие там же, стр. 193—196.

44. Список трудов Д. М. Петрушевского.— «Уч. зап. Ин-та истории РАНИОН», т. 3, М., 1929, стр. 16—17.

1930

45. Виноградов Павел Гаврилович (1854—1925).— БСЭ, т. 11, 1930, стб. 114—117. Литература 17 назв.

46. Голод. [О голодовках в средневековой Европе].— БСЭ, т. 17, 1930, стб. 448—450.

47. Горное дело. [В средние века и новое время].— Там же, стб. 751—756. Литература 11 назв.

48. Город. [Город средневековый].— БСЭ, т. 18, 1930, стб. 33—43. Литература 40 назв.

49. Грановский Тимофей Николаевич (1813—1855).— Там же, стб. 818—819. Литература 15 назв.

50. Гуманизм.— БСЭ, т. 19, 1930, стб. 792—797.

51. Дворянство на Западе.— БСЭ, т. 20, 1930, стб. 720—728.

52. Поместный строй позднего средневековья.— «Бюлл. заочно-консультат. отд. Ин-та красной профессуры», 1930, № 4, стр. 54—62.

53. Предисловие к переводу: Л. Брентано. История развития народного хозяйства Англии*. т. 3. Эпоха освобождения и новая организации хозяйственной жизни, полутом 1. Подъем буржуазии и рабочего класса. М.—Л., Госиздат, 1930, 518 стр. (см. стр. XIII—XXVIII).

1931

54. Джентри.— БСЭ, т. 21, 1931, стб. 770, 771.

55. Денежное хозяйство.— Там же, стб. 289—294. Литература 13 назв.

Статья написана Е. А. Косминским, за исключением раздела: «Денежное хозяйство в древности». [Подпись: Е. П., стб. 291—292].

56. Ярмарки. [Вводный исторический очерк].— БСЭ, т. 65, 1931, стб. 760—761. Литература 7 назв.

* L. Brentano. Eine Geschichte der wirtschaftlichen Entwicklung Englands. Bd. 3. Die Zeit der Befreiung und Neuorganisation. 1. Hälfte. Das Aufsteigen des Bürgertums und der Arbeiterklasse. Jena, 1928, 666 S.

57. The Hundred Rolls of 1279—1280 as a Source for English Agrarian History.—«Econom. Hist. Review», London, 1931, vol. 3, № 1, p. 16—44.

Перевод на английский язык сделан проф. М. Посталом. Для английского издания статья была переработана и дополнена автором (см. № 16).

Рецензии и ссылки зарубежных историков на статьи, напечатанные в «Econom. Hist. Review» в 1931 г. и в 1935 г. (см. № 57, 82), и на книгу «Английская деревня в XIII веке» (см. № 78): M. Postan. The Chronology of Labour Services.—«Trans. of R. Hist. Society», 1937, 4 th ed., vol. 20, p. 172, 187; H. Bennett. Life on the English Manor. Cambridge, 1938, p. 41, 42, 67, 280, 359; E. Powicke. Observations on the English Freeholder in the Thirteenth Century.—In: «Wirtschaft und Kultur», Leipzig, 1938, S. 382, 383, 389; N. Neilson.—In: «Cambridge Economic History of Europe», vol. 1, 1942, p. 441, 445, 447; B. Dodwell. The Free Tenantry of the Hundred Rolls.—«Econom. Hist. Review», 1944, vol. 14, № 2, p. 103, 164, 167, 171; E. Lipson. Economic History of England, vol. 1. The Middle Ages, 8th ed. London, 1945, p. 40, 60, 96 сл.; M. Dobb. Studies in the Development of Capitalism. London, 1947, p. 40, 46, 52—54, 61, 64, 65; M. Postan. Rapport... In: «Congrès international (IX-e) des sciences historiques», vol. 1, Paris, 1950, p. 228, 229; H. Finberg. Tavistock Abbey. A Study in the Social and Economic History of Devon. Cambridge, 1951, p. 83; E. Miller. The Abbey and Bishopric of Ely. Cambridge, 1951, p. 73, 91, 178; «A Transition from Feudalism to Capitalism». A. Symposium... London [1955], p. 27, 37, 38. См. статьи M. Dobb'a H. Takahashi. Первоначально были напечатаны в журн. «Science and Society», 1950, vol. 14, № 2; 1952, vol. 16, № 4.

58. Russia.—In: «The Teaching of Economic History in Universities».—«Econom. Hist. Review», 1931, vol. 3, № 3, p. 215—218.

О преподавании экономической истории в университетах СССР.

1932

59. Европа. [Историко-экономический очерк. Возникновение и расцвет феодализма. Разложение феодализма].—БСЭ, т. 24, 1932, стб. 253—263.

60. Елизавета Английская (1533—1603).—Там же, стб. 494—500.

61. Жанна Д'Арк (1412—1432).—Там же, стб. 625—626. Литература 5 назв.

62. Женщина (III. Исторический очерк. Женщина в феодальной Европе).—БСЭ, т. 25, 1932, стб. 284—289. Литература 5 назв.

63. Феодализм в Западной Европе.—В кн.: О. Л. Вайнштейн и Е. А. Косминский. Феодализм в Западной Европе, ч. I. М., Журн.-газ. объединение, 1932, стр. 5—136.

1933

64. Иммуитет.—БСЭ, т. 27, 1933, стб. 821—822. Литература 6 назв.

65. Эразм Роттердамский.—БСЭ, т. 64, 1933, стб. 570, 571. Литература 8 назв.

66. Английская деревня в XIII веке. (Очерк из истории феодальной ренты).— «Исторический сборник», 1934, вып. 2, стр. 75—95.

67. Задачи кафедры средневековой истории.— «Пролетарские кадры», М., 1934, № 31, стр. 3.

68. Конспект учебника истории средних веков для неполной средней школы.— «История в средней школе», 1934, № 3, стр. 59, 70. [Совместно с А. И. Гуковским и др.].

69. О преподавании истории средних веков в 1934/35 уч. году.— Там же, стр. 44—49.

70. Ответ читателю. Консультация по вопросу о феодально-крепостнической общественно-экономической формации.— «Борьба классов», 1934, № 9, стр. 97—100. [Совместно с И. Суховым].

71. Проблема феодализма в современной буржуазной науке.— «ИКП» (орган Ин-та красной профессуры по заочному обучению), 1934, № 1, стр. 70—78.

72. Хронология.— БСЭ, т. 60, 1934, стб. 218, 219. Литература 3 назв.

73. Savin Alexander Nicolaevich.— In: «Encyclopaedia of the Social Sciences». New York, 1934, vol. 13, p. 548.

74. Библиография по истории крестьянских войн.— «Борьба классов», 1934, № 11, стр. 88, 89.

Е. А. Косминским составлен раздел 1. Литература о крестьянских войнах во Франции и Англии.

75. Л. Ольшки. История научной литературы на новых языках, т. 2. Образование и наука в эпоху Ренессанса в Италии *. Перев. с нем. Е. А. Косминского. М.— Л., Гостехиздат, 1934, 241 стр.

76. Ред.: А. Гуковский и О. Трахтенберг. История. Эпоха феодализма. М., Учпедгиз, 1933.— «Борьба классов», 1934, № 5, 6, стр. 116—119.

Коллективная рецензия, написанная бригадой ИКП в составе Е. А. Косминского и др.

77. Презрение к фактам.— «За коммунистическое просвещение», 1934, № 98, стр. 3.

Рецензия на книгу А. Гуковского и О. Трахтенберга — см. № 76.

1935

78. Английская деревня в XIII веке. М.— Л., Изд-во АН СССР, 1935, 279 стр. Литература стр. 246—279.

Рец.: В. Дитякин. Крупный вклад в аграрную историю средневековья.— «Книга и пролетарская революция», 1936, № 7, стр. 51, 52; В. Семенов.— «Борьба классов», 1936, № 6, стр. 122—124; его же.— «Историк-марксист», 1937, № 3, стр. 206—209; М. Постап.— «Econom. Hist. Review», 1936, vol. 6, № 2, p. 223—226.

См. также рецензии и ссылки, указанные к № 57.

* L. Olschki. Geschichte der neu sprachlichen wissenschaftlichen Literatur. Bd. 2. Bildung und Wissenschaft im Zeitalter der Renaissance in Italien. Leipzig, 1922, 344 S.

79. Английская деревня XIII—XIV вв.— В кн.: «Английская деревня XIII—XIV вв. и восстание Уота Тайлера». Сост. Е. А. Косминским и Д. М. Петрушевским. Вводная статья Е. А. Косминского. М.—Л., 1935.

Перевод и комментированная публикация документов первого раздела, стр. 29—144.

80. Дипломатика. [Вводная теоретическая часть].— БСЭ, т. 22, 1935, стб. 482, 483.

81. Фюстель де Куланж (1830—1889).— БСЭ, т. 59, 1935, стб. 370.

82. Services and Money Rents in the Thirteenth Century.— «Econom. Hist. Review», 1935, vol. 5, № 2, p. 24—45.

Перевод на английский язык: сделан проф. М. Постанов. Рецензии и ссылки зарубежных историков: G. Homan's. English Villager of the Thirteenth Century. Cambridge (Mass.), 1942, p. 445; E. Miller. The State and Landed Interests in Thirteenth Century France and England.— «Trans. of the R. Hist. Society» 1952, 5th ser., vol. 2, p. 419; H. Takahashi. The Transition from Feudalism to Capitalism. A Contribution to the Sweezy-Dobb Controversy.— «Science and Society», 1952, vol. 16, № 4, p. 323; R. Tawney. The Rise of the Gentry 1558—1640.— In: «Essays in Economic History». London, 1954, p. 186. Первоначально статья была напечатана в журн. «Econom. Hist. Review», 1941, vol. 11, № 1. См. также рецензии и ссылки, указанные к № 57.

83. Yanzhuo Ivan Ivanovich (1845—1924).— In: «Encyclopaedia of Social Sciences». New York, 1935, vol. 15, p. 512.

84. Ред.: Английская деревня XIII—XIV вв. и восстание Уота Тайлера. Сост. Е. А. Косминским и Д. М. Петрушевским. М.—Л., Соцэкгиз, 1935, 231 стр. («Всеобщая история в материалах и документах. Средние века»). Под ред. Е. А. Косминского и А. Д. Удалцова. Рец.: «Книга и пролетарская революция», 1936, № 3, стр. 65—66; В. Семенов.— «Историк марксист», 1937, № 1, стр. 175—176.

1936

85. История средних веков. Курс лекций в 1935/36 уч. году [прочитанных на историческом фак-те МГУ], вып. 1—5, лекции 1—23. М., 1936, 307 стр. [Литогр. изд.] (вып. 6 см. № 91).

86. Программа общего курса по истории средних веков (для исторического фак-та МГУ). М., 1936, 43 стр. [Стендлогр. изд.].

87. Феодализм.— БСЭ, т. 57, 1936, стб. 113—136. Литература 70 глав.

88. Ред.: В. В. Стоклицкая-Торешкович. Очерки по социальной истории немецкого города в XIV—XV веках. М.—Л., 1936. 341 стр.

1937

89. Анри Пирени — историк Бельгии.— В кн.: А. Пирени. Нидерландская революция. М., Соцэкгиз, 1937, стр. 5—27.

90. Итоги изучения средних веков в СССР.— «Изв. АН СССР», отд. обществ. наук, 1937, № 5, стр. 1133—1142.

91. История средних веков. Курс лекций 1936/37 уч. года [прочитанных на историческом фак-те МГУ], вып. № 6, лекции 24—27. М., 1937, стр. 308—356. [Литогр. изд.].

92. Ред.: А. Пиренн. Нидерландская революция *. М., Соцэкгиз, 1937, 571 стр.

Ред.: А. Васютинский.— «Историк-марксист», 1937, № 5, 6, стр. 232—234.

93. Ред.: А. Пиренн. Средневековые города Бельгии **. М., Соцэкгиз, 1937, 555 стр.

1938

94. Западная Европа в XI—XV вв. [гл. 14—32].— В кн.: История средних веков. Учебник для вузов. Под ред. А. Д. Удальцова, Е. А. Косминского и О. Л. Вайнштейна, т. 1, ч. 2. М., Соцэкгиз, 1938, стр. 237—544.

2-е изд.: М., 1941.

95. Курс всеобщей истории. Средние века. Стенограммы лекций (1—16), прочитанных в Высшей школе пропагандистов им. Я. М. Свердлова при ЦК ВКП(б) в 1938 уч. году. М., 1938.

96. Лекции по истории средних веков, ч. 1 (до XV в.). М., Учпедгиз, 1938, 480 стр. (Научно-методический кабинет НКП РСФСР по заочному обучению).

Ред.: С. Фрязинов. Первый опыт учебного пособия для заочников по истории средних веков.— «Книга и пролетарская революция», 1939, № 7—8, стр. 102—106.

97. Ред.: История средних веков, т. 1, ч. 1, 2. Учебник для вузов, под ред. А. Д. Удальцова, Е. А. Косминского и О. Л. Вайнштейна. М., Соцэкгиз, 1938, 592 стр. Литература на стр. 577—583.

2-е изд. 1-го тома: М., Госполитиздат, 1941. Учебник для вузов вышел на армянском языке в Ереване в 1939 г.; на украинском — в Киеве в 1939 г.

97а. Подготовка к печати: К. Маркс. Хронологические выписки. I.— Архив Маркса и Энгельса, т. V, под ред. В. В. Адоратского. М., 1938, VII, 424 стр.

1939

98. К выходу в свет первой тетради «Хронологических выписок» К. Маркса. М., Госполитиздат, 1938.— «Большевик», 1939, № 3, стр. 89—95.

99. «Хронологические выписки» К. Маркса. [По истории средних веков].— «Пролетарская революция», 1939, № 1, стр. 180—191. О работе Маркса над хронологическими выписками.

100. Подготовка к печати [совместно с В. А. Гиадиным]: К. Маркс. Хронологические выписки. II.— Архив Маркса и Энгельса, т. VI, под ред. М. Б. Митина. М., Госполитиздат, 1939, V, 414 стр.

101. Вторая тетрадь «Хронологических выписок» Маркса.— «Партийное строительство», 1939, № 17, 18, стр. 73—78 (см. № 100).

102. История средних веков. Методическое пособие для VI—VII классов средней школы, вып. 2. М., Учпедгиз, 1939, 344 стр. [Совместно с С. Д. Скажковым и др.].

* H. Pirenne. Histoire de Belgique, vol. 3—4. Bruxelles, 1923—1927.

** H. Pirenne. Histoire de Belgique, vol. 1—2. 3-ème éd. Bruxelles, 1929.

Вышло на украинском языке в Киеве в 1939 г. Рец.: Л. Мордухович.— «Учительская газета», 12.I.1941, стр. 4.

103. Средние века в изображении германских расистов.— Об. «Против фашистской фальсификации истории». М.— Л., Изд-во АН СССР, 1939, стр. 104—134.

104. Ред.: Программный материал по истории для VIII—X классов средней школы. М., 1939, 88 стр. [совместно с др.].

104а. Задачи кафедры средневековой истории.— «Пролетарские кадры». М., 1939, № 31.

1940

105. Подготовка к печати [совместно с В. А. Гиляным]: К. Маркс. Хронологические выписки. III.— Архив Маркса и Энгельса, т. VII, под ред. М. В. Митина. М., Госполитиздат, 1940, VII, 402 стр.

106. Английский абсолютизм. Буржуазная революция в Англии в XVII веке. Стенограмма лекций, прочитанных в Высшей партийной школе при ЦК ВКП(б) 13 и 16 марта 1940 г. М., 1940, 72 стр.

107. Английское крестьянство в XIII веке. I. К вопросу о расхождении английской деревни.— «Уч. зап. МГУ», 1940, вып. 41, стр. 113—138.

Продолжением очерка является статья «Английское крестьянство в XIII веке». [II] (см. № 119).

108. Столетие преподавания истории средних веков в Московском университете.— «Историк-марксист», 1940, № 7, стр. 101—105.

109. Учебник истории средних веков. (Новые учебники для средней школы).— «Учительская газета», 5, XII 1940, стр. 4.

Статья написана в связи с выходом учебника: История средних веков (см. № 111).

110. Ред.: История средних веков. Программа VI—VII классов.— В кн.: «Программы средней школы. История древнего мира. История средних веков для V—VII классов». М., 1940, стр. 19—27.

111. Ред.: История средних веков. Учебник для VI—VII классов средней школы, под ред. Е. А. Косминского. М., Учпедгиз, 1940, 288 стр.

Переиздания: 2-е изд. 1941; 3-е изд. 1945; 4-е изд. 1946; 5-е изд. 1947; 6-е изд. 1948.

Рец.: А. Палич. Новые учебники по истории.— «Правда», 28, VIII 1940, стр. 4; В. Поршнев. Учебники истории средних веков.— «Правда», 23, XII 1940, стр. 3; А. Григорьев. Учебник по истории для школы.— «Учительская газета», 4, IX 1940, стр. 4; Д. Давидович. Новые учебники по истории.— «Комсомольская правда», 22, XI 1940, стр. 2; З. Мосина.— «Историк-марксист», 1941, № 1, стр. 128—129; П. Баранов. Средние века и их история.— «Северный рабочий», 5, II 1941, стр. 2; Н. Яковлев. О школьных учебниках по истории.— «Культура и жизнь», 30, XI 1940, стр. 4.

Учебник истории средних веков для средней школы под ред. Е. А. Косминского переводился на языки народов СССР и многократно издавался в союзных и автономных республиках, в национальных округах СССР, а также в странах народной демократии.

112. Варварские государства и Византия. Дипломатия периода феодальной раздробленности.— В кн.: «История дипломатии», т. I, под ред. В. П. Потемкина. М., Соцгиз, 1941, стр. 89—133. [Совместно с С. В. Бахрушиным].

113. Дипломатия периода укрепления феодальной монархии.— Там же, стр. 134—166.

114. Об «Истории средних веков». — «Исторический журнал», 1941, № 2, стр. 127—130. Статья написана в связи с выходом учебника для средней школы (см. № 111).

115. Роль русских историков в разработке истории Англии.— «Исторический журнал», 1941, № 10—11, стр. 89—99.

116. Ред.: История средних веков, т. 1, 2-е изд. Учебник для вузов, под ред. А. Д. Удальцова, Е. А. Косминского и О. Л. Вайнштейна. М., 1941, 508 стр. (см. № 94).

117. Ред.: Объяснительная записка к программе для VI—VII классов.— В кн.: «Программы средней школы. История древнего мира. История средних веков для V—VII классов». М., 1941, стр. 18—21. [Совместно с С. Д. Скажинным].

118. Ред.: Программа по истории средних веков для VI—VII классов.— Там же, стр. 22—30. [Совместно с С. Д. Скажинным].

119. Английское крестьянство в XIII веке, [II] «К вопросу о свободном держании». — Сб. «Средние века», вып. 1. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1942, стр. 43—65 (см. № 107).

120. Задачи советской исторической науки в области изучения средних веков. [Передовая].— Там же, стр. 3—6. [Не подписана].

121. Изучение истории средних веков за 25 лет.— В кн.: «Двадцать пять лет исторической науки в СССР». М.—Л., 1942, стр. 209—215. Сокращенный перевод на англ. яз.: Medieval Studies in the USSR. (The following extract, from a contribution by E. A. Kosminsky to «Twenty-five Years of Historical Science in the USSR» (publ. by the Academy of USSR, 1942), has been translated and communicated to the Institute of Historical Research by V. Minorsky).— In: «Bull. of the Institute of Historical Research», London, 1943, vol. XX, № 59, p. 19—21.

122. Ледовое побоище.— «Вестн. АН СССР», 1942, № 4, стр. 89—95.

123. Фашистская фальсификация истории средних веков.— «Исторический журнал», 1942, № 9, стр. 40—49.

124. История средних веков. Раздел в статье: Преподавание всеобщей истории в средней школе в дни Отечественной войны против германского фашизма.— Там же, № 3—4, стр. 124—127.

125. Преподавание истории в условиях Великой Отечественной войны, вып. 2. Ташкент, Узбекгиз, 1942.

Е. А. Косминским написаны введение и статьи: «Англия XII—XV веков»; «Жанна д'Арк»; «Чехия XV века»; «Нидерландская революция»; «Английская буржуазная революция».

126. Ред.: Преподавание истории в условиях Великой Отечественной войны. Методическое пособие для учителей средней школы Узбекской ССР, вып. 1—4. Ташкент, Узбекгиз, 1942. [Совместно с А. М. Панкратовой и А. Д. Удальцовым].

1943

127. Рец.: Л. Герман и Ф. Потемкин. Учение Клаузевица о войне. Ташкент, Узбекина, 1943, 116 стр.— «Исторический журнал», 1943, № 8—9, стр. 100—102.

1944

128. Мелкая вотчина в средневековой Англия.— «Изв. АН СССР», сер. истории и философии, 1944, т. 1, № 4, стр. 145—161.

129. Русская историческая наука и ее достижения. Тезисы доклада. В кн.: «Роль русской науки в развитии мировой науки и культуры». Научная конференция 5—12 июля 1944 г. М., Изд-во МГУ, 1944, стр. 12, 13.

1945

130. Аграрная история Англии и русская историческая школа.— «Изв. АН СССР», сер. истории и философии, 1945, т. 2, № 3, стр. 140—147. Резюме на англ. яз.

Доклад на заседании отделений истории и философии Академии наук СССР 18 июня 1945 г., посвященном 220-летию Академии наук.

131. Вольтер и историческая наука.— «Изв. АН СССР», сер. истории и философии, 1945, т. 2, № 1, стр. 14—26.

Доклад на объединенном заседании отделений истории и философии, литературы и языка Академии наук СССР 27 ноября 1944 г., посвященном 250-летию Вольтера.

132. Вопрос о рабочей силе в английской феодальной вотчине XIII века.— «Вопросы истории», 1945, № 1, стр. 59—83.

133. Изучение истории Западного средневековья. [Работы русских дореволюционных и советских историков].— «Вестн. АН СССР», 1945, № 10, 11, стр. 43—70.

134. Методика исторического семинария для начинающих.— В кн.: «Учебно-методическая конференция 7—13 июня 1945 г. Тезисы докладов». М., Изд-во МГУ, 1945, стр. 75, 76.

135. Методика исторического семинария (просеминария) для начинающих.— В кн.: «Доклады и сообщения исторического факультета Моск. гос. ун-та им. Ломоносова», вып. 3. М., 1945, стр. 38—44.

136. Исторические судьбы Восточной Пруссии.— «Правда», 2. II, 1945, стр. 4.

137. Рец.: Византийский сборник. Отв. ред. Е. А. Кошминский. М.-Л., Изд-во АН СССР, 1945, 474 стр.

138. Russian Scholars Show Great Interest in English History.— «Moscow News», 1945, № 56, p. 4.

1946

139. Подготовка к печати [совместно с В. А. Гиляновым]: К. Маркс. Хронологические выписки. IV.— Архив Маркса и Энгельса, т. VIII. М., Госполитиздат, 1946, IV, 429 стр.

140. Дмитрий Моисеевич Петрушевский.— Сб. «Средние века», вып. II, посвященный памяти Д. М. Петрушевского. М., Изд-во АН СССР, 1946, стр. 5—11.

141. Манор Брамpton с XI по XVI век.— Там же, стр. 191—208.

142. Методика исторического семинара для студентов младших курсов. — «Вест. высшей школы», 1946, № 1, стр. 9—13.

143. О требованиях к новому учебнику истории средних веков. — «Преподавание истории в школе», 1946, № 5, стр. 50—61.

144. Teaching the History of the Middle Ages. — «The Slavonic Monthly», New York, 1946, Jan., p. 10, 11.

145. Ред.: Законодательство английской революции 1640—1660 гг. Сост. Н. П. Дмитриевским. М.-Л., Изд-во АН СССР, 1946. 382 стр.

146. Ред.: Сб. «Средние века», вып. II. Отв. ред. Е. А. Косминский. М., Изд-во АН СССР, 1946, 416 стр.

146а. Ред.: Программа по истории средних веков (для исторических факультетов государственных университетов и педагогических институтов). Отв. ред. Е. А. Косминский. Л., 1946.

1947

147. Аграрная история Англии и русская историческая школа. В кн. «220 лет Академии наук». Юбилейная сессия Академии наук СССР 15 июня — 3 июля 1945 г., т. 2, М.-Л., 1947, стр. 587—597.

148. Изучение истории крестьянства и аграрных отношений в Англии. В кн.: «Юбилейный сборник Академии наук СССР, посвященный тридцатилетию Великой Октябрьской социалистической революции», ч. 2, М.-Л., 1947, стр. 700—719.

Ред.: З. Мосина. Юбилейный сборник, посвященный тридцатилетию Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1947. — «Вопросы истории», 1948, № 1, стр. 127. [О статье Е. А. Косминского].

149. Исследования по аграрной истории Англии XIII в. М.-Л., Изд-во АН СССР, 1947, 485 стр. (См. перевод на англ. яз. № 229).

Ред., отзывы: Рефераты научно-исследовательских работ за 1945 г. АН СССР. Отделение истории и философии. М.-Л., 1947, стр. 26. (реферировано до выхода в свет книги); М. С. — «Вопросы истории», 1947, № 5, стр. 169; Б. Ф. Поршнев. — «Советская книга», 1948, № 2, стр. 70—75; В. Ф. Семенов. — «Вопросы истории», 1948, № 2, стр. 141—145; Б. Примов. Истор. предпед. София, 1948, т. 4, 5, стр. 586—591. М. Malowist. «Przegląd historyczny», Warszawa, 1948, t. 38, s. 306—311; N. Casirowska. Problem genezy kapitalizmu w radzieckiej i literaturze historycznej. — «Myśl współczesna. Czasopismo naukowe», Warszawa — Łódź, 1949, № 12(43), s. 352—362; M. Postan. Some Economic Evidence of Declining Population in the Later Middle Ages. — «Econom. Hist. Review», 1950, vol. 2, № 3, p. 221—246; M. Postan. The Manor in the Hundred Rolls. — «Econom. Hist. Review», 1950, vol. 3, № 1, p. 119—125; R. Hilton. Gloucester Abbey Leases of the Late Thirteenth Century. — «University of Birmingham Hist. Journ.», 1953, vol. IV, № 1, p. 1—17.

150. О развитии исторической науки в СССР и, в частности, средневековья. Раздел в статье: «Под знаменем Великого Октября. XXX». — «Вест. АН СССР», 1947, № 11, стр. 91—92.

Статья написана к 30-летию Великой Октябрьской социалистической революции. С портретом автора.

151. Идеино-политическое воспитание на уроках истории средних веков. — «Советская педагогика», 1947, № 5, стр. 3—17.

152. О требованиях к новому учебнику истории средних веков.— Там же, № 8, стр. 22—34.

153. Ред.: «Византийский временник», вып. 1. Отв. ред. Е. А. Косминский. М., Изд-во АН СССР, 1947, 385 стр.

154. Ред.: История средних веков. Объяснительная записка (к программе VI—VII классов).— В кн.: «Программа средней школы. История древнего мира. История средних веков — V—VII классы». М., Учпедгиз, 1947, стр. 11—14. [Совместно с С. Д. Сказанным].

155. Ред.: Программы по истории средних веков (для VI—VII классов средней школы).— В кн.: «Программы средней школы. История древнего мира. История средних веков — V—VII классы». М., Учпедгиз, 1947, стр. 14—20. [Совместно с С. Д. Сказанным].

156. Ред.: Программа средней школы. Проект. Всеобщая история. История СССР. М., Учпедгиз, 1947. История средних веков, стр. 33—39.

1948

157. Вольтер как историк.— В кн. «Вольтер» (сборник статей). М.—Л., Изд-во АН СССР, 1948, стр. 151—182.

158. Вопросы аграрной истории Англии в XV веке.— «Вопросы истории», 1948, № 1, стр. 59—76.

Об этой работе см. M. Malowist. Zagadnienie kryzysu feodalizmu w XIV—XV ww. świetle najnowszych badań.— «Kwartalnik historyczny», Warszawa, 1953, № 1, str. 98.

159. Задачи изучения истории средних веков в школе. Вступительная статья.— В кн.: Ю. А. Бер (и др.). Методическое пособие по истории средних веков. М., 1948, стр. 3—28 (см. № 161).

160. Идеино-политическое воспитание на уроках истории средних веков.— Сб. «Идеино-политическое воспитание на уроках истории». М., 1948, стр. 66—85.

161. Ред.: Ю. А. Бер, М. А. Зияновьев, А. Д. Эпштейн. Методическое пособие по истории средних веков для преподавателей средней школы, под ред. Е. А. Косминского. М., Учпедгиз, 1948 (см. № 159).

162. Ред.: Ф. И. Успенский. История Византийской империи, т. 3, М., 1948, стр. 860.

1949

163. История средних веков. Учебник для VI—VII классов средней школы. М., Учпедгиз, 1949, 271 стр.

Новый учебник, написанный Е. А. Косминским.

Ред.: Ю. Корхов.— «Преподавание истории в школе», 1950, № 2, стр. 72—75.

Переиздания: 2-е изд. 1950; 3-е изд. 1951; 4-е изд. 1952; 5-е изд. 1953.

Учебник переводился на языки народов СССР и многократно издавался в союзных и автономных республиках, в национальных округах СССР, а также в странах народной демократии.

164. План-программа курса «История средних веков». Для исторических факультетов гос. университетов и педагогических институтов. М., 1949, 7 стр.

165. Программа курса «Истории средних веков». Для исторических факультетов гос. университетов и педагогических институтов, М., 1949, 23 стр.

Программа вышла на украинском языке в Киеве в 1950 г.; на армянском — в Ереване в 1950 г.; на таджикском — в 1952 г.

166. Ред.: «Византийский временник», вып. II. Отв. ред. Е. А. Косминский. М.-Л., Изд-во АН СССР, 1949, 426 стр.

167—168. Ред.: В. Ф. Семенов. Огораживания и крестьянские движения в Англии XVI века. М.-Л., Изд-во АН СССР, 1949, 369 стр.

1950

169. Ред.: «Византийский временник», вып. III. Отв. ред. Е. А. Косминский. М.-Л., Изд-во АН СССР, 1950, 438 стр.

1951

170. Итоги и задачи советского византиноведения.— «Вест. АН СССР», 1951, № 5, стр. 62—75; то же: «Изв. АН Арм. ССР», обществ. науки, Ереван, 1951, № 3, стр. 3—20.

Доклад на Объединенной сессии 26 октября — 1 ноября 1950 г. в Ереване, организованной совместно Отделением общественных наук АН СССР и Отделением общественных наук АН Арм. ССР в связи с 30-летием установления Советской власти в Армении.

171. К вопросу об образовании английской нации.— «Вопросы истории», 1951, № 9, стр. 43—55.

Сокращенный перевод этой статьи помещен в журнале: «Anglo-Soviet Journal», London, 1952, vol., XIII, № 2, p. 17—25 (см. № 181).

Рец.: J. Polišenský.— «Československý časopis historický». Praha, 1953, № 1, s. 89—91.

172. Классовая борьба в английской деревне XIII—XIV веков. (Очерки новейшей историографии).— Сб. «Средние века», вып. III. М., Изд-во АН СССР, 1951, стр. 269—286.

173. О проблеме классовой борьбы в эпоху феодализма.— «Изв. АН СССР», сер. истории и философии, 1951, т. 8, № 3, стр. 237—255.

По поводу статей В. Ф. Поршнева (в «Изв. АН СССР», сер. истории и философии, 1948, № 6; 1949, № 6; 1950, № 3 и 5) по вопросу о роли классовой борьбы в эпоху феодализма.

174. Ред.: «Византийский временник», вып. IV. Отв. ред. Е. А. Косминский. М., Изд-во АН СССР, 1951, 383 стр.

175. Ред.: Сборник документов по социально-экономической истории Византии. Отв. ред. Е. А. Косминский. М., Изд-во АН СССР, 1951, 320 стр.

176. Ред.: Сб. «Средние века», вып. III. Отв. ред. Е. А. Косминский. М., Изд-во АН СССР, 1951, 315 стр.

177. Ред.: Прокопий из Кесарии. Война с готами. Перев. с греч. С. П. Кондратьева. Отв. ред. Е. А. Косминский. М., Изд-во АН СССР, 1950, 513 стр.

178. Ред.: Атлас истории средних веков. Под общей ред. акад. Е. А. Косминского и доцента А. П. Левандовского. М., 1951, 65 стр. Переиздания: 1952 — 1955; 2-е изд. 1956 — 1961.

179. История средних веков, т. I. Учебник для вузов, под ред. акад. Е. А. Косминского и чл.-корр. АН СССР С. Д. Сказкина. М., Госполитиздат, 1952.

В этом томе учебника Е. А. Косминским написано наибольшее число глав (главы 1—3, 7, 11, 12, 17, 19, 20 и § 3 гл. 13). Кроме того, ряд глав и параграфов написан совместно с другими авторами.

Учебник для вузов вышел на украинском языке в Киеве в 1954 г.; на болгарском — в Софии в 1954 г.; на венгерском — в Будапеште в 1954 г.; на китайском — в 1957 г.; на румынском — в Бухаресте в 1958 г.

180. На конференции польских историков. — «Изв. АН СССР», сер. истории и философии, 1952, т. 9, № 3, стр. 273—279.

Сообщение о работах конференции в Отводке в декабре 1951—январе 1952 гг. (см. № 189).

181. The Formation of the English Nation. — «Anglo-Soviet Journal», 1952, vol. XIII, № 2, p. 17—25 (см. № 171).

182. The Soviet Union and Britain. — «News», Moscow, 1952, № 21, p. 9—11.

183. Das Problem des Klassenkampfes in der Epoche des Feudalismus. Zu den Artikeln von B. F. Porschnew. — «Sowjetwissenschaft. Gesellschaftswissenschaftliche Abteilung», 1952, № 3, s. 460—482.

184. Ред.: «Византийский временник», вып. V. Отв. ред. Е. А. Косминский, М., Изд-во АН СССР, 1952, 302 стр.

185. Ред.: История средних веков, т. I. Учебник для вузов, М., Госполитиздат, 1952, 748 стр. [совместно с С. Д. Сказкиным].

Рец.: С. Архангельский, А. Зимин, Б. Поршнев, — «Коммунист», 1953, № 17, стр. 112—124; Г. А. Максимович. Заметки об учебнике «История средних веков», т. I. — «Вопросы истории», 1954, № 5, стр. 171—173; Я. Ф. Ривкин. Заметки об учебнике средних веков, т. I. — Там же, стр. 173—174; С. М. Стам. Заметки об учебнике «История средних веков», т. I. — Там же, № 6, стр. 156—160. А. П. Каждан. — Сб. «Средние века», вып. VII, М., Изд-во АН СССР, 1955, стр. 337—352; D. Kandzajov, J. Polišenský, L. Hrabova (и др.). — «Sovětská historie», Praha, 1954, № 3, str. 418—429.

186. Ред.: А. П. Каждан. Аграрные отношения в Византии. XIII—XIV вв. М., Изд-во АН СССР, 1952, 242 стр.

187. Ред.: Программы средней школы. М., Учгедгиз, 1952, 30 стр. История древнего мира. История средних веков. (Для VI—VII классов). [Совместно с С. Д. Сказкиным].

188. Ред.: Р. Хилтон и Г. Фаган. Восстание английского народа в 1381 г. Перев. с англ. Ф. А. Котан-Бернштейн. М., ИЛ, 1952, 193 стр. Предисловие, стр. 3—16.

1953

189. Aktualne zagadnienia mediewistyki marksistowsko-leninowskiej. — In: «Pierwsza konferencja metodologiczna historyków polskich». Przemówienia. Referaty. Dyskusja, T. 1. Warszawa, 1953, s. 349—366.

Доклад на конференции польских историков в Отводке 4 января 1952 г. (см. № 180).

190. Postępowść i wsteczność folwarku pańszczyźnianego. O przewyższenie okcydentalizmu. Historyczne znaczenie Słowian. (Podsumowanie dyskusji).— Ibid., str. 518—521.

191. Zagadnienie powstawania narodów burżuazyjnych.— Ibid., t. 2, str. 181—184.

192. Soviet Studies in English History.— «Anglo-Soviet Journal», London, 1953, vol. XIV, № 1, p. 4—9.

Доклад, прочитанный в Оксфордском, Кембриджском, Бармингемском и Лондонском университетах.

193. Soviet Delegation in Britain.— «News», M., 1953, № 1, p. 9, 10.

194. English Impression, part I—III.— Ibid, № 4, p. 6—8; № 7, p. 6—9; № 9, p. 9, 10.

Части II и III посвящены «Историсофии» историка Арнольда Тойнби (Professor Toynbee's Ideological Exertions).

195. For Peaceful Settlement of Undecided Issues.— Ibid., № 18, p. 1, 2.

196. Ред.: «Византийский временник», вып. VI. Отв. ред. Е. А. Косминский, М., Изд-во АН СССР, 1953, 414 стр.

197. Ред.: Н. А. Сидорова. Очерки по истории ранней городской культуры во Франции, М., Изд-во АН СССР, 1953, 501 стр.

198. Ред.: Сб. «Средние века», вып. IV. Отв. ред. Е. А. Косминский, М., Изд-во АН СССР, 1953, 383 стр.

1954

199. Английская буржуазная революция XVII в. и ее место во всемирной истории.— В кн.: «Английская буржуазная революция XVII века», под ред. акад. Е. А. Косминского и канд. историч. наук Я. А. Левицкого, т. I, М., 1954, стр. 7—20.

200. Основные направления в историографии английской буржуазной революции.— Там же, т. II, М., 1954, стр. 217—238.

201. Заключение.— Там же, стр. 239—246.

202. История средних веков. Учебник для VI—VII классов средней школы. М., Учпедгиз, 1954, 192 стр.

Переиздания: 2-е изд. 1955; 3-е изд. 1956; 4-е изд. 1957; 5-е изд. 1958; 6-е изд. 1959; 7-е изд. 1960; 8-е изд. 1961.

203. Happy New Year! — «News», M., 1954, № 1, p. 1, 2.

204. Britain and E. D. C. (European Defence Community). Ibid., № 7, p. 4, 5.

205. Franklin Delano Roosevelt.— Ibid., № 8, p. 7, 8.

206. Ukraine's Reunion with Russia: 300th Anniversary.— Ibid., № 11, p. 4, 5.

207. Negotiations: The Way to Peace.— Ibid., № 14, p. 29, 30.

208. The Hopeful Road to Peace. The «Picture Post's Forum».— Ibid., № 18, p. 3—5.

209. Growing Cultural Relations Between the British and Soviet Peoples.— «VOKS Bulletin», M., 1954, № 1, p. 61—63.

210. The Anglo-Soviet Journal.— «Anglo-Soviet Journal», London, 1954, vol. XV, № 2, p. 32—34.

О роли журнала «Anglo-Soviet Journal» в развитии культурных связей.

211. Ред.: Английская буржуазная революция XVII века, т. I—II, под ред. акад. Е. А. Косминского и канд. историч. наук Я. А. Левицкого, М., Изд-во АН СССР, 1954.

Рец.: «Вестн. АН СССР», 1954, № 9, стр. 108; В. М. Лавров-ский.— Сб. «Средние века», вып. VII. М., Изд-во АН СССР, стр. 361—372. [С. Д. Сказкин]. S. Skazkin. The English Revolution Through the Eyes of Soviet Historians.— «News», М., 1955, № 2, р. 28; К. Хилл.— «Вопросы истории», 1955, № 3, стр. 187—194; С. Hill. A Soviet View of the English Revolution.— «World news», 1955, vol. 2, № 30, p. 587, 588; С. Hill. «English Historical Review», London, 1950, vol. LXXI, № 280, p. 458—462; K. Piwarski. «Przegląd historyczny», Warszawa, 1956, № 1, str. 200—211.

212. Ред.: Бакон Фрэнсис. Новая Атлантида. Перев. с англ. З. Е. Александровой. Статьи и примечания Ф. А. Коган-Бернштейн. М., Изд-во АН СССР, 1954, 292 стр.

213. Ред.: Сб. «Средние века», вып. V. Отв. ред. Е. А. Косминский, М., Изд-во АН СССР, 1954, 409 стр.

1955

214. Основные проблемы западноевропейского феодализма в советской исторической науке.— В серии «Доклады советской делегации на X Международном конгрессе историков в Риме». М., Изд-во АН СССР, 1955, стр. 1—44. Перевод: «Basic Problems of West-European Feudalism as Reflected in Soviet Historical Science.— Ibid., p. 45—88.

Напечатано также в кн.: «X международный конгресс историков в Риме. Сентябрь 1955 г. Доклады советской делегации». М., 1956, стр. 409—439.

215. Эволюция форм феодальной ренты в Англии в XI—XV веках.— «Вопросы истории», 1955, № 2, стр. 44—60.

Перевод этой статьи напечатан в журнале «Past and Present», 1955 (см. № 223), и в двух японских журналах: «Сэйе он Кэн'кю», 1955, № 16, стр. 35—55; «Комамотосёдай ронсю», 1955, № 2, стр. 94—117.

Рец.: P. Graus.— «Československý časopis historický», Praha, 1955, № 3, str. 531—532.

216. Happy New year! — «News», М., 1955, № 1, p. 1, 2.

217. The President America Choose Four Times. Commemorating 73 Years Since the Birth of Franklin D. Roosevelt.— Ibid., № 3, p. 10.

218. The Anglo-Soviet Treaty; «Past and Present».— Ibid., № 7, p. 3—5.

219. May Day and Peace.— Ibid., № 9, p. 1—3.

220. Mrs. Dean Misfires.— Ibid., № 12, p. 20, 21.

По поводу статьи, напечатанной в журн. «Foreign Policy Bulletin»: What Are Russia's National Interests?

221. Mutual Confidence: The Basis for Peace.— «News», М., 1955, № 15, p. 12, 13.

222. Soviet Scholars at the Tenth Congress of Historians.— Ibid., № 20, p. 11, 12.

223. The Evolution of Feudal Rent in England from the XIth to the XVth Centuries.— «Past and Present», 1955, № 7, p. 12—36 (см. № 215).

224. Ред.: Сб. «Средние века», вып. VI. Отв. ред. Е. А. Косминский, М., Изд-во АН СССР, 1955, стр. 488.

225. Ред.: Сб. «Средние века», вып. VII. Отв. ред. Е. А. Косминский, М., Изд-во АН СССР, 1955, 406 стр.

226. Жизнь и деятельность Т. Н. Грановского.— «Вестник МГУ», сер. обществ. наук, 1956, № 4, стр. 119—128.

Доклад, прочитанный 22 октября 1956 г. на торжественном заседании, посвященном столетию со дня смерти Т. Н. Грановского.

227. Задачи изучения истории средних веков в школе.— В кн.: «Пособие по истории средних веков для учителей VI—VII классов. (Материалы к урокам)», под ред. акад. Е. А. Косминского, М., 1956, стр. 3—25. Книга переведена на казах. язык. Алма-Ата, Казах. Гос. Учпедгиз, 1959, 387 стр.

228. За укрепление дружественных отношений между СССР и Англией. «Правда», 19.III 1956, стр. 3.

229. Studies in the Agrarian History of England in the Thirteenth Century. By E. A. Kosminsky. Ed. by R. H. Hilton. Transl. from Russian by R. Kisch. Oxford. Blackwell, 1956, XXVII, 370 p. («Studies in the Medieval History», № 8). Перевод кн.: Исследования по аграрной истории Англии XIII в. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1947, 485 стр. Рецензии и ссылки зарубежных историков на книгу Е. А. Косминского: T. A. Aston. The English Manor. (Review article).— «Past and Presents», London, 1956, Novem., № 10, p. 6—14; Marx and Middle Ages.— «Economist», London, 1956, № 5901, p. 1041, 1042; H. R. Trevor Roper. Marx and Manor.— «New Statesman and Nation», London, 1956, June 2, vol. 51, № 1316, p. 635, 636; W. Abel. «Hist. Zeitschr.», München, 1957, Bd. 184, Hf. 2, S. 456, 457; «Annual Bulletin of Historical Literature», London, Hist. association, 1957, № XVII, p. 18. N. G. Butlin. «Australian Journ. of Politics and History», Brisbane, 1957, vol. 12, № 2, p. 255, 256; Cole W. A. Social Relationship in the Medieval Manor.— «Anglo-Soviet Journ», 1957, vol. 18, № 1, p. 32, 33. Сокращено из: «History Information Bulletin», vol. 3, № 2 (Society for Cultural Relations with the USSR); Х. Фудзивара Ситаку дзасси (Historical Journal of Japan), Токио, 1957, т. 66, № 1, p. 76—79; Lennard R. «History», Cambridge, 1957, vol. 42, № 144, p. 49—51; C. H. Martin «Agric. Hist. Review», London, 1957, vol. 5, pt. 2, p. 104, 105; Miller E. «Econ. Hist. Review», London, 1957, vol. 9, № 3, p. 499—501; Е. Миёси. «Рэксисаку кан'кю», Токио, 1957, № 206, p. 32—36; R. de Roover. «Amer. Econ. Review», 1957, vol. XLVII, № 5. Richmond, p. 710—712; J. R. Strayer. «Journ. of Econ. History», New York, 1957, vol. 17, № 3, p. 494—496; Е. Танака. «Рэксисаку Кан'кю» («Journ. of Hist. Sciences»). Tokyo, 1957, Aug. № 210, p. 43—47; H. S. Hoyt. «American Hist. Review», Richmond, 1958, vol. 63, № 2, p. 385—387; M. Postan. «Engl. Hist. Review», 1958, vol. 73, № 289, p. 663—667.

230. Mission of Peace and Friendship. «News», M., 1956, № 1, p. 3, 4.

231. Peace — Must Indeed Be Waged — Ibid., № 3, p. 7—9.

232. Mission of Peace and Friendship.— Ibid., № 6, p. 5—7.

233. England Revisited.— Ibid., № 17, p. 4, 5.

234. Heralds of Peace and Goodwill.— «Soviet Weekly», London, 1956, 5 Apr., p. 6.

235. Ред.: «Византийский временник», вып. VIII. Отв. ред. Е. А. Косминский, М., Изд-во АН СССР, 1956, 396 стр., вып. IX, 1956, 300 стр., вып. X, 253 стр.

236. Ред.: «Пособие по истории средних веков для учителей VI—VII классов. (Материалы к урокам)», под ред. Е. А. Косминского. М., Учпедгиз, 1956, 358 стр. Переведено на украинский язык.— Киев, 1956, 347 стр.

1957

237. Англия в XIV—XV вв. Восстание Уота Тайлера. В кн.: «Всемирная история» в десяти томах, т. 3, М., Госполитиздат, 1957, гл. XLI, стр. 660—675. Е. А. Косминским написаны стр. 660—672. Подраздел «Развитие литературы» написан Я. А. Левинским (стр. 672—675).

238. Были ли XIV и XV века временем упадка европейской экономики. По поводу доклада на X Международном Конгрессе историков: «Европейская экономика в течение двух последних столетий средневековья».— Сб. «Средние века», вып. X, М., Изд-во АН СССР 1957, стр. 257—274. Статья помещена также в сборнике в честь Армандо Сапори на французском языке (см. ниже № 242).

239. Историческая философия Арнольда Тойнби.— «Вопросы истории», 1957, № 1, стр. 130—140. (Об ист.-философ. концепции английского историка, изложенной в его труде «Изучение истории»). Библиогр. в подстроч. прим.

Ред.: Czy cywilizacja zachodnia jest zagrożona? Historiozofia Arnolda Toynbee.— «Kultura i społeczeństwo». Warszawa, 1957, t. 1, № 2, str. 192—193.

240. Сорок лет советской средневековедения. «Вопросы истории», 1957, № 11, стр. 186—205. [Совместно с Е. В. Гутновой и Н. А. Сидоровой].

Обширная библиография дана в подстрочных примечаниях.

241. Ответ на анкету редакции журнала «Народное образование». — «Народное образование», 1957, № 11, стр. 140.

Е. А. Косминский отметил гигантский рост грамотности в нашей стране, подъем культуры у отсталых в прошлом народностей, крупнейшую задачу по подготовке учителей-воспитателей.

242. Peut-on considérer le XIV-e et XV-e siècles comme l'époque de la décadence de l'économie européenne. In: Studi in onore di Armando Saporì. Milano, 1957, (Istituto editoriale Cisalpino) (см. № 238).

243. Historiozofia Arnolda Toynbeeho.— «Historický časopis», Bratislava, 1957, roč. V, № 4, s. 504—518. Перевод статьи Е. А. Косминского, напечатанной в «Вопросах истории» (см. № 239).

244. Historiozofia Arnolda Toynbee.— «Przegląd polsky obcy», 1957, № 8—9, str. 55—64. Перевод статьи Е. А. Косминского (см. № 239).

245. Historiozofia lui Arnold Toynbee.— «Probleme de istorie», București, 1957, № 1, p. 142—158. Перевод статьи Е. А. Косминского (см. № 239).

246. La philosophie de l'histoire d'Arnold Toynbee.— «La Pensée». Revue du rationalisme moderne, 1957, Nouv. série, № 75, Sept.—Oct. p. 51—64. Сокращенный перевод статьи Е. А. Косминского (см. № 239).

247. Angielska rewolucja Burżuazyjna XVII wieku, t. I—II. Pod redakcją członka Akademii E. A. Kosminskiego i kandydata nauk

historycznych J. A. Lewickiego. Warszawa, Państwowe wydawnictwo naukowe, 1957.

Перевод на польский язык двухтомного издания, вышедшего под ред. акад. Е. А. Косминского и канд. историч. наук Я. А. Левицкого (см. № 199).

248. Ред.: «Византийский временник», т. XII. М., Изд-во АН СССР, 1957, 358 стр. Отв. ред. Е. А. Косминский.

249. Ред.: Сб. «Средние века», вып. IX, М., Изд-во АН СССР, 1957, 384 стр.; — вып. X, 1957, 273 стр. Отв. ред. Е. А. Косминский.

250. История средних веков. Учебник для 6—7-х классов средней школы, 4-е изд. М., Учпедгиз, 1957, 190 стр.; 5-е изд., 1958, 190 стр.; 6-е изд., 1959, 224 стр.; 7-е изд., 1960, 190 стр.; 8-е изд., 1961, 190 стр.

Учебник переводился на языки народов СССР и многократно издавался в союзных и автономных республиках, в национальных округах СССР; издавался также в странах народной демократии и в Японии.

1958

251. Выступление по поводу докторской диссертации Е. Э. Липшиц на тему: «Византийское общество и его культура в VIII—IX вв.», защищавшейся в 1951 г. Краткое изложение. — «Византийский временник», 1958, т. 14, стр. 359. (Осыпова К. А. Защита диссертаций по византизоведению в Москве в 1951—1957 гг.).

252. Die Geschichtsphilosophie Arnold Toynbees. — «Aufbau», Berlin, 1958, № 2, s. 155—168.

Перевод статьи Е. А. Косминского, напечатанной в «Вопросах истории» (см. № 239).

253. Ред.: Лавровский В. М. Проблемы исследования земельной собственности в Англии XVII—XVIII вв. М., 1958, 179 стр. Отв. ред. Е. А. Косминский.

254. Ред.: «Византийский временник», т. XIII. М., Изд-во АН СССР, 1958, 371 стр., т. XIV, 384 стр. Отв. ред. Е. А. Косминский.

255. Ред.: «Средние века», вып. XI. М., Изд-во АН СССР, 1958, 238 стр.; вып. XII, 1958, 172 стр.; вып. XIII, 1958, 186 стр. Отв. ред. Е. А. Косминский.

1959

256. Варварские государства в Византия. В кн.: «История дипломатии», 2-е изд., перераб. и дополн., под ред. В. А. Зорина, В. С. Семенова, С. Д. Сказкина и В. М. Хвостова, т. I. М., Госполитиздат, 1959, стр. 99—125, Глава написана совместно с С. В. Бахрушиным.

257. Дипломатия периода феодальной раздробленности. В кн.: «История дипломатии», 2-е изд., т. I, 1959, стр. 126—145. Глава написана совместно с С. В. Бахрушиным.

258. Дипломатия периода укрепления феодальной монархии. В кн.: «История дипломатии», 2-е изд., т. I, 1959, стр. 146—217.

259. Реакционная историкософия Арнольда Тойнби. В сб.: «Против фальсификации истории». Отв. ред. В. Г. Трухановский. М., Соцгиз, 1959, стр. 67—139 (см. также № 239).

260. Ред.: Удальцова Э. В. Италия в VI веке. М., Изд-во АН СССР, 1959, 542 стр. Отв. ред. Е. А. Косминский.

261. Ред.: «Византийский временник», т. XV, М., Изд-во АН СССР, 1959, 304 стр. Отв. ред. Е. А. Косминский.

262. Ред.: «Византийский временник», т. XVI, М., Изд-во АН СССР, 411 стр. Отв. ред. Е. А. Косминский.

263. Ред.: Сб. «Средние века», вып. XIV, М., Изд-во АН СССР, 1959, 194 стр.; вып. XV, 1959, 190 стр. Отв. ред. Е. А. Косминский.

1960

264. О некоторых характерных чертах английского феодализма. В кн.: Сб. «Средние века», вып. XVII, М., Изд-во АН СССР, 1960, стр. 31—43.

265. Ред.: Левицкий Я. А. Города и городское ремесло в Англии в X—XII вв. М.—Л., Изд. АН СССР, 1960, 300 стр. Отв. ред. Е. А. Косминский.

266. Ред.: Иордан о происхождении и делениях гетов. Getica. Вступ. статья, перевод, комментарий Е. Ч. Скрипниковой. Изд-во Вост. л-ры. М., 1960, 436 стр. Отв. ред. Е. А. Косминский.

267. Ред.: «Византийский временник», т. XVII, М., 1960, 382 стр. Отв. ред. Е. А. Косминский.

АКАДЕМИКА ДУРА

1961

268. Об источниках книги Ф. Энгельса «Положение рабочего класса в Англии». Сб. «Чартизм». М., 1961, стр. 64—96.

269. Историография средних веков. V в.—середина XIX в. Лекции. Под ред. С. Д. Скажина, Е. В. Гутновой, Я. А. Левицкого. Ю. М. Сопрыкина. Изд-во МГУ, 1963, 430 стр.

270. Проблемы английского феодализма и историографии средних веков. Сборник статей. Изд-во АН СССР, 1963, 457 стр.

ЛИТЕРАТУРА, ПОСВЯЩЕННАЯ НАУЧНОЙ И ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АКАДЕМИКА Е. А. КОСМИНСКОГО

Над чем работают советские историки.— «Книга и пролетарская революция», 1938, № 12, стр. 93. Сообщение Е. А. Косминского о своей работе в МГУ и о подготовке к печати «Хронологических выписок» Маркса.

Человек большой и разносторонней культуры.— «Моск. ун-т», 1939, № 38, 17.V, стр. 3 (фото: Е. А. Косминский со студентами).

Сказки С. Д. Е. А. Косминский.— «Моск. ун-т», 1944, № 23—24, 5.VI, стр. 4. О научно-педагогической деятельности Е. А. Косминского; о его активном участии в подготовке к печати «Хронологических выписок» Маркса.

К семидесятилетию со дня рождения акад. Е. А. Косминского. «Вопросы истории», 1956, № 12, стр. 199.

К семидесятилетию академика Евгения Алексеевича Косминского. Юбилейный выпуск сборника «Средние века», вып. VIII, М., 1956, 459 стр. [порт. Е. А. Косминского].

Научная и общественная деятельность Е. А. Косминского. Сб. «Средние века», вып. VIII, М., Изд-во АН СССР, 1956, стр. 5—15.

Статья составлена Сектором истории средних веков Института истории АН СССР и Кафедрой истории средних веков историче-

ского фак-та Московского государственного ун-та им. М. В. Ломоносова.

К. Н. Татарникова. Заметки о трудах Е. А. Косминского по новой истории. Сб. «Средние века», вып. VIII, М., Изд-во АН СССР, 1956, стр. 16—19.

Евгению Алексеевичу Косминскому, выдающемуся ученому и любимому учителю, ко дню семидесятилетия — друзьям и ученикам. — «Византийский временник», т. XI, М., 1956, 355 стр. [порт. Е. А. Косминского].

Чествование академика Е. А. Косминского на торжественном заседании, посвященном 70-летию со дня рождения и 45-летию научной, педагогической и общественной деятельности Е. А. Косминского. — «Вестник АН СССР», 1957, № 7, стр. 72—73.

W. Zakrzewski. 70-lecie urodzin E. A. Kosminskiego — «Kwartalnik Hist.», Warszawa, 1957, тос. 64, № 3, стр. 269—271.

Научные труды и деятельность Е. А. Косминского. Проф. Е. В. Гутнова, проф. Н. А. Сидорова. — «Научные доклады высшей школы. Ист. науки», М., Гос. изд-во Высшая школа, 1960, № 3, стр. 153—167. Библиогр. в подстрочных прим.

Очерки истории исторической науки в СССР, т. II, под ред. М. В. Нечкиной и др. М., 1960, Изд-во АН СССР. Ссылки на историографические работы Е. А. Косминского, см. стр. 351, 373.

БСЭ, изд. 2-е, т. 23 [1953], стб. 93 [порт.]. Литература 7 назв. [1-е изд., 1937, т. 34, стб. 413]. МСЭ, 1959, 3-е изд., стр. 1284 [порт.]. Труды указаны в тексте (2-е изд. 1937, т. 5, стр. 860).

Ежегодник БСЭ, 1959, М., «Сов. энци.», 1960, стр. 600 [биографические данные].

Библиография трудов Е. А. Косминского. Сост. А. А. Крушинская. Сб.: «Средние века», вып. VIII, М., Изд-во АН СССР, 1956, стр. 20—36.

Некрологи

Евгений Алексеевич Косминский. 1886—1959. — «Вестник Акад. наук СССР», 1959, № 9, стр. 98 (подписи: Президиум АН СССР, Президиум Акад. пед. наук РСФСР; Бюро отделения историч. наук АН СССР; Ин-т истории АН СССР; Московский гос. ун-т им. М. В. Ломоносова); Н. А. Сидорова и Е. В. Гутнова. Е. А. Косминский. — «Вестник истории мировой культуры», 1960, № 2, стр. 157—161 (резюме на англ. яз., стр. 161—163); «Византийский временник», т. XVI, 1959, стр. 402—407; Е. А. Косминский. — «Вопросы истории», 1959, № 9, стр. 221; Евгений Алексеевич Косминский (1886—1959). — Сб. «Средние века», вып. XV, 1959, стр. 174—176 [порт.]; Е. А. Косминский. — «История СССР», 1959, № 5, стр. 220, 221; «Новая и новейшая история», 1959, № 5, стр. 198; «Учительская газета», 28.VII 1959; T. Manteuffel. E. A. Kosminskij (1886—1959). — «Kwartalnik Historyczny», Warszawa, 1959, № 4, стр. 1384—1385; M. Postan. Academician E. A. Kosminsky — «Times», 1959, 14.V 1959; Academician E. A. Kosminsky. — «Past and Present», London, 1959, № 16, November, p. 95.

СОДЕРЖАНИЕ

От редакционной коллегии	3
Научные труды и деятельность Е. А. Косминского 1886— 1959. Е. В. Гутнова и <u>Н. А. Сидорова</u>	5
Исследования А. Н. Савица по истории Англии	36
Роль русских историков в разработке истории Англии	61
Изучение истории западного средневековья [Работы русских дореволюционных и советских историков]	84
Аграрная история Англии и русская историческая школа	113
Изучение истории крестьянства и аграрных отношений в Англии	125
Вопросы аграрной истории Англии в XV веке	146
Классовая борьба в английской деревне в XIII—XIV вв. (Очерки новейшей историографии)	177
Основные проблемы западноевропейского феодализма в советской исторической науке	204
Эволюция форм феодальной ренты в Англии в XI—XV вв.	234
Были ли XIV и XV века временем упадка европейской экономики? По поводу доклада на Международном Конгрессе историков: «Европейская экономика в течение последних столетий средневековья»	262
Реакционная историософия Арнольда Тойнби	285
О некоторых характерных чертах английского феодализма	357
Анри Паренн — историк Бельгии	375
Вольтер и историческая наука	397
Памяти Т. Н. Грановского	418
Библиография трудов Е. А. Косминского	434

Е. А. Косминский

Проблемы английского феодализма и историографии средних веков

*Утверждено к печати Институтом истории
Академии наук СССР*

Редактор *М. М. Миронова*

Редактор Издательства *Ф. Н. Арский*

Художник *Н. П. Фролов*. Технический редактор *И. Н. Дорохина*

Слано в набор 29/VIII 1963г. Подписано к печати 23/X 1963 г.

Формат 84×108¹/₁₆. Печ. л. 14,25+1 вкл. Усл. печ. л. 23,37

Уч.-изд. л. 24,7. Тираж 1500 экз. Т—12647

Изд. № 787. Тип. зан. № 2689.

Цена 1 руб. 63 коп.

Издательство Академии наук СССР, Москва, К-62, Подсосенский пер., 21

2-я типография Издательства АН СССР, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10